

ISSN 1997-1370 (Print)
ISSN 2313-6014 (Online)

**Журнал Сибирского
федерального университета
Гуманитарные науки**

**Journal of Siberian
Federal University**

Humanities & Social Sciences

2025 18 (10)

ISSN 1997-1370 (Print)
ISSN 2313-6014 (Online)

2025 18(10)

Издание индексируется Scopus (Elsevier), Российским индексом научного цитирования (НЭБ), представлено в международных и российских информационных базах: Ulrich's periodicals directory, EBSCO (США), Google Scholar, Index Copernicus, Eriplus, КиберЛенинке.

Включено в список Высшей аттестационной комиссии «Рецензируемые научные издания, входящие в международные реферативные базы данных и системы цитирования».

Все статьи находятся в открытом доступе (open access).

ЖУРНАЛ СИБИРСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА Гуманитарные науки

JOURNAL OF SIBERIAN FEDERAL UNIVERSITY Humanities & Social Sciences

Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки.
Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Сибирский федеральный университет» (СФУ)

Главный редактор Н.П. Копцева. Редактор О.Ф. Александрова
Корректор Т.Е. Бастрыгина. Компьютерная верстка И.В. Гревцовой

*Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС 77-28723 от 29.06.2007 г.,
выданное Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций,
связи и охраны культурного наследия*

№ 10. 29.10.2025. Тираж: 1000 экз.

Свободная цена

Адрес редакции и издательства:
660041 г. Красноярск, пр. Свободный, 82, стр. 24, ауд. 117.

*Отпечатано в типографии Издательства БИК СФУ
660041 г. Красноярск, пр. Свободный, 82а.*

<http://journal.sfu-kras.ru>

Подписано в печать 20.10.2025. Формат 60х90/8. Усл. печ. л. 18,8.
Уч.-изд. л. 18,3. Бумага тип. Печать офсетная. Тираж 1000 экз. Заказ № 23363.

Возрастная маркировка в соответствии с Федеральным законом № 436-ФЗ: 16+

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Н. П. Копцева – доктор философских наук, зав. кафедрой культурологии (Сибирский федеральный университет).

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

- Е. Е. Анисимова**, д-р филол. наук, Сибирский федеральный университет, г. Красноярск.
- О. Ю. Астахов**, д-р культурологии, профессор, Кемеровский государственный институт культуры.
- А. Ю. Ближевский**, д-р пед. наук, профессор, Сибирский федеральный университет, г. Красноярск.
- Е. Б. Бухарова**, канд. экон. наук, профессор, Сибирский федеральный университет, г. Красноярск.
- З. А. Васильева**, д-р экон. наук, профессор, Сибирский федеральный университет, г. Красноярск.
- Д. Н. Гергилев**, д-р истор. наук, профессор, Сибирский федеральный университет, г. Красноярск.
- К. В. Григоричев**, д-р социол. наук, профессор, Иркутский государственный университет.
- Д. Григорова**, профессор Софийского университета им. Климента Охридского (Болгария).
- С. В. Девяткин**, канд. филос. наук, доцент, Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого, г. Великий Новгород.
- С. А. Дробышевский**, д-р юрид. наук, профессор, Сибирский федеральный университет, г. Красноярск.
- М. А. Егорова**, д-р юрид. наук, профессор, Московский государственный юридический университет им. О. Е. Кутафина.
- Е. В. Зандер**, д-р экон. наук, профессор, Сибирский федеральный университет, г. Красноярск.
- Т. Х. Керимов**, д-р филос. наук, профессор, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург.
- А. С. Ковалев**, д-р истор. наук, профессор, Сибирский федеральный университет, г. Красноярск.
- М. А. Колеров**, канд. истор. наук, действительный государственный советник РФ 1 класса, Информационное агентство Regnum, г. Москва.
- В. И. Колмаков**, д-р биол. наук, профессор, Сибирский федеральный университет, г. Красноярск.
- А. А. Кроник**, профессор, Университет Ховарда, США.
- Л. В. Куликова**, д-р филол. наук, профессор, Сибирский федеральный университет, г. Красноярск.
- В. Ю. Леденева**, д-р социол. наук, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН.
- О. В. Магировская**, д-р филол. наук, доцент, Сибирский федеральный университет, г. Красноярск.
- П. В. Мандрыка**, д-р истор. наук, профессор, Сибирский федеральный университет, г. Красноярск.
- М. В. Москалюк**, д-р искусствоведения, Сибирский государственный институт искусств им. Д. А. Хворостовского, г. Красноярск.
- В. Г. Немировский**, д-р социол. наук, профессор, Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН, г. Москва.
- Н. П. Парфентьев**, д-р истор. наук, д-р искусствоведения, профессор истории, заслуженный деятель науки РФ, Национальный исследовательский Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск.
- Н. В. Парфентьева**, д-р искусствоведения, профессор, член Союза композиторов России, заслуженный деятель искусств РФ, Национальный исследовательский Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск.
- Н. Н. Петро**, PhD, профессор общественных наук, Университет Род-Айленда, США.
- Р. В. Светлов**, д-р филос. наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет.
- А. В. Смирнов**, д-р филос. наук, член-корреспондент РАН, Институт философии РАН, г. Москва.
- А. Н. Тарбагаев**, д-р юрид. наук, профессор, заслуженный юрист России, Сибирский федеральный университет, г. Красноярск.
- Е. Г. Тарева**, д-р пед. наук, профессор, Московский городской педагогический университет.
- К. Б. Уразасва**, д-р филол. наук, профессор, Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева (Казахстан).
- И. В. Шишко**, д-р юрид. наук, профессор, Сибирский федеральный университет, г. Красноярск.

CONTENTS

Legal Anthropology: Linguistics

Ladina G. Kurilova

Dyad Forms of Nouns in Tundra Yukaghirs **1916**

Aleksandra S. Epimakhova and Elena S. Kokanova

Nenets Language in Digital Environment **1924**

Ksenia V. Shindrova, Alena S. Grigorieva,

Tatiana R. Ryzhikova and Albina A. Dobrynina

Intonation Patterns of Dialogic Speech of German Mennonites
(an Attempt of the First Experimental Prosodic Investigation) **1932**

Ninel V. Malysheva and Nina V. Turantaeva

The Reflection of Historical and Cultural Contacts
in the Dialect Vocabulary of the Sakha Language **1946**

Yekaterina P. Merkulova and Anastasia S. Gerasimova

Phraseological Unit as Nation Cultural Code **1964**

Natalia G. Milashchenko

Intertextual Properties of British and American Political Cartoons **1981**

Innara A. Guseinova and Alexey I. Gorozhanov

Targeting As a Modern Strategy of Information Influence
(Based on the Material of German-Language Electronic Media) **1992**

Yury V. Gorshunov and Elizaveta Y. Gorshunova

Famous British Sailors, Naval Commanders and Important Naval Battles
in Rhyming Slang **2004**

Sergey G. Proskurin and Anna V. Proskurina

Interiorization of the Concepts of “Faith”, “Miracle” and “Gift”
in the Pragmatic Aspect **2013**

Oxana S. Issers

The Communicative Category of Tact and Its Representation in Professional Spheres
of Communication **2022**

Olga A. Prokhorova

Manipulation as a Way of Influencing an Opponent in a Mediation Discourse **2035**

Irina V. Evseeva and Irina S. Zhmakina

The Image Potential of Russian Media Texts About the Krasnoyarsk State Opera
and Ballet Theatre as Aniconic Object of the City **2043**

Olga V. Petrova and Maria Yu. Rodionova

Literary Text, Literary Translation and Artificial Intelligence **2052**

Rafael Guzman Tirado Introduction of Innovative Internet Technologies in the Practice of Teaching Russian as a Foreign Language at the University of Granada	2060
Anastasia S. Gerasimova and Oksana A. Sheredekina The Analysis of the Ability to Mediate Highly Specialized Texts in Master's Degree Students of a Multidisciplinary University	2083
Anthropology of Education	
Nelly Kh. Savelyeva and Natalya V. Sazonova Digital Intercultural Competence of the Would-Be Lecturers: Experience of Formation in the Ural-Siberian Region	2100
Irina G. Kondrateva and Nailya F. Plotnikova Students' Soft Competences Development and Language Learning	2111
Shynaray D. Burkitbayeva, Zhanseit K. Tuimebayev and Anar Y. Shargynova Turkic Loanwords as a Linguistic Marker of China's Historical and Cultural Interactions	2120
Hua Erzhi, Ina A. Shved, Tatyana V. Poplavskaia and Ina L. Ilyicheva Situational Analysis of the Image of the Cities Brest and Hefei in the Consciousness of People of Various Linguocultures	2127

Linguistics

Лингвистика

EDN: ABHEHC
УДК 811.554

Dyad Forms of Nouns in Tundra Yukaghirs

Ladina G. Kurilova*

*The Institute for Humanities Research
and Indigenous Studies of the North SB RAS
Yakutsk, Russian Federation*

Received 01.06.2025, received in revised form 21.08.2025, accepted 22.09.2025

Abstract. This article morphological markers of the category of quantity in Tundra Yukaghirs is examined. The nouns's lexical composition contains special constructions – dyad forms, which denote a group of referents united by kinship and marital relations. They are formed using the comitative prefix *ñi(ŋ)*- and the suffixes *-ji-* and *-l'*; the first of them is identical to the indicator of multiplicity. Referents, consisting of the groups they name, can be connected by asymmetrical relations: for example, the dyad *ñi-hawd'id'ie-jil'* 'uncle and his nephew', 'mother's younger brother and his nephew' from the term *hawd'id'ie* 'uncle' is derived. The study of dyad forms is relevant for research into lexical semantics, methods of word formation, reciprocal morphology in linguistics. The aim of the study – to determine the dyad formation's specifics in Tundra Yukaghirs.

The study revealed that dyad forms are formed according to the model of substantive confixation. These forms convey the nature of reciprocal relations – kinship ties. Asymmetrical relations: mostly with consanguinity terms, symmetrical relations: mostly with affinity terms.

Keywords: Tundra Yukaghirs, category of quantity, plurality, reciprocal morphology, dyad forms, kinship terms, affinity terms, nouns, substantive confixation, semantics.

Research area: Social Structure, Social Institutions and Processes; Russian language. Languages of the peoples of Russia.

Citation: Kurilova L. G. Dyad Forms of Nouns in Tundra Yukaghirs. In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2025, 18(10), 1916–1923. EDN: ABHEHC

Диадные формы существительных в языке тундренных юкагиров

Л.Г. Курилова

Институт гуманитарных исследований
и проблем малочисленных народов Севера СО РАН
Российская Федерация, Якутск

Аннотация. В статье рассматриваются морфологические средства категории количественности в языке тундренных юкагиров. В лексическом составе существительных имеются особые конструкции – диадные формы, обозначающие группу референтов, объединенных родственными и брачными отношениями. Они образуются с помощью комитативного префикса *ньи-* и суффиксов *-йи-* и *-ль*; первый из них тождественен показателю многократности. Референты, состоящие в именуемых ими группах, могут быть связаны асимметричными отношениями: например, диада *ньихауьдиэишль* ‘дядя и его племянник’ произведена от термина *хауьдиэ* ‘дядя’.

Изучение диадных форм актуально для исследований лексической семантики, способов словообразования, реципрокной морфологии в лингвистике, что обусловило цель исследования – определение специфики образования диадных форм в языке тундренных юкагиров.

В результате изучения выявлено, что диадные формы образованы по модели субстантивной конфикации. В этих формах передается характер реципрокных отношений – семейно-родственных связей. Асимметричные отношения: в основном с терминами кровного родства, симметричные отношения: в основном с терминами свойства.

Ключевые слова: язык тундренных юкагиров, категория количественности, множественность, реципрокная морфология, диадные формы, термины родства и свойства, существительные, субстантивная конфикация, семантика.

Научная специальность: 5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы; 5.9.5. Русский язык. Языки народов России.

Цитирование: Курилова Л.Г. Диадные формы существительных в языке тундренных юкагиров. *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2025, 18(10), 1916–1923. EDN: АВНЕНС

Введение

В грамматических описаниях начального периода юкагирский язык подразделяли на два диалекта: тундренный и колымский, или лесной (Jochelson, 1905; Iohel'son, 1934; Krejnovich, 1958, 1982). Исследователь тундренного юкагирского Е.А. Крейнович предположил, что эти диалекты могут быть двумя близкородственными языками (Krejnovich, 1968, 1979). В дальнейшем развитии юкаги-

роведения эта гипотеза получила подтверждение в работах лингвистов – Е.С. Масловой (Maslova, 2003a, 2003b), И.А. Николаевой (Nikolaeva 2006, 2020), исследователей Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН. Юкагироведы выявили наличие сходств и различий в грамматических формах языковых ярусов обоих идиомов – Г.Н. Курилов в существительных (Kurilov, 2003, 2006,

2012), М. П. Лукина в наречиях (Lukina, 2014), С. Н. Курилова в местоимениях (Kurilova, 2019), А. Е. Прокопьева в деепричастиях (Prokop'eva, 2012). На основе проведенных исследований, в современном периоде стали различать два близкородственных языка – тундренных юкагигов и лесных юкагигов. В традиционном грамматическом описании получили изучение фактически все лексико-грамматические классы юкагирских языков.

В юкагироведении не исследовались количественные формы в рамке системно-функциональной грамматики как изучении единиц языка в составе категории и функционально-семантическом поле (Bondarko, 1973, 1984, 2001). Отметим наличие работ по количественной аспектуальности в языке лесных юкагигов А. Е. Прокопьевой (Prokop'eva, 2021, 2023a, 2023b) и наше исследование по функционально-семантической категории количественности в языке тундренных юкагигов в системно-функциональном подходе школы А. В. Бондарко (Bondarko, 1996). Отдельные результаты проведенного лингвистического анализа изложены в нескольких статьях (Kurilova, 2022a, 2022b, 2023).

В предлагаемой работе дается функционально-семантическая характеристика морфологических средств выражения количественности, а именно множественности. В контексте проблематики данного анализа приводятся некоторые понятия и термины когнитивной лингвистики (Evans, 2003).

Функционально-семантическое поле количественности языка тундренных юкагигов относится к полицентрическому типу, структура определяется бинарными категориями «один–два и более». В центре поля концентрируются языковые маркеры реализации основных семантических функций количественной актуализации, далее выделяются формы вторичной функции реализации количественности. ФСПК разделяется на две части, элементом единичности выражается нулевой показатель, элементами множественности – суффиксы множественного числа (Т, Л) *-нэ*, *-нул*, после которых следуют показатели совокуп-

ности, собирательности и множественности. В их числе выделяется препозитивный показатель совместности и взаимности (Т) *ньи-* / (Л) *ньэ-*.

В анализе рассматриваются существительные с (Т) *ньи-* / (Л) *ньэ-*, обнаруженные нами особые диадные формы, обозначающие родственные отношения. Термином «диадные», вслед за Н. Эвансом (Evans, 2003: 15), мы называем конструкции, имеющие группу лиц, связанных родственными и брачными отношениями. На этот предмет применялись и такие наименования, как «коррелятивные имена родства» (Danijel', 2000: 17) и принятый в уралистике термин «коннектив-реципрок» (Hajdú, 1969: 61).

Диадные формы «имеют неравномерное географическое распространение, с очагом в Океании и западной части Тихого океана, спорадическим появлением в Северной, Центральной и Восточной Азии и на западе Северной Америки и лишь случайными подтверждениями в других местах (Амазония, европейская периферия и Южная Африка)» (Evans, 2003). В Северной Азии диадные формы известны в самодийских языках (Hajdú, 1969: 61–78), практически неизвестны в юкагирских.

В языке тундренных юкагигов эти особые образования состоят из препозитивного *ньи-*, термина родства или свойства, показателя многократности *-йи-* и аффикса *-ль*.

(Т): *ньихауьдидийиль* ‘дядя и его племянник по отношению друг к другу’, *ньичуудэвчийиль* ‘родственники’, *ньикэлийиль* ‘мужчины (по отношению друг к другу), у которых жены являются сестрами’, *ньиньандыйиль* ‘два (или более) человека, придерживающиеся обычая взаимного избегания по отношению друг к другу’ (Kurilov, 2001).

Изучение диадных форм **актуально** для исследований лексической семантики, способов словообразования и реципрокной морфологии в лингвистике. Это обусловило **цель** исследования – определение специфики образования диадных форм в языке тундренных юкагигов с решением таких **задач**, как проведение структурно-

морфологического анализа выявленных лексических единиц по основам и словообразовательным средствам, определение семантических особенностей исследуемых образований.

В методологию анализа входили описательный метод, сравнительно-сопоставительный метод, структурно-морфологический и словообразовательный анализ лексем с выявлением основы и формантов, семантический и этимологический анализы для определения значения основы и деривационных показателей, методы функционально-грамматического описания: семасиологический и ономасиологический подходы.

Результаты

Модель диадной формы:

морфологические значения компонентов

Начальный препозитивный показатель диадных форм (Т) *ньи-* / (Л) *ньэ-* представляет маркер реципрока в сфере юкагирского глагола (Iohel'son, 1934; Krejnovich, 1958; Maslova, 1989; Nikolaeva, Helimskij, 1996; Kurilov, 2006). В специфике образования глаголов с комитативным префиксом (Т) *ньи-* / (Л) *ньэ-* отмечается следующее. В языке тундренных юкагиров *ньи-* определен в переходных глаголах: *ньиуалыттиим перех.* 'обменять', *ньиньунгэнгөнмиим перех.* 'проживать совместно', *ньипандильэм перех.* 'связывать', 'увязывать что-либо с чем-либо', *ньичабиим перех.* 'втыкать что-либо во что-либо', *ньичабитэм перех.* 'разжигать трения между кем-либо'. Также употребляются непереходные глаголы: *ньигизийичи неперех.* 'состязаться', 'соревноваться', *ньируосэй неперех.* 'расстаться', 'разводиться' (Kurilova, 2023:153).

После *ньи-* перед словом с начальным гласным имеется интерфикс *-н-*: *ньиугамудьиинам перех.* 'влюбиться друг в друга', *ньинганмильиим перех.* 'быть ровесником, одноклассником с кем-либо', *ньингильитэй неперех.* 'ругаться, браниться' (Kurilova, 2023:153).

В языке лесных юкагиров префиксу *ньи-* эквивалентен *ньэ-*, с ним образованы непереходные глаголы: *ньэйуо- неперех.* 'увидеться', 'встретиться', *ньэйуону- не-*

перех. 'видеться с кем-либо', 'встречаться с кем-либо', *ньэкиэйи- неперех.* 'соревноваться, состязаться (друг с другом)', *ньэкэнмиш- неперех.* 'дружить', *ньэшоромоны- неперех.* 'находиться в родстве (по отношению друг к другу)', 'породниться, обзавестись новыми родственниками' (Kurilova, 2023:153).

Посредством префикса (Т) *ньи-* / (Л) *ньэ-* производятся существительные, имена действия, наречия, причастия и послелоги с семантикой взаимности и совместности (Kurilov, 2003). В имени существительном префикс (Т) *ньи-* образует слова, выражающие совместность и совокупность субъектов и объектов (Т): *ньингойколь суц.* 'место впадения одной реки в другую', 'место слияния (рек)', *ньингомизэйрукун суц.* 'всякое, разное' (Kurilova, 2023: 154).

В языке тундренных юкагиров одним из способов образования именных слов является субстантивация лексем от глагольных основ с показателями залогов и вида действия. Диадные формы, соответствующие, образованы от глагольных основ с показателем реципрока и суффикса многократности *-йи-*, который можно проиллюстрировать следующим предложением.

(Т) *Ах уо икивийур ураальэнь, таатльэр уорпэ тудэбанэ эл амудьиину* 'Дети его не любят, потому что **все время попугивает** детей' (Kurilov, 2001: 91).

Конечный, словооформляющий показатель диадной формы – именной суффикс *-ль*, у которого синхронно нет собственного значения, присоединяется к разным существительным: *хархиль* 'яр', 'крутой обрыв', *удиль* 'стерх', *ньориль* 'лужа', *мархиль* 'девушка', *мумуль* 'панты оленя' (Kurilov, 2003: 149).

Как было выше означено, диадные формы произведены от глагольных основ с показателями реципрока (*ньи-*) и многократности (*-йи-*):

(Т) *Тэн тунгунньэн мэ ньинаслыйий-эн* 'Вот с этим являюсь ньинаслыйиль' (Kurilov, 2001: 318).

Лексема *ньинаслыйиль* понимается как: 'два брата (или две сестры) по отношению друг к другу, если между ними нет других братьев (или сестер)'. Производящая глагольная основа *ньинаслыйи-* состоит

из *нын-*, основы *аслыи-* (3 л. *мэр аслыиим*; *аслыиил*) *перех.* ‘иметь кого-л., родившегося в семье непосредственно за говорящим’, аффикса многократности *-йи-*. Соответственно, термин родства *аслэ* ‘единоутробный брат (или сестра), родившийся в семье непосредственно за говорящим’.

(Т) *Экыа Анна мэтханэ монтэй*: «*Катя мэт мэр аслыиим*». ‘Моя старшая сестра Анна обо мне скажет: «В лице Кати имею сестру, непосредственно за мной родившуюся в семье»’ (Kurilov, 2001: 54). *Экыа Анна мэтханэ монтэй*: «*Мэт аслэ*» ‘Моя старшая сестра Анна обо мне скажет: «Моя *аслэ*»’. (Старший из единоутробных так скажет о брате или сестре, появившихся на свет вслед за ним в семье.) (Kurilov, 2001: 54).

Учитывая значения компонентов образования, предложение с глагольным словом *мэ нынгаслыийийэн* можно перевести так: *Тэн тунуннэн мэ нынгаслыийийэн* ‘Вот с этим во взаимной [совместной] общности двух братьев [многократно непрерывно] состою’.

На основе рассмотренного можно определить, что диадные формы существительных произведены по способу субстантивного словообразования от глагольных основ с показателями залогов и вида действия. Поскольку маркер реципрока (*ныи-*) является префиксом, постольку присоединение к глагольной основе с аффиксом многократности (*-йи-*) именного суффикса (*-ль*), сформировало модель субстантивной конфиксации существительного: комбинация указанных показателей сформировала конфикс со значением множественности (Kurilova, 2023: 154). Подчеркнем, субстантивная конфикация представляет способ морфологического словопроизводства, в котором основа слова одновременно осложняется в пре- и постпозиции (Gun’ko, 2012).

Эти образования отличаются от обычного множественного числа тем, что референты, состоящие в именуемых ими группах, связываются симметричными или асимметричными отношениями. Например, значение асимметричных отношений в форме *ныидьанмийиль* ‘братья (дети от одной матери или отца)’, ее производная основа содержит термин родства *чанмэ* ‘старший брат’.

Особенности реципрокных отношений в диадных формах

Диадные формы существительных различаются по характеру взаимных, семейно-родственных отношений. Асимметричные отношения передаются в образовании *ныидьанмийиль* ‘братья (дети от одной матери или отца)’, в котором производная основа *ныидьанмийи-* отличается по старшинству.

(Т) *Хадьир йаан ныидьанмийиль пуньна кэрэwэлэ* ‘Вот трое братьев забили ту корову’ (Gun’ko, 2012: 314).

Данная основа образована посредством маркера реципрока (Т) *ныи-*, глагольной основой *чан-~дьан-*, суффиксом многократности *-йи-*. Основу *чан-* можно интерпретировать в значении ‘достигать вершины’. Этимон встречается в наречиях *чандэ(н)* ‘вверх’, ‘выше’, *чантайнэн* ‘с трудом осиливая’, в глагольной основе *чантайрэ-* (3 л. *мэ чантайрэм*; *чантайрэл*) *перех.* ‘не ночь’, ‘не осилить что-либо’ (Kurilov, 2001: 547), которое понимается в значениях ‘делать с большим физическим напряжением’, ‘дойти до верхнего предела своих (физических, умственных и т.д.) возможностей’. От основы *чан-* и именного показателя *-мэ (~ми)* произведен термин родства *чанмэ* ‘старший брат’ (*дьанмэ < чанмэ*), буквально понимаемый как ‘тот, выше меня находящийся’.

Сходное образование определено в словах: *ныхавдыидийиль* ‘дядя и его племянник по отношению друг к другу’ (*хавдыидиэ* ‘дядя (младший брат матери, двоюродный, троюродный младший брат матери)’), *нынакаайиль* ‘несколько братьев’ (*акаа тунг.* ‘старший брат’).

Диады могли агглютинировать суффикс *-нэ* – маркер множественного числа в значении отдельных референтов. Показатель *-нул*, который указывал на совокупность и обобщенность референтов, полагаем, к этим образованиям не присоединялся.

(Т) *Нынгаслыийильнэ нодьэмут, Дашаньэн* ‘С младшей сестрой Дашей ты являешься нинаслыйил [т.е. такими, между которыми нет других братьев или сестер]’ (Kurilov, 2001: 318).

Симметричные отношения передаются в образовании *нынъаайнгөнмийиль* ‘жены

двух (или более) братьев по отношению друг к другу’.

(Т) *Ньинакаайильпэба пулгэйльэдьэ пайпэлэ моннунги «ньиньаайнгөнмий-ильпэ»* ‘Женщин, мужья которых являются братьями, называют «ниньяйнгонмийил’ (Kurilov, 2001: 318).

Диадная форма состоит из компонентов: префикса (Т) *ньи-*, глагольной основы *ньаайнгөнми-*, показателя множественности *-йи-*. В *ньаайнгөнми-* первый компонент *ньаайн-* произведен от этимона *ньань-* со значением ‘быть грешным’. С этим корнем имеются глагольные основы *ньаньуу-* (3 л. *мэ ньаньич*; *ньаньуул*) *неперех.* ‘быть грешным (о каком-л. поступке)’, *ньаньи-* *перех.* ‘считать что-л. грешным’; ‘относиться к кому-л. с суеверным страхом’, *ньанды-* *неперех.* ‘относиться к кому-л. как к зятю или невестке’, имена *и.д.* *ньаньил* ‘взаимоизбегание’ (Kurilov, 2001: 310), *суц.* *ньаньдьэ* ‘няндя (человек, с которым находятся в отношениях «взаимоизбегания», – зятя, невестки, брата, сестры)’ (Kurilov, 2001: 309). Второй компонент *гөнми-көнми-* *перех.* ‘сидеть с кем-л. на пару’; ‘разделить с кем-л. его одиночество’ (Kurilov, 2001: 160) содержится в словах: *ньиньунгэнгөнмиим* ‘проживать совместно’, *ньингэнгөнмиим* *перех.* ‘жить с кем-либо в одном доме или местности’. Как видно, от *ньаайнгөнми-* образован термин свойства *ньаайнгөнмэ* ‘невестка’; глагольная основа *ньаньи-* произвела термин свойства *ньаайл* ‘зять’, ‘невеста’, основа *гөнми-көнми-* термин *гөнмэ<көнмэ* ‘супруг’, ‘супруга’, данная лексема понимается и в значении ‘друг’, ‘подруга’.

Здесь акцентируем, что этимон *ньань-* со значением ‘быть грешным’ раскрывается при анализе существительного *ньаньдьэ* ‘няндя (человек, с которым находятся в отношениях «взаимоизбегания», – зятя, невестки, брата, сестры)’. Данным словом называют человека, связанного отношениями *ньаньил* ‘взаимоизбегание’, в приведенном значении употребляется также слово *ньихайруол*. В соответствии с обычаем *ньаньил* к зятям и невесткам необходимо обращаться в третьем лице, в присутствии *ньаньдьэ* запрещалось говорить о половых

признаках; например, не упоминались такие вещи, как штаны. Существительное *ньаньдьэ* образовано от основы *ньаньуу-* (3 л. *мэ ньаньич*; *ньаньуул*) *неперех.* ‘быть грешным’ и форманта *-дьэ*, интерпретируется как: ‘тот (зять, невеста), с которым нахожусь в запретных нормах общения и отношения друг к другу’.

Заключение

Итак, в языке тундренных юкагиров комитативный префикс (Т) *ньи-* / (Л) *ньэ-* реализует значение множественности в ядерной зоне ФСП количественности. Нами определены диадные формы (*ньидьанмийиль* ‘брата (дети от одной матери или отца)’ – термины, обозначающие семейно-родственные отношения, они образованы способом субстантивной конфиксации существительного от глагольных основ с показателями залогов и вида действия. В диадной модели глагольная основа с постпозицией комитативного показателя и препозицией суффикса вида действия присоединяет конечный именной суффикс. В отличие от них, термины родства или свойства, как *чанмэ* ‘старший брат’, *ньаайл* ‘зять’, ‘невестка’ и др. образованы от глагольных первичных основ и именных показателей.

Специфика диадных форм выражается в семантике мультипликативности и множественности; значение можно передать словами: ‘взаимная, совместная общность кого-либо с кем-либо [родственников] многократного непрерывного состояния’. В диадах передается характер реципрокных отношений – семейно-родственных связей. Асимметричные отношения выражаются в конструкциях, образованных от терминов кровного родства, симметричные отношения переданы в формах, произведенных от терминов свойства.

Список сокращений

(Т) – язык тундренных юкагиров; (Л) – язык лесных юкагиров; ФСПК – функционально-семантическое поле количественности, *и.д.* имя действия; *суц.* имя существительное; *перех.* переходный глагол, *неперех.* непереходный глагол.

Список литературы / References

- Bondarko A. V. O nekotoryh aspektah funkcional'nogo analiza grammaticeskikh javlenij [About some aspects of functional analysis of grammatical phenomena]. In: *Funkcional'nyj analiz grammaticeskikh kategori* [Functional analysis of grammatical categories.], Leningrad, 1973, 5–31.
- Bondarko A. V. *Osnovy funkcional'noj grammatiki* [Basics of Functional Grammar]. SPb., 1999. 260.
- Bondarko A. V. *Osnovy funkcional'noj grammatiki: Jazykovaja interpretacija idei vremeni* [Fundamentals of Functional Grammar: Linguistic Interpretation of the Idea of Time]. SPb., Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2001. 260.
- Bondarko A. V. *Teorija funkcional'noj grammatiki: Kachestvennost'. Kolichestvennost'* [Theory of functional grammar: Qualitative. Quantitative]. SPb., 1996. 264.
- Danijel' M. A. *Tipologija asociativnoj mnozhestvennosti: avtoreferat dis. ... kandidata filologicheskikh nauk* [Typology of associative plurality: abstract of the dissertation... candidate of philological sciences]. M., 2000, 24.
- Evans N. *An Interesting Couple: The Semantic Development of Dyad Morphemes*. Arbeitspapier Nr. 47 (Neue Folge), Universität zu Köln, 2003.
- Gun'ko O. G. Formirovanie i razvitie konfiksacii v sfere russkogo substantivnogo slovoobrazovaniya [Formation and development of confixation in the sphere of Russian substantive word formation]. In: *Vestnik ChelGU* [Bulletin of Chelyabinsk State University], 2012, 5 (259). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-i-razvitie-konfiksatsii-v-sfere-russkogo-substantivnogo-slovoobrazovaniya> (accessed 10 May 2025).
- Hajdú P. A szamójéd konnektív-reciprok képző genetikai és areális-tipológiai összefüggései [Genetic and areal-typological relations of Samoyed connective-reciprocal formation]. In: *Nyelvtudományi Közlemények* [Journal of Linguistics], 1969, 71, 61–78.
- Iohel'son V. I. Odul'skij (jukagirskij) jazyk [Odul (Yukaghir) language]. In: *Jazyki i pis'mennost' narodov Severa* [Languages and writing of the peoples of the North], Leningrad, Institut Narodov Severa, 3, 1934, 149–180.
- Jochelson W. Essay on the grammar of the Youkaghir language. In: *Annals of the New York Academy of Sciences*, 16, 2, New York, 1905.
- Krejnovich E. A. Jukagirskij jazyk [Yukaghir language]. In: *Jazyki Azii i Afriki* [Languages of Asia and Africa], M., 1979, 3, 348–368.
- Krejnovich E. A. *Issledovanie i materialy po jukagirskomu jazyku* [Research and materials on the Yukaghir language]. Leningrad, 1982. 302.
- Krejnovich E. A. Jukagirskij jazyk [Yukaghir language]. In: *Jazyki narodov SSSR* [Languages of the peoples of the USSR], Leningrad, 5, 1968, 435–454.
- Krejnovich E. A. *Jukagirskij jazyk* [Yukaghir language]. Moscow-Leningrad, Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1958. 288.
- Kurilov G. N. *Fol'klor jukagirov* [Jukagirov folklore]. M., Novosibirsk, Nauka, 2005. 594. (60-tomnaja akademicheskaja serija «Pamjatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka», 25 [60-volume academic series “Monuments of Folklore of the Peoples of Siberia and the Far East”, 25]).
- Kurilov G. N. *Jukagirsko-russkij slovar'* [Yukaghir-Russian dictionary]. Novosibirsk, 2001. 608.
- Kurilov G. N. *Leksikologija sovremennogo jukagirskogo jazyka (Razvitie leksiki i rol' v nem jakutskogo jazyka)* [Lexicology of the modern Yukaghir language (Development of vocabulary and the role of the Yakut language in it)]. Novosibirsk, 2003. 288.
- Kurilov G. N. *Sovremennij jukagirskij jazyk* [Modern Jukagir language]. Jakutsk, 2006. 280.
- Kurilova L. G. Kolichestvennye znachenija v izmerenii prostranstv na zemle v jukagirskom jazyke [Quantitative values in measuring spaces on earth in the Yukaghir language]. *IV Robbekovskie chtenija: sbornik materialov mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii* [IV Robbekov Readings: Collection of Materials from the International Scientific and Practical Conference], Jakutsk, 2022b, 139–141.

Kurilova L. G. Obrazovanie imeni dejstvija v jazyke tundrennyh jukagirov [Formation of the name of action in the language of the Tundra Yukaghirs]. In: *Severo-Vostochnyj gumanitarnyj vestnik [North-Eastern Humanitarian Herald]*, 2022a, 3(40), 91–99.

Kurilova L. G. Prepozitivnyj affiks n'i-/n'je- v jazykah lesnyh i tundrennyh jukagirov (znachenie sovместnosti i mnozhestvennosti) [Prepositive affix n'i-/n'je- in the languages of forest and tundra Yukaghirs (meaning compatibility and plurality)]. In: *Uspehi gumanitarnykh nauk [Achievements of the Humanities]*, 2023, 1, 152–157.

Kurilova S. N. Mestoimenija jukagirskogo jazyka [*Pronouns of the Yukaghir language*]. Novosibirsk, 2019. 228. («Pamjatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka», 34 [Monuments of Folklore of the Peoples of Siberia and the Far East, 34]).

Kurilova S. N. Prefiksacija v jukagirskom jazyke [Prefixation in the Yukaghir language]. In: *Evrazijskij Sojuz Uchenykh [Evrazijskij Sojuz Uchenykh]*, 2020, 5–7(74), 39–43.

Lukina M. P. Narechie v jukagirskom jazyke [*Adverb in the Yukaghir language*]. Novosibirsk, 2014. 176.

Maslova E. A. *Grammar of Kolyma Yukaghir*. Mouton Grammar Library 27, Berlin, New York, Mouton de Gruyter, 2003a. 609.

Maslova E. A. *Tundra Yukaghir*. München, LINCOM EUROPA, 2003b, Languages of the World, Materials 372. 53.

Maslova E. S. Reciprok v jukagirskom jazyke [Reciprocity in the Yukaghir language]. In: *Sovremennoe finnougrovedenie [Modern Finno-Ugric studies]*, 1989, 25, 2, 120–126.

Nikolaeva I. A. *A historical dictionary of Yukaghir*. (Trends in linguistics. Documentation), Walter de Gruyter, 2006. 513.

Nikolaeva I. A. *Yukaghir Morphology in a Historical and Comparative Perspective*. (LINCOM Studies in Asian Linguistics 92), München, LINCOM GmbH, 2020. 122.

Nikolaeva I. A., Helimskij E. A. Jukagirskij jazyk [Yukaghir language]. In: *Jazyki mira: Paleoaziatskie jazyki [Languages of the world: Paleoasiatic languages]*, M., 1996, 155–168.

Prokop'eva A. E. *Deeprichastie v jukagirskom jazyke (v sopostavitel'nom aspekte) [The participle in the Yukaghir language (in a comparative aspect)]*. Novosibirsk, 2012. 191.

Prokop'eva A. E. Grammaticheskie sredstva vyrazhenija mul'tiplikativnosti v jazyke lesnyh jukagirov [Grammatical means of expressing multiplicativity in the language of the forest Yukaghirs]. In: *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki [Philological sciences. Theoretical and practical issues]*, 2023a, 1, 194–198.

Prokop'eva A. E. Iterativnost' kak odin iz tipov predikatnoj mnozhestvennosti situacij v jazyke lesnyh jukagirov [Iterativity as one of the types of predicate plurality of situations in the language of the forest Yukaghirs]. In: *Tomskij zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovanij [Tomsk Journal of Linguistic and Anthropological Research]*, 2021, 2(32), 58–67.

Prokop'eva A. E. Kolichestvennaja aspektual'nost' v jazyke lesnyh jukagirov [Quantitative aspectuality in the language of the Forest Yukaghirs]. *Sovremennoe jukagirovedenie v kontekste arkticheskikh issledovanij: materialy vsrossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii [Modern Yukaghir studies in the context of Arctic research: proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference]*, Jakutsk, Institut gumanitarnykh issledovanij i problem malochislennykh narodov Severa Sibirskogo otdelenija RAN, 2023b, 62–68.

Prokop'eva P. E., Prokop'eva A. E. *Jukagirsko-russkij slovar' (jazyk lesnyh jukagirov) [Yukaghir-Russian dictionary (language of the forest Yukaghirs)]*. Novosibirsk, 2021. 412.

EDN: AJZMDG
УДК 811.511.2

Nenets Language in Digital Environment

Aleksandra S. Epimakhova* and Elena S. Kokanova

*Northern (Arctic) Federal University
Arkhangelsk, Russian Federation*

Received 02.07.2025, received in revised form 21.08.2025, accepted 23.09.2025

Abstract. Information technology development lead to classifying languages into low-resourced and high-resourced ones. Nowadays, this depends on their presence in the digital environment and existence of natural language processing (NLP) tools. This paper aims at researching Nenets resources found when assembling a parallel Tundra Nenets corpus (Forest Nenets being classified as a separate language). The analysis shows that data become more diverse, with translated laws and religious texts, as well as media texts published online. Original Nenets texts are fiction texts, but it is not always possible to define the source and target language in a bilingual publication. Online Nenets-Russian Dictionary is the first digital service for this language in Russia. At present, no NLP libraries exist for the Nenets language, and their development depends on harvesting, structuring and labelling data, which requires collaboration of NLP and language speaking communities.

Keywords: Tundra Nenets language, low-resource language, digital resources, parallel corpus.

Research area: Social Structure, Social Institutions and Processes; Russian Language. Languages of the Peoples of Russia.

Citation: Epimakhova A. S., Kokanova E. S. Nenets Language in Digital Environment.
In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2025, 18(10), 1924–1931. EDN: AJZMDG

Ненецкий язык в цифровом пространстве

А.С. Епимахова, Е.С. Коканова

*Северный (Арктический) федеральный университет
имени М. В. Ломоносова*

Российская Федерация, Архангельск

Аннотация. Развитие информационных технологий привело к пониманию, что разные языки имеют разное количество данных, в результате чего появились понятия «малоресурсный» и «многоресурсный» язык, отражающие присутствие языков в цифровой среде, наличие инструментов обработки естественного языка. Цель настоящей статьи – исследование ненецких ресурсов, выявленных при сборе параллельного корпуса тундрового ненецкого языка (лесной ненецкий язык классифицируется как отдельный язык). Анализ показывает, что в онлайн-среде данные становятся более разнообразными, так как на ненецкий переводятся законодательные и религиозные тексты, создаются публицистические тексты. Оригинальные ненецкие тексты относятся к художественному типу текстов, однако в двуязычной публикации не всегда можно определить язык оригинала и язык перевода. Ненецко-русский онлайн-словарь является первым цифровым сервисом для этого языка в России. В настоящее время для ненецкого языка еще не существует библиотек обработки естественного языка, и их создание зависит от сбора, структурирования и разметки данных, что требует сотрудничества компьютерных лингвистов и носителей языка.

Ключевые слова: тундровый ненецкий язык, малоресурсный язык, цифровые ресурсы, параллельный корпус.

Научная специальность: 5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы; 5.9.5. Русский язык. Языки народов России.

Цитирование: Епимахова А. С., Коканова Е. С. Ненецкий язык в цифровом пространстве. *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2025, 18(10), 1924–1931. EDN: AJZMDG

Introduction

Russia pays much attention to the support of the indigenous languages and preserving their cultural heritage. The Government of the Russian Federation approved the Global Action Plan of the International Decade of Indigenous Languages, proclaimed by the UN General Assembly (from 2022 to 2032). It is aimed at improving public administration, education, training teachers, promoting science, digitalization and book publishing. All these areas deal with technology. In 2024, the Government of the Russian Federation approved the Concept of the State Language Policy of the Russian Federation. One of its aims is to support

socially and educationally significant digital media in the indigenous languages of the Russian Federation. It also aims at increasing the number of online machine translation (MT) services for these languages. Meanwhile, the most indigenous languages in Russia are low-resource.

Theoretical framework

Low-resource languages are languages having little resources for processing and understudied by the Natural Language Processing (NLP) community (Nigatu et al., 2024: 17753). However, in a broader view, the aspects of “resourcedness” also comprise socio-political factors, artifacts and community agency

(Nigatu et al., 2024: 17755). Due to the scarcity of annotated datasets, linguistic resources, and computational infrastructure they are characterized by instable spelling rules (Karpov, Verkhodanova, 2015: 121) as well as grammar, lexical, and sociolinguistic traits, which present extra challenges for NLP specialists (Pakray et al., 2025).

Nowadays, language vitality depends on its digitalization (Orehov, 2014: 230) and the development of MT for this language goes beyond utility: it is a sign of “digital prestige” (Yanush, 2022: 26). We managed to find MT projects for 24 small languages of Russia, such as Bashkir, Buryat, Komi, Tuvan, Erzya, Yakut, etc. Up-to-date, Yandex MT systems exist for Bashkir, Chuvash, Komi, Mari, Mountain Mari, Ossetian, Tatar, Tuvan, Udmurt and Yakut languages. These are languages classified as 3B (“rural restricted”, up to 1 million speakers) or 3B (“town restricted”, up to 5 million speakers) (Koryakov et al., 2022: 10).

According to this gradation, the current status of Tundra Nenets spoken in European Russia and North-Western Siberia is 3B- (“rural restricted” with a tendency to “localized”, which corresponds to “vulnerable” according to the UNESCO Vitality Scale (Moseley, 2010: 11–12). However, this status is valid for the Siberian Nenets, but it is rather “interrupting” for the European Nenets (Koryakov, 2025: 118). It can be placed between categories 1 and 2 according to (Joshi et al., 2020) as there are some labeled data and community representatives (language activists) ready to support the language.

According to the 2010 census, the number of Tundra Nenets speakers in traditional settlements was 23,404 people in all, but only 750 speakers in the Nenets Autonomous Okrug (NAO) (Interaktivnyj atlas korennyh malochislennyh narodov Severa, Sibiri i Dal'nego Vostoka: jazyki i kul'tury). Interviews conducted between 2014 and 2016 reveal that the Yamalo-Nenets Autonomous Okrug Nenets people showed more positive attitude towards their native language than those coming from the Nenets Autonomous Okrug (Berezovskaya, 2024).

Interviews among NAO specialists and experts in the field of the Nenets language and culture conducted in 2022 (Saburov et

al., 2023: 172–173) show that they found digital content in the Tundra Nenets language insufficient and desired to have blogs about the Nenets language, culture and way of life, audiovisual translation (dubbing and subtitles) of popular films and cartoons, TV shows and / or radio programs and the interface of the social network “VKontakte” in the Nenets language.

Methods

This paper presents a review of Tundra Nenets digital resources executed when assembling a parallel Tundra Nenets-Russian-English corpus. Qualitative and quantitative analysis permits to find key trends for Nenets texts published after 1960s (modern spelling rules).

Discussion

Tundra Nenets has some online content, including Yamal-Media video, Nyaryana Vyn-der and Nyaryana Nerm newspapers, materials published by sites of cultural institutions and within educational programs, social media groups.

As for structured data, some corpora can be found online. Firstly, the *Nenets Corpus* is part of the Digital Corpora in Siberian Minority Languages project carried out by the Department of Northern and Siberian Studies of the Institute for Ethnology and Anthropology of the Russian academy of Sciences (Corpora at IEA RAS). The project aimed at creating publicly available digital corpora was developed in 2011–2014. Secondly, there is a *Corpus of the Taimyr dialect of the Tundra Nenets language* (Korpus tajmyrskogo dialekta tundrovogo ne-neckogo jazyka) developed within the “Dynamics of language contacts in the circumpolar region” project (2017–2021). Thirdly, we can quote the *Tundra Nenets sample sentence corpus* (Salminen) based on sentences from Natalya Tereshchenko’s 1965 dictionary. Finally, a Tundra Nenets-Russian parallel corpus is built in the Hungarian Research Institute for Linguistics (Mus, Metzger, 2021). Unfortunately, most of these corpora realized within grant projects find no further development online or provide limited access to data.

The Forest Nenets language is more common in the online environment compared to

the Tundra Nenets language. Nevertheless, the collection and processing of data for the Tundra Nenets language is extremely necessary for NLP.

Some Tundra Nenets digitalized books can be found on library sites, for example, *Russian-Nenets and Nenets-Russian dictionary* (Rozhin, 1936) on the National Library of Russia site and *Brief Nenets-Russian and Russian-Nenets dictionary* (Verbov, 1937) on the Electronic library of Russian North history site. These dictionaries as well as translations into Nenets were published in the 1930s in the framework of “indigenization”, or “localization” policy (Sinitsyn, 2024). Earlier sources use Latin alphabet. But even when the Uniform Northern Alphabet (based on the Cyrillic alphabet) was introduced in 1937, spelling rules were different from those of the contemporary Tundra Nenets language. So, these books are curious artifacts but cannot be involved as is in modern Tundra Nenets studies or teaching. The same is true about books of the next wave of interest to Nenets in the 1950s due to Russian language teaching to indigenous peoples. Modern Tundra Nenets spelling dates back to late 1950s – early 1960s.

In 2024, a Tundra Nenets-Russian online dictionary was created by the team of Northern (Arctic) Federal University researchers and Regional public movement “Association of the Nenets people “Yasavey” of the Nenets Autonomous District”, with the support of the Administration of the Nenets Autonomous Okrug. It can be accessed at NArFU website (Nenecko-russkij slovar’). The dictionary is currently being enlarged and tested. In June

2025, the online dictionary project was supported by the Presidential Grants Fund.

Nenets-Russian online dictionary front page is presented in Fig. 1.

An important component is the interpretation or definition of the word, since both general and unique features of lexemes should be taken into account when compiling dictionary entries. For example, the verb “run” in the Nenets language can have many meanings related to who performs this action and how (Kokanova, 2023: 89).

It is also planned to supplement this dictionary with voice-over and machine translation modules. Therefore, a parallel Tundra Nenets-Russian corpus is being assembled. The present parallel corpus comprises 53 506 sentence pairs, but only 25.9 per cent were crawled and 43.4 per cent harvested manually from different online sourced (mostly books downloaded in pdf format). Other sources are paper books recognized and reviewed manually.

Digital sources embrace media texts, legal texts, religious texts, fiction texts, etc. Their percentage is shown on Fig. 2.

Most of these texts are translations from Russian into Tundra Nenets. For example, the translation of legal texts is determined by the Law N 4-OZ of the Nenets Autonomous Okrug dated March 18, 2013 “On the Nenets language on the territory of the Nenets Autonomous Okrug” (Zakon Neneckogo avtonomnogo okruga...). Article 8 stipulates that laws and other regulatory legal acts of the Nenets Autonomous Okrug concerning the guarantees of the rights of the Nenets people to the Nenets language should be translated into the Nenets lan-

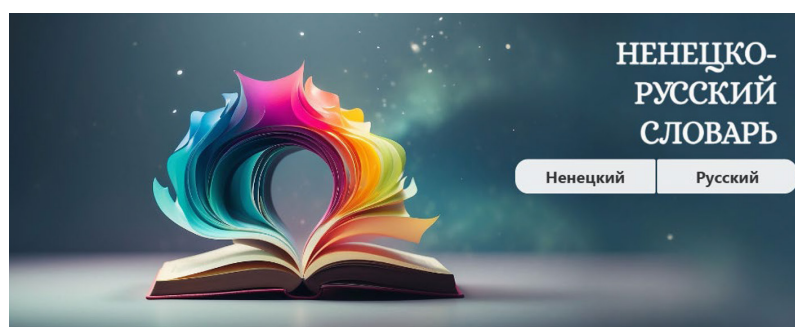

Fig. 1. Nenets-Russian online dictionary

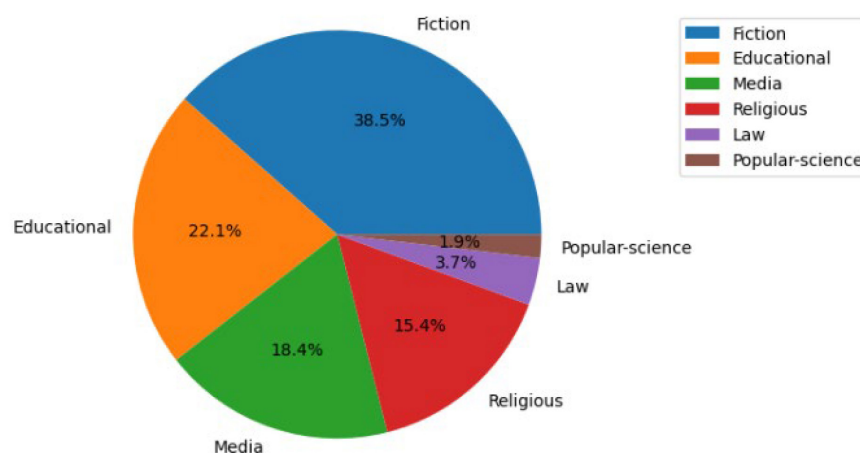

Fig. 2. Text types representation in the parallel corpus

guage. Article 6 “Use of the Nenets Language in the Mass Media” contributes to enhancing the presence of Nenets in mass media, including the Internet.

Religious texts are translated into Nenets both from Russian and from English via Russian within missionary projects. As the Bible is one of the most translated books, it is often used for enlarging parallel corpora. However,

this can influence the style of MT output, which may also contain religious vocabulary (Yankovskaya et al., 2023).

Fig. 3 indicates that original Tundra Nenets texts are found only among fiction texts. Multilingual texts are either educational or written mostly by bilingual authors and published in parallel versions without necessarily indicating source and target languages.

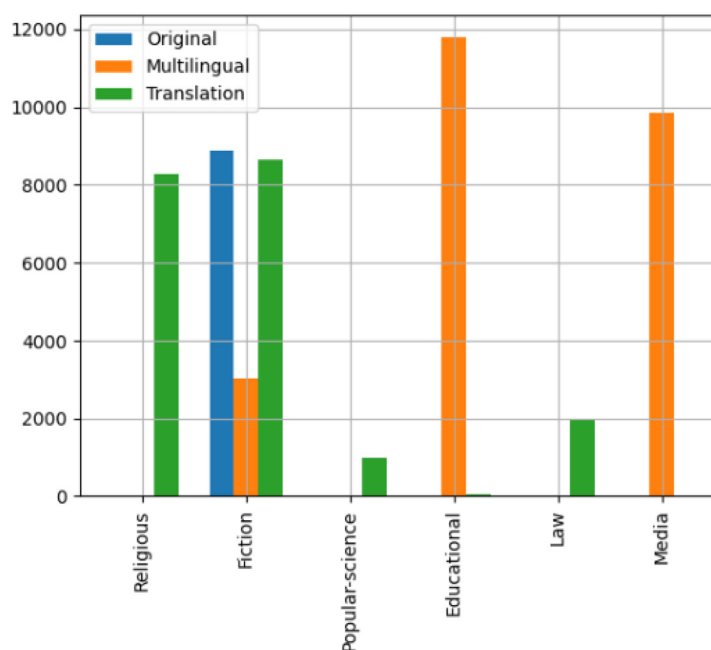

Fig. 3. Original and translated Nenets texts

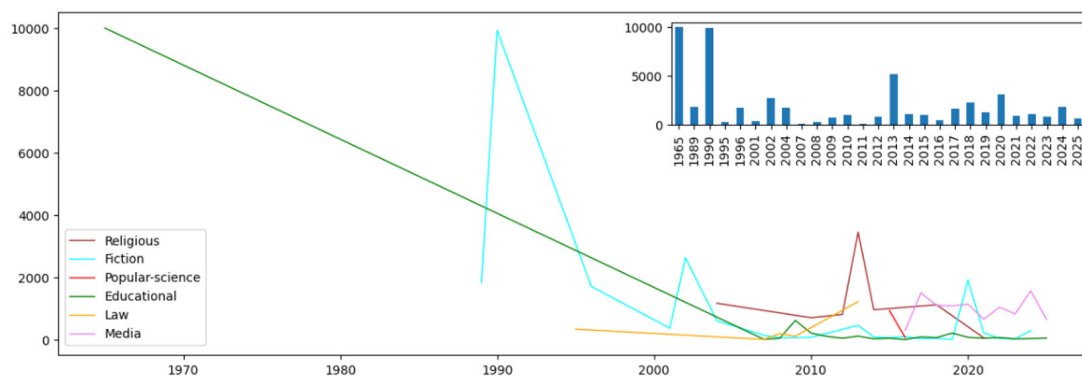

Fig. 4. Data variability over time

Fig. 4 shows how the types and amount of data change with the digital transformation. Paper books contain mostly educational and fiction texts (newspapers were not taken into account as we were interested in parallel data), while online resources embrace also media texts, religious texts, laws, etc. The proportions of data per year also change. After 2001, texts seem to be created and translated more regularly, as it does not depend on the book publication process.

Only 13 % sentences of the parallel corpus have equivalents in English (7.5 % are original English texts or Bible texts; 5.5 % are translations from Russian into English). Interestingly, 9.1 % of the corpus are texts translated from English into Nenets (via Russian), but the original texts are not available. Translating Nenets texts into foreign languages (and vice versa) will not only enhance cultural exchange, but may help create parallel corpora for efficient multilingual language models.

As no NLP libraries exist for the Tundra Nenets language lemmatization, the texts' topics can be studied through Russian translations. A quantitative analysis of the parallel corpus vocabulary reveals that the texts contain words reflecting the traditional Nenets way of life, for example, *chum*, *shaman*, *narta* (*sledge*), vocabulary related to animal breeding and hunt-

ing, environment and weather conditions, etc. However, laws and religious texts also contain specific lexical units. Vocabulary presenting digital resources is rare and mostly borrowed from Russian.

Further research and experiments will show how Tundra Nenets evolves in the digital environment, and linguists are invited to raise language awareness, contribute to studying, documenting and reviving languages (Berezovskaya, 2024). Inspiring Nenets community for the development of digital resources reflecting their traditional and modern lifestyle is crucial for the language revitalization.

Conclusion

Tundra Nenets as a low-resource language cannot boast rich and various text data; however, the digital environment can open new horizons for publishing original texts and translation. For the moment, there are no MT engines or NLP libraries for Tundra Nenets, and their development depends on collecting structured and labeled data, which is impossible without the language speaking community. High-resource languages, usually seen as rivals for low-resource ones can provide support through parallel corpora, transfer learning and multilingual language models.

References

Berezovskaya P. Tundra Nenets: A Heritage Language in Its Own Land? Linguistic Identity and Language Loss. In: *Languages*, 2024, 9, 348.

Corpora at IEA RAS. Available at: <https://corpora.iea.ras.ru/corpora/news.php?tag=4>

Interaktivnyj atlas korenyh malochislennyh narodov Severa, Sibiri i Dal'nego Vostoka: jazyki i kul'tury [Interactive atlas of indigenous peoples of the North, Siberia and the Far East: languages and cultures]. Available at: https://atlaskmns.ru/page/ru/lang_nentsy_tundra_all.html

Joshi P., Santy S., Budhiraja A., Bali K., & Choudhury M. The State and Fate of Linguistic Diversity and Inclusion in the NLP World. In: *Proceedings of the 58th Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics*, 2020, 6282–6293. Available at: <https://aclanthology.org/2020.acl-main.560/>

Karpov A. A., Verkhodanova V. O. Rechevye tehnologii dlja maloresurnyh jazykov mira [Speech technologies for under-resourced languages of the world]. In: *Voprosy Jazykoznanija*, 2015, 2, 117–135.

Kokanova E. S. Kognitivno-semanticheskij podhod k leksikograficheskomu portretu glagolov dvizhenija pri sozdanii neneckogo onlajn-slovarja [Cognitive-semantic approach to the lexicographic portrait of the motion verbs in creating a Nenets online dictionary]. In: *Kognitivnye issledovanija jazyka [Cognitive Studies of Language]*, 2023, 3–2(54), 88–91.

Korpus tajmyrskogo dialekta tundrovogo neneckogo jazyka [Corpus of the Taimyr dialect of the Tundra Nenets language]. Available at: <http://circumpolar.iling-ran.ru/outcomes/corpora/#part1>

Koryakov Yu. B. Linguistic Geography of Tundra Nenets the History of Western Groups. In: *International Journal of Eurasian Linguistics*, 2025, 7, 117–142.

Koryakov Yu. B., Davidjuk T. I., Haritonov V. S., Evstigneeva A. P., & Sjurjun A. A. Spisok jazykov Rossii i statusy ih vital'nosti. Monografija-preprint [Register of languages of Russia and the status of their vitality. Monograph-preprint]. M., Institut jazykoznanija RAN, 2022, 80.

Moseley C. (ed.). *UNESCO Atlas of the World's Languages in Danger*. Paris, UNESCO Publishing, 2010. Available at: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000187026>

Mus N. & Metzger R. Toward a corpus of Tundra Nenets: stages and challenges in building a corpus. In: *Proceedings of the 4th Workshop on the Use of Computational Methods in the Study of Endangered Languages*, 2021, 2, 4–9. DOI: <https://doi.org/10.33011/computel.v2i.975>.

Nenecko-russkij slovar' [Nenets-Russian dictionary]. Available at: <https://nenrusdict.narfu.ru/>

Nigatu H. H., Tonja A. L., Rosman B., Solorio T., & Choudhury M. The Zeno's Paradox of 'Low-Resource' Languages. In: *Proceedings of the 2024 Conference on Empirical Methods in Natural Language Processing*, 2024, 17753–17774. Available at: <https://aclanthology.org/2024.emnlp-main.983/>

Orehov B. V. Russkij jazyk i novye tehnologii: sovremennoe sostojanie i perspektivy issledovanij [Russian language and new technology: current state and research prospects]. In: *Russkij jazyk i novye tehnologii [Russian language and new technology]*. M., Novoe literaturnoe obozrenie, 2014, 15–23.

Pakray P., Gelbukh A., & Bandyopadhyay S. Natural language processing applications for low-resource languages. In: *Natural Language Processing*, 2025, 31(2), 183–197.

Rozhin A. I. *Russko-nenckij i nenjecko-russkij slovar' [Russian-Nenets and Nenets-Russian dictionary]*. Nar'jan-Mar, Tip. izd-va "Narjana Vynder", 1936. Available at: <https://vivaldi.nlr.ru/bx000070694/view/>

Saburov A. A., Nikiforov A. S., & Minchuk O. V. Preservation of the Nenets Language in the Nenets Autonomous Okrug: Based on Sociological Survey. In: *Arctic and North*, 2023, 50, 155–174.

Salminen T. Tundra Nenets sample sentence corpus. Available at: https://www.mv.helsinki.fi/home/tasalmin/tn_corpus

Sinityn F. L. «Edinyj severnyj alfavit»: protivostojanie latinicy i kirillicy na sovetskom Severe, 1920–1930-e gody [The Uniform Northern Alphabet: Confrontation of Latin and Cyrillic Alphabets in the languages of the people of the Soviet North, the 1920s – 1930s]. In: *Jetnografija [ETNOGRAFIJA]*, 2024, 1(23), 148–168.

Verbov G. D. *Kratkij nenjecko-russkij i russko-nenckij slovar' [Brief Nenets-Russian and Russian-Nenets dictionary]*. Salekhard, Jamal. okruzh. kom. novogo alfavita, 1937. Available at: <https://webirbis.aonb.ru/irbisdoc/kr/2018/18kp147/>

Yankovskaya L., Tars M., Tättar A., & Fishel M. Machine Translation for Low-resource Finno-Ugric Languages. In: *Proceedings of the 24th Nordic Conference on Computational Linguistics (NoDaLiDa)*, 2023, 762–771. Available at: <https://aclanthology.org/2023.nodalida-1.77/>

Yanush O.B. Jazykovaja politika onlajn v transgranichnyh perspektivah (na primere finno-ugorskogo soobshhestva) [Online language policy in transborder perspectives (the Finno-Ugrian community as an example)]. In: *Mezhdunarodnye otnoshenija i obshhestvo* [*International Relations and Society*], 2022, 4, 1, 21–34.

Zakon Neneckogo avtonomnogo okruga ot 18 marta 2013 goda N 4-OZ O neneckom jazyke na territorii Neneckogo avtonomnogo okruga (s izmenenijami na 5 dekabnja 2023 goda) [Law of the Nenets Autonomous Okrug of March 18, 2013 N 4-OZ On the Nenets language on the territory of the Nenets Autonomous Okrug (as amended on December 5, 2023)]. Available at: <https://docs.cntd.ru/document/553156630>

EDN: HERFXZ
УДК 811.112.3 = 801.61

Intonation Patterns of Dialogic Speech of German Mennonites (an Attempt of the First Experimental Prosodic Investigation)

Ksenia V. Shindrova, Alena S. Grigorieva,
Tatiana R. Ryzhikova and Albina A. Dobrynina*

*Institute of Philology SB RAS
Novosibirsk, Russian Federation*

Received 29.06.2025, received in revised form 22.08.2025, accepted 25.09.2025

Abstract. The article for the first time describes the intonation of dialogic speech of Germans-Mennonites. The research material consists of audio recordings of dialogues in the Plautdietsch language, collected from native speakers living in the Novosibirsk region, using a specially developed questionnaire of the information gap type. The obtained data are annotated in the Praat program for acoustic analysis; spectrograms, waveforms, and intonograms (fundamental frequency and intensity) are analyzed. From a communicative perspective, statements, general (modal), and special (dictal) questions are studied. It has been established that affirmative utterances have a dramatic rising-falling tone on the last word. If subordinate clauses or adverbial modifiers follow the main part, they are intoned with declination. Incompleteness of an utterance is characterized by a level or weakly rising tone movement. The intonation of interrogative utterances depends on the type of question: general (modal) questions have an ascending tone, while special (dictal) questions have a rising-falling tone on the question word. Further analysis of various types of utterances is required to verify the obtained results.

Keywords: Plautdietsch intonation, German Mennonite language of Siberia, endangered languages, languages without written tradition, suprasegmental phonetics.

Research area: Social Structure, Social Institutions and Processes; Theoretical, Applied and Comparative Linguistics (Philological Sciences).

The study was supported by grant No. 24–28–20231 from the Russian Science Foundation, <https://rscf.ru/project/24–28–20231/>, and the Government of the Novosibirsk Region.

Citation: Shindrova K. V., Grigorieva A. S., Ryzhikova T. R., Dobrynina A. A. Intonation Patterns of Dialogic Speech of German Mennonites (an Attempt of the First Experimental Prosodic Investigation). In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2025, 18(10), 1932–1945. EDN: HERFXZ

Интонационные паттерны диалогической речи немцев-меннонитов (опыт первого экспериментального просодического исследования)

К.В. Шиндрова, А.С. Григорьева,
Т.Р. Рыжикова, А.А. Добрынина

*Институт филологии Сибирского отделения РАН
Российская Федерация, Новосибирск*

Аннотация. В статье впервые описывается интонация диалогической речи немцев-меннонитов. Материалом исследования являются аудиозаписи диалогов на языке плотдич, собранные от носителей, проживающих в Новосибирской области, по специально разработанной анкете типа information gap. Полученные данные проаннотированы в программе для акустического анализа Praat, проанализированы спектрограммы, осциллограммы, интонограммы (частота основного тона и интенсивность). С точки зрения коммуникативной направленности изучены утверждения, общие (модальные) и специальные (диктальные) вопросы. Установлено, что утвердительные высказывания имеют резко восходяще-нисходящий тон на последнем слове. Если за основной частью идут придаточные предложения или обстоятельства, то они интонируются с деклинацией. Незавершенность высказывания характеризуется ровным или слабовосходящим движением тона. Интонационное оформление вопросительных высказываний зависит от типа вопроса: общие (модальные) имеют восходящий тон, специальные (диктальные) – восходяще-нисходящий на вопросительном слове. Требуется дальнейший анализ различных типов высказываний для верификации полученных результатов.

Ключевые слова: интонация плотдич, язык немцев-меннонитов Сибири, языки под угрозой исчезновения, бесписьменные языки, суперсегментная фонетика.

Научная специальность: 5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы; 5.9.8 Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки).

Исследование выполнено за счет средств гранта Российского научного фонда № 24–28–20231, <https://rscf.ru/project/24–28–20231/> и Правительства Новосибирской области.

Цитирование: Шиндрова К.В., Григорьева А.С., Рыжикова Т.Р., Добрынина А.А. Интонационные паттерны диалогической речи немцев-меннонитов (опыт первого экспериментального просодического исследования). *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2025, 18(10), 1932–1945. EDN: HERFXZ

Интонация как супraseгментный уровень языковой системы представляет собой сложное и многогранное явление, играющее ключевую роль в организации речи и коммуникации. В последние десятилетия

в лингвистических исследованиях наблюдается возрастающий интерес к изучению интонационных особенностей языков и диалектов малочисленных народов. Актуальность исследования интонации обусловлена

ее многофункциональностью: она не только оформляет высказывание структурно, но и передает эмоциональные, прагматические и социолингвистические смыслы. В данной статье рассматриваются особенности интонации диалогической речи на языке немцев-меннонитов Сибири плотдич. Немцы-меннониты – это этноконфессиональное объединение, представители которого проживают на значительной территории: в Европе, Канаде, Южной Америке, России.

В конце XIX – начале XX вв. на территорию Сибири из центральной части России начали переселяться немецкие этнические группы, в том числе меннониты, которые говорили на койне нидерландско-фризских диалектов *Plautdietsch*. На протяжении нескольких веков меннониты мигрировали по территории Европы, Украины и России, в результате чего на современном этапе их язык сочетает в себе как субстратные нидерландско-фризские черты, так и суперстратные немецкие характеристики. Некоторые лингвисты считают, что на территории Сибири язык плотдич подвергся сильному влиянию русского языка. Несмотря на то что меннониты живут общинами и говорят между собой на родном языке, он до сих пор остается бесписьменным и функционирует только в устной форме, что оказывает значительное влияние на его витальность.

Цель исследования – выявление интонационных паттернов вопросно-ответных компонентов в полуструктурированной диалогической речи немцев-меннонитов Новосибирской области.

В отечественной лингвистике сложилась богатая традиция изучения интонации как многоуровневой системы. Российские исследователи обычно выделяют три основных компонента интонации:

1) мелодика – движение основного тона – занимает центральное место в исследованиях российской школы. Как отмечает Е. А. Брызгунова, «интонация организует речь на акустическом и смысловом уровнях» (Bryzgunova, 1980: 96). Л. Р. Зиндер подчеркивает, что мелодические контуры выполняют не только делимитативную,

но и смысловозначительную функцию (Zinder, 1979);

2) ритмико-темпоральная организация (темп, паузы, ритм) детально разработана в трудах Т. М. Николаевой, рассматривающей паузальную сегментацию как отражение синтаксической структуры высказывания (Nikolaeva, 1977);

3) логическое ударение, по мнению отечественных исследователей, служит для актуализации коммуникативного центра высказывания. Особенностью российской школы является акцент на связи интонации с грамматикой и синтаксисом. Как подчеркивает Т. М. Николаева, интонационные модели находятся в тесной корреляции с синтаксическими структурами, выполняя не только экспрессивную, но и грамматическую функцию (Nikolaeva, 1977).

В зарубежном дискурсе интонационная структура рассматривается несколько иначе. Традиционно выделяются такие компоненты, как

1) ядерный тон (*nuclear tone*), локализующийся на наиболее информативном слове и детерминирующий общий интонационный контур высказывания. Определяются, например, нисходящие, восходящие и восходяще-нисходящие тоны (Wells, 2006);

2) тон (*pitch*) рассматривается как важнейший акустический параметр интонации: переходы между высокими и низкими тонами формируют интонационные рисунки, отражающие коммуникативные намерения говорящего (Ladd, 1996);

3) диапазон высоты тона (*pitch range*) – размах изменений высоты тона в пределах одного высказывания – выделяется как самостоятельная характеристика. Широкий или узкий тональный диапазон коррелирует с эмоциональной окраской и степенью вовлеченности говорящего (Brazil, 1985);

4) ритм (*rhythm*) традиционно ассоциируется с ударением и количеством слогов и тесно переплетается с интонацией, влияя на распределение мелодических пиков и спадов (Ashby, 2011);

5) интонационные (*intonation units*) и тоновые единицы (*tone units*): дискретиза-

ция речи на интонационные единицы – важный аспект, так как каждая интонационная конструкция имеет собственный ядерный тон и служит для структурирования информации в реальном времени (Brazil, 1985; Knowles, 1987);

б) интонационные паттерны или конструкции (*intonation patterns*) – наборы устойчивых мелодических схем, соответствующих типичным коммуникативным ситуациям (например, вопросам, утверждениям, перечислениям и т.д.), также традиционно изучаются как отдельный компонент интонационного оформления высказывания (Wells, 2006).

Немецкоязычные филологи подходят к изучению диалогической речи через призму конверсационного анализа (КА, *Konversationsanalyse*): это исследовательский подход для определения формальных принципов и механизмов, с помощью которых участники социального взаимодействия структурируют, координируют и упорядочивают свои действия. КА стремится понять «этнометоды», которые используются взаимодействующими сторонами на локальном уровне для анализа контекста, интерпретации высказываний партнеров и обеспечения понятности и эффективности собственных высказываний (Bergmann, 2010). Существующие описания немецкой интонации базируются на модели О. фон Эссена (von Essen, 1956), в которой элементы интонационной конструкции определяются следующим образом:

1. Vorlauf (prehead, предъядерная часть): последовательность безударных слогов.

2. Rhythmischer Körper (body, rhythm sequence, тело): последовательность из одного или нескольких ударных слогов, последний из которых является «Schwerpunkt» (nucleus, ядро), при этом за каждым из них могут следовать безударные слоги.

3. Schwerpunkt (nucleus, ядро): последний ударный слог в ритмической последовательности.

4. Nachlauf (tail, хвост): необязательная последовательность безударных слогов, следующих за ядром.

Дж. Фиби (Pheby, 1975) первым выявил основные типы немецких просодических характеристик, в зависимости от основных классов высказываний: 1) утверждение, ответ, вопрос, просьба, восклицание; 2) знакомое, незнакомое; 3) эмфатическое, неэмфатическое; 4) контрастирующее, не-контрастирующее; 5) экспрессивное, неэкспрессивное. Он соотнес направление движения тона и тип высказывания: 1) деклинация (утверждения, восклицания); 2) инклинация (нефинальные синтагмы, вопрос); 3) ровный тон (перечисление, незавершенность); 4) нисходяще-восходящий тон (неуверенность); 5) восходяще-нисходящий тон (уверенность, однозначность).

Специальное внимание при изучении немецкой интонации уделяется диалектным интонационным особенностям. Так, К. Колер анализирует интонационные контуры, такие как *Steigton* – восходящий тон и *Fallton* – нисходящий тон, в немецких диалектах и рассматривает их роль в прагматике общения (Kohler, 2006). Д. Гиббон описывает не только региональные особенности интонационного оформления высказываний, но и проводит сопоставление с близкородственными языками: голландским и английским (Gibbon, 1998).

Голландский подход к интонации фокусируется на детальном, инструментально подтвержденном описании высотных характеристик звуков речи, управляемых грамматикой, с особым акцентом на их роль в передаче ударения и позицию в слоге. Интонационные изменения рассматриваются по ряду параметров: деклинации, экскурсии (амплитуде), длительности и, что особенно важно, месту в пределах слога (Rietveld, 1983). Интонационные паттерны формируются также относительно двух базовых линий деклинации: высокой и низкой. Так, в некоторых случаях линия деклинации может «перезапускаться», например, после уточнений в высказывании (Rietveld, 1983). Сочетания высотных характеристик регулируются так называемой интонационной грамматикой, которая определяет, какие комбинации изменений приводят к правильно сформированным (благозвуч-

ным) интонационным контурам. Эта грамматика является достаточно явной, чтобы ее можно было использовать для создания приемлемой интонации при синтезе речи (t' Hart, 1981). Среди интонационных паттернов наиболее распространенными являются так называемый *hoedpatroon* (паттерн «шляпы») и его более простая разновидность *punthoed* (паттерн «остроконечной шляпы»): паттерн «шляпы» представляет собой общий, наиболее распространенный контур, начинающийся и заканчивающийся низко и содержащий последовательность подъемов и падений, а паттерн «остроконечной шляпы» является его частным случаем с одним акцентом, где подъем быстро сменяется падением (t' Hart, 1981).

Дж. Бергманн подчеркивает, что интонация в целом является ключевым элементом в организации естественных взаимодействий, поскольку участники коммуникации используют интонационные средства для установления и поддержания социального порядка в процессе взаимодействия (Bergmann, 2010).

Таким образом, можно отметить, что фокус западных исследований направлен на выявление дискурсивных и прагматических функций интонации, тогда как в российской лингвистике подчеркивается структурная и грамматическая роли интонации: отечественная лингвистика изучает интонацию как систему, а зарубежные работы чаще фокусируются на ее функционировании в конкретных коммуникативных ситуациях.

Сравнивая особенности диалогической и монологической речи, Л. П. Якубинский отмечает естественность диалогической речи по сравнению с монологической, что напрямую связано с ее интонационным оформлением. Так, диалог как форма взаимодействия стремится избежать односторонности, а интонация играет ключевую роль в этом процессе. Например, частые прерывания реплик в диалоге требуют быстрого темпа речи и специфических интонационных контуров для поддержания естественного обмена (Yakubinskij, 1945).

Анализ различных классификаций диалогов позволяет глубже понять роль интонации в организации диалогического взаимодействия. Как отмечают В. Н. Бабаян и С. Л. Круглова, диалог является первичной формой устной речи, для которой характерны эмоциональная окрашенность, краткость реплик и широкое использование эллипсиса (Babayan, Kruglova, 2016). Эти особенности напрямую связаны с интонационным оформлением высказываний.

Ю. В. Рождественский предлагает классификацию реплик по видам модальности: побуждение, вопрос и повествование. Каждый из этих типов реплик имеет характерное интонационное оформление. Например, вопросительные реплики, как правило, сопровождаются восходящей интонацией, тогда как повествовательные – нисходящей (Rozhdestvensky, 1997).

В отечественной и зарубежной лингвистике различаются подходы к классификации диалогов, что отражает разнообразие интонационных функций в зависимости от вида дискурса. Таким образом, интонация не только структурирует высказывания на уровне логики общения, но и играет важную роль в смысловой организации и эмоциональной окраске реплик в диалогах различных типов. Это подтверждает необходимость комплексного подхода к изучению интонации, в котором учтены как структурные, так и прагматические аспекты ее использования в диалогической речи. В данном исследовании мы будем придерживаться структуралистского подхода к анализу интонации диалога и рассматривать интонационное оформление типов высказываний независимо от их позиции в диалогическом дискурсе.

Материалы и методы исследования

Материалом исследования является диалогическая речь, записанная от носителей языка плотдич в дер. Неудачино Новосибирской области. Эксперимент состоял из двух частей: участникам давались два вида стимулов – 1) картинки с частично закрытыми фрагментами и 2) карточки с темами и вопросами, на которые участники диалога

должны получить ответ. Более подробно с методикой проведения эксперимента можно ознакомиться в публикациях (Dobrynina et al., 2024: 47–57; Ryzhikova et al., 2024: 98–113). Таким образом, были записаны полуструктурированные диалоги от 10 носителей плотдич в возрастном диапазоне от 23 до 70 лет. В данной статье будут рассмотрены результаты обсуждения картинок.

Диалогическая речь записывалась на диктофон Zoom H4n в формате wav. Полученные звуковые файлы сегментировались на отдельные реплики в программе Audacity и аннотировались в программе для анализа речи Praat. Разметка проводилась на трех уровнях: 1 строка – отмечались границы всего высказывания и давался текст реплики на языке оригинала с переводом на русский язык, 2 строка – высказывание делилось на синтагмы, 3 строка – проводилась слоговая разметка с фонематической транскрипцией. Всего было проанализировано 115 звуковых файлов.

Так как в Сибири язык плотдич функционирует только в устной форме и не имеет письменной нормы (Shindrova, 2023; Naletova and Grigoryeva, 2023), то в статье запись приводится в квадратных скобках в упрощенной фонетической транскрипции с использованием знаков Международного фонетического алфавита (International Phonetic Alphabet). В марровских кавычках дается перевод на русский язык.

Результаты и обсуждение

Поскольку данное исследование является первым экспериментально-фонетическим изучением интонации плотдич Сибири, далее будут рассмотрены три основных типа высказываний: повествовательное, обще- и частоноверификативные вопросительные.

(1) Интонация повествовательного высказывания

Интонация, включая фразовое ударение, тесно связана с порядком слов и осуществляет синтаксическое и эмоциональное оформление фразы. В немецком языке порядок слов сочетает фиксиро-

ванные и подвижные формы (Sibiryakova, Ryanzina, 2024). Ключевую роль играет глагольная рамочная конструкция, которая служит коммуникативным каркасом, позволяя фокусировать ядро ремы в среднем поле (Kazantseva, 2015). При нейтральном порядке слов основное ударение падает на финальную позицию, но эмфатический порядок может смещать фокус в начало (Ozerova, 2013). В английском языке фразовое ударение обычно падает на знаменательные слова, однако логическое ударение, определяемое коммуникативным намерением, может выделить любой член предложения (Rodina, Chushkina, 2024). В отличие от германских языков, русский язык обладает большей гибкостью: ударение может падать на любое слово, а рема, выделяемая интонационным центром, чаще стремится к конечной позиции (Ozerova, 2013). Таким образом, порядок слов и интонация обладают смысловоразличительной силой и находятся в отношении взаимной компенсации, подчиняясь задаче выделения ремы – ядра высказывания.

Кроме того, в разговорном немецком языке используются различные дискурсивные частицы (модальные *ja* ‘да’, *doch* ‘но’), а также акцентирующие частицы (*sogar* ‘даже’, *auch* ‘также’). В предложении они могут комбинироваться довольно свободно. Роль этих частиц состоит в том, чтобы передавать различные значения, такие как «очевидность», «общие предпосылки» или «противоречие», которые в других языках могут выражаться интонационно (Gibbon, 1998).

Для рассмотренных диалогов на языке плотдич характерна некоторая неуверенность говорящих, частые умозаключения, типа: я думаю, что...; я тоже так думаю; я не знаю... и пр.

[ʒtɪ dʒnʲɪ / zan fɪl tʲenʲɪ / venʲe vʲɪlə fʲvameɣuna / un hʲɪr habə ɛn bol flurə / de vʲɪl dʲum iʲrʲɪrə//] ‘Я думаю, что там много детей, которые хотят плавать. Они потеряли мяч и хотят его поймать.’

[jo / tʲɪ oksə to dɛs hʲɪr dɛxvɔl // bʲɪdɛm vʲuta / a vʲenʲ zən hemu fɪl mɛnfə / unt hojt dɛs kumə zʲɪʃɛ ɛnbrɛn //] ‘Да, я тоже так думаю. Рядом

с водой всегда много людей, когда жарко, они приходят загорать.’

[s'ə / oba t'ɔt nix / vrom dʒsə t'ien'ja magtə srul t'i zent //] ‘Так, но я не знаю, почему эти дети среди всех этих коров.’

[zo / flɛçt / vɜl zɜ nox vot b'iʏvə //] ‘Может, они хотят еще что-то построить.’

Утвердительные высказывания в диалоге, как правило, являются ответными репликами на заданный вопрос. Для языка плотнич характерно резкое повышение тона в конце высказывания с последующей резкой деклинацией. Данный тональный рисунок реализуется на последнем слове в высказывании.

Так, в примере (1.1) [jo / d'ɪy bəhast rajçt // tɔjə ftunə onkels / tɔjə donje z'ɪçe fɛp'ɪs'tɛ//] ‘Да, ты права. Там стоят мужчины, там они отдыхают.’ На первом слове *on-* в слове *onkels* ‘мужчины’ и на втором *p'ɪs'-* в слове *fɛp'ɪs'tɛ* ‘отдыхают’ происходит повышение частоты основного тона, а на последнем – понижение (рис. 1). Начало высказывания произносится достаточно высоко, а затем тон немного понижается. Аналогично оформляется и первая часть высказывания [d'ɪy bəhast rajçt//] ‘ты права’.

Такой интонационный рисунок сохраняется даже в тех случаях, когда высказывание осложняется маркерами хезитации: (1.2) [ɛt'ɪ zoj zo f'il t'irɜn / doj zant / mmm / mʏt mɛnʃ bezʏit//] ‘Я вижу здесь очень много зверей, они рядом... ммм... с людьми

находятся.’ В первой части высказывания восходяще-нисходящий тон реализуется на слове *t'irɜn* ‘зверей’, причем наблюдается удлинение гласного первого слога [i:]. Вторая часть разрывается двумя паузами и маркером хезитации *mmm* ‘mmm’, который имеет нисходящий тон, а после второй паузы опять частота основного тона начинается достаточно высоко, и восходяще-нисходящий тон отмечается на последнем слоге слова *bezʏit* ‘находятся’ (рис. 2).

В примере (1.3) [ɟu / jɛs on' h'ɪs'i//] ‘Ага, здесь один дом.’ высказывание начинается с маркера обратной связи *ɟu* ‘ага’, который также не влияет на реализацию повествовательной интонации (рис. 3).

Высказывание в примере (1.4) осложняется обстоятельством цели, которое стоит после главной части предложения: [dɛ hopst do nɛnə tom ʃvame//] ‘Они прыгают туда, чтобы купаться.’ (рис. 4). Основной интонационный контур реализуется на последнем слове главной части *nɛnə* ‘туда’, а обстоятельство продолжает линию деклинации.

Как отмечалось выше, для рассмотренных диалогов характерна некоторая неуверенность говорящих, которая выражается в высказывании мнения при помощи глагола ‘думать’ или ‘знать’. Как правило, такие вводные фразы интонационно не обособливаются и продолжают основной контур высказывания: в (1.5) [und ɛs on'

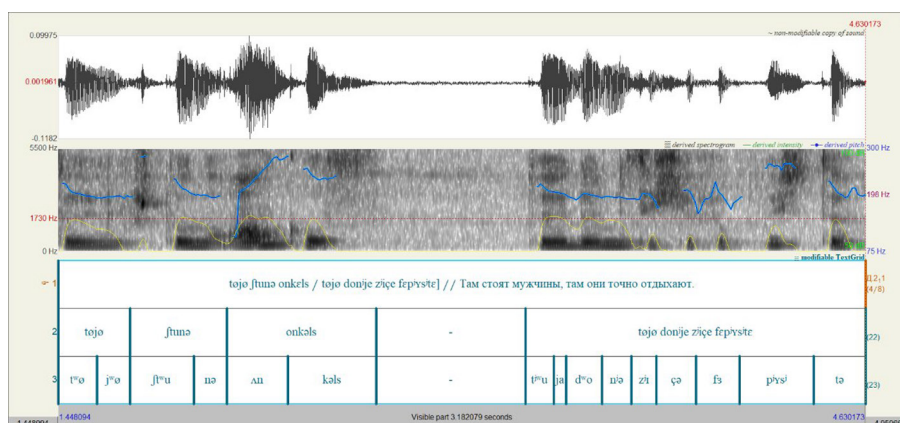

Рис. 1. Осциллограмма и спектрограмма высказывания (1.1)

Fig. 1. Waveform and spectrogram of the utterance (1.1)

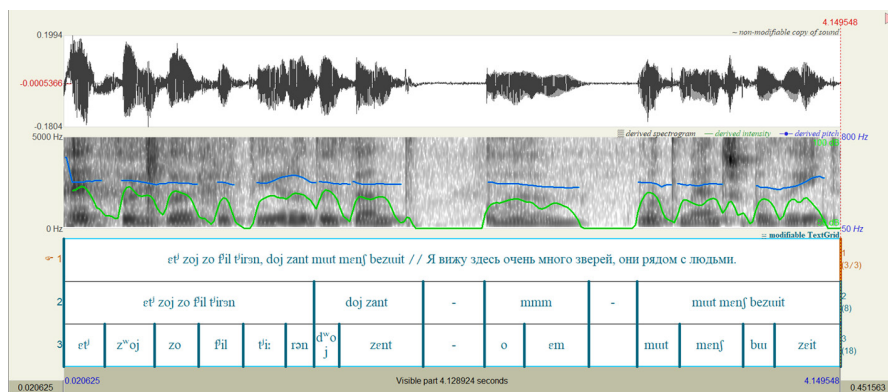

Рис. 2. Осциллограмма и спектрограмма высказывания (1.2)
Fig. 2. Waveform and spectrogram of the utterance (1.2)

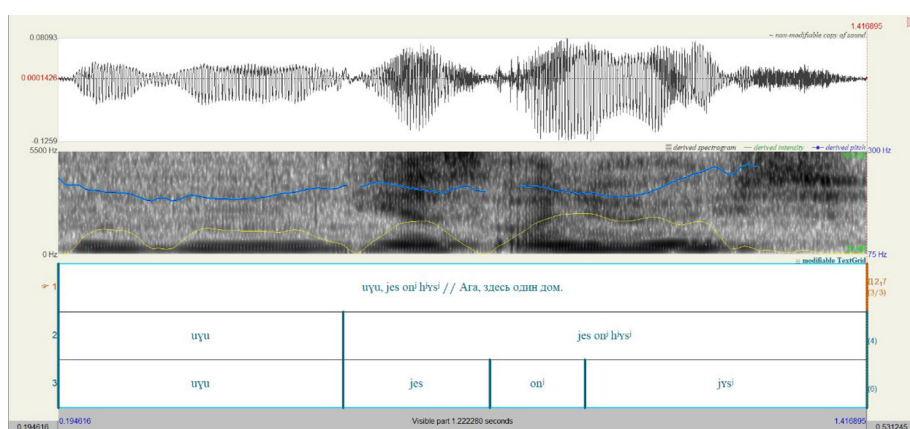

Рис. 3. Осциллограмма и спектрограмма высказывания (1.3)
Fig. 3. Waveform and spectrogram of the utterance (1.3)

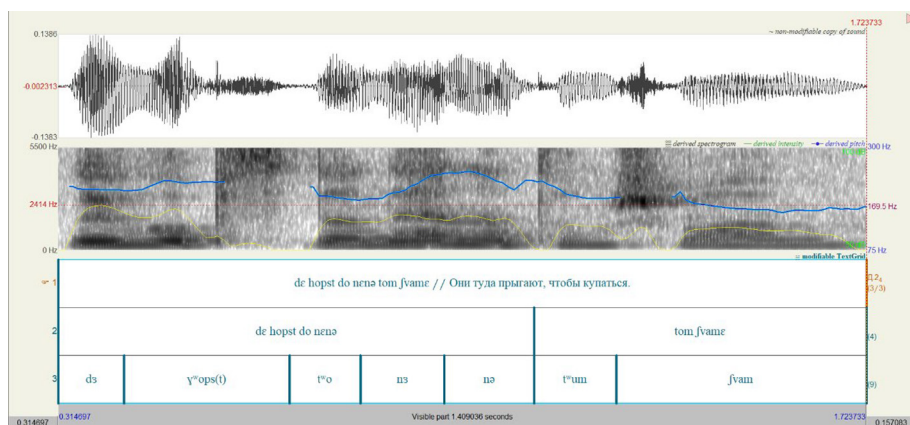

Рис. 4. Осциллограмма и спектрограмма высказывания (1.4)
Fig. 4. Waveform and spectrogram of the utterance (1.4)

darf / dɛn'tə s'ɔ//] 'Это деревня, я думаю.' (рис. 5) восходяще-нисходящее движение тона отмечается на слове *darf* 'деревня', за которым следует вводный член предложения *dɛn'tə s'ɔ* 'я думаю', продолжающий деклинацию основной части высказывания.

Если проанализировать представленные примеры с точки зрения тематического оформления, то именно рема выражается пиком частоты основного тона с тональным переломом от восходящего к нисходящему.

Для диалогов характерны случаи незавершенности высказывания, когда говорящий не полностью выразил свою мысль и дальше следует ее продолжение или развитие. Одним из маркеров незавершенности является повышение тона на ударном слоге при среднем или высоком уровне диапазона голоса говорящего, на котором происходят изменения тона. Другими показателями незавершенности могут служить различные комбинации подъема на ударном слоге с разнообразным – нисходящим или ровным – движением тона на заударных слогах, а также падение тона на ударном слоге с последующим подъемом на заударных слогах (Pal'ko, 2010: 12–13).

Т.Е. Янко и М.Л. Палько выделяют несколько стратегий выражения незавершенности, совпадающие в русском и немецком языках:

– *немаркированная* стратегия, которая служит нейтральным показателем незавер-

шенности, не вносящим в изложение последовательности событий никаких значений, кроме указания на то, что текущее сообщение не последнее;

– стратегия, осложненная дополнительным значением *рассказа по порядку*, при которой говорящий выделяет некоторое количество объектов или событий, о которых намерен говорить, выстраивает их в цепочку и излагает их в заранее определенной значимой последовательности;

– стратегия *погружения в воспоминания*, сомнения, мечты, которая используется при припоминании череды событий;

– *специальная* стратегия, при которой каждое событие в цепи событий мыслится как отдельное, законченное и «продвигающее» повествование вперед.

Самой распространенной в обоих языках является *немаркированная* стратегия (Pal'ko, 2010: 16; Yanko, 2008: 109–117).

В диалогах на языке плотнич встретился ряд предложений, реализующихся с интонацией незавершенности. В примере (1.6) [zo / flɛçt / vɜl zɜ nox vot b'ɪvɐ//] 'Так, может, они хотят еще что-то построить.' все высказывание произносится довольно ровным тоном с затяжками на *zo* 'так' и *b'ɪvɐ* 'построить', причем первая и вторая синтагмы начинаются с высокого тона и дальше идет небольшое понижение (рис. 6). Последний инфинитив *b'ɪvɐ* 'построить' произносится с нисходяще-восходящей интонацией, которая, как

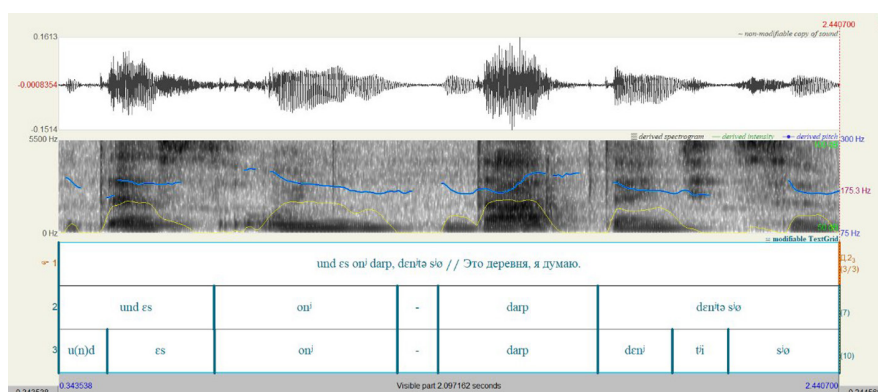

Рис. 5. Осциллограмма и спектрограмма высказывания (1.5)

Fig. 5. Waveform and spectrogram of the utterance (1.5)

принято считать, как раз и маркирует незавершенность.

Пример (1.7) [sʲə / oba tʲotʲ nix / vrom dʒə tʲenʲa magtə srul tʲi zent//] ‘Так, но я не знаю, почему эти дети среди всех этих коров.’ иллюстрирует случай рассуждения, в котором используется сочетание способов выражения незавершенности (рис. 7). Первые два слова *sʲə* ‘так’ и *oba* ‘но’ можно отнести к маркерам хезитации, которые дают возможность говорящему собраться с мыслями, обдумать, что он собирается сказать дальше. Интонационно они произносятся с нисходяще-восходящим движением частоты основного тона, темпорально подвергаются затягиванию. Кроме того, они обособляются паузой, после которой темп речи

ускоряется, и остаток высказывания произносится практически ровным тоном, с небольшой нисходяще-восходящей интонацией в самом конце.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что повествовательные высказывания в диалогической речи немцев-меннонитов плотнич реализуются с резковосходяще-нисходящей интонацией. Если за акцентоносителем следуют другие члены предложения, то они, как правило, продолжают нисходящий контур частоты основного тона или завершаются ровным тоном. Незавершенность, характерная для диалогического дискурса, часто имеет немаркированную стратегию выражения и оформляется (нисходяще)-восходящим или ровным конечным тоном.

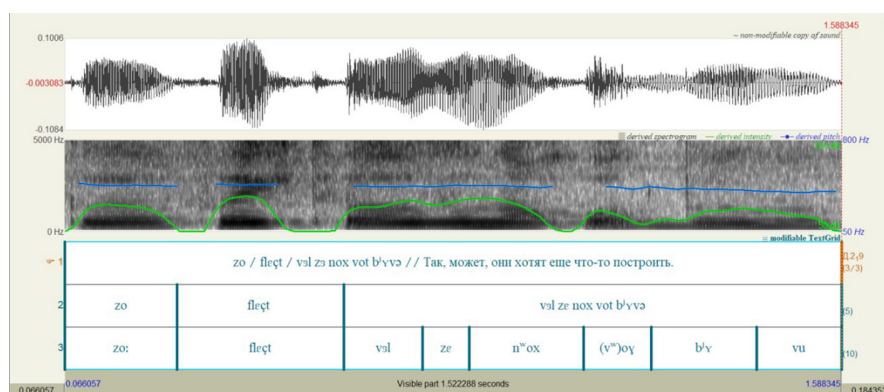

Рис. 6. Осциллограмма и спектрограмма высказывания (1.6)

Fig. 6. Waveform and spectrogram of the utterance (1.6)

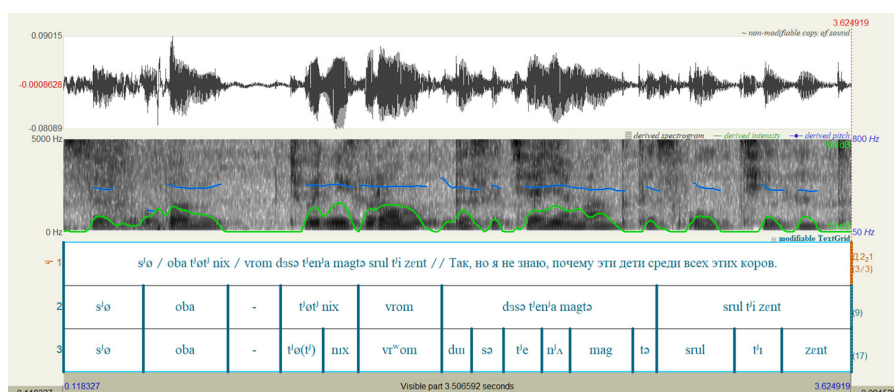

Рис. 7. Осциллограмма и спектрограмма высказывания (1.7)

Fig. 7. Waveform and spectrogram of the utterance (1.7)

(2) Интонация вопросительного высказывания

(2.1) Интонационное оформление специальных (диктальных) вопросов

Поскольку эксперимент был построен таким образом, что коммуникантам нужно было узнать конкретную информацию, то большинство вопросов в выборке представлены специальными (диктальными) вопросительными высказываниями. При формировании такого вопроса обязательно используется вопросительное слово, самым частотным вопросительным местоимением было *vot* 'что?', которое может стоять в любой части высказывания: [jo vutə zomə zo vʲi / ɛn / hʲek zog vot øjən toʲʲ vʲutznʲst // bʲi dʲl / vot konz zznə//] 'Здесь что-то покрашено. Как думаешь, что это может быть?'; [zara / vot zʲutʲ dʲur tut bʲult//] 'Зара, что ты видишь на этой картинке?' и др.

В примере (2.1.1) [vot zets dum tut bult//] 'Что ты видишь на этой картинке?' общее направление частоты основного тона – нисходящее с тональным пиком и пиком интенсивности на вопросительном слове *vot* 'что?' (рис. 8). Каждое последующее слово произносится более низким тоном и с меньшей интенсивностью. Данный пример иллюстрирует классический случай интонирования специальных (Wh-questions) в английском и немецком языках. Спрашивающий хочет узнать, что именно видит респондент.

В высказывании (2.1.2) [vot konst du pox zaɛ//] 'Что ты еще можешь сказать?' адресант хочет получить дополнительную информацию, кроме той, которую адресат вопроса уже сообщил, поэтому, хотя общий тон высказывания – нисходящий с тональным максимумом на вопросительном слове *vot* 'что?', однако интонационный пик не совпадает с пиками интенсивности, которые расположены на словах *konst* 'можешь' и *du* 'ты' (рис. 9). Минимальный уровень интенсивности отмечается как раз на вопросительном местоимении *vot* 'что?'.

(2.2) Интонационное оформление общих (модальных) вопросов

Общие (модальные) вопросы в немецком языке образуются при помощи перестановки подлежащего и сказуемого: предикат ставится перед субъектом. В нашей выборке вопросов такого типа не встретилось. Возможно, это объясняется особенностями устного общения, при котором не обязательно соблюдать все правила грамматического оформления высказывания.

Пример (2.2.1) [hea zent ti//] 'Здесь есть коровы?' произносится с явной восходящей частотой основного тона в конце высказывания, что характерно для интонирования общего вопроса (рис. 10). Интенсивность понижается к концу высказывания: перепад составляет 300 Гц.

Более распространенным типом общего вопроса является уточнение с верифика-

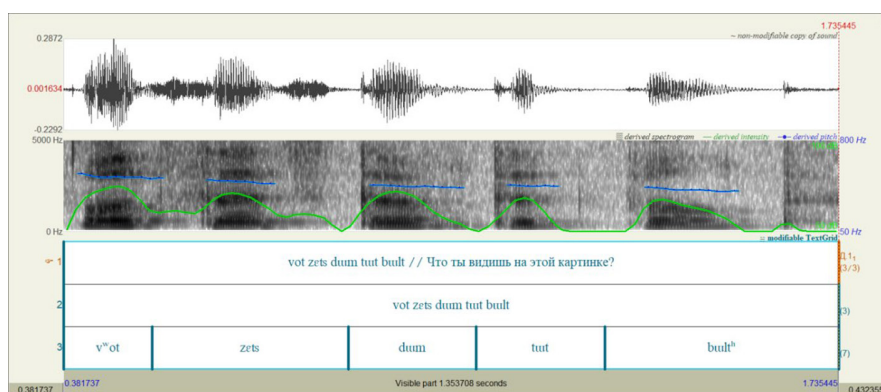

Рис. 8. Осциллограмма и спектрограмма высказывания (2.1.1)

Fig. 8. Waveform and spectrogram of the utterance (2.1.1)

тивными словами *jo / ja* ‘да?’ или *n’ie* ‘нет?’, которое является акцентоносителем, и при помощи которого повествовательное высказывание трансформируется в вопросительное: [n’ie / dʰʊt zɛnt olɐs tʲi / n’ie?//] ‘Нет, это все коровы, нет?’, [noɪ ol zortɐ / jo//] ‘И еще много разного, да?’. В примерах такого типа (2.2.2) вопросительная коннотация передается исключительно восходящей интонацией (рис. 11).

Вопросительные высказывания в языке плотич реализуют интонационный паттерн в зависимости от типа вопроса: общие (модальные) вопросы интонируются с конечной инклинацией; общая направленность частоты основного тона специальных (диктальных) вопросов нисходящая с тональным пиком на интеррогативном слове,

при этом распределение пиков интенсивности зависит, вероятно, от того, что конкретно хочет узнать спрашивающий.

Заключение

В статье впервые описана интонация основных типов высказываний на языке немцев-меннонитов плотич. На основе анализа диалогической речи установлено, что повествовательные высказывания интонируются резковосходяще-нисходящим тоном; специальные (диктальные) вопросы имеют тональный пик на вопросительном слове и дальше интонация нисходящая; общие (модальные) вопросы оформляются инклинацией в конце высказывания, которая в ряде случаев является единственным маркером вопросительности.

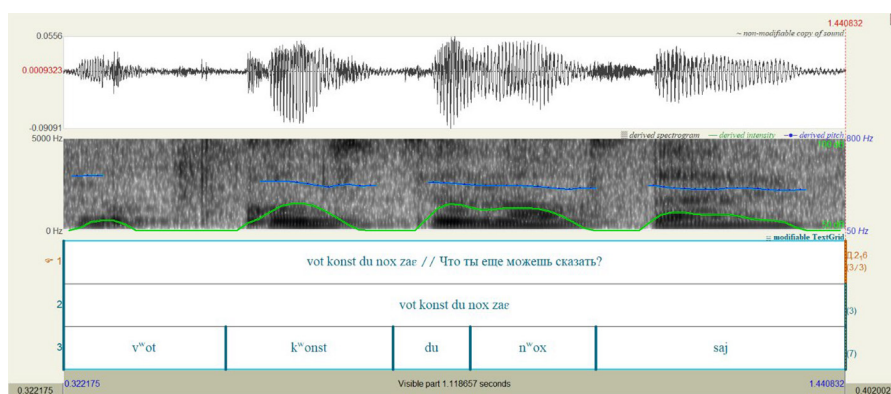

Рис. 9. Осциллограмма и спектрограмма высказывания (2.1.2)

Fig. 9. Waveform and spectrogram of the utterance (2.1.2)

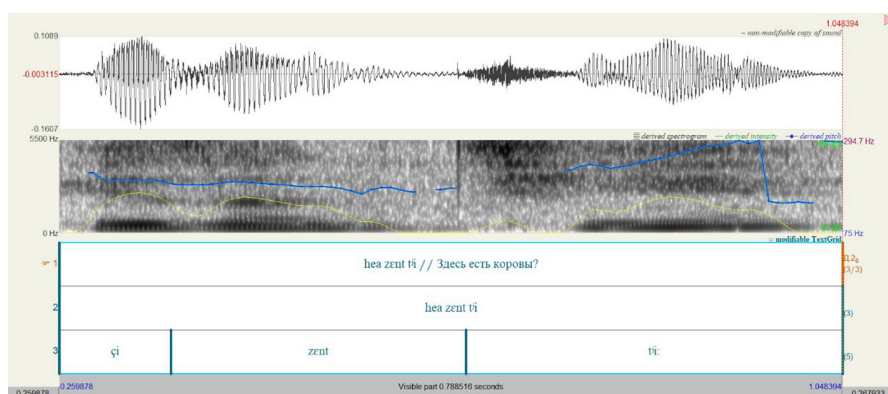

Рис. 10. Осциллограмма и спектрограмма высказывания (2.2.1)

Fig. 10. Waveform and spectrogram of the utterance (2.2.1)

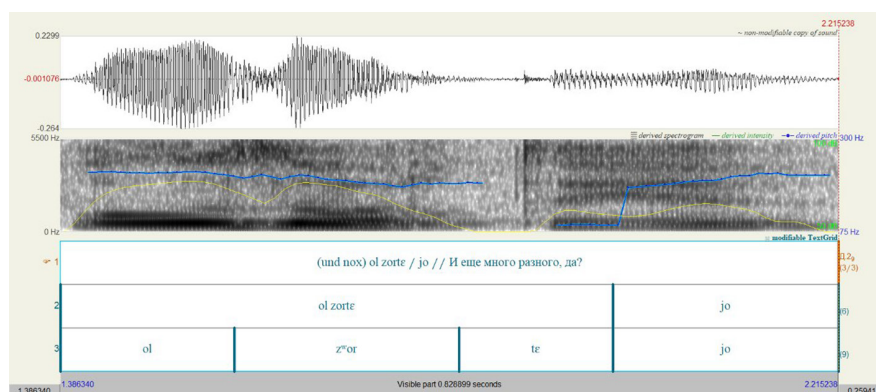

Рис. 11. Осциллограмма и спектрограмма высказывания (2.2.2)

Fig. 11. Waveform and spectrogram of the utterance (2.2.2)

Рассмотренный материал позволил выявить все особенности, характерные для диалогической речи. Выборка была ограничена только одним типом полуструк-

турированного диалога, требуется анализ и описание других типов диалогического дискурса для верификации полученных результатов.

Список литературы / References

- Ashby P. *Understanding Phonetics*. London: Routledge, 2011. 272.
- Babayan V. N., Kruglova S. L. Osnovnye klassifikacii dialogov i dialogicheskikh vyskazyvanij-replik. In: *Vestnik of Kostroma state university*, 2016, 3, 155–159.
- Bergmann J. Ethnomethodologische Konversationsanalyse. In: *Sprachwissenschaft: Ein Reader* / Hrsg. L. Hoffmann. Berlin: De Gruyter, 2010. 258–274. DOI: 10.1515/9783110226300.3.258.
- Brazil D. *The Communicative Value of Intonation in English*. Birmingham: University of Birmingham Press, 1985. 170.
- Bryzgunova E. A. *Zvukovoj stroj sovremennogo russkogo yazyka [Sound structure of the modern Russian language]*. Moscow, 1980. 210.
- Dobrynina A. A., Shindrova K. V., Grigorieva A. S., Shestera E. A. Intonaciya dialoga na kumandinskom yazyke (rezul'taty polevyh issledovanij) [The intonation of the dialogue in the Kumandin language (results of the field research)]. In: *Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology*. 2024. 4(46). 47–57. DOI: 10.23951/2307–6119–2024–4–47–57.
- Gibbon D. Intonation in German. In: *Intonation Systems. A Survey of Twenty Languages*. Cambridge University Press, 1998. 78–95.
- International Phonetic Alphabet <https://www.internationalphoneticalphabet.org/ipa-sounds/ipa-chart-with-sounds/> (accessed 2 June 2025)
- Kazantseva J. M. Diskursivnaya obuslovlennost' slovoporyadka v sovremennom nemetskom yazyke [Discursive conditionality of word order in modern German]. In: *Vestnik of Moscow State Linguistic University*. Moscow, FSFEI HPE MSLU, 2015, 43–52.
- Knowles G. *Patterns of Spoken English: An Introduction to English Phonetics*. London: Longman, 1987. 220.
- Kohler K. German Intonation. In: *Languages of the World*, 2006. 55–78.
- Ladd D. R. *Intonational Phonology*. Cambridge: Cambridge University Press, 1996. 384.
- Naletova N. V., Grigoryeva A. S. Association-verbal network of the language of the Mennonite Germans of Siberia Plautdietsch. In: *Journal of Psycholinguistics*, 2023, 1(55). 78–93. DOI: 10.30982/2077–5911–2023–55–1–78–93

- Nikolaeva T.M. *Frazovaya intonaciya slavyanskih yazykov* [Phrasal intonation of Slavic languages]. Moscow, 1977. 280.
- Ozerova D. Ye. Funktsional'nyye osobennosti poryadka slov v russkom i nemetskom predlozhenii [Functional features of word order in Russian and German sentences]. In: *Language and Culture*, 2013, 4, 84–87.
- Pal'ko M.L. *Intonatsionnyye sredstva vyrazheniya kommunikativnykh znacheniy: na materiale nemetskogo i russkogo yazykov* [Intonational means of expressing communicative meanings: based on the German and Russian languages]: author's abstract. diss. candidate of philological sciences. Moscow, 2010. 27.
- Pheby J. *Intonation und Grammatik im Deutschen*. Berlin: Akademie-Verlag, 1975.
- Rietveld A.C.M. *Syllaben, klemtonen en de automatische detectie van beklemtoon de syllaben in het Nederlands*. Nijmegen: Witte Studentenpers, 1983. 262.
- Rodina S. V., Chushkina I. A. Osobennosti intonatsionnogo oformleniya zvuchashchey rechi v nemetskom, angliyskom i russkom yazykah [Features of intonation design of sounding speech in German, English and Russian languages]. In: *Modern Pedagogical Education*, 2024, 6, 367–382.
- Rozhdestvensky Yu. V. *Teoriya ritoriki* [Theory of Rhetoric]. Moscow: Dobrosvet, 1997. 488.
- Ryzhikova T.R., Shindrova K. V., Plotnikov I.M., Yakimets N. V. Intonatsionnye i pragmaticheskie harakteristiki dialogicheskoy rechi barabintsev i chatov [Intonational and pragmatic characteristics of the dialogic speech of Barabians and Chats]. In: *Yazyki i Fol'klor Korennykh Narodov Sibiri* [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia], 2024, 4(52), 98–113. DOI 10.25205/2312–6337–2024–4–98–113
- Shindrova K. V. Shumnye peredneyazychnye soglasnye fonemy yazyka mennonitov plotdich [Forelingual obstruents of the Plautdietsch Mennonite language]. In: *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 2023, 9(1), 191–200. DOI: 10.22250/24107190_2023_9_1_191
- Sibiryakova S.N., P'yanzina N. V. K voprosu ob osobennostyah poryadka slov vtorostepennykh chlenov predlozheniya v nemetskom yazyke [On the specifics of minor sentence members' word order in the German language]. In: *The world of science, culture and education*, 2024, 2, 415–417.
- t , Hart J. Een cognitieve methode voor het leren van Nederlandse intonatie. In: *Toegepastetaalwetenschap in artikelen*, 1981, 1(9). 98–107.
- von Essen O. *Grundzüge der deutschen Satzintonation*. Rattingen: Henn. 1956.
- Wells J.C. *English Intonation: An Introduction*. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. 288.
- Yakubinskij L.P. O dialogicheskoy rechi [On dialogic speech]. In: *Arhiv peterburgskoj rusistiki* [Archive of St. Petersburg Russian Studies], 1945. 1–45.
- Yanko T.E. *Intonatsionnyye strategii russkoj rechi v sopostavotel'nom aspekte* [Intonation strategies of Russian speech in a comparative aspect]. Moscow, 2008. 312.
- Zinder L.R. *Obshchaya fonetika* [General phonetics]. Moscow, 1979. 312.

EDN: OZDUGF
УДК 811.512.157

The Reflection of Historical and Cultural Contacts in the Dialect Vocabulary of the Sakha Language

Ninel V. Malysheva and Nina V. Turantaeva*

North-Eastern Federal University
Yakutsk, Russian Federation

Received 04.08.2025, received in revised form 21.08.2025, accepted 25.09.2025

Abstract. This study investigates the lexical reflection of historical and cultural contacts in the Olekminskii dialect of the Yakut language, based on field data collected during a linguistic expedition in 2022. The analysis focuses on 55 dialectal lexemes, including original Turkic words and borrowings from Evenki, Mongolic, and Russian. The results indicate that Evenki borrowings constitute the largest proportion (49.1 %), followed by Mongolic (24.5 %), Russian (13.2 %), and inherited Turkic vocabulary (13.2 %). Particular attention is paid to semantic, phonological, and morphological adaptation patterns. The findings demonstrate that the Olekminskii dialect reflects a complex history of interethnic interaction and has developed under conditions of sustained linguistic contact. Dialectal lexicon preserves lexical layers linked to traditional economic practices, environmental adaptation, and social interaction, serving as evidence of the region's ethnolinguistic diversity and cultural memory.

Keywords: Olekminskii Sakha, Yakut dialectology, linguistic contact, Evenki borrowings, Mongolic influence, Russian loanwords, historical lexicon, zoonymy, language and culture, Turkic languages.

This article was written with support from RSF “Languages and Cultures of the Peoples of the North and the Arctic of the Russian Federation: Comprehensive socio-humanitarian research (on the basis of big data)” (Agreement No25–78–30006 of 22.05.2025).

Research area: Social Structure, Social Institutions and Processes; Linguistics, Etymology
Historical and Comparative Linguistics, Language Contact, Ethnolinguistics, Arctic and Siberian Studies.

Citation: Malysheva N. V., Turantaeva N. V. The Reflection of Historical and Cultural Contacts in the Dialect Vocabulary of the Sakha Language. In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2025, 18(10), 1946–1963. EDN: OZDUGF

Отражение историко-культурных контактов в диалектной лексике якутского языка

Н.В. Малышева, Н.В. Турантаева

Северо-Восточный федеральный университет

имени М. К. Аммосова

Российская Федерация, Якутск

Аннотация. В статье рассматривается отражение историко-культурных контактов в лексике олёкминских якутов (самоназвание – саха) на основе полевых данных, собранных в ходе лингвистической экспедиции 2022 года. Анализуются 55 диалектных лексем, включая исконно тюркские слова и заимствования из эвенкийского, монгольского и русского языков. Наибольшую долю (49,1 %) составляют эвенкийские заимствования, далее следуют монгольские (24,5 %), русские (13,2 %) и унаследованная тюркская лексика (13,2 %). Особое внимание уделяется семантическим, фонологическим и морфологическим моделям адаптации. Полученные данные демонстрируют, что олёкминский диалект отражает сложную историю межэтнического взаимодействия и развивался в условиях постоянных языковых контактов. Диалектная лексика сохраняет лексические пласты, связанные с традиционными хозяйственными практиками, адаптацией к окружающей среде и социальным взаимодействием, что свидетельствует об этнолингвистическом разнообразии и культурной памяти региона.

Ключевые слова: олёкминские саха, якутская диалектология, языковые контакты, эвенкизмы в якутском языке, монголизмы в якутском языке, русизмы в якутском языке, историческая лексика, зоонимы, язык и культура, тюркские языки.

Статья подготовлена в рамках реализации проекта РНФ «Языки и культуры народов Севера и Арктики РФ: комплексные социогуманитарные исследования (на основе анализа больших данных)» (Соглашение N 25–78–30006 от 22.05.2025 г.).

Научная специальность: 5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы; 5.9.5. Русский язык. Языки народов России; 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика.

Цитирование: Малышева Н.В., Турантаева Н.В. Отражение историко-культурных контактов в диалектной лексике якутского языка. *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2025, 18(10), 1946–1963. EDN: OZDUFG

Introduction

The Sakha are the northernmost Turkic-speaking people, who have for centuries lived in isolation from the main Turkic continuum, surrounded by the indigenous populations of the tundra and taiga regions. The geographic isolation of the Yakuts from other Turkic-speaking peoples has contributed to the preservation of archaic features in their language, reflecting its ancient

origins. For example, the Yakut lexicon preserves Old Turkic forms such as Old Uyghur *ölēŋ* > Yakut *ölōŋ* ‘a plant of the grass family’ (SIGTlaL, 2001), Old Uyghur *qudruq* > Yakut *kuturuk* ‘tail’ (SIGTlaL, 2001), and Orkhon *kiš* > Yakut *ki:s* ‘sable (animal and fur)’ (SIGTlaL, 2001), as well as numerous Proto-Turkic elements. One such example is *jüz* > Yakut *sü:* *s*, where the Yakut meaning, along with that of Chuvash –

both peripheral and evidently derived from the notion of ‘face as a part of the body’ – appears to reflect a more archaic semantic layer than in the other Turkic languages (SIGTlaL, 2001). This linguistic evidence naturally leads to broader questions regarding the historical origins and ancestral homeland of the Yakut people.

Theoretical framework

The ancestral homeland of the Yakuts remains a subject of scholarly debate. A range of hypotheses has been proposed, based on archaeological, anthropological and ethnographic evidence, linking the Yakuts to various ethnic groups: Turkic (Okladnikov, 1955; Antonov, 1971; Gogolev, 1993), Mongolic (Böhtlingk, 1989; Jochelson, 1895; Ksenofontov, 1937; Rassadin, 1980), Yeniseian (Aristov, 1896), Urankhai (Kochnev, 1896; Troshchanskii, 1902 or 1903), Scythian-Siberian (Potapov, 1972; Konstantinov, 1975; Gogolev, 1993), Hunnic (Ivanov, 1975; Sidorov, 1985), and the Kurykans (Gogolev, 1986). Drawing on archaeological, anthropological, ethnographic and linguistic data, contemporary researchers continue to investigate the possible location of the Yakuts’ ancestral homeland. Among the most significant contributions in this area are the works of B. Pakendorf (2007), E. Crubézy et al. (2010), E. Stapert (2013), and V. Zvéniġrosky et al. (2020).

The majority of scholars support the view of the southern origin of the Yakuts, as evidenced by the works of G. V. Ksenofontov (1937), S. A. Tokarev (1941), A. P. Okladnikov (1949), I. V. Konstantinov (1975), I. E. Zykov (1982), A. I. Gogolev (1993), A. N. Alekseev (1996, 2013), among other scholars. According to this hypothesis, the ancestors of the modern Yakuts were a nomadic tribe of Kurykans of presumed Hunnic origin who inhabited the Transbaikal region until the fourteenth century. From the vicinity of Lake Baikal, they migrated along the basins of the Lena, Olyokma, Vilyuy, and Aldan rivers to the present-day territory of Yakutia. This hypothesis is supported by ancient runic inscriptions found on natural sites and historical-ethnographic objects, particularly on rocks and in caves along the Lena, Sinyaya, Olenyok, Aldan, Olyok-

ma, and Markha rivers. As documented by P. A. Sleptsov, G. G. Levin, and N. S. uola Bagdaryn, six ancient runic symbols were discovered on rocks along the Olyokma River, one of which was previously deciphered as “having received a good home (or family)” (Sleptsov et al., 2019: 73). Inscriptions on the Suruktah Haya rock along the Markha River in the Olekminskii District are interpreted to denote “the sacred word” and “fifty” (Sleptsov, et al., 2019: 73). It may be inferred that these inscriptions reflect the perception of Olekminskii lands by southern migrants as favourable for settlement and traditional subsistence activities. These considerations provide the theoretical foundation for examining Yakut dialectal variation in a specific regional context.

Statement of the problem

The Olekminskii District, situated in the south-west of the Republic of Sakha (Yakutia), is a multiethnic area where representatives of various ethnic groups – including Evenks, Russians, and Yakuts – have coexisted for centuries. The district occupies a unique geographical position, bordering the Amur, Zabaykalskii (Chita), and Irkutsk regions of the Russian Federation, as well as seven administrative uluses (districts) of the republic: Verkhneviliuiskii and Suntarskii to the south, Lenskii to the south-west, Gornii to the south-east, and Khangalasskii, Aldanskii, and Neriungrinskii to the east and north-east. Covering an area of 160,800 square kilometres, the district includes twenty-three municipalities, five of which hold the status of “national Evenki nasleg” (a type of rural locality with ethnic status). The district is home to the Indigenous small-numbered peoples of the North – the Evenks – who have partially preserved their traditional practices of reindeer husbandry. Within this diverse geographical zone, the speech of the Olekminskii Yakuts has retained distinct dialectal features, particularly in lexical domains associated with material and spiritual culture, the natural environment, and local fauna and flora. To address these issues, our research turns to empirical fieldwork carried out in the Olekminskii District.

Methods

This study is based on data collected during a linguistic field expedition to the Olekminskii District of the Republic of Sakha (Yakutia). The expedition was conducted by the research team of the International Research Laboratory “Arctic Linguistic Ecology” at the North-Eastern Federal University between 12 and 20 August 2022. Fieldwork was carried out in the town of Olekminsk and the villages of Tiania, Tokko, Bes-Küöl, Kudu-Küöl, and Khorintsy within the Olekminskii District.

The linguistic expedition yielded a substantial body of empirical data obtained through structured surveys and semi-structured interviews. One hundred literary words from the core lexicon were selected, and their dialectal equivalents and variants were elicited from participants’ oral responses. In order to gain deeper insight into how local inhabitants conceptualise and interact with their natural environment and ethno-cultural context, spontaneous interviews were conducted, focusing on the naming, etymology, and contextual usage of relevant lexical items. Respondents were selected according to two principal criteria: (1) age – long-term residents aged 71 to 92 (21 %); and (2) cultural involvement – active community members aged 29 to 68 (79 %). In total, 24 individuals were interviewed, representing approximately 80 % of the population in the Olekminskii District who met these selection criteria.

The interviews yielded 48 audio recordings with a total duration exceeding 70 hours, and a corpus comprising over 8,000 lexical items. This article presents 55 particularly distinctive and noteworthy instances of dialectal lexical variation, including several items that reflect borrowings resulting from historical language contact with Mongolic tribes, Tungusic-Manchu groups, and Russian-speaking populations. As a result of this research, we have identified, analysed, and documented a number of dialectal designations for reality objects which had previously not been recorded in lexicographic sources or scholarly literature.

As the research data indicate, borrowings from the Evenki language constitute the largest proportion (49.1 %) of loanwords in the speech

of the Olekminskii Sakha. The dialectal lexicon also reveals the presence of Mongolic borrowings, which account for 24.5 %. Ethnographic sources suggest that the village of Khorintsy in the Olekminskii District was settled by Yakut ancestors who had relatively recent contact with these ethnic groups, a hypothesis corroborated by the linguistic evidence presented in this study. The expedition also revealed a number of significant challenges to the preservation of both Yakut and Evenki languages, including the gradual decline of traditional subsistence activities such as reindeer herding and cattle breeding, the absence of cultural centres in the villages of Tiania and Bes-Küöl, the deteriorating condition of secondary schools in Khorintsy (built in 1961) and Tokko (built in 1975), and limited access to radio and television broadcasting in the indigenous languages of the republic.

The natural environment of the Olekminskii District is characterised by a rich and diverse fauna, which has made hunting, fishing, and reindeer herding the primary traditional forms of subsistence. Consequently, a significant portion of the research material focuses on zoonymic terminology, reflecting the linguistic encoding of the region’s zoological diversity. This tendency is likely attributable to the close relationship that the Olekminskii Yakuts – representatives of the northernmost branch of the Turkic language family – maintain with the natural environment and local fauna.

The Olekminskii Yakuts and their language contacts

The dialectal vocabulary of the Olekminskii Sakha reflects their prolonged and close interaction with neighbouring ethnic groups, resulting in numerous lexical borrowings from Evenki, Russian, and Mongolic languages. It is important to emphasise that, while the Yakut language is firmly rooted in the Turkic language family – with approximately 60 % of its lexicon derived from Turkic sources – it also exhibits a substantial layer of Mongolic influence, which accounts for around 30 % of its vocabulary.

In order to investigate the causes, conditions, and outcomes of this language contact,

as well as to elucidate the relationships between the respective languages, it is essential to consider the historical, interethnic, cultural, and other forms of interaction among the speakers of these linguistic groups. The following sections provide a separate analysis of borrowings from each language group.

Inherited Turkic Lexicon in the Olekminskii Yakut Dialect

The Yakut language stands out among other Turkic languages due to its distinctive structural features and unique historical development. Its origins and evolution – markedly different from those of its Turkic counterparts – have long attracted scholarly attention. Over the centuries, Yakut has been shaped by multiple linguistic strata, including Mongolic, Tungusic, Russian, and elements of unidentified origin, which have contributed to its distinctive linguistic profile (Ubryatova, 1960).

Based on the collected material, we have identified several original Turkic lexical units. For example, the word *atas* ‘sable (male)’ (informants: N. A. Khudaev, M. N. Kartashov) derives from Proto-Turkic *addash* ‘namesake, friend, comrade’ (ESTIa, 1974: 203). The Yakut form has three meanings: (1) ‘a friend or comrade of someone’; (2) ‘barter, exchange, or payment in kind’; (3) ‘a male sable’ (BTSIaIa, 2004: 686). This example illustrates the preservation of the semantic core of the word in Yakut, alongside regular phonetic changes: the Turkic sibilant [ʃ] is adapted as [s] in final position, and the intervocalic Turkic [d] appears as [t] in medial position in Yakut.

Another example is the toponym *chai*, recorded during a conversation with the informant L. V. Malysheva, meaning ‘a rocky area by the river, exposed when the water level drops’. Lexicographic sources define this as: **saj* ‘(1) a rocky place of volcanic origin; (2) a desert plain’, cf. Turkish *saj* ‘shallow (of water)’; Chagatai and Kazakh *saj* ‘river; narrow; long ravine’; and Kyrgyz *yudakhin* ‘riverbed’ (DTS, 1969: 481; SIGTIaL, 2001: 93).

The dialectal form *munna* ‘here’ (standard: *manna* ‘here’) also derives from an original Turkic root, specifically Old Turkic *munda* ‘here, there’ (BTSIaIa, 2009: 217).

Since the Olekminskii District constitutes a contact zone between the Yakuts and the Evenks, Evenki suffixes are occasionally added to Yakut stems denoting animal names. For example, the zoonym *ehekeen* ‘bear’ consists of the Yakut stem *ehe* ‘bear’ and the Tungusic diminutive suffix *-keen* (informants: P. E. Alekseev, N. I. Nogovitsyna, I. V. Gabyshv); *börököön* ‘wolf’ combines *börö* ‘wolf’ with the Tungusic suffix *-köön* (informant: L. V. Malysheva); and *meppikeen* is derived from the Yakut descriptive verb *meppi* ‘to be or look round/plump (of the face)’ plus the suffix *-keen* (informant: M. N. Kartashov) (BTSIaIa, 2009: 416).

These formations illustrate the incorporation of the Tungusic diminutive suffix *-kaan* (variants *-keen*, *-köön*) into Yakut vocabulary. This suffix typically conveys a diminutive nuance and expresses a sense of respect or reverence toward the referent. Similarly, the diminutive suffix *-kii* in the word *ebeekii* ‘female bear’ (from the Yakut euphemism *ebee* ‘grandmother’ and the Tungusic suffix *-kii*) marks the speaker’s respectful and cautious attitude toward the animal (informant: M. N. Kartashov).

At the same time, N. V. Malysheva observes that the affixes *-kaan* and *-chaan* can be traced back to common Altaic morphemes, suggesting a more ancient typological foundation for these forms (Malysheva, 2024: 311).

Mongolic Influence on the Olekminskii Dialect of Sakha

The dialect of the Olekminskii Sakha contains Mongolic borrowings that warrant particular attention. It is widely acknowledged that the Mongolic languages have had a significant influence on the development of the modern Sakha language. Some scholars date these borrowings to the twelfth or thirteenth centuries and no later than the fifteenth or sixteenth centuries (Kaluzhinskii, 1961: 20), while others argue that contact between the Sakha and Mongolic-speaking peoples originated earlier, tracing it back to the era of the first “nomadic” states (Antonov, 1971: 53–54). According to these researchers, contacts between the Sakha and Mongolic-speaking peoples were of long duration. It is further assumed that the Ya-

kuts came into contact with different Mongolic tribes at different periods (Shirobokova, 1980: 146–147).

In the ethnogenesis of the Sakha people, determining the chronology and geographical context of Yakut-Mongolic interactions is of considerable importance – particularly in identifying the locus of intensive Mongolic influence, which substantially affected the phonological structure of the Yakut language. Available linguistic and historical evidence suggests prolonged Yakut-Buryat (Mongolic) contact, most likely taking place in the Pre-Baikal region from approximately the mid-first millennium CE (Gogolev, 1993: 58–63). The most substantial linguistic impact – originating from an unidentified Eastern Mongolic variety – is believed to have occurred between the thirteenth and fourteenth centuries, possibly extending into the sixteenth century (Rassadin, 1980: 90). As P.B. Konovalov notes, “This primary contact likely occurred along the Upper Lena (during the Kurykan period) and the Middle Lena with Mongolic-speaking tribes already settled in the region. The Yakuts may have coexisted with them under conditions of prolonged bilingualism” (Konovalov, 2010: 101).

It is noteworthy that the majority of Mongolic loanwords attested in the Yakut language belong to the Eastern Mongolic branch. In this respect, the linguistic and cultural parallels between the Yakuts and the Buryats are particularly pronounced (Antonov, 1971; Rassadin, 1973). In modern Yakutia, several Yakut nas-legs (rural settlements) bear the name “Khoror” (Khorintsy), including one located in the Olekminskii District. The Khorinskii component of Yakut ethnogenesis has been the subject of extensive historiographical attention. Most researchers associate the Yakut Khorolors with the Khorii Buryats (Nimayev, 1988; Rumyantsev, 1962). Myths, folklore, and oral legends identify the progenitor of the Khorolors as Uluu-Khoror – an elder who, according to tradition, arrived on a swift-footed bull from a land south of present-day Irkutsk to the Tuimaada Valley (Troshchanskii, 1902 or 1903).

Of particular interest are references to linguistic differences preserved in ancient Yakut

legends. For instance, in narratives surrounding *Ellei Bootur* – the legendary progenitor figure in the Sakha epic tradition – the phrase “do not speak Khorinskii, but speak Yakut” is mentioned (Bolo, 1994: 103). This formulation may indicate the presence of a linguistic boundary between the ancestors of the Sakha and the Khorin tribes, suggesting that early interethnic contact involved interaction between speakers of distinct linguistic varieties. This linguistic separation is further illustrated by cultural and lexical evidence preserved in oral traditions, such as the term *khoro tebien* ‘camel’, attested in the Yakut epic *olonkho* (Shcherbak, 1961: 104) – a reference to an animal wholly atypical for the ecosystem of Yakutia, yet of considerable significance in the traditional economy of Mongolic peoples. As N.N. Shirobokova has observed: “One of the sources of Mongolian elements in the Yakut language could have been the Khorii language – one of the principal tribal dialects within the Mongol-Buryat community. The contacts between the Yakuts and the Khorii people were prolonged, although probably intermittent, and left profound traces in the languages of both peoples. Some Khorii-Buryat clan names can be explained only through Turkic linguistic material, in particular Yakut” (Shirobokova, 1980: 147).

Building on the historical context outlined above, this section examines selected Mongolic loanwords attested in the dialect of the Olekminskii Sakha. In the domain of animal names, the dialect of the Olekminskii Sakha features a number of notable Mongolic borrowings. One such example is *tan’akh* ‘elk’ (informant – P.E. Alekseev), which appears to derive from *taiakh*, ultimately linked to Common Mongolic *tayiluy* / *tayilay*, Khalkha-Mongolian *tailag* ‘camel before castration’, Buryat *tailag* ‘two-year-old camel’, and Kalmyk *təəlg* ‘three- to four-year-old camel’ (ESM1a, 2018: 158). These borrowings exhibit regular phonetic changes, including the historical loss of *l* in inlaut position and the substitution of Mongolic [g] with Yakut [ɣ]. V.I. Rassadin argues that metaphorical shifts in meaning are key indicators of the semantic integration of Mongolic loanwords in Yakut (Rassadin, 1980: 87). He identifies over 100 Mongolic stems in Yakut that have un-

dergone semantic modification, often through analogy. For instance: Yakut *altan* ‘copper’ < Mongolic *altan* ‘gold’; Yakut *uruskhal* ‘(fish) dorsal fin’ < Written Mongolic *urusqal*, Khalkha-Mongolian *ursgal*, Buryat *uraskhal*, Kalmyk *urskhul* ‘river current, stream’; Yakut *üte* ‘travel provisions, journey food supply’ < Written Mongolic *üde*, Khalkha-Mongolian *üd*, Buryat *üde*, Kalmyk *üid* ‘noon’ (and, by extension, possibly ‘midday meal’, cf. Common Mongolic *üdle-* ‘to dine at noon’) (Rassadin, 1980: 87–88). We suggest that the Yakut word for elk – *tan’akh* – may likewise reflect a metaphorical transfer of meaning from the Mongolic term for camel. This shift was likely based on perceived similarities between the two animals: both are large, wild, and reddish-brown in colour; the camel’s padded feet resemble the elk’s wide hooves; and the elk’s prominent shoulder resembles a camel’s hump. This metaphorical naming likely occurred when the ancestors of the Yakuts, migrating from the Sayano-Altai and Mongolian regions, encountered the elk in their new northern environment and named it by analogy with the camel, an animal with which they were familiar in their original southern habitat.

Another example is *bööskö* ‘aphid’ (informant – K. Ch. Dyollookh), derived from the Mongolic root *böös(ön)* meaning ‘louse, lice, flea, aphid’ (BAMRS, 2001a: 424), with the Yakut diminutive or pejorative suffix *-ka* / *-kö*. The use of this suffix reflects the small size and nuisance value of lice, fleas, and aphids, which is clearly conveyed in Yakut semantics.

The Olekminskii Yakuts also use *üön* to denote ‘snake’ (informants – M. G. Nikolaeva, U. D. Yrakyeva), which is believed to originate from Old Mongolian *egüü* / *eü* ‘wart’. Cognates include Buryat *üüng* ‘wart’, Kalmyk *üün*, and Khalkha-Mongolian and Ordos *üü* (Kaluzhinskii, 1961: 31; BMRS, 1951: 520). This term underwent typical phonological adaptation in Yakut, namely the loss of the inlaut [g], resulting in the diphthong [üö].

Finally, the ichthyonym *tengili* ‘freshwater fish of the carp family, ide’ (informant – M. N. Kartashov) is a borrowing from Buryat *teeli* ‘bream, ide’ (BTSIaIa, 2014: 487; Pekar-skii, 1959: 2635; Antonov, 1971: 70).

In the lexical field of plant names, the dialectal forms *sokhtu ot* and *sokhtuot* ‘hop’ (informant – K. Ch. Dyollookh) represent Mongolic borrowings, derived from the Mongolian stem *sogtuu* ‘drunk’ (lit. ‘hopped’) (BAMRS, 2001c: 815). Within the dialectal system of the Yakut language, there are numerous instances of compound word formation based on two root morphemes. As noted by S. A. Ivanov, “they undergo lexicalisation and become independent lexical units” (Ivanov, 2021: 208). This type of compounding represents a word-formation mechanism that occupies an intermediate position between morphological and syntactic processes (Ivanov, 2021: 208). In the case of the phytonym *sokhtuot* ‘hop’, the compound consists of *sokhtu* ‘drunk’ (lit. ‘hopped’) and *ot* ‘grass’.

Among words denoting household implements, the word *khatyy* ‘nail’ (informants – G. E. Sokorutova, G. N. Ivanova, M. N. Kartashov) derives from the Mongolian *khadaas* ‘nail’ (BAMRS, 2001c: 1218). This example demonstrates both the stable preservation of the original semantic meaning and regular phonetic adaptation processes, such as the substitution of the Mongolic voiced [d] in the intervocalic position with the Yakut voiceless [t]. A parallel phonetic development can be observed in the Yakut word *khotuur* ‘scythe’ < Written Mongolian *khadugur*, Khalkha-Mongolian *khaduur*, Buryat *khadzuur* ‘scythe’ (Antonov, 1971: 48).

In the semantic category of environmental terms, the dialectal lexeme *borongui* ‘twilight’ (informant – E. A. Khastaeva) appears to originate from the Mongolian *bürenkhii* meaning ‘twilight, darkness’ (BAMRS, 2001a: 452). Similarly, the word *orokh* ‘path’ (informant – V. P. Neustroev) is possibly derived from the Mongolian *orom* ‘trace, mark, path’ (BAMRS, 2001b: 677).

Within the sphere of somatic vocabulary, the word *chanchyk* ‘temple’ (informant – L. I. Gabysheva) is derived from Mongolian *sanchig* ‘hair on the temples; temple’ (BAMRS, 2001c: 800). The lexemes *d’ilbek* and *n’ilbek* ‘thigh’ (informant – E. A. Khastaeva) appear to trace back to the Mongolian *dzhilben(g)* as *takhim*, meaning ‘knee bend, popliteal space (i.e. the area behind the knee)’ (BAMRS,

2001b: 929). The term *chechengei* ‘temple’ (informant – L. V. Malysheva), glossed in the BTSIaIa (2017: 304) as ‘the part of the skull stretching from the ear to the forehead’, may be connected with the Mongolian form *čeče-gei*, which denotes ‘pupil’ or ‘apple of the eye’ (ESMIa, 2015: 136). This semantic shift – from a term designating the organ of vision to one referring to a cranial region – illustrates a metonymic transfer, likely motivated by the close anatomical proximity of the eye and the temple.

The examples presented above illustrate the integration of Mongolic loanwords into the following lexical-semantic domains of the Olekminskii dialect of Sakha: 1) zoonymy (Yakut *tan’akh* ‘elk’), 2) phytonymy (*sokhtuot* ‘hops’), 3) domestic vocabulary (*khatyy* ‘nail’), 4) environmental terminology (*boronguy* ‘twilight’), and 5) somatic vocabulary (*d’ilbek* ‘thigh’). On the basis of this evidence, it may be reasonably concluded that Mongolic borrowings constitute a significant stratum within the lexical system of the Yakut language, particularly in the dialect spoken in the Olekminskii District.

Tungusic Influence on the Olekminskii Dialect of Sakha

The origins and chronology of language contact between Yakut and Evenki remain a subject of scholarly debate. Several researchers have investigated and proposed various hypotheses concerning the interaction between the Yakut and Manchu-Tungusic languages. A. M. Shcherbak argues that contact between the Yakuts and Evenks began around the 14th-15th centuries. He bases this claim on the fact that only the Yakut and Dolgan languages among the Turkic group contain Manchu-Tungusic borrowings; their absence in other Turkic languages suggests a relatively late borrowing period (Shcherbak, 1994: 124).

Other scholars, such as E. I. Ubryatova and V. I. Rassadin, contend that contact between Yakut and Evenki languages began earlier, possibly before the 13th century (Ubryatova, 1960: 9; Rassadin, 1980: 82). The Yakut and Manchu-Tungusic languages exhibit lexical correspondences that reflect sustained interethnic contact over several centuries. These interactions were

established and maintained as the Yakuts and northern Tungusic-speaking peoples (Evenks, Evens, and Negidals) gradually migrated and settled across the vast regions of Siberia and the Russian Far East (Tsintsius, 1976: 117–128).

Such contact persists into the present day. The Olekminskii District remains a concentrated area of settlement for Indigenous numerically small peoples of the North – particularly the Evenki – where elements of the traditional subsistence economy, including reindeer herding, hunting, and fishing, are still maintained. According to the 2020 Russian National Census, the Evenki population in the Republic of Sakha (Yakutia) totals 24,442, with 1,194 residing in the Olekma District (Sakha(Yakutia) stat, 2020).

The Yakuts and the Evenks developed millennia of expertise in hunting wild animals and fishing, possessing detailed knowledge of animal biology and an ability to adapt to the specific features of the landscapes in which they hunted. As a result, both the Yakut and Evenki languages exhibit mutual lexical borrowings in the semantic fields of animal and fish nomenclature, as well as environmental terminology more broadly. The Olekminskii District is characterised by a rich and diverse fauna. Its territory is divided into taiga and mountain-taiga landscape subzones. Owing to a relatively mild climate compared to other parts of Yakutia, the local forests are dense and rich in herbaceous vegetation, as well as a variety of trees and shrubs. The fauna of the Olekminskii District primarily belongs to the Siberian zoogeographic complex and includes species such as the sable, wolverine, brown bear, elk, and chipmunk. Some species are typical of the southern taiga zone (e.g. the Manchurian, or red, deer and several species of bats), while others are associated with the mountain-taiga zone, including the musk deer and pika (Center for Ecological Travels, 2025).

The bear is the most revered animal of the taiga and a central figure in the mythology and oral traditions of the Indigenous Peoples of the North. Among the Yakuts, the bear is regarded as the ‘king of groves and forests’ (Seroshevskii, 1993: 634) and is perceived as an ancestral spirit incarnated in animal form.

This belief system necessitated ritual deference and extreme caution in all interactions with the animal, as any offence against this mythic forebear was believed to bring misfortune, illness, or death. The Yakuts scrupulously avoided uttering the bear's true name, considering it an omniscient and omnipotent being capable of retribution (Malysheva, 2021: 170). Instead, they employed an elaborate system of euphemisms, reflecting taboo-based linguistic behaviour rooted in totemism and traditional hunting protocols.

The Olekminskii Sakha, like the Evenki, use the affectionate euphemism *amikaan* (informant – P.E. Alekseev) to refer to the bear, derived from the Evenki word *amakaa*, meaning 'grandfather', 'ancestor', or figuratively 'bear' (Myreeva, 2001: 33). The root *amaa*, meaning 'ancestor', is common across Tungusic languages (SSTM Ia, 1975: 34), and the Yakut form includes the Evenki diminutive suffix *-kaan*. According to B.V. Boldyrev, the suffix *-kaan* forms nouns denoting objects of reality with diminutive or endearing connotations (Boldyrev, 2007: 103). Another euphemism is *etirkeen* (informant – P.E. Alekseev), derived from the Evenki *etirkeen*, meaning 'old man', and figuratively 'bear' (SSTM Ia, 1977: 469). The use of anthropomorphic euphemisms to denote the bear reflects its dual status in Northern Indigenous cultures – as both a totemic ancestor and an object of ritual avoidance – emphasising its sacred role within the spiritual and social fabric of the taiga peoples.

Meat has been the staple food of the northern inhabitants since ancient times. Hunting has long been a central subsistence practice among both the Yakuts and the Evenks. As neighbouring ethnic groups, they shared access to taiga resources and frequently engaged in joint hunting activities. The primary targets of big-game hunting included elk and bears, while small game – primarily hares – also featured prominently (Alekseev, 2012: 202). In the Olekminskii District, hunting of small ungulates such as roe deer and musk deer was likewise practiced. Close interethnic contact is reflected in the mutual lexical influence between the Yakut and Evenki languages. The Olekmin Sakha dialect preserves several Evenki-derived terms

for musk deer: *mekchikee* 'musk deer' (informant – N.A. Khudaev) from Evenki *mekche-kee* 'musk deer' (SSTM Ia, 1975: 536); *menekh* 'musk deer' (informant – N.A. Khudaev) from Evenki *meneek* 'musk deer' (Myreeva, 2004: 386; SSTM Ia, 1975: 569); and *badangkha* 'musk deer' (informant – K. Ch. Dyollookh), derived from Evenki *bagda* 'white' and *bagda-kaachii* 'with a white spot; white-sided (in reference to a deer's coloration)' (SSTM Ia, 1975: 62), with the addition of the Evenki derivational suffix *-ngki* (Boldyrev, 2007: 87–88). The suffix *-ngki*, a productive derivational morpheme in Evenki, is used to form more than thirty lexical items denoting tools, vessels, household objects, and cultural artefacts (e.g. *kërchingkii* 'knife for crushing pressed tea', *ulëëngkii* 'crowbar; ice pick; spear; digging stick'), outbuildings (*avungkii* 'bathhouse', *tavingkii* 'anvil'), vessels (*muulingkii*, *mulëngkii* 'birch-bark water vessel'), household items (*tëgëngkii* 'chair', *namangkii* 'pack saddle'), and cultural artefacts (*topchilaangkii* 'button', *ëlgëngkii* 'guide; one who leads'). The musk deer has a dark brown coat with light spots that provide effective camouflage in forest vegetation, helping it evade predators. Morphologically, the musk deer is highly distinctive: it combines the slender legs and hooves characteristic of cervids, a snout somewhat resembling that of a marsupial (such as a kangaroo), and – most notably – elongated upper canine teeth reminiscent of those found in extinct saber-toothed felids. The Yakuts traditionally valued the musk deer not only for its meat and hide but also for the musk gland, which produces a strongly aromatic substance used in traditional medicine, cosmetics, and perfumery (DikoVed, 2025).

The zoonym *eiteke* (informant – M. N. Kartashov) derives from the Evenki word *eiteke*, meaning 'wolverine' (Myreeva, 2001: 43). This term is attested in other Tungusic languages with the same or closely related meaning (SSTM Ia, 1975: 440). Under the environmental conditions of Southern Yakutia, including the territory of the Olekma Nature Reserve, the wolverine represents a rare yet consistently present species. As noted in the scientific publication Large Predators of the Holarctic, "the wolverine population in the Olekma Na-

ture Reserve is small, but the species is permanently present here... Wolverine fur, due to its unique qualities (it does not become frosted in extreme cold and does not get wet from snow or frost), remains in demand among the local population" (Jeleznov-Chukotskii, 2016). The exceptional frost resistance and water-repellent properties of wolverine fur render this animal particularly valuable in the material culture of the Indigenous peoples of the North. Given the areal distribution of the term *eiteke* and its stable attestation in the dialectal vocabulary of Yakut, it may be concluded that this borrowed zoonym has been preserved within the framework of sustained ethnocultural contact between the Yakuts and the Evenki. It continues to function in regional vernaculars as a reflection of traditional hunting practices adapted to the harsh climatic conditions of the subarctic taiga.

Fishing is a vital component of the traditional economy of the Indigenous Peoples of the North. The Olekminskii District, with its numerous rivers and lakes, provides rich habitats for a variety of commercially significant fish species. The Yakut language has incorporated names for both river and lake fish from the neighboring Evenki language. For example, A.N. Myreeva notes that the fish names *n'yryy* and *nyryy* (informants – M.G. Nikolaeva, P.E. Alekseev, N.A. Khudaev) derive from the Evenki word *niruu*, meaning 'grayling' (Myreeva, 2001: 59). The stem *niruu* is widespread in Tungusic languages and also denotes 'pit, hollow' in Evenki (SSTM Ia, 1975: 600), reflecting the ecological niche of the grayling, which typically inhabits deep river pools and depressions. Another ichthyonym *maigy* 'lenok' (informants – P.E. Alekseev, U.D. Yrakyeva, V.P. Neustroev, M.N. Kartashov), originates from the Evenki word *maai-gu*, meaning 'lenok' (Myreeva, 2001: 60). This lexeme is part of the common Tungusic lexicon and refers to the freshwater trout species *Brachymystax lenok*. Notably, the word *maai-gu* is used in the southern and eastern dialects of Evenki, including the Olekminskii dialect, whereas variants such as *maai-ga* and *mooigu* are attested in the Aianskii and Viliuiskii dialects (SSTM Ia, 1975: 521). The ichthyonym

oruuka (informant – P.E. Alekseev) is likewise derived from the Evenki word *erukee*, which refers to the *Phoxinus* species, commonly known as Eurasian minnow (Myreeva, 2001: 62). The root *erukee* is attested in the Tungir dialect of the eastern group of Evenki, which is characteristic of the Evenks residing in the Tungiro-Olekminskii region of northeastern Zabaykalsky Krai (SSTM Ia, 1977: 466).

Yakutia is renowned not only for its populations of fur-bearing animals and large predators adapted to the extreme climatic conditions of the Far North. Remarkably, despite being located entirely within the permafrost zone, Yakutia is also home to reptiles – specifically snakes – that have successfully adapted to this harsh environment. Among the Olekminskii Sakha, these creatures are typically referred to as *ihele* 'snake' (informant – P.E. Alekseev). This term appears to derive from the common Tungusic stem *iselee* (with dialectal variants such as *iselekii*, *ihelee*, *ishelee*, *hilee*, *ehelee*), which denotes 'lizard' in the Evenki language (SSTM Ia, 1975: 332). It is plausible that, upon settling in the Olekminskii region – where snakes were previously unfamiliar – the Yakuts adopted a Tungusic term originally referring to lizards to name the newly encountered reptiles, based on perceived morphological similarities. As noted by I.N. Novgorodov, the Evenki consonant [s] tends to shift to the pharyngeal [h] in medial or intervocalic positions under the influence of Yakut phonological patterns. This process explains the transformation of the Evenki *iselee* into the Yakut *ihele* (Novgorodov, 2009: 255).

The development of commodity-money relations enabled the Indigenous Peoples of the North to exchange furs for essential goods. Sable pelts, in particular, were highly valued and functioned as a form of currency. In the Olekminskii dialect of Sakha, the terms *n'aad'y* and *naadikaan* denote a female fur-bearing animal. These lexemes derive from the Evenki zoonym *nadiu* (informant – N.A. Khudaev), meaning 'close relatives' (BTSIaIa, 2009: 64). The medial consonant [d] in the Evenki form regularly corresponds to the Yakut palatalised [d'], resulting in the form *n'aad'y* through a systematic phonetic transformation. The animal name

naadikaan (informant – M. N. Kartashov) also originates from the Evenki stem *nadiu*, combined with the suffix *-kaan*, which conveys a diminutive or affectionate meaning. Similarly, the fish names *döiüö*, *d'öiüö* 'a kind of fish', and *d'oiuo* 'taimen' (informants – M. G. Nikolaeva, P. E. Alekseev) – specifically referring to young or small taimen (BTSIaIa, 2006: 392) – are likely of Tungusic origin, possibly deriving from the Proto-Tungusic root *žojo* meaning 'lenok' (SSTMia, 1975: 262; SIGTiaL, 2001: 178).

Numerous borrowings are also attested in the sphere of household vocabulary. For instance, the word *kuluhun* 'bonfire' (informants – E. A. Khastaeva, L. V. Malysheva) derives from the Evenki *guluvun* 'bonfire' (SSTMia, 1975: 169; Novgorodov, 2009: 238). As B. V. Boldyrev observes, the semantics of Evenki nouns with the suffix *-vun* is shaped by the close semantic relationship between the base lexeme and the derivational suffix, that is, by the semantic structure of all the components constituting the word-formation model (Boldyrev, 2007: 71).

A number of borrowings from the Evenki language are attested in the domain of household and dwelling-related vocabulary in the Olekminskii dialect of Sakha. For example, the word *chyrba* 'pillar' (informant – M. N. Kartashov) derives from the Evenki stem *dirbi* 'spine' (ERS, 2004: 205; Novgorodov, 2009: 261). This example reflects regular phonetic correspondences: This example illustrates systematic phonological correspondence, where Evenki [i] corresponds to Yakut [y], and the voiced stop [d] shifts to the affricate [ch] in Yakut. The word *kuiabyl* denotes a cone-shaped birch-bark vessel used for collecting berries – specifically, 'a birch-bark container for picking blueberries' (informant – M. N. Kartashov). It is likely derived from the Evenki *guiaavun* (*guiaabun*) meaning 'beater' (SSTMia, 1975: 168). Other Evenki-derived lexical items found in the Olekmin dialect include: *moluu* 'rear part of the tent' (informant – M. N. Kartashov) < Evenki *malu* / *maluu* 'the sacred area at the back of a dwelling (behind the hearth, opposite the entrance), believed to house the spirit of the chum, yurt, or urasa' (SSTMia, 1975: 525); *üücheen* 'hut' (informant – G. N. Iva-

nova) < Evenki *uteen* ~ *utən* 'a bark-covered hut (for winter use), or earthen-covered winter dwelling' (SSTMia, 1977: 295); *sekte* 'floor' (informant – M. N. Kartashov) < Evenki *sekta* 'willow' (used in the sense of 'laying willow twigs for flooring') (Novgorodov, 2009: 228); *bügeerik* 'a spruce branch flooring or a tree stripped of bark used for flooring' (informant – M. N. Kartashov); *süöncher* 'part of the tent structure' (informant – M. N. Kartashov); *chuongal* 'bag for storing dishes' (informant – M. N. Kartashov); *kültür* 'board placed under a tent' (informant – M. N. Kartashov) < Evenki *kultir* 'threshold; step at the entrance to a dwelling' (SSTMia, 1975: 428–429).

The presence of a significant stratum of Evenki loanwords in the dialect of the Olekmin Sakha serves as compelling linguistic evidence of intensive and sustained interethnic contact. These borrowings span diverse semantic fields – zoonyms, ichthyonyms, household and material culture terms – and reflect centuries of cohabitation and joint subsistence activities. The patterns of ecological settlement and shared adaptation to the taiga environment facilitated this process, fostering cultural and linguistic convergence. The continued usage of these terms in regional vernaculars underscores the depth of ethnolinguistic integration between the Yakuts and the Evenki.

Russian Influence on the Olekminskii Dialect of Sakha

Yakutia is a bilingual republic within the Russian Federation, where both Russian and Yakut are official languages. The Yakut language, which belongs to the Turkic language family, came under Russian influence relatively late. According to historical records, Russian explorers reached Yakut territories only in the first half of the 17th century. As a result, most Russian borrowings in Yakut function as synonyms for existing native words. For example, the kinship term *teete* (informants – N. F. Nikolaeva, U. D. Yrakyeva), derived from Russian *tat'ia* 'father' (BTSIaIa, 2014: 526), serves as a doublet of the inherited Yakut word *agha* 'father'. Kinship terms typically belong to the core vocabulary formed in the earliest stages of ethnogenesis; nevertheless, *teete* has been fully

integrated into the lexicon of the Olekminskii Yakuts. It demonstrates phonological adaptation to Yakut, notably the development of long vowels such as [aa].

Other examples of Russian borrowings include *buolka* (from Russian *volk* 'wolf', informant – P.E. Alekseev); *poloskai*, *balaskaat* 'to rinse' (from Russian *poloskat'*, informants – U.D. Yrakyeva, G.P. Efremova, N.I. Nogovitsyna); and *kuubuk*, *kubik* 'pan, distillation vessel' (from Russian *kub* 'alembic, distillation apparatus', informants – M.A. Mordosova, N.I. Nogovitsyna, T.I. Vinokurova) (Dal', 1905: 210). The presence of long vowels [aa], [uu], and diphthongs [uo] in these Yakut forms reflects a strategy of phonological adaptation. Since Yakut lacks phonemic stress, it compensates by lengthening vowels corresponding to stressed syllables in Russian. This process ensures perceptual prominence and facilitates the natural integration of borrowings into the phonotactic system of the language.

Not all lexical borrowings from Russian serve a duplicative function. A notable example is the word *buola* (informants – U.D. Yrakyeva, G.P. Efremova), borrowed from Russian *pole* 'field'. This term entered the Yakut language during the period of Russian peasant colonisation in the 17th and 18th centuries, when settlers began cultivating the land and ploughing fields in the Yakut region. Early agricultural efforts were rudimentary, hampered by continuous permafrost and poor soil fertility, which resulted in low yields. Nevertheless, the Yakuts began planting cold-resistant crops such as barley, oats, and wheat. Over the centuries, under extreme climatic conditions, a unique gene pool of crops developed, exhibiting resilience to prolonged droughts and extremely low temperatures. The emergence of the concept of a cultivated field – as distinct from traditional subsistence zones such as meadows or pastures – is closely associated with these new agricultural practices. It is therefore likely that the term *buola* was adopted by the Olekminskii Sakha in the context of early contact with Russian settlers, possibly in the late 17th or early 18th century.

Russians settled throughout Yakutia; however, their population was particularly concen-

trated in the Olekminskii District. This concentration can likely be attributed to the fact that Russian settlers primarily engaged in agriculture and thus sought areas with relatively favorable climatic and environmental conditions. The Olekminskii District offered such conditions, including comparatively fertile soils and a milder climate than other parts of the region.

Conclusion

The Olekminskii District has been a site of peaceful and harmonious coexistence among various ethnic groups since ancient times. It is therefore not coincidental that the name Olekma features prominently in the historical narratives of the Yakut people. Since the Stone Age, the Olekma River has served as a major route for human movement towards the North – primarily facilitated by its geographical location: the river's headwaters are located in close proximity to the basin of one of Transbaikalia's principal waterways, the Shilka River. Transbaikalia is recognised as one of the centres of ancient animal husbandry in Siberia. It is thus entirely plausible that the earliest archaeological traces of southern pastoralists in Yakutia were discovered specifically in the Olekma basin. The migration of populations from the Transbaikalian steppes into the Lena basin was a phenomenon of such magnitude that it has been preserved in the genealogical traditions of the Yakut people. These oral accounts describe how, prior to the arrival of the main body of the Yakuts, numerous Uryankhai tribes had already migrated from the upper reaches of the Olekma to the middle Lena. These were pastoral communities that bred cattle and horses (Konstantinov, 1975: 162).

Each ethnic group residing in the Olekminskii District maintains its own language, distinct culture, beliefs, and traditions. Despite sustained cultural and linguistic interaction, ethnolinguistic identities among the peoples of Yakutia have remained largely intact. The Evenks continue to practise reindeer herding, hunting, gathering of medicinal plants and berries, and fishing in the taiga; the Khorolors – possibly descendants of the Mongols – engage in horse and cattle breeding; the Russians practise agriculture and fishing; while the

Olekminskii Yakuts participate in nearly all of these subsistence activities. Borrowing, when occurring within moderate and functional limits, tends to contribute to the development and enrichment of their respective languages and cultures.

As a result of sustained contact, the language of the Olekminskii Sakha has incorporated numerous borrowings from both related and unrelated languages. However, early borrowings often underwent structural and phonological modifications in order to conform to the grammatical and phonotactic norms of the Yakut language. It should be acknowledged that the close interaction of the Olekminskii Sakha with Manchu-Tungusic peoples – particularly the Evenks – has left a profound imprint on both the dialectal development of the Yakut language in this region and on local cultural practices more broadly. The lexical composition of the Olekminskii Yakut dialect comprises: original Turkic vocabulary (13.2 %), Mongolic borrowings (24.5 %), Evenki borrowings (49.1 %), and Russian borrowings (13.2 %). Owing to sustained historical, cultural, and linguistic interaction with neighbouring groups, the Olekminskii Yakuts developed a set of 55 unique lexical borrowings that reflect the specific features of the regional dialect within the Republic of Sakha (Yakutia). Among these borrowings, several exhibit morphologically complex structures formed through affixation:

4 lexical items (7.5 %) follow the pattern Turkic (Yakut) stem + Evenki suffix: *ehekeen* (*ehe* + *keen* ‘bear’), *börököön* (*börö* + *köön* ‘wolf’), *meppikeen* (*meppii* + *keen* ‘bear’), *ebeekii* (*ebee* + *kii* ‘bear’);

3 items (5.6 %) follow the pattern Evenki stem + Evenki suffix: *amikaan* (*amaa* + *kaan* ‘bear’), *badangkha* (*bagda* + *ngki*), *naadikaan* (*nadiu* + *kaan* ‘female sable’);

1 item (1.8 %) follows the pattern Mongolic stem + Yakut affix: *bööskö* (*böös* + *kö* ‘aphid’);

1 item (1.8 %) follows the pattern Russian stem + Yakut affix: *buolka* (*volk* + *a* ‘wolf’).

From the above analysis, the following conclusions can be drawn:

First, ethnographic data suggest that the ethnogenesis of the Yakuts is connected to the

ancient Turkic period, which spanned the 6th to 10th centuries in the ethnohistorical history of Central Asia and South Siberia (Alekseev et al., 2020). The Yakuts are classified as part of the Uyghur-Oghuz subgroup of the eastern branch of the Turkic language family, and over 60 % of their lexical stock is of original Turkic origin. The dialectologist Ivanov maintains that the modern Yakut language, consisting of two dialect formations, emerged from the fragmentation of the ancient Yakut language into minor tribal dialects in the Circumbaikal and Upper Lena (Verkhnelenskii) regions, followed by the convergence of its two principal branches in the Middle Lena basin. The original Turkic lexicon primarily constitutes the core of the literary Yakut language. Given this, it was initially hypothesised that the dialect of the Olekminskii Sakha would retain a portion of this inherited vocabulary.

Second, one of the central issues in the ethnogenesis of the Yakuts concerns the location and chronology of Yakut-Mongolian contact, which significantly enriched the Yakut lexical stratum. Approximately 30 % of the Yakut vocabulary consists of Mongolic loanwords (mongolisms). According to V. I. Rassadin, the highest concentration of Mongolic elements in the Yakut language appears in nominal stems with diverse semantic content, particularly in terms related to local landscapes, natural phenomena, fauna, and domesticated animals. Rassadin (1980) argues that the presence of a wide range of Mongolic terms associated with haymaking, stall-based livestock keeping, and related forms of pastoral economy creates a strong impression that the Mongolic tribes who transmitted these terms to the Yakuts had adapted to the local environment long before the Turkic-speaking ancestors of the Yakuts migrated to the region. It is likely that the Yakuts, upon their arrival, borrowed not only this terminology from the Mongolic tribes but also the corresponding practical knowledge of hay production and stable-based animal husbandry – skills that had already been optimally adjusted to the harsh natural conditions of the area.

The presented material indicates that the Yakuts maintained early contact with

Mongolic-speaking tribes. Many scholars agree that an unidentified variety of Eastern Mongolic exerted significant influence on the Yakut language between the 13th and 16th centuries (Rassadin 1980: 90; Konovalov and Romanova 2010: 101). The likely descendants of the Khor-Buryats – now residing in the village of Khorinty in the Olekminskii District – gradually lost their linguistic and cultural connections with their Mongolic-speaking ancestors due to the absence of sustained contact with other Mongolic-speaking populations. Empirical data from this study demonstrate the cultural influence of the Mongols on the Olekminskii Yakuts. This influence is particularly evident in terminology related to cattle breeding and various aspects of horse and livestock management. For example, the Yakut names for the camel (*tailag*) and the elk (*taiaakh*) appear to have originated through metaphorical extension based on visual resemblance: both animals are large, wild, and reddish-brown in colour; the camel's padded feet resemble the elk's broad hooves; and the elk's neck hump bears similarity to the camel's dorsal hump. It may be hypothesised that the ancestors of the Yakuts, upon migrating northward, named the elk based on its perceived resemblance to the camel – an animal familiar to them from their earlier habitation in the Sayan-Altai and Mongolian regions prior to their settlement in Yakutia.

Third, linguistic and cultural contact between the Yakuts and the neighbouring Evenks is most clearly reflected in the vocabulary of the Olekminskii Sakha. The Evenki, who are Indigenous to this region, continue to reside in the villages of Tiania and Tokko. Their language and cultural practices remain vital, with hunting and fishing constituting their primary forms of subsistence. In the dialect of the Olekminskii Yakuts, Tungusic loanwords are predominantly used to designate animals and aquatic species characteristic of the natural environment of the Far North. Examples include *naadikaan* 'sable', *eiteke* 'wolverine', *amikaan* and *etirkeen* 'bear', and *oruuka* 'Eurasian minnow' – all of which entered the Yakut language through prolonged contact with Evenki speakers. The bear occupies a central position in the

cultural traditions of both the Yakuts and the Evenks, where it is regarded as the "master of the taiga". Food constitutes another dimension of material culture that preserves traditional elements and ethnic distinctiveness, while also reflecting spiritual aspects of livelihood and worldview (Aksyanova et al. 2012: 202).

Protein and iron have been essential nutrients for the Indigenous Peoples of the North since ancient times, as they support the body's ability to endure extremely low temperatures. The Tungusic peoples traditionally relied on the meat of artiodactyl animals – such as deer, elk, and musk deer – as a primary food source. These types of meat likewise became dietary staples for the Yakuts. Fishing, although secondary in terms of labour allocation, played a significant role in the subsistence economy of the North. Fish served not only as food for human consumption but also as bait for arctic foxes and as feed for sled dogs. The skins of large fish species – such as pike, nelma, whitefish, omul, and sturgeon – were utilised in the production of bags, gloves, and other items of everyday use. These observations suggest that the Yakuts adapted effectively to the severe permafrost conditions by integrating the food traditions of the Indigenous peoples of the North into their own subsistence practices. They also adopted their key traditional livelihoods: fishing, reindeer herding, and hunting.

Fourth, Yakut–Russian contact in the Olekminskii District has a long and well-documented history. The Yakuts acquired the Russian language through multiple channels. They frequently accompanied Russian expeditions – military, industrial, and commercial – as guides, labourers, interpreters, and local informants. Under the harsh conditions of such expeditions, Russian was often acquired more rapidly through direct interaction. Another important factor contributing to the spread of the Russian language was the introduction of Orthodox Christianity, which was disseminated soon after Yakutia became part of the Russian state. Today, nearly every settlement in the Olekminskii District includes Russian or Russian-speaking residents. The relative scarcity of Russian lexical borrowings in the Olekminskii Yakut dialect may be attributed to

the widespread bilingualism among local Yakuts. Russian tends to be used functionally and contextually – primarily for interethnic communication – rather than being systematically integrated into the dialect's core vocabulary. Consequently, the sociolinguistic impetus to incorporate extensive Russian borrowings into the Olekminskii Sakha dialect appears to be limited.

Respondents

Alekseev Pavel Egorovich, village Tiana, Olekminskii District, year of birth 1952, Evenki

Argylova Susanna Denisovna, v. Bes-Küöl, Olekminskii District, y.o.b. 1956, Yakut

Vinokurova Tatyana Ivanovna, v. Khorint-sy, Olekminskii District, y.o.b. 1970, Yakut

Gabyshev Ivan Valerianovich, v. Khorint-sy, Olekminskii District, y.o.b. 1970, Yakut

Gabysheva Lyubov Ivanovna, v. Kindigir, Olekminskii District, y.o.b. 1977, Yakut

Golomareva Susanna Innokentievna, v. Khorintsy, Olekminskii District, y.o.b. 1948, Yakut

Dyollookh Kun Cheebiie, v. Khorintsy, Olekminskii District, y.o.b. 1965, Yakut

Efremova Generetta Pavlovna, v. Bes-Küöl, Olekminskii District, y.o.b. 1955, Yakut

Ivanova Galina Nikolaevna, v. Bes-Küöl, Olekminskii District, y.o.b. 1959, Yakut

Ivanova Oktyabrina Petrovna, v. Tokko, Olekminskii District, y.o.b. 1964, Yakut

Kartashev Mikhail Nikolaevich, v. Kindigir, Olekminskii District, y.o.b. 1951, Yakut

Kolesova Inga Prokopievna, v. Tiana, Olekminskii District, y.o.b. 1964, Evenki

Malysheva Lena Vasilievna, v. Bes-Küöl, Olekminskii District, y.o.b. 1969, Yakut

Mordosova Margarita Alexandrovna, v. Kindigir, Olekminskii District, y.o.b. 1963, Yakut

Neustroev Vasily Petrovich, v. Kindigir, Olekminskii District, y.o.b. 1979, Yakut

Nikolaeva Marta Grigorievna, v. Tiana, Olekminskii District, y.o.b. 1974, Evenki

Nogovitsyna Natalya Ivanovna, v. Khorint-sy, Olekminskii District, y.o.b. 1958, Yakut

Pechetova Mira Pavlovna, v. Tokko, Olekminskii District, y.o.b. 1966, Evenki

Prokopieva Alevtina Afanasievna, v. Bes-Küöl, Olekminskii District, y.o.b. 1965, Yakut

Sokorutova Galina Egorovna, Olekminsk city, Olekminskii District, y.o.b. 1962, Evenki

Khastaeva Elena Afanasievna, v. Bes-Küöl, Olekminskii District, y.o.b. 1931, Yakut

Khudaev Mikhail Alexandrovich, v. Tokko, Olekminskii District, y.o.b. 1955, Yakut

Khudaeva Lidia Arkadievna, v. Bes-Küöl, Olekminskii District, y.o.b. 1994, Evenki

Yrakyeva Uliana Dmitrievna, v. Tokko, Olekminskii District, y.o.b. 1939, Yakut

References

Alekseev A. N. *Drevniaia Iakutiia: Zheleznyi vek i epokha srednevekov'ia* [Ancient Yakutia: The Iron Age and the Medieval Period]. Novosibirsk, IAET SB RAS, 1996. 95.

Alekseev A. N. Rannie kochevniki v Iakutii [Early Nomads in Yakutia]. In: *Vestnik SVFU imeni M. K. Ammosova* [Bulletin of the North-Eastern Federal University], 2013, 10(5), 62–69.

Alekseev A. N., Alekseeva E. K., Argunov V. G., Arkhipov N. D., Barashkov N. A. et al. *Istoriia Iakutii: v 3 t.* [History of Yakutia: in 3 volumes]. Vol. 1. Novosibirsk, Nauka, 2020. 572.

Alekseev N. A., Romanova E. N., Sokolova Z. P. (eds.). *Iakuty (Sakha)* [The Yakuts (Sakha)]. M., 2012. 599.

Antonov N. K. *Materialy po istoricheskoi leksike iakutskogo iazyka* [Materials on the historical vocabulary of the Yakut language]. Yakutsk, Yakut Book Publishing House, 1971. 174.

Aristov N. A. Zametki po etnicheskomu sostavu tiurskikh plemen i narodnostei [Notes on the ethnic composition of the Turkic tribes and nationalities]. In: *Zhivaia starina* [Living tradition], 1896, 3–4, 329–335.

BAMRS 2001a. Piurbeev G. Ts., Luvsandendev A., Tsedendamba Ts. (eds.). *Bol'shoi akademicheskii mongol'sko-russkii slovar'* [Comprehensive Academic Mongolian-Russian Dictionary]. Vol. 1: A–G. M., 2001. 488.

- BAMRS 2001b. Piurbееv G. Ts., Luvsandendev A., Tsedendamba Ts. (eds.). *Bol'shoi akademicheskii mongol'sko-russkii slovar'* [Comprehensive Academic Mongolian-Russian Dictionary]. Vol. 2: D–O. Moscow, Academia, 2001. 512.
- BAMRS 2001c. Piurbееv G. Ts., Luvsandendev A., Tsedendamba Ts. (eds.). *Bol'shoi akademicheskii mongol'sko-russkii slovar'* [Comprehensive Academic Mongolian-Russian Dictionary]. Vol. 3: Ö–F. M., 2001. 440.
- Betlingk O. N. *O iazyke iakutov* [On the language of the Yakuts]. Translated from German by Rassadin V. E. Novosibirsk, Nauka, 1989. 646.
- BMRS 1951. Cheremisov K. M. *Buriat-mongol'sko-russkii slovar'* [Buryat-Mongol-Russian Dictionary]. M., 1951. 852.
- Boldyrev B. V. *Morfologiya evenkiiskogo iazyka* [Morphology of the Evenki language]. Novosibirsk, Nauka, 2007. 474.
- Bolo S. *Lienege nuuchcha keli en innineegi Sakha ologo: urukku D'iokuuskai uokuruk Sakhalaryn by-lurgyttan kepseennerinen* [The Life of the Sakha People Before the Arrival of Russians in the Lena Region: Ancient Stories of the Yakuts from the Former Yakutsk District]. Yakutsk, Bichik, 1994. 353.
- BTSIaIa 2004. Sleptsov P. A., Likhanov V. I., Petrov N. E. *Bol'shoi tolkovyi slovar' iakutskogo iazyka* [Comprehensive Dictionary of the Yakut Language]. Vol. 1: A. Novosibirsk, Nauka, 2004. 679.
- BTSIaIa 2006. Vasil'eva N. N., Monastyrev V. D., Nelunov A. G., Popova N. I. *Bol'shoi tolkovyi slovar' iakutskogo iazyka* [Comprehensive Dictionary of the Yakut Language]. Vol. 3: G–I. Novosibirsk, Nauka, 2006. 841.
- BTSIaIa 2009. Afanas'ev P. S., Monastyrev V. D., Diachkovskii F. N., Petrov N. E. *Bol'shoi tolkovyi slovar' iakutskogo iazyka* [Comprehensive Dictionary of the Yakut Language]. Vol. 6: L–N. Novosibirsk, Nauka, 2009. 518.
- BTSIaIa 2014. Kopyrina E. P., Vasil'eva N. M., Semenova E. V., Robbek L. V., Kulichkina M. D. *Bol'shoi tolkovyi slovar' iakutskogo iazyka* [Comprehensive Dictionary of the Yakut Language]. Vol. 11: T. Novosibirsk, Nauka, 2014. 528.
- BTSIaIa 2017. Robbek L. V., Vasil'eva N. N., Semenova E. V., Vasil'eva N. M., Monastyrev V. D., Nelunov A. G., Ammosova I. V., Kopyrina E. P. *Bol'shoi tolkovyi slovar' iakutskogo iazyka* [Comprehensive Dictionary of the Yakut Language]. Vol. 14: Ch–Y. Novosibirsk, Nauka, 2017. 591.
- Center for Ecological Travels. 2025. Available at: <https://www.ecotravel.ru/regions/reserves/1/16/136/> (accessed 17 July 2025).
- Crubézy E., Nikolaeva D., Černý V., Moisan A., Tonasso L., Samashev Z., Keyser C., Ludes B. Human evolution in Siberia: from frozen bodies to ancient DNA. In: *BMC Evolutionary Biology*, 2010, 10 (25). DOI: 10.1186/1471–2148–10–25. Available at: <https://bmcecolevol.biomedcentral.com/articles/10.1186/1471–2148–10–25>
- Dal' V. I. *Tolkovyi slovar' zhivogo velikorusskogo iazyka* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]. Vol. 2: I–O. SPb. – M., M. O. Vol'f Publishing, 1905. 2030 cols.
- DikoVed. 2025. Available at: <https://dikoved.ru/article/29650-kabarga-opisanie-i-lechebnye-svoystva-strui/> (accessed 17 July 2025).
- DTS 1969. Nadeliaev V. M., Nasilov D. M., Tenishev E. R., Shcherbak A. M. (eds.). *Drevnetiurkskii slovar'* [Old Turkic Dictionary]. Leningrad, Nauka, 1969. 676.
- ERS 2004. Myreeva A. N. *Evenkiisko-russkii slovar'* [Evenk-Russian Dictionary]. Novosibirsk, Nauka, 2004. 748.
- ESMIa 2015. Sanzheev G. D. (chief ed.), Kontsevich L. R., Rassadin V. I., Leman Ia. D. (eds.). *Etimologicheskii slovar' mongol'skikh iazykov* [Etymological Dictionary of Mongolic Languages]. Vol. 1: A–E. M., Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, 2015. 224.
- ESMIa 2018. Sanzheev G. D. (ed.), Kontsevich L. R., Rassadin V. I., Leman Ia. D. (comp.). *Etimologicheskii slovar' mongol'skikh iazykov* [Etymological Dictionary of Mongolic Languages]. Vol. 3: Q–Z. M., Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, 2018. 240.
- ESTIa 1974. Sevortyan E. V. *Etimologicheskii slovar' tiurkskikh iazykov: Obshchetiurkskie i mezhtiurkskie leksicheskie osnovy* [Etymological Dictionary of Turkic Languages: Common Turkic and Inter-Turkic Lexical Bases]. Vol. 1. M., 1974. 768.

- Gogolev A.I. *Iakuty: Problemy etnogeneza i formirovaniia kul'tury* [The Yakuts: Problems of ethno-genesis and cultural formation]. Yakutsk, 1993. 149.
- Gogolev A.I. *Istoricheskaia etnografiia iakutov (voprosy proiskhozhdeniia iakutov)* [Historical ethnography of the Yakuts: Issues of Yakut origins]. Yakutsk, 1986. 91.
- Jeleznov-Chukotskii N.K. (ed.). *Krupnye khischniki Golarktiki [Large Predators of the Holarctic]*. M., 2016. 376.
- Iokhel'son V.I. Zametki o naselenii Iakutskoi oblasti v istoriko-etnograficheskom otnoshenii [Notes on the population of the Yakut region in historical and ethnographic terms]. In: *Zhivaia starina* [Living tradition], 1895, 130–133.
- Ivanov S.A. *Obrazovanie dialektnoi sistemy iakutskogo iazyka [Formation of the dialect system of the Yakut language]*. Novosibirsk, Nauka, 2021. 255.
- Ivanov S.V. K voprosu o khunnskom komponente v ornamentike iakutov [On the Hunnic component in Yakut ornamentation]. In: *Iakutiia i ee sosedi v drevnosti: Trudy Prilenskoï arkheologicheskoi ekspeditsii* [Yakutia and its neighbours in antiquity: Proceedings of the Prilensk Archaeological Expedition], 1975, 174–184.
- Jeleznov-Chukotskii N.K. (ed.). *Krupnye khischniki Golarktiki [Large Predators of the Holarctic]*. M., 2016. 376.
- Kaluzhinskii S. *Nekotorye voprosy mongol'skikh zaimstvovaniï v iakutskom iazyke* [Some issues of Mongolian borrowings in the Yakut language]. In: *Trudy IALI IAF SO AN SSSR [Proceedings of the Institute of Language, Literature and History, Yakut Branch, Siberian Division of the USSR Academy of Sciences]*, 1961, 3(8), 5–21.
- Kochnev D.A. *Ocherki iuridicheskogo bytia iakutov* [Studies on the legal life of the Yakuts]. In: *Izvestiia Obshchestva arkheologii, istorii, etnografii pri Imperatorskom Kazanskom universitete* [Proceedings of the Society for Archaeology, History, and Ethnography at the Imperial Kazan University], 1896, 21–29.
- Kononov P.B. (ed.). *Ethnic and Cultural genesis in the Baikal region (Middle Ages)*. Ulan-Ude, BSC SB RAS, 2010. 410.
- Konstantinov I.V. *Proiskhozhdenie iakutskogo naroda i ego kul'tury* [The origin of the Yakut people and their culture]. In: *Iakutiia i ee sosedi v drevnosti: Trudy Prilenskoï arkheologicheskoi ekspeditsii* [Yakutia and its neighbours in antiquity: Proceedings of the Prilensk Archaeological Expedition], 1975, 106–173.
- Ksenofontov G.V. *Uraangkhai-sakhalar: Ocherki po drevnei istorii iakutov* [Uraanghai-Yakuts: Studies on the ancient history of the Yakuts]. Irkutsk, Vostochnosibirskoe oblastnoe izdatel'stvo, 1937. 572.
- Malysheva N.V. *Nekotorye sposoby nominatsii medvezhonka v iakutskom iazyke* [Some ways of nominating a bear cub in the Yakut language]. *Yazyki i kul'tura khomusa narodov Evrazii: rechevye i muzykal'nye kommunikatsii. Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Languages and culture of the khomus of the peoples of Eurasia: speech and musical communications. Proceedings of the International Scientific and Practical Conference]. Yakutsk, 2021, 168–172.
- Myreeva A.N. *Leksika evenkiiskogo iazyka: rastitel'nyi i zhivotnyi mir* [Vocabulary of the Evenki language. Flora and fauna]. Novosibirsk, Nauka, 2001. 104.
- Nimaev D.D. *Mongol'skie narody: etnicheskaiia istoriia i sovremennye etnokul'turnye protsessy* [The Mongolic Peoples: Ethnic History and Contemporary Ethnocultural Processes]. Ulan-Ude, 2007. 146.
- Novgorodov I.N. *Iakutsko-evenkiiskie iazykovye vzaimosviazi* [Yakut-Evenk language relationships]. Doctoral dissertation, Kazan State University named after V.I. Ulyanov-Lenin. M., 2009. 582.
- Okladnikov A.P. *Iakutiia do prissoedineniia k Russkomu gosudarstvu* [Yakutia before the Incorporation into the Russian State]. Yakutsk, Yakutgosizdat, 1949. 440.
- Okladnikov A.P. *Istoriia Iakutskoi ASSR* [History of the Yakut ASSR]. Vol. 1. M.-Leningrad, 1955. 297.
- Pakendorf B. *Contact in the prehistory of the Sakha (Yakuts): Linguistic and genetic perspectives*. Netherlands, 2007. 375.
- Rassadin V.I. *Buriatizmy v iakutskom iazyke* [Buryatisms in the Sakha language]. *Materialy konferentsii, posviashchennoi 120-letiiu vykhoda v svet truda O.N. Betlingka "O iazyke iakutov"* [Materials

of the conference on the 120th anniversary of the publication of O. N. Betlingk's *On the language of the Yakuts*], Yakutsk, 1973, 167–179.

Rassadin V. I. *Mongolo-buriatskie zaimstvovaniia v sibirskikh tiurkskikh iazykakh* [Mongolian-Buryat borrowings in Siberian Turkic languages]. Moscow, Nauka, 1980. 115 p.

Rumyantsev G. N. *Proiskhozhdenie Khorinskikh buriat* [The origin of the Khorin Buryats]. Ulan-Ude, Buryat Book Publishing House, 1962. 240.

Sakha (Yakutia)stat. Available at: <https://14.rosstat.gov.ru/folder/179476> (accessed 22 July 2025)

Seroshevsky W. L. *Iakuty: Opyt etnograficheskogo issledovaniia* [The Yakuts: An ethnographic study]. 2nd ed. M., 1993. 744.

Shcherbak A. M. Nazvaniia domashnikh i dikhikh zhivotnykh v tiurkskikh iazykakh [Names of domestic and wild animals in Turkic languages]. In: *Istoricheskoe razvitie leksiki tiurkskikh iazykov* [Historical Development of the Turkic Languages' Lexicon], 1961, 82–172.

Shcherbak A. M. *Vvedenie v sravnitel'noe izuchenie tiurkskikh iazykov* [Introduction to the Comparative Study of Turkic Languages]. SPb., 1994. 192.

Shirobokova N. N. O iakutsko-mongol'skikh kontaktakh [On Yakut-Mongolian contacts]. In: *Narody i iazyki Sibiri* [Peoples and Languages of Siberia], 1980, 140–148.

Sidorov E. S. Etiudy po sravnitel'no-istoricheskoi leksikologii iakutskogo iazyka [Studies on the comparative historical lexicology of the Yakut language]. In: *Sovetskaiia tiurkologiia* [Soviet Turkology], 1985, (3), 53–63.

SIGTiaL – Tenishev E. R. (ed.). *Sravnitel'no-istoricheskaiia grammatika tiurkskikh iazykov. Leksika* [Comparative Historical Grammar of Turkic Languages. Lexicon]. M., 2001. 822.

Sleptsov P. A., Levin G. G., Bagdaryyn N. S. Runopodobnaia i neizvestnaia pis'mennost' na territorii Iakutii [Rune-like and unknown writing on the territory of Yakutia]. In: *Severo-Vostochnyi gumanitarnyi vestnik* [North-Eastern Humanitarian Bulletin], 2019, 2(27), 70–77. DOI: 10.25693/SVSG.2019.02.27.09.

SSTMIa 1975. Tsintsius V. I. (ed.). *Sravnitel'nyi slovar' tunguso-manchzhurskikh iazykov: materialy k etimologicheskomu slovariui* [Comparative Dictionary of the Manchu-Tungus Languages: Materials for an Etymological Dictionary]. Vol. 1: A–Ng. Leningrad, Nauka, 1975. 672.

SSTMIa 1977. Tsintsius V. I. (ed.). *Sravnitel'nyi slovar' tunguso-manchzhurskikh iazykov: materialy k etimologicheskomu slovariui* [Comparative Dictionary of the Manchu-Tungus Languages: Materials for an Etymological Dictionary]. Vol. 2: O–E. Leningrad, Nauka, 1977. 471.

Stapert E. *Contact-induced change in Dolgan: An investigation into the role of linguistic data for the reconstruction of a people's (pre)history*. Netherlands Graduate School of Linguistics, 2013. 400.

Tokarev S. A. Proiskhozhdenie iakutskoi narodnosti [The Origin of the Yakut Ethnic Group]. In: *KSIIMK* [Brief Communications of the Institute of the History of Material Culture], 1941, 9, 58–62.

Troshchanskii V. F. *Evoliutsiia chernoi very (shamanstva) u iakutov* [The Evolution of the Black Faith (Shamanism) in Yakuts]. Kazan, Typolithography of the Imperial University, 1902 or 1903. 185.

Tsintsius V. I. Iakutsko-tungusskie leksicheskie sviazi [Yakut-Tungus lexical ties]. In: *Sibirskii tiurkologicheskii sbornik* [Siberian Turkological Collection], 1976, 117–128.

Ubryatova E. I. *Iakutskii iazyk v ego otnoshenii k drugim tiurkskim iazykam, a takzhe k iazykam mongol'skim i tunguso-manchzhurskim* [The Yakut Language in Its Relation to Other Turkic Languages as well as to Mongolic and Tungusic Languages]. Moscow, Izdatel'stvo vostochnoi literatury, 1960. 13.

Zvénigorosky V., Duchesne S., Romanova L., Gérard P., Petit C., Petit M., Alexeev A., Melnichuk O., Gonzalez A., Fausser J.-L., Solovyev A., Romanov G., Barashkov N., Fedorova S., Ludes B., Crubézy E., Keyser C. The genetic legacy of legendary and historical Siberian chieftains. In: *Communications Biology*, 2020, 3(1), 1–9. DOI: 10.1038/s42003-020-0867-3

Zykov I. E. Poetapnoe raschlenenie etnogeneza iakutov (postanovka voprosa) [Phased Disintegration of the Ethnogenesis of the Yakuts: Problem Statement]. In: *Problemy arkheologii i perspektivy izucheniia drevnikh kul'tur Sibiri i Dal'nego Vostoka* [Problems of Archaeology and Prospects for the Study of Ancient Cultures of Siberia and the Far East]. Yakutsk, 1982, 134–136.

EDN: PYLEOI
УДК 811.111+81.161.1]:81'42

Phraseological Unit as Nation Cultural Code

Yekaterina P. Merkulova^{*a} and Anastasia S. Gerasimova^b

*^aL.N. Gumilyov Eurasian National University
Astana, Republic of Kazakhstan*

*^bPeter the Great St. Petersburg Polytechnic University
Saint Petersburg, Russian Federation*

Received 09.01.2025, received in revised form 12.09.2025, accepted 27.09.2025

Abstract. Russian and English phraseological units (PhU) characterizing a happy person are used to examine the ethnic specifics of English and Russian linguistic cultures, and to explore similarities and differences in the system of images embedded in the Ph U. The results of the study revealed the values of a happy person in both cultures: love for God and man, knowledge passed down from generation to generation, a healthy psycho-physiological and emotional background. The specificity of the PhU of the English language characterizes a happy Englishman as a person sensitive to changes in the surrounding nature, recognizing the power and strength of his country, possessing a bright national character, honoring history, appreciating prosperity, love, mutual understanding and safety. The specificity of the PhU of the Russian language characterizes a happy Russian as a person who is successful in business, loves to relax, superstitious, physically free, financially secure.

Keywords: cultural code, phraseological unit, linguistic picture of the world, ethnicity, linguistic culture, concept, mentality.

Research area: Social Structure, Social Institutions and Processes; Linguistics, Linguoculturology, Phraseology.

Citation: Merkulova Ye. P., Gerasimova A. S. Phraseological Unit as Nation Cultural Code. In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2025, 18(10), 1964–1980. EDN: PYLEOI

Фразеологические единицы как культурный код нации

Е.П. Меркулова^а, А.С. Герасимова^б

^аЕвразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева
Республика Казахстан, Астана

^бСанкт-Петербургский политехнический университет
Петра Великого
Российская Федерация, Санкт-Петербург

Аннотация. На материале английских и русских фразеологических единиц, характеризующих счастливого человека, рассматривается этническая специфика английской и русской лингвокультур, исследуются сходства и различия в системе образов, заложенных в ФЕ. По результатам исследования выявлены ценности счастливого человека в обеих культурах: любовь к Богу и человеку, знания, передающиеся из поколения в поколение, здоровый психофизиологический и эмоциональный фон. Специфичность ФЕ английского языка характеризует счастливого англичанина как человека, чуткого к изменениям окружающей его природы, признающего мощь и силу своей страны, обладающего ярким национальным характером, почитающим историю, ценящим благосостояние, любовь, взаимопонимание и безопасность. Специфичность ФЕ русского языка характеризует счастливого русского как человека, удачного в делах, любящего отдохнуть, суеверного, физически свободного, финансово обеспеченного.

Ключевые слова: культурный код, фразеологическая единица, языковая картина мира, этнос, лингвокультура, концепт, ментальность.

Научная специальность: 5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы; 8D 02305. Филология.

Цитирование: Меркулова Е. П., Герасимова А. С. Фразеологические единицы как культурный код нации. *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2025, 18(10), 1964–1980. EDN: PYLEOI

Введение в проблему исследования

Важным фактором существования человека в обществе является коммуникация людей. Представители различных наций, говорящие на разных языках, по-разному воспринимают происходящие в мире события. Каждая этническая культура имеет свою коммуникативную культуру, определяющую коммуникативное поведение нации, которое включает в себе нормы и традиции общения. Каждый этнос обладает уникальной программой взаимодействия друг с другом, определенным «культурным кодом», под которым понимаются этнические культурные коммуникативные ценности, принци-

пы, правила, стереотипы общения в данной лингвосреде.

Коммуникативное поведение отдельного представителя этноса зависит от ряда факторов: психологические качества личности, место проживания, уровень воспитания и образования, окружающая социальная среда, а также национальная общность, к которой он принадлежит. Правила общения того или иного этноса передавались из поколения в поколение, складывались исторически и сохранялись в виде языковых обычаев и традиций. Знания и представления о жизни, опыте, культуре, истории людей, об особенностях восприятия мира тем или иным этносом отражаются во фразеологическом фонде

языка. «Фразеологизм закрепляет в образе устойчивые окультуренные представления и превращается в символ происходящего, становится стереотипом ситуаций, является эталоном тех или иных качеств реалий. Фразеологизм хранит в глубине своей внутренние формы, исходные модели восприятия человеком мира, или архетипы» (Kovshova, 2014: 116). Фразеологические единицы выполняют важную воспитательную функцию – формируют этические нормы, регулирующие коммуникативное поведение людей, учат этикету. Очень важным является изучение национального фразеологического фонда и фразеологизмов как знаков языка, культуры и общения, что впоследствии и определяет, какие «вербализованные смыслы оказываются наиболее важными, отражающими лингво-менталитет определенного этноса» (Vorkachev, 2003: 11).

Концептологические основания исследования

Сегодня изучением и описанием фразеологических единиц (ФЕ) в качестве особых феноменов культуры занимается такая область лингвистического знания, как лингвокультурология. В трудах В.Н. Телия отмечается, что объект фразеологии «по-настоящему «очеловечивается», семантика ФЕ «добывается», раскрывается путём погружения исследовательской мысли вглубь истории культуры, предопределяющей морально-нравственные установки носителя языка и его жизненные ориентиры» (Shulezhkova, 2016: 116). Изучением фразеологии посредством лингвокультурологического подхода, описанием этнической, культурной специфики фразеологизмов занимался целый ряд исследователей – Б.М. Ажнюк (Azhniuk, 1989), Р.Р. Аллаярлова (Allaiarova, 1987), Е.М. Верещагин (Vereshchagin, 1990), В.В. Виноградов (Vinogradov, 1946), В.Н. Телия (Teliia, 1996: 8) и др.

ФЕ любой этнической общности являются важным источником знаний о культуре этого этноса – быт каждого этноса описан рамками определенной, присущей только этому этносу реальности (природной, ма-

териальной, духовной), и по этой причине наполнение ФЕ состоит из тех вещей (культурные, социальные, исторические события и явления, названия растений, животных, объектов, окружающих этнос), которые характеризуют мировоззрение данного народа. Фразеологизмы – это символы «... that convey the mentality and uniqueness of an ethnos. Each nation characterizes its excellent perception of reality and individual categories» (Sulkarnaeva, 2020: 99), и благодаря правильной интерпретации ФЕ «...имеется возможность полноценного понимания когнитивной составляющей того или иного этноса» (Sulkarnaeva, 2018: 128).

Для того чтобы идентифицировать культурную информацию, выявить культурный код фразеологизма, необходимо раскодировать переносное значение употребляемых во ФЕ слов, описать имеющиеся образы, связать внутреннюю форму ФЕ с культурой нации, на языке которой рассматривается тот или иной фразеологизм. В.Н. Телия отмечает, что ФЕ имеют культурно-национальные особенности, «в коллективной подсознательной памяти языка сохраняется интертекстуальная связь ФЕ с тем или иным кодом культуры» (Teliia, 1999: 13–14). Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров считают, что фразеологизмы отражают «национальную культуру своими прототипами, поскольку генетически свободные словосочетания описывали определенные обычаи, традиции, особенности быта и культуры, исторические события и многое другое» (Vereshchagin, 1990: 68).

Культурный код – одно из центральных понятий с позиции лингвокультурологии. М.Л. Ковшова отмечает, что «в культуре организуются и иерархически упорядочиваются ее коды – вторичные знаковые системы, использующие разные материальные и формальные средства для кодирования одного и того же культурного содержания, соединяющегося в целом в картину мира, в мировоззрении данного социума» (Kovshova, 2013: 170). Распознавание и описание культурных особенностей этноса во ФЕ происходит путём слов-компонентов фразеологизма, относящихся

к «разным по субстанции культурным знакам в рамках тематических кодов культуры» (Kovshova, 2013: 176). В. В. Красных говорит о том, что культурный код кодирует древние представления народа, подобно метафорам, и является национально детерминированным, обуславливаясь конкретной культурой (Krasnykh, 2002: 232).

Итак, система знаний о культурных, ментальных, языковых, предметных ценностях социума структурируется и систематизируется «с помощью единиц культурного кода, которые содержат вербальные (имена собственные и нарицательные, фразеологизмы, цитаты, афоризмы и т.д.), невербальные (природные и артефактные), ментальные (стереотипы, нравы, обычаи, традиции, обряды, ценностные ориентации, оценочные стандарты, типические представления, культурные сценарии и т.д.) элементы» (Bochina, 2015: 60). Расшифровать культурный код во фразеологизме возможно путём обращения к архетипу – важному понятию в лингвокультурологии. С. Сендерович определяет архетип как «устойчивый образ, повсеместно возникающий в индивидуальных сознаниях и имеющий распространение в культуре» (Senderovich, 1995: 154). Зачастую архетип отражается в мифах, легендах, посредством которых преобразуется в образ.

М. Л. Ковшова считает, что «проводником в пространство культуры является образ фразеологизма и происходит это потому, что в самом возникновении фразеологизма участвует уже окультуренный образ, то есть в образ вовлекаются те или иные реалии, которые уже награждены культурными смыслами; фразообразование имеет культурную обусловленность». Данная информация затем как бы «воскрешается в культурных коннотациях» (Maslova, 2001: 146).

База культурного смысла ФЕ «транслирует установки, стереотипы, символы, эталоны и т.п., принадлежащие обыденной философии, которая активно бытует в сознании и во многом обуславливает моральную и духовно-нравственную позицию человека в мире» (Maslova, 2001: 153).

Образ также может являться проводником между языком и культурой. Образность представляет собой «способность языковых единиц создавать наглядно-чувственные представления о предметах и явлениях действительности» (Tokarev, 2013: 44). «Именно через образ культура входит в пространство языка, с другой стороны, образ – это своеобразное окно, через которое можно изучать культуру» (Teliia, 2009: 113). Образность помогает человеку представить абстрактные смыслы в более конкретизированных картинках.

Проанализировав вышесказанное, можно сделать вывод, что этнокультурная особенность фразеологизма реализуется с помощью образного основания и культурного смысла. «Содержанием культурной коннотации фразеологизмов является интерпретация их образного основания (внутренней формы) в знаковом культурном пространстве данной нации» (Rozhanskii, 1981: 73). Во фразеологизмах проявляются креативные возможности носителей языка, раскрывающие процесс осмысления определенных событий, концептуализации мира. ФЕ, являясь результатом метафорического и метонимического переосмысления определенного значения языковых единиц, представляют собой воплощение мыслительного прообраза концептуально-категориальных знаний в процессе восприятия мира носителями языка. Наблюдается очевидная связь фразеологии и культурного кода, так как культура, язык и общество являются основными компонентами национального духа. Культурный код – ключевое звено при интерпретации фразеологизма, учитывая национально-культурные и лингвистические особенности понятия.

Методология

В данной статье на материале английских и русских фразеологических единиц проводится этимологический анализ с целью определить этническую специфику в выбранных ФЕ. Материалом исследования послужили 30 ФЕ, характеризующих счастливого человека в английской и русской лингвокультурах. Счастье является

одним из базовых когнитивных категорий – концептов, который является универсальным, по мнению лингвистов, так как отражает единый для всех когнитивный процесс, являясь важнейшим концептом культуры. Судьба человека в истории любой этнической культуры всегда имеет первостепенное значение, люди пытаются выяснить, в чём заключается счастье, как его достичь, кто же такой счастливый человек. ФЕ были отобраны методом сплошной выборки из следующих печатных и электронных словарей: Cambridge Idioms Dictionary, English Idioms and How to Use Them, Oxford Dictionary of Idioms, Webster's Third New International Dictionary of the English language, Русско-английский фразеологический словарь, Большой словарь русских поговорок, Большой фразеологический словарь русского языка, Фразеологический словарь русского литературного языка. Анализ эмпирического материала выполнялся с использованием теоретико-аналитического, сравнительного, лингвокультурологического, статистического методов исследования, а также с применением контекстуального анализа.

Обсуждение

Как отмечалось выше, одним из главных концептов культуры является концепт «счастье», опираясь на отобранный материал для анализа, рассмотрим ФЕ, описывающие счастливого человека в английском и русском языках с целью исследования черт сходства и различия в системе образов, заложенной в ФЕ. Приведём списки анализируемых фразеологизмов:

Англ. ФЕ: *on cloud nine* (на девятом облаке)¹; *in seventh heaven* (на седьмом небе); *full of the joys of spring* (полон радости весенней); *happy as a clam* (счастливый, как моллюск); *paint the town red* (красить город в красный цвет); *tickled pink* (пощекочен розовым); *sit on a cloud* (сидеть на облаке); *like a dog with a two tails* (как собака с двумя хвостами); *thrilled to bits* (взволнован до глубины души); *salad days* (салатные дни); *to look like the cat that got the cream* (выглядеть, как

кот, получивший сметану); *to be born with a silver spoon in one's mouth* (быть рожденным с серебряной ложкой во рту); *be as happy as Larry* (быть счастливым, как Лари); *jump for joy* (прыгать от радости); *a darling of fortune* (баловень судьбы) [Русско-английский фразеологический словарь].

Рус. ФЕ: *баловень судьбы; лёгкая рука; родиться в сорочке; родиться под счастливой звездой; на седьмом небе; радости полные штаны; владеет перстнем Поликрата; счастлив, как Енох; на верху блаженства; не слышать земли под собой; ошалеть от счастья; погрузиться в нирвану; бросать в воздух шапки; светиться от счастья; прыгать от радости.*

Далее будет произведена попытка исследовать этимологию анализируемых ФЕ для глубинного понимания образа и определения этнической специфики ФЕ. Среди анализируемых ФЕ три пары являются фразеологизмами-аналогами: «на седьмом небе от счастья», “in seventh heaven”, “jump for joy”, «прыгать от радости»; “a darling of fortune”, «баловень судьбы».

История происхождения ФЕ «на седьмом небе от счастья», “in seventh heaven”, как в русском, так и в английском языке, связана с тем, что все религии располагали рай на небе, который являлся недостижимым для живого человека. А количественный показатель – семь, связан с теорией науки космогонии, разработкой которой занимался греческий философ и эрудит классического периода в Древней Греции – Аристотель, взгляды которого оказали глубокое влияние на средневековую учёность. Космогония – наука, которая изучает происхождение и развитие космических тел и их систем. Согласно космогонической теории Аристотеля, изложенной в четырёхтомном трактате «О небе» (Dante, 2006), небо делится на семь сфер, на шести из них расположены космические объекты, а на самой дальней седьмой – рай и вечное блаженство, куда попадают души умерших и испытывают там состояние, близкое к переизбытку счастья. Поэтому «быть на седьмом небе» означает испытывать чувство

¹ Здесь и далее перевод выполнен автором М.Е.

невообразимого, райского удовольствия и счастья.

В английском языке у ФЕ “in seventh heaven” существует синоним – “on cloud nine”, “sit on cloud” со схожим значением «быть счастливым», «на седьмом небе от счастья». Данная ФЕ является относительно новым выражением, используемым, по наблюдениям лингвистов, преимущественно в США, с середины двадцатого века. В американском варианте фразеологизма существует несколько версий объяснения появления числа 9. В одном из основополагающих произведений западной литературы «Божественная комедия» (Dante, 2006) автор Данте Алигьери строит строгую систему небесного рая, репрезентируя его в виде девяти сфер, которые располагаются вокруг божественного центра – «Пламенеющей розы», девятое облако считается местом получения наивысшего блаженства. Это произведение могло заложить основу для появления нового устойчивого выражения. Иная версия – авторы телевизионной программы прогноза погоды в Америке с 20 века начали использовать систему классификации облаков, где облако номер девять ассоциировалось с высокими белыми и пушистыми облаками, а всё, что находилось под – грозные серые тучи, – не ассоциировалось с счастьем. Далее, в 1969 году, американская вокальная группа «The Temptations» выпустила свой альбом под названием «Cloud nine», в 1987 году Джордж Харрисон, а в 1999 году Брайан Адамс выпустили свои хиты с названием «Cloud 9». Словосочетание было обречено на вхождение в обиходную речь после такой рекламы.

История происхождения данных ФЕ показывает, что как в английской, так и в русской культурах важную роль при описании счастливого человека играет религия, которая располагает рай, недостижимый для живого человека, на самом дальнем «седьмом небе». Количественный показатель неба, исходящий из теории космогонии, определяет ценность средневекового учения для обеих культур. Существование синонимичной ФЕ в английском языке – «on

cloud nine» показывает разнообразие идей о представлении счастливой жизни английского этноса, которая возможна и на девятом облаке. Можно предположить, что определенную роль в этом сыграло почитание, влияние западной литературы на мировоззрение представителей англосакской культуры – пути прогнозирования погоды и создание музыкальных хитов, названных данной ФЕ. Можно сделать вывод, что посредством религиозных и некоторых научных данных появилось одно из универсальных определений счастливого человека в обеих культурах, а в английской культуре при описании счастливого человека также участвует и западная литература.

Рассмотрим следующую идиому “jump for joy” и ее аналог в русском языке – «прыгать от радости». Как известно, во многих культурах люди могут прыгать от радости в момент достижения наивысшего блаженства. Также прыгание является одним из видов детского типа выражения эмоций радости в определенные фазы физического и психологического роста и развития, и может невольно проявляться в момент испытания радостных эмоций и у взрослых людей. Можно предположить, что данное выражение возникло в народном быту. Этимологическое пояснение данной идиомы даёт право предположить, что как в английской, так и в русской культуре выражение эмоций радости посредством прыгания связано с релевантными психофизиологическими особенностями развития человека.

ФЕ “a darling of fortune”, «баловень судьбы» имеет значение «везунчик, счастливец, избранник судьбы». Баловни – это те, кто одарен любовью близких, кому всегда рады окружающие, кто желанен и любим в своём проявлении, кого любят просто потому, что они есть, и есть в каждой культуре. Баловню дано много ресурса от Бога, от рода, их слышат, им верят, и нередко им даётся взаимная настоящая любовь. Лексема «судьба» персонализируется как антропоморфный персонаж, который в наивысшей степени благосклонен к тому или иному «баловню». Данная ФЕ по своей сути является слабоидиоматич-

ным фразеологизмом, в котором структура сочетания лексем такова, что главная сема употреблена в своём прямом значении. Можно сделать предположение, что история возникновения данной ФЕ – народный быт. Анализ этимологии показывает, что английская и русская культуры определяют счастливого баловнем судьбы, и ключевым понятием в понимании данного образа является *любовь* к человеку – любовь Бога, судьбы и общества. Это то чувство, психоэмоциональное состояние, которое свойственно представителям выбранных нами культур и является основополагающим в появлении ФЕ.

Исследуя фразеологизмы-аналоги в английском и русском языках, описывающие счастливого человека, можно сделать вывод, что ключевыми и универсальными факторами, оказавшими влияние на появление данных ФЕ, явились религиозные верования данных лингвокультур; разделение идеологии средневековых ученых; почитание западной литературы; релевантные психофизиологические особенности развития человека и проявление психоэмоционального состояния в виде глубокой привязанности и устремленности к другому человеку, свойственные представителям обеих культур в состоянии полного, наивысшего удовлетворения, счастья. Можно полагать, что в обеих культурах счастливым делает человека любовь к Богу, к ближнему, осведомленность в науке, правильное психофизиологическое развитие, здоровый эмоциональный фон. Вышеприведенный анализ сходств во ФЕ помогает идентифицировать ФЕ, где проявляется разница осмысления мира и особенность языкового сознания носителей рассматриваемых языков. Рассмотрим оставшиеся ФЕ английского и русского языков и попробуем дать объяснение того, как в них описывается образ счастливого человека.

Итак, в английском языке мы наблюдаем сравнение счастья с весенней радостью во ФЕ *“full of the joys of spring”* (полон радости весенней), идиома выражает состояние восхищения и энтузиазма. Когда «человек наполнен весной», он энергичен и открыт

ко всему новому, он понимает, что вокруг всё яркое, солнечное, что растут цветы, рождаются звери, кругом летают птицы, поэтому он наполнен силами и готов с радостью и счастьем проживать каждый новый день. Можно сделать предположение, что история возникновения данной ФЕ – народный быт. Известно, что в Великобритании очень часто любят разговаривать о погоде, что объясняется культурологами из других стран как форма речевого этикета, которая помогает завязать разговор или заполнить паузу в беседе.

Погода на Британских островах не представляет особого интереса: из-за географического расположения в умеренно-морском климатическом поясе Великобритании часто называют «Туманным Альбионом» – ввиду частых дождей и туманов с ноября по март. Возможно, это и является причиной сравнения счастливого человека с началом весны, когда всё зеленеет, расцветает и благоухает, а солнце становится ярче. Этимология данной ФЕ даёт право полагать, что счастье англичанина зависит от погодных условий – чем ярче светит солнце, тем счастливее может быть англичанин.

Следующие английские ФЕ связаны с розовым и красным цветами: *“paint the town red”* (красить город в красный цвет) в значении «будучи очень счастливым пойти на вечеринку отмечать какое-либо событие»; *“tickled pink”* (пощекочен розовым) в значении «испытывать радостное и счастливое чувство от какого-либо действия». Можно предположить, что данные цвета в английской культуре имеют особое значение, выражающее какое-то счастливое событие, или используются тогда, когда человек счастлив и радостен. Красный цвет один из важных цветов страны, в Англии можно увидеть его повсюду: национальная эмблема страны – красная или алая роза; национальный флаг страны имеет изображение красного креста Святого Георгия; красное поле герба. Цветом почтовых ящиков, экипажей, телефонных будок и автобусов тоже был красный. Розовый цвет – символ радости, юности и доброты,

как и красный, это цвет любви и цветка – розы, одного из самых красивых цветов и, как известно из Истории Англии, одного из главных символов страны, хранящий память о положительном счастливом исходе войны «Алой и Белой розы» 1455–1485 гг. Роза также важный атрибут и в английской литературе – произведениях Шекспира, где является символом любви и страсти, а значит, и счастья между главными героями.

Одна из версий происхождения идиомы *“paint the town red”* – «Божественная комедия» Данте, в аду там говорилось следующее: «Мы те, кто красит мир грехами в красный цвет» (Dante, 2006: 550). Иная версия – окрашивание улиц красным цветом огнями фейерверков в США в конце 19 века на праздник Дня независимости, во время которого молодёжь гуляла по городу в праздном и счастливом настроении.

В идиоме *“tickled pink”* розовый цвет напоминает цвет щёк, когда они розовеют в результате прилива крови к лицу в момент возбуждения от полученного удовольствия, а процесс щекотания считается удовольствием в данном случае. Ведь на самом деле многие люди покрываются румянцем при испытании моментов радости. Также розовый цвет у англичан ассоциируется с кожей новорожденного ребенка, тела Христа – при рождении ребёнка также присутствуют эмоции радости и счастья.

Исследуя частотность появления красного и розового цветов в жизни англичан, можно сказать, что данные цвета играют важную роль в истории и литературе этноса – их можно видеть на эмблеме страны, флаге, гербе, многие городские объекты окрашены красным цветом, а розовым – сам человек при рождении, и в литературе часто фигурирует *роза*. Можно предположить, что доминирование красного и розового цветов в Англии является отражением мощности нации. Красный цвет – мощнейший цвет из всех имеющихся в цветовой гамме, Великобритания – одна из сильных наций мира, которая в 2018 году, по данным издания Business Insider совместно с US News и World Report, вошла в пятёрку мощных наций мира, «мощность» страны опре-

делялась политической, экономической и военной силой, учитывались возможные внешние воздействия на политику государства, ее роль в регионе, а также личность самого лидера нации – «красные» люди – отличные правители. На старославянском языке название красного цвета звучит как «самый лучший», цвет считается мужским, символизирующим Янь-энергию. Поскольку розовый цвет – это красный, разведенный белым, то можно лишь добавить мощности, прямоты, выносливости данному этносу, согласно значению цвета. Красный цвет символизирует также и страсть – бывает достаточно наблюдать за английской толпой на национальном празднике или на футбольном матче, чтобы почувствовать, как национальный темперамент рвется из-под узды самоконтроля. Доминирование красного и розового цветов в жизни англичан подчеркивает могущество, влияние и яркий национальный темперамент нации.

Следующая группа ФЕ выражает сравнение человека с кем-то, кто очень счастлив по каким-то причинам. Список отобранных для исследования компаративных ФЕ включает следующие: *“happy as a clam”* (счастливый как моллюск), *“be as happy as Larry”* (быть счастливым, как Лари), *“like a dog with a two tails”* (как собака с двумя хвостами), *“to look like the cat that got the cream”* (выглядеть, как кот, получивший сметану). ФЕ *“happy as a clam”* является сокращенным вариантом фразы *“as happy as a clam at high water”*. Из варианта полной фразы понятно: моллюск во время прилива, находясь под водой, чувствует себя в безопасности, что является прекрасной возможностью почувствовать себя счастливым. Фраза была широко распространена в 19 веке, преимущественно в северо-восточной части США, когда рыболовецкие сообщества активно занимались сбором моллюсков во время отлива.

ФЕ *“be as happy as Larry”* означает быть счастливым, как австралийский боксёр Лоуренс «Ларри» Фоли, известный благодаря своему успешному матчу, позволившему ему выиграть очень крупную сумму. Фраза закрепилась и вошла в оборот после

заголовка статьи в новозеландской газете “Happy as Larry”, что может быть объяснено наличием поклонников бокса в стране. Считается, что в современном виде этот спорт появился в Англии, а первые правила бокса, получившие всемирное признание, были приняты в 1743 году, которые предложил англичанин Джон Бротон. Без сомнения, судьба этого вида спорта не безразлична англичанам, поэтому ФЕ вошла в оборот для описания состояния счастливого человека, которого сравнивают с тем, у кого много денежных средств. Можно сделать вывод, что счастье для англичан – это также благополучное финансовое состояние. Итальянская газета Corriere della Sera со ссылкой на BBC Radio 3 сообщает о проведенных исследованиях, согласно которым самым важным для британцев оказались деньги, то есть их личное экономическое благосостояние. На втором месте оказалось здоровье, и только на третье англичане поставили любовь.

Быть счастливым “*like a dog with a two tails*” означает двойная собачья радость, так как при выражении радости и счастья собаки виляют хвостом, а виляя двойным хвостом, выражается радость, помноженная на два. ФЕ “*to look like the cat that got the cream*” довольно проста в понимании, означает быть таким же довольным, как и кот, который получил одно из любимых лакомств. Можно предположить, что это народные метафоры, истоком которых явилась наблюдательность и огромная любовь англичан к домашним питомцам. К. Фокс в работе «Наблюдая за англичанами» упоминает: «*Неписанные правила позволяют нашим кошкам и собакам лежать на наших диванах и креслах и занимать лучшие места перед камином или телевизором. Мы дарим им куда больше внимания, любви, признательности, привязанности и времени, чем собственным детям, и зачастую даже лучшие кормим*» (Foks, 2008).

ФЕ “*thrilled to bits*” имеет фигуративное значение: взволнован от счастья настолько сильно, что кажется каждый кусочек тела проник этим чувством. В переносном значении идиома означает «счастлив до глубины души, крайне доволен».

Для англичанина важно проникнуться счастьем всем телом и душой.

ФЕ “*salad days*” (салатные дни) тоже указывает на наличие в жизни счастливых дней. Появление этой идиомы связано с произведением У. Шекспира «Антоний и Клеопатра» (Shakespeare, 1998), в котором главная героиня называет свои молодые и беспечные годы салатными днями, когда-то, будучи молодой и наивной, Клеопатра представляла весь белый свет в радужных цветах. Данный шекспиризм означает «беззаботное и счастливое время», «дни молодости», «пору юношеской неопытности». Фигуративное значение данной ФЕ говорит о том, что счастье заключается в молодости, беспечности, что, согласно прямому переводу, сравнимо с салатными днями, ассоциируемыми со свежим, лёгким питанием. Значит, можно предположить, что молодость, беспечность, лёгкость и, возможно, правильное питание есть основа счастливой жизни англичанина.

ФЕ “*to be born with a silver spoon in one's mouth*” (быть рожденным с серебряной ложкой во рту) означает быть рожденным в очень богатой семье, которая могла себе позволить использовать приборы из драгоценного металла, в то время как бедняки довольствовались деревянными. Также бытует версия, что состоятельный крёстный вручал подарок своему не менее состоятельному крестнику – специальную серебряную ложку для кормления младенца. Данная ФЕ показывает отношение англичан к финансовому состоянию – его наличие, а также наличие богатого родственника является одним из залогов счастливой жизни представителя англосаксонской лингвокультуры.

Анализ этимологии ФЕ английского языка позволяет определить факторы, от которых зависит человеческое счастье.

Фразеологические единицы представляют собой сложные языковые конструкторы, которые с учетом их образных, метафорических элементов позволяют описать концептосферу и ее составляющие представители той или иной лингвокультуры. Во ФЕ

хранится коллективный исторический и социальный опыт. Именно поэтому ФЕ в некотором смысле «подсвечивают» ключевые культурные ценности, представления нации о том или ином объекте или феномене. Этимология ФЕ позволяет проследить развитие национального характера и коммуникативного опыта народа. Как следствие, проанализировав английские ФЕ о счастье, можно понять, что является важным, определяющим для носителей английского языка, когда они говорят о счастливом человеке. Жизнь счастливого англичанина – это безоблачное небо, яркое солнце и зеленеющая трава, период обновления природы, во время которого, возможно, и у представителя английской лингвокультуры также могут произойти положительные изменения в судьбе. Присутствие красного цвета во ФЕ говорит о том, что мощь и страсть нации – яркие компоненты обретенного счастья. Поскольку Англия является страной-прародителем бокса, то счастливый англичанин сравнивает себя с успешным, богатым боксёром. Данное сравнение указывает на денежные интересы счастливого представителя англосакской культуры. Также, по мнению англичан, важно быть рожденным в благосостоятельной семье. Неизменная любовь к животным, которым в английских семьях создаются самые лучшие условия, и последующее сравнение счастливого человека с этими животными говорит о том, что счастье заключается также и в благоприятных домашних условиях, где царит любовь, взаимопонимание, ласка и добрые взаимоотношения. Также, ввиду определенного географического положения страны и увлеченности специфическим видом деятельности – сбором моллюсков, появилось сравнение счастливого человека с моллюском во время прилива, чувствующим безопасность. Итак, согласно выбранным ФЕ, описывающим счастье представителей английской культуры, можно выявить такие компоненты счастья, как безоблачное небо, яркое солнце, зелёная трава, мощь, страсть, деньги, любовь, взаимопонимание, ласка, добрые взаимоотношения, безопасность.

Что же касается ФЕ русского языка, то они также имеют своё значение и историю. ФЕ «лёгкая рука» означает человека, приносящего счастье и удачу, выражение уходит истоками к азартным играм, когда игрок бросал кости рукой, ставил на поле фишки, рулетку, и если ему везло, то тогда и говорили, что у него рука лёгкая, значит, он был счастливым. Прошлое России позволяет утверждать, что азартные игры были широко распространены на русской земле: в одной из миниатюр Кенигсбергской летописи 983 г. повествуется о том, как сам князь Владимир мечет жребий с помощью игральных костей (Korzukhina, 1963: 101). Всероссийское исследование оценки мнения россиян об игорном бизнесе в стране проводилось агентством ORO по заказу Ассоциации операторов индустрии развлечений и событийного туризма. По результатам исследования выяснилось, что 80 % россиян готовы посетить игорные зоны, а 21 % интересуются посещением из-за активностей событийного туризма в игорных зонах. Среди основных причин посещения игорных зон опрошенные назвали желание отдохнуть и отвлечься (48 %), получение ярких эмоций (47 %), любопытство (45 %), возможность проведения необычного досуга с близкими (40 %), атмосферу праздника в игорных зонах (28 %). Интерес к азартным играм русских людей и удача, которую приносят игры, описывают счастливого русского человека.

Следующие ФЕ повествуют об обстоятельствах рождения – «родиться в сорочке»; «родиться под счастливой звездой». В старину по причине отсутствия роддома роды принимались дома, и бывало, что ребёнок появлялся в околоплодном пузыре, не убрав эту плёнку тотчас же, малыш мог бы задохнуться, поэтому принимающий роды должен был успеть снять плёнку, чтобы малыш сумел сделать первый вздох. Когда этот процесс проходил успешно, то о человеке говорили, что он рожден в рубашке, и ему будет сопутствовать удача по жизни. Верить в «рождение под счастливой звездой» означает верить в астрологический прогноз и благоприятное распо-

ложение звёзд на момент рождения. Тот, кто рождается под такой звездой, считается счастливым и удачливым. Вера русского человека в определенные обстоятельства рождения – физиологические и астрологические – определяет появление данных ФЕ. Русский народ обращает внимание на различные приметы. Большинство примет возникли еще в дохристианскую эпоху, и веру в них не смогли уничтожить ни традиционные религии, пришедшие на территорию России больше 1000 лет назад, ни идеологи коммунистического режима на протяжении почти 70 лет существования Советского Союза. Русский народ может быть охарактеризован непоколебимым суеверием.

ФЕ *«радости полные штаны»* сопоставима больше с детской радостью, испытываемой после справления нужды, зачастую в штаны в силу недостаточной зрелости ребёнка успевать следить за процессами жизнедеятельности организма. Счастье – это быть физически необременённым и ощущать лёгкость в движении, что может быть проинтерпретировано как готовность к свершению новых идей, к продолжению ещё более счастливой жизни.

Источником ФЕ *«владеет перстнем Поликрата»* является древнегреческая легенда о самосском тиране Поликрате, которому всегда всё удавалось, чтобы он ни задумал (Gasparov, 1980). Тогда его друг обеспокоился о непрерывной череде удач Поликрата, посчитав, что за счастьем должно следовать несчастье. Прервать череду удачных событий в жизни Поликрата необходимо было путём умиления богов и жертвования им самым дорогим, чем обладал Поликрат, – перстнем. Выйдя на корабле в открытое море, царь избавился от перстня. Перстень был съеден рыбой, которую вскоре поймал рыбак и вернул царю. Во время приготовления рыбы перстень был найден поваром и возвращён царю. Друг царя предположил, что возвращение перстня свидетельствовало о том, что боги отвергли Поликрата и его ждут большие несчастья. Так и произошло, вскоре Поликрат был жестоко убит одним из его наместников. Таким образом, счи-

тается, что значение данной идиомы – череда удач, за которыми следует несчастье. Можно сделать вывод, что владение неким капиталом, дорогой вещью является одним из составляющих счастья.

Библейская легенда о компаративной ФЕ *«счастлив, как Енох»* подразумевает сравнение человека со счастьем Еноха. Согласно Бытию 5.22–24 (Garkavi, 1908–1913: 5–22) Енох обрёл счастье благодаря своему благочестию, за что Бог забрал его на небо, освободив от смерти, вызванной грехами его прародителей. Вера русского человека в Бога, стремление служить Богу и почитать его заповеди играют важную роль в жизни счастливого человека.

ФЕ *«на верху блаженства»* означает испытывать чувство глубокого удовольствия, радости, счастья. Словосочетание «на верху» ассоциируется с наивысшей степенью испытываемого чувства. ФЕ *«погрузиться в нирвану»* означает достижение состояния блаженного упоения, буддийская философия под нирваной понимает неземное состояние блаженства, при котором исчезают все следы бытия, свидетельствующие об индивидуальном существовании. Человек испытывает неземное счастье, находясь на верху, подобно тому, что обретает, будучи на «седьмом небе».

ФЕ *«не слышать земли под собой»; «ошалеть от счастья»; «светиться от счастья»* означают сверхсчастливое состояние человека, при котором проявляется потеря какой-либо способности (перестать чувствовать опору под ногами, потерять способность здраво мыслить) или, наоборот, овладение какой-либо способностью (светиться) в фигуративном значении. Обладание сверхэнергией в состоянии счастья и готовность творить, свершать даже невозможное характеризует человека, наполненного счастьем.

ФЕ *«бросать в воздух шапки»* выражает крайнюю радость и ликование, отчего и появляется желание подбросить шапку, имеет литературный источник и восходит к комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума» (Griboedov, 1812–1824), в которой подбрасывание шапок вверх означало передачу

шутливого и иронического описания общественного подъёма, веселья и счастливого эмоционального состояния.

Проанализировав этимологию выбранных для анализа ФЕ, можно сказать, что счастье русского человека зависит от многих факторов. Счастливый человек, согласно прошлому России с широким распространением азартных игр, определяется тем, насколько он удачливый и везучий в делах, имеет ли он возможность отдохнуть, отвлечься с целью получить яркие эмоции, провести время с друзьями и ощутить атмосферу праздника. Суеверие играет важную роль при описании счастливого человека, поскольку немаловажными являются физиологические и астрологические обстоятельства рождения, процесс успешного рождения в благоприятное время определял счастливого русского человека. Отсутствие физического обременения и вследствие этого ощущение лёгкости движения дают толчок к свершению новых идей, что делает человека еще более счастливым. Финансовое благополучие – также немаловажный фактор при определении счастливого человека. Вера в Бога, стремление служить ему и почитать его заповеди, благочестие – это все те компоненты, которые необходимы для обретения счастья. Испытание неземного состояния блаженства с исчезнувшими следами бытия, потеря неких человеческих способностей и обретение сверхспособностей есть то, что ощущает счастливый русский человек. Ликование, шутливое ироническое веселье – залог счастливого эмоционального состояния. Итак, согласно выбранным ФЕ, описывающим счастье представителей русской культуры, можно выявить такие компоненты счастья, как игра, удача, отдых, яркие эмоции, друзья, праздник, успешные обстоятельства рождения, физическая свобода, финансовое благосостояние, вера в Бога, блаженство, ликование.

Таким образом, авторами была принята попытка проследить этимологические основания возникновения выбранных ФЕ английского и русского языков, характеризующих счастливого человека,

выявить составляющие счастья для обеих лингвокультур, что даёт возможность исследовать универсальные и этноспецифические образы счастья в языковой картине мира рассматриваемых языков.

Результаты исследования

Этимологические данные анализируемых ФЕ дают возможность отметить сходство некоторых межъязыковых стереотипных эталонов в двух ЯКМ, что свидетельствует об универсальности мышления и восприятия образов счастливого человека. Делая вывод на основе вышеизложенного анализа, сравнивая ФЕ двух языковых картин мира, представляется возможным выделить ключевые фрагменты, характерные для каждой из них, а также общие для обоих – универсальные лингвокультурные символы: «небо», «heaven (cloud)»; «радость», «joy»; «баловень», «darling»; «судьба», «fortune»; универсальные признаки – «полный», «full»; «счастливый», «happy»; универсальное действие – «прыгать», «jump»; универсальное число – «семь», «seven».

Рассмотрев этимологию ФЕ английского и русского языков, можно заметить, что в обеих культурах образ «небо» в корреляции с концептом «счастье» является олицетворением блаженного места, защищенного, где человек может получить наивысшее наслаждение; «радость» – позитивная эмоция, проявляющаяся в весёлости, чувстве внутреннего удовлетворения при испытании состояния счастья; «баловень» – избалованный судьбой человек; «судьба» – антропоморфный персонаж, проявляющий действие по отношению к объекту («любит»); «полный» – исполнен чувством счастья; «счастливый» – полон счастья, такой, которому сопутствует счастье, удача, успех; «прыгать» – действие человека, когда он испытывает счастье; «семь» – универсальное число в разных языковых коллективах, в том числе английском и русском, считается приносящим удачу.

В результате проведенной семантической классификации обнаружены фразеологизмы-аналоги в английском

и русском языках: Англ.: in seventh heaven (on cloud nine, sit on a cloud (синоним)) – Рус.: на седьмом небе; Англ.: jump for joy – Рус.: прыгать от радости; Англ.: a darling of fortune – Рус.: баловень судьбы. Эта интерлингвистическая связь во фразеологии английского и русского языков объясняется проникновением друг в друга образов разных культур посредством обширных культурных связей, через литературу – Данте Алигьери и его произведение «Божественная комедия»; религию и космогоническую теорию Аристотеля; телевизионные программы (прогноз погоды); популярные музыкальные хиты – «The Temptations», Джордж Харрисон, Брайн Адамс; факты поведенческой психологии детей, которые в некоторых жизненных ситуациях могут проявляться в поведении взрослого человека; народные метафоры. В данных ФЕ отражено сходство в менталитете представителей английской и русской ФКМ в силу общих элементов культуры – «культурных универсалий» (Teliia, 1986: 14).

Результаты проделанного анализа также дают возможность отследить ассоциативно-образные представления англичан и русских о счастливом человеке, где выявляются этноспецифические лингвокультурные символы. В ЯКМ представителей англоязычной общности счастье ассоциируется с природными явлениями **весны** – это радость весны и всего того, что связано с наступлением весны, – солнце, зелень, птицы, что может быть объяснено климатическими погодными условиями. В то время как в ЯКМ представителей русскоязычной общности счастье ассоциируется с частями тела человека – **лёгкой рукой**, приносящей счастье и удачу, оборот, вошедший в употребление благодаря азартным играм, которые, как известно, с давних времён привлекали человека и занимали важное место в его жизни. Цветовая гамма счастья у англичан состоит из **красного и розового** цветов, возможно, в силу политической истории страны (война «Алой и Белой розы»); климатических особенностей погоды (окрашивание уличных предметов в красный цвет, который хорошо виден в туманную погоду, увиден-

найден-счастлив); влияния литературы (доминирования цветка розы в произведениях Шекспира и окрашивания мира грехов в красный цвет в комедии Данте); жизненных традиций (использование фейерверков в праздничный день, которые красят улицы в красный цвет); биофизических законов жизнедеятельности человека (выступление румянца на щеках при оказании какого-либо действия на человека, преобладание розового цвета кожи при рождении), в то время как у русских в сравнении со счастливым человеком во фразеологическом фонде выбранных единиц цветовая гамма отсутствует. У англичан присутствует приём отождествления со «счастливчиками» – **боксером Ларри**, выигравшим крупную сумму, распространению ФЕ в обиходе способствовала пресса и любовь определенной категории населения к боксу. В появлении ФЕ **собака с двумя хвостами; кот, получивший сметану; моллюск во время прилива** показана любовь англичан к домашним питомцам, которая, возможно, является источником происхождения этих ФЕ. Библейские же источники русскоязычной общности сравнивают счастливого человека с **Енохом**, который за своё благочестие получает в награду счастье на небесах. У англичан в выбранных ФЕ такой источник отсутствует. Имеются и народные метафоры у русских: **верх блаженства** указывает на позицию, занимающую счастливым человеком в фигуративном смысле, что на самом деле означает степень испытываемого счастья; **не слышать земли под собой; ошалеть от счастья; светиться от счастья** объясняют то, что может произойти со счастливым человеком в фигуративном смысле (потеря способностей, сверхспособностей); народные метафоры у англичан: описание того, как счастливое состояние пронизывает каждую клеточку тела человека; поверье, что обладание **серебряной ложкой** – признак того, что человек родился в семье с достаточным уровнем материальных ценностей. В то время как у представителей русской общности важно при каких обстоятельствах родился человек: согласно вере в астрологический прогноз, важно было родиться под счаст-

ливой **звездой**. По народным поверьям русских, влиял на счастье человека и процесс его рождения – одежда **сорочка** (в фигуративном значении). Счастье русское подлежало сравнению не только с атрибутом одежды, но и его наполняемостью – **полными штанами**, которые являлись таковыми вследствие биофизического закона жизнедеятельности человека (в частности, ребёнка). Литература в ЯКМ обеих общностей оказывает своё влияние, у англичан это шекспиризмы, ФЕ, характеризующая счастливого человека, связанная с пищей – **салатом (salad days)**, в фигуративном смысле, значение же её – воспоминание о днях былых, счастливых, и **бросать в воздух шапки** – действие прямого значения, производимое человеком, испытывающим сверхрадостные, счастливые эмоции, имеющее своим истоком произведение А.С. Грибоедова. Древнегреческая легенда о самосском тиране Поликрате нашла своё отражение во ФЕ русского фонда – **перстень Поликрата**, суть данной идиомы – сравнение счастливого человека с обладателем этого перстня, который был удачлив во всех начинаниях, но за счастьем которого последовало несчастье. **Погружение в нирвану** – ФЕ в русском языковом фонде, по источникам буддийской философии, является актом счастливого человека, в результате которого наступает

блаженное успокоение. В языковом фонде представителей английской общности подобные источники среди анализируемых ФЕ не обнаружены.

В результате проведенного нами исследования были определены архетипические представления счастливого человека с указанием предполагаемых источников их возникновения, что представлено на рис. 1 и 2.

Данные рис. 1 и 2 указывают на многогранность предполагаемых источников образования ФЕ, что объясняется наличием богатого культурного, исторического, литературного и религиозного опыта обеих культур.

Заключение

Рассмотрев ФЕ, описывающие счастливого человека в английском и русском языках, с целью исследования черт сходства и различия в системе образов, заложенной в ФЕ, нельзя не отметить, как наличие универсальных образов, кодов, свойственных обеим культурам, так и этноспецифических, содержащих уникальную систему образов, вписывающихся в определенное ментально-культурное пространство. универсальность ассоциативно-образного содержания выбранных ФЕ в рассматриваемых языках объясняется общечеловеческими свойствами мышле-

Рис. 1
Fig.1

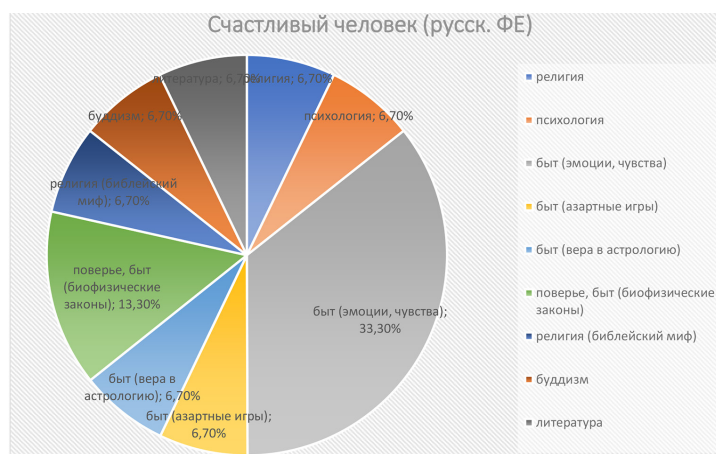

Рис. 2

Fig. 2

ния о понятии «счастье», антропоцентризмом в представлении картины мира. Наличие в рассматриваемом фразеологическом фонде фразеологизмов-аналогов в русском и английском языках объясняется их этимологией – причастностью к религии, литературе, психологии, народному быту, в котором чувства и эмоции порождают определенные единицы фразеологии, передающиеся из поколения в поколение, от культуры к культуре. Можно заключить, что ценностями счастливого человека в обеих культурах явились любовь к Богу и человеку, знания, передающиеся из поколения в поколение, здоровый психофизиологический и эмоциональный фон.

Специфичность ФЕ каждого из языков связана с экстралингвистическими факторами, прячущимися в образах фразеологии и связанными со сферами человеческой деятельности, которые предполагают определенную неизбежную зависимость от политической обстановки, исторически сложившихся традиций, обычаев, от особых религиозных верований и народных по-

верий, географического положения каждой страны. Специфика ФЕ английского языка дает возможность охарактеризовать счастливого англичанина как человека, чуткого к изменениям окружающей его природы, признающего мощь и силу своей страны, обладающего ярким национальным характером, почитающего историю, ценящего благосостояние, любовь, взаимопонимание и безопасность. Специфика ФЕ русского языка дает возможность охарактеризовать счастливого русского как человека, удачного в делах, любящего отдохнуть, суеверного, физически свободного, финансово обеспеченного, верующего в Бога.

Фразеология играет важную роль в формировании языковой картины мира представителей конкретной лингвокультуры. Она становится хранителем системы ценностей, общественной морали, выражает отношение носителей языка к окружающему миру. Фразеологический фонд отражает особое видение мира, жизненных ситуаций и национальное самосознание лингвокультурной общности.

Список литературы / References

Allaiarova R. R. *Natsional'no-spetsificheskie elementy semantiki ustoichivyykh slovesnykh kompleksov sovremennogo nemetskogo iazyka*: avtoref. dis. ... kand. filolog. nauk. M., 1987, 27. [Allaiarova R. R. (1987). *National-specific elements of the semantics of stable verbal complexes of the modern German language*: autoref. dis. ... candidate of Philology. M. 27.].

- Azhniuk B. M. *Angliiskaia frazeologiya v kul'turno-etnicheskom osveshchenii* [English phraseology in cultural and ethnic light]. Kiev, Naukovaia dumka, 1989, 136.
- Baranov A. N. *Osnovi frazeologii* [Basics of phraseology]. M., 2013, 32.
- Bochina T. G. Pishchevoi kod v russkikh paremiakh [The food code in Russian parodies]. In: *Mezhdunar. konf. V Boduenovskie chteniia*, 2015, 60–62.
- Dante. *Bozhestvennaia komediia. Ad. Chistilishche. Rai* [The Divine Comedy. Hell. Purgatory. Paradise]. Translated by V. G. Marantsman, SPb., 2006, 783.
- Foks K. 2008. *Nabliudaia za anglichanami: skrytye pravila povedeniia* [Watching the English: the hidden rules of english behavior]. Available at: http://royallib.com/read/foks_keyt/nablyudaya_za_anglichanami_skritie_pravila_povedeniya.html#0 (accessed 1 November 2023).
- Garkavi A., Gintsburg D., Gessen I. U., Dubnov S., Markon I., Pereferkovich N. *Bytiia kniga. Evreiskaia entsiklopediia Brokgauza i Efrona* [The book of Genesis. The Jewish Encyclopedia of Brockhaus and Efron], SPb., 1908–1913, 5, 501.
- Gasparov M. L. *Zanimatel'naia Gretsii. Polikratov persten'* [Interesting Greece. Polycrates ring]. Available at: <http://antique-lit.niv.ru/antique-lit/gasparov-zanimatelnaya-greciya/polikratov-persten.htm> (accessed 1 November 2024).
- Griboedov A. S. 1812–1824. *Gore ot uma* [Woe from wit]. Available at: <https://ilibrary.ru/text/5/index.html> (accessed 30 October 2023).
- Korzukhina G. F. Iz istorii igr na Rusi [From the history of games in Russia]. In: *Sovetskaia arheologiya* [Soviet archeology], 1963, 4, 85–102.
- Kovshova M. L. *Lingvokul'turologicheskii metod vo frazeologii: kody kul'tury* [Linguistic and cultural method in phraseology: cultural codes]. M., LIBROKOM, 2013, 456.
- Kovshova M. L. Sopostavitel'nii analiz frazeologizmov: lingvokul'turologicheskii podkhod [Comparative analysis of phraseological units: a linguocultural approach]. In: *Filologiya i kul'tura* [Philology and culture], 2014, 4(38), 115–120.
- Krasnykh V. V. *Etnopsikholingvistika i lingvokul'turologiya: kurs lektii* [Ethnopsycholinguistics and linguoculturology: course of lectures]. M., Gnozis, 2002, 284.
- Maslova V. A. *Lingvokul'turologiya: ucheb. posobie dlia stud. vyssh. ucheb. zavedenii* [Linguoculturology: a textbook for students of higher educational institutions]. M., 2001, 208.
- Rozhanskii I. D. *Po sobraniiu sochinenii Aristotelia v 4-kh tomakh* [Based on the collected works of Aristotle in 4 volumes]. M., 1981, 354.
- Senderovich S. Reviziia iungovskoi teorii arkhetaipa [Revision of Jung's Theory of Archetype]. In: *Logos* [Logos], 1995, 144–164.
- Shakespeare, W. *The Jacobean Antony and Cleopatra*. Cambridge, Cambridge University Press, 1998, 281.
- Shulezhkova S. G. Ob'ekt frazeologii v usloviiah poliparadigmal'nosti nauki o iazyke [The object of phraseology in the context of the polyparadigm of the science of language]. In: *Iazyk, Soznanie, Kommunikatsiia* [Language, consciousness, communication], 2016, 374–383.
- Sulkarnaeva A. R. Prepositions Representing Space in English and Russian Proverbs. In: *Journal of Research and Applied Linguistics*, 2020, 98–105.
- Sulkarnaeva A. R., Orynbasarova I. D. Emotivnye frazeologizmy: teoreticheskie predposylki issledovaniia [Emotive phraseological units: theoretical background of the study]. In: *Vestnik Kokshetauskogo gosudarstvennogo universiteta imeni Sh. Ualikhanova* [Bulletin of Kokshetau State University named after Sh. Ualikhanov], 2018, 127–136.
- Teliia V. N. *Bol'shoi frazeologicheskii slovar' russkogo iazyka* [Large phraseological dictionary of the Russian language]. M., 2009, 784.
- Teliia V. N. *Chto takoe frazeologiya* [What phraseology is]. M., 1966, 86.
- Teliia V. N. *Konnotativnyi aspekt semantiki nominativnykh edinits* [The connotative aspect of the semantics of nominative units], M., 1986, 141.
- Teliia V. N. Pervoocherednie zadachi i metodologicheskie problemy issledovaniia frazeologicheskogo sostava iazyka v kontekste kul'tury [Primary tasks and methodological problems of studying the phraseo-

logical composition of language in the context of culture]. In: *Frazeologiya v kontekste kulturi [Phraseology in the context of culture]*, 1999, 13–24.

Teliia V.N. *Russkaia frazeologiya. Semanticheskii, pragmaticheskii i lingvokul'turologicheskii aspekti [Russian phraseology. Semantic, pragmatic and linguocultural aspects]*. M., 1996, 288.

Tokarev G.V. V razvitie ucheniya V.N. Teliia o iazyke kul'tury: kvazietalony [In development of V.N. Teliia's teaching on the language of culture: quasi-standards]. In: *Iazyk, soznanie, kommunikatsiia: sb. st. [Language, consciousness, communication: collection of articles]*, 2013, 46, 113–121.

Vereshchagin E.M. *Iazyk i kul'tura. Lingvostranovedenie v prepodavanii russkogo iazyka kak inostrannogo [Linguistic and regional studies in teaching Russian as a foreign language]*. M., 1990, 246.

Vinogradov V.V. Osnovnye poniatia russkoi frazeologii kak lingvisticheskoi distsipliny [Basic concepts of Russian phraseology as a linguistic discipline], In: *Trudy iubileinoi nauch. sessii Leningr. gos. un-ta [Proceedings of the anniversary scientific session of Leningrad University]*, 1946, 45–69.

Vorkachev S.G. Etalonnost' v sopostavitel'noi semantike [Reference in comparative semantics]. In: *Iazyk, Soznanie, Kommunikatsiia [Language, consciousness, communication]*, 2003, 6–15.

EDN: QGRGBE
УДК 811.111–26

Intertextual Properties of British and American Political Cartoons

Natalia G. Milashchenko*

HSE University

Nizhny Novgorod, Russian Federation

Received 12.05.2025, received in revised form 28.08.2025, accepted 27.09.2025

Abstract. This study explores the employment of intertextual elements in editorial cartoons. The purpose of this research is to compare and contrast the types of precedent phenomena that are used to create British and American political cartoons addressing immigration issues. To this end, the sample of 50 British and 50 American graphical texts published by quality newspapers is analyzed. The research is set in the framework of cognitive stylistics and employs contextual, semantic, stylistic analyses, and Multimodal Critical Discourse Analysis. The findings show that the graphical texts build intertextual ties with such precedent phenomena as precedent fields, utterances, events and situations. Moreover, a new type was revealed, namely, precedent practices denoting habitual actions, some traditional pastime deeply rooted in culture. The study also shows that the cartoonists manipulate precedence-setting tokens to generate multimodal metaphor, metonymy, irony, pun and paronymy. The prior texts tend to be culture specific for American and British cartoons with a notable exception for those connected with the fields of art and mythology. The research opens windows for exploring intertextual properties in different types of multimodal texts.

Keywords: editorial cartoons, intertextuality, humor, precedent phenomena, multimodality.

Research area: Social Structure, Social Institutions and Processes; Languages of the Peoples of the Foreign Countries (English).

Citation: Milashchenko N. G. Intertextual Properties of British and American Political Cartoons. *In: J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2025, 18(10), 1981–1991. EDN: QGRGBE

Интертекстуальные свойства британских и американских политических карикатур

Н.Г. Милащенко

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики»

Российская Федерация, Нижний Новгород

Аннотация. Настоящее исследование посвящено изучению использования интертекстуальных компонентов в редакционной карикатуре. Цель исследования – проведение сравнительно-сопоставительного анализа прецедентных феноменов, применяемых в британских и американских политических карикатурах, посвященных иммиграции. Материалом послужили 50 американских и 50 британских карикатур, опубликованных ведущими новостными изданиями США и Великобритании. Исследование выполнено в русле когнитивной стилистики с применением контекстуального, семантического, стилистического анализа и мультимодального критического дискурса-анализа. Полученные результаты демонстрируют, что графические тексты устанавливают интертекстуальные связи с такими прецедентными феноменами, как прецедентное поле, прецедентное высказывание, событие, ситуация. Кроме того, выявлен новый вид прецедентных феноменов – прецедентные практики, обозначающие привычные действия и традиционные формы времяпрепровождения, тесно связанные с культурой. Исследование также показывает, что авторы используют интертекстуальные элементы для создания мультимодальной метафоры, метонимии, иронии, каламбура и параномазии. Как в британских, так и в американских карикатурах главным образом применяются культурно-специфические прецедентные феномены. Исключение составляют прецедентные поля, связанные с искусством и мифологией, имеющие культурно-универсальный характер. Полученные результаты открывают новые перспективы для изучения интертекстуальных свойств других видов мультимодальных текстов.

Ключевые слова: редакционная карикатура, интертекстуальность, юмор, прецедентные феномены, мультимодальность.

Научная специальность: 5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы; 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (английский).

Цитирование: Милащенко Н. Г. Интертекстуальные свойства британских и американских политических карикатур. *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2025, 18(10), 1981–1991. EDN: QGRGBE

Introduction

Contemporary communicative practices have been distinguished by a pronounced emphasis on visual elements. This trend manifests itself across diverse discourses and can be effectively illustrated by political cartoons. Political cartoons, also called editorial cartoons,

represent the creative output of news outlets, typically made by staff cartoonists. They are characterized by the cohesion of verbal and non-verbal elements resulting in a multimodal structure and semiotic heterogeneity (Pavlina, 2025: 94). The verbal component includes the signs of a natural language, while the non-verbal

component encompasses pictorial, visual or iconic (drawings, images), graphic (typographical choices, spatial arrangement), and color modes.

The interplay of verbal and non-verbal elements in political cartoons ensures the coherence and integrity of the multimodal text where each mode maintains its distinctiveness and complements other modes. Furthermore, being semiotically heterogeneous texts, political cartoons exhibit discursive heterogeneity which can be viewed as interdiscursivity. Interdiscursivity signifies the interaction of multiple discourses acting in line with a specific communicative goal and influencing the perception of the text (Zykova, 2021: 66–67).

Editorial cartoons rest at the cross-section of political, humorous and media discourses. As a result of individual or collective creativity, a cartoon aims to achieve a comic effect through the exaggerated portrayal of its subject. Consequently, it aligns with the humorous discourse fulfilling its primary ludic function (Shirokikh, 2015: 146–147). Humor in cartoons allows authors to disguise their true feelings and beliefs enabling free expression of opinion and avoiding accountability (Raskin, 2008: 39).

At the same time, the primary objective of editorial cartoons is to criticize contemporary social and political phenomena through vivid, memorable observations conveyed both visually and verbally in a humorous manner. This places cartoons within the political discourse whose main function is to impact the recipients and shape their political beliefs. As Blinova shows, editorial cartoons have considerable manipulative potential (Blinova, 2023). The chosen perspective on the representation of events allows for modifying recipients' perceptions as the cartoonist's stance is inherently non-neutral and tends to be ideologically charged (Steuter, Wills, 2008).

Moreover, editorial cartoons are an integral part of the media discourse as they embody the creative output of news outlets, their editorial teams or individual cartoonists. They are marked by condensed presentation of information achieved by limited resources. They complement textual content succinctly and vividly and convey meanings that seem challenging to be expressed solely by verbal means

(Pozdnyakova, Blinova, 2021: 50). Thus, editorial cartoons contribute to the emotionalization of media discourse (Zappettini et al., 2021).

To rivet the recipients' attention, some creative use of multimodal texts' semiotic resources becomes instrumental, the employment of intertextuality being one of such tools (Baranova, Pavlina, 2024). Drawing upon Bakhtin's dialogue theory, researchers highlight multifaceted interactive capabilities of multimodal texts linking them with prior texts. Such interaction can manifest itself in adopting the formal and content-based properties of different signs, structures and texts eventually building new meanings (Gorshkova, Chernyavskaya, 2021: 690). Analyzing the instantiation of intertextuality that underpins new meanings creation, Bykova posits that intertextuality manifests itself in the recipient text in the form of allusions, quotations, reminiscences etc. (Bykova, 2020). Such intertextual elements or, in other words, precedence-setting tokens are traditionally defined as elements of the text which are meaningful for a particular linguistic personality, are widely known and recurrent in this linguistic personality's discourse (Karaulov, 2007: 216). Further research broadens and specifies this notion, underlying the possible short-term and narrow-targeted relevance of precedence-setting tokens, for instance, a commercial for a family or a meme for a group of students (Slyshkin, Efremova, 2004; Pavlina, 2023: 94–95).

The mechanism of using precedent phenomena in a new text is described in terms of their de-conceptualization or extracting and recontextualization or placing in a new context (Chernyavskaya, 2004). By extracting precedence-setting tokens from a source text and incorporating them in a recipient one, the original intentions and meaning can be reconceptualized acquiring new features (Pavlina, 2023: 95). Provided both the producer and the addressee operate the same background knowledge and can trace the link between the text at hand and the pre-existing one(s), successful communication takes place (Tsakona, 2020: 41). In her seminal work on intertextuality and humor, Tsakona elucidates the importance of background knowledge or cultural literacy for understanding the meaning encoded by a hu-

morist (Tsakona, 2020: 41). The perception of humor relies on the shared knowledge of culturally salient texts, which is underpinned by a common cultural memory (Werner, 2004).

Intertextuality is an indispensable part of humor. The humorous texts are based on dissociation, the incompatibility of concepts employed in meaning building. To comprehend what is incongruous in a given context, the addressee should be able to establish intertextual ties with prior texts (Tsakona, 2018). Assuming a sociopragmatic perspective on intertextual elements in humorous texts, Tsakona and Chovanec demonstrate that the ability to decipher intertextual references in humor engenders the construction of in-groups and out-groups, the former possessing cultural knowledge, the latter noticeably lacking it (Tsakona, Chovanec, 2020).

The interdiscursive properties of editorial cartoons – their attribution to media and humorous discourses – predetermine the choice of prior texts used to create a humorous effect. Cartoons target a collective body of addressees, to be comprehensible they should employ prior texts relatable to the majority, the texts that are embedded in the collective memory of the given sociocultural community. I posit that studying intertextual ties in editorial cartoons can shed light on what texts are culturally salient and easily recognizable for a certain community.

Intertextuality has been explored in terms of parameters for the classification of precedent phenomena. In their seminal work Krasnykh at al. determine such types as precedent utterances, precedent situations and precedent names (Krasnykh at al., 1997). This classification was expanded to include precedent events, precedent acts and precedent signs or symbols (Nakhimova, 2018). Taking a broader perspective Nakhimova posits that precedent phenomena build precedent fields encompassing a field of art, a field of reality, and a field of religion (Nakhimova, 2018).

A separate strand of research is devoted to intertextuality instantiated in various semiotic resources (Mardieva, 2016; Pikuleva, 2003). Being multimodal texts, editorial cartoons can employ semiotically heterogeneous intertextual elements of verbal and non-verbal nature (El Refaie, 2009). Thus, the precedence-setting

property can be attributed to color, typographical and linguistic choices, that act both jointly and separately as pronounced intertextual and culturally salient references.

Problem statement

Intertextuality is widely studied in literary texts, advertising, humor and media texts. However, political cartoons as hybrid constructs sharing the features of humorous, political and media discourses remain an understudied area of intertextual research. In this article, I endeavor to examine the types of precedent phenomena employed in political cartoons with the view to hone and develop their existing classifications.

Assuming a sociocultural approach, I am interested in establishing similarities and differences in using precedent-setting tokens in British and American cartoons. Sharing one language, the US and the UK have different cultural and social contexts, which informs intertextual usage in humor texts.

To carry out a comparative examination of editorial cartoons, it is desirable to limit the scope to some issues that are common and acute for certain sociocultural communities. Along this line, I analyze the graphical texts covering the topic of immigration that has been a widely debatable political issue both in the US and the UK in recent years.

I hypothesize that the techniques to create a humorous effect using references to prior texts are similar in British and American political cartoons, while the types of precedent phenomena are culture specific. To test this hypothesis, empirical research is carried out.

Material and methodology

To study the intertextual nature of editorial cartoons, the comparison and contrast of British and American political cartoons is carried out. The sample includes 50 British and 50 American graphical texts devoted to immigration issues, spanning 2020–2025. The editorial cartoons are selected from the web-sites of the leading American and British newspapers such as The U.S. News and World Report, the Guardian, the Telegraph, The Times, The U.S. Today.

First, I establish semiotic resources that have references to prior texts. Then, the prior texts are analyzed, their conceptual properties are established. The next stage of research involves the examination of reconceptualization of intertextual elements. More specifically, I endeavor to describe the mechanisms of creating a humorous effect on the basis of precedence-setting tokens. Finally, the case study of an American editorial cartoon is conducted to reveal the interaction of semiotically heterogeneous and intertextually marked resources involved in meaning making. To this end, I employ semantic, contextual and stylistic analyses, complemented by the Multimodal Critical Discourse Analysis (O'Halloran, 2011).

Results and discussion

The analysis of precedence setting tokens in British and American samples shows that the cartoonists tend to rely on prior texts that are culture specific, which makes them relatable to the target audience. They utilize *precedent events* which are easily recognizable fitting them to the actual political agenda. One of such events is played upon in the American cartoon "Trump at the first thanksgiving" (Fig.1).

Fig. 1. "Trump at the first thanksgiving" cartoon

The graphical text alludes to the Thanksgiving tradition dating back to 1621 when the English pilgrims shared the harvest feast with the Wampanoag people. This historical event is placed in the modern context: the pilgrim is depicted as Donald Trump standing next to a vehicle with the sign "Deportation express". The humorous effect is achieved by flipping the

traditional scenario. Instead of expressing gratitude to the native people, the "pilgrim" orders that they drop the food and get on the bus to be deported from their own land.

The similar technique proves to be instrumental in the British cartoon connected with a precedent event, the beach landing of the Allied forces in Normandy in June 1944 (Fig. 2).

Fig. 2. The British cartoon "Stop the boats"

The leader of the Reform UK party Nigel Farage, a staunch advocate of anti-immigration policies is depicted as a commander of German troops ordering to stop British boats approaching the coast of France. The cartoonist plays on the modern meaning of slogan "Stop the boats" which expresses an appeal to confront immigrants reaching the British coast in small boats. The situation is reversed in the graphical text: the boats are not used by adversaries, on the contrary, they carry friends rather than enemies. The cartoonist turns the tables ascribing the roles of those belonging to the inner circle to those who are in the outer circle.

A culture specific precedence token is involved in word play in the American cartoon "Watch out for ICE" (Fig. 3).

The acronym ICE means Immigration and Customs Enforcement, a U.S. federal agency tackling cross-border crime and illegal immigration. This acronym is homonymous with the common noun "ice", which allows for pun. The linguistic element of the cartoon "Watch out for ice" has two meanings. In the first panel of the cartoon the natural phenomenon meaning is instantiated in the pictorial element, as the child is instructed to be careful while walking along

Fig. 3. The American cartoon "Watch out for ICE"

the icy road. In the second panel the child has to deal with the ICE inspection, so the meaning of the acronym ICE is brought to the fore. The prior text, which involves an individual being confronted by law enforcement, can be characterized as a *precedent situation*.

Another type of precedent items underlying the sample graphical texts is *precedent symbols*. In American cartoons on immigration, the common image is the Statue of Liberty used to symbolize the civil rights and freedoms. In the cartoon "Trump 2.0" the Statue of Liberty contemplates her looming deportation if Trump wins the presidential election (Fig. 4). On the one hand, it is an allusion to the statue's foreign origin: it arrived from France in 1885 as a gift to American people.

The cartoonist depicts the Statue of Liberty conversing with Uncle Sam, another prece-

Fig. 4. The American cartoon "Trump 2.0"

dent symbol common in graphic texts. In political cartoons, Uncle Sam has been widely used as the symbol for the United States since the XIX century. The conversation between the two symbolic figures is as follows:

Statue of Liberty: I'm pretty sure he's going to deport me.

Uncle Sam: Well, if he does, take me with you!

In this context, Uncle Sam represents American democratic values closely associated with freedom. However, this precedent symbol allows for a different interpretation, as the cartoon "Three American children deported" shows (Fig. 5).

Fig. 5. The American cartoon "Three American children deported"

Uncle Sam's top hat is used metonymically being a substitute for the symbolic figure of the man. Traditionally, the top hat has a combination of stripes and stars mimicking the design of the American flag. The vertical arrangement of stripes resembles the vertical bars of a cage; this association helps the cartoonist to combine two different systems – the detention and deportation of children and the American Establishment – in one picture. The responsibility for the separation of children from their families rests with the Federal government, Uncle Sam's top hat being its visual image.

In sample British cartoons the entry point to the country, and the country itself as a desired destination for immigrants is instantiated as the white cliffs of Dover (Fig. 6). It serves as a culture specific precedent symbol that shapes

Fig. 6. The British cartoon
“Let us pray for migrants. Let us prey on migrants”

the political satire targeting the British Conservatives’ anti-immigrant policies. The left part of the two-panel cartoon features the Archbishop of Canterbury praying for immigrants who risk their lives crossing the Channel in small boats. It is set in contrast to the other panel depicting the Home Secretary Suella Braverman holding handcuffs for arriving asylum seekers. The cartoonist plays on the meanings of the word “to pray” – to address a prayer to God, which sounds similar to the verb “to prey” – to commit violence. The idea of violence towards aliens is supported in the graphic and color execution of the inscriptions “Let us pray for migrants” and “Let us prey on migrants” that seem to be painted in blood on the white surface of cliffs.

The immigration discourse raises the issue of justice and law, that is why both American and British cartoonists use the precedent symbol of Themis, the Greek goddess and personification of justice (Fig. 7, Fig. 8).

In the British cartoon the symbol of justice is associated with the Supreme Court, while in the American graphical text Themis is being deported alongside the Statue of Liberty in a vehicle driven by Trump. Though the symbol is the same in American and British cartoons, it acquires cultural specificity due to the context.

The imagery in the British cartoon is manifold. Apart from establishing the link to the Greek mythology using Themis as the precedent symbol, the cartoonist manipulates the images borrowed from the famous Hollywood film

Fig. 7. The American cartoon “Great start”

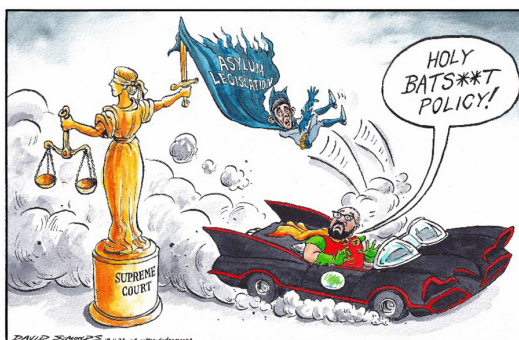

Fig. 8. The British cartoon “Asylum legislation”

about Batman. The reference to this precedent text of pop culture is also found in the linguistic mode of the cartoon: Holy BATS**T policy!

The sample American cartoons also contain links to films, which belong to the *precedent field* of art (Nakhimova, 2018). The cartoon lampooning the attempts of the Biden administration to paint a glossy picture of their achievements in social and financial spheres features President Biden as a character of the film “Everything, Everywhere, All at Once” (Fig. 9). The poster style underscores the irony of the personage’s claims: The Border is Secure, the Economy is Strong, Inflation is Transitory, and Our Banking System is Safe”.

The examination of sample graphical texts uncovers one more type of precedent-setting elements which are indicative of habitual actions, traditions and pastime. They are deeply rooted in culture and are more consistent and permanent than precedent situations and events. We classify them as *precedent practices*. Unlike the precedent field of art de-

Fig. 9. The American cartoon
“Everything, Everywhere, All at Once”

scribed above, precedent practices tend to be culture specific.

One of such instances can be found in the British cartoon “The Brexiteer Birdwatcher” (Fig. 10). The lexeme “brexiteer” is a blend (**Brexit** + **musketeer**) that was coined to denote British politicians advocating Brexit. The brexiteer is depicted as a **bird-watching enthusiast** equipped with binoculars. Being a scientific sport and a pastime popular in Britain, bird-watching involves the observation of live birds in their natural habitat (<https://www.britannica.com/topic/bird-watching>). The brexiteer birdwatcher passes the following comments: “Bloody migratory birds – coming over here, taking our birds’ food...”

The element that unites two disconnected systems – politics and birdwatching – is

Fig. 10. The British cartoon
“The Brexiteer Birdwatcher”

migration. Migratory birds are metaphorical representations of groups of immigrants that change their location arriving in Britain. The lamentation of the birdwatcher is reminiscent of the anti-immigrant rhetoric, when asylum seekers are accused of using public resources and making them less accessible for common British people.

To sum, the conceptual sphere “immigration” is instantiated in the British and American cartoons on the basis of precedence-setting tokens. The analysis established some linkage of graphical texts with the following types of precedent phenomena: precedent fields, events, situations, symbols and practices.

It is evident that prior texts are recontextualized in various ways to fit the verbal and non-verbal elements of multimodal texts. At the next stage of research, it is important to trace the interaction of precedent-setting elements expressed by different semiotic resources to create the desired meaning in the cartoons.

To reveal the role of intertextuality in shaping the meaning in editorial cartoons and to analyze the interplay of modes, the case study a graphical text covering immigration issues is carried out. The cartoon is published in February 2025 by the US News & World Report. Using Multimodal Critical Discourse Analysis, I endeavor to analyze the interaction of the cartoons’ iconic, verbal, graphic and color modes as well as the intertextual embeddings they employ to build meaning.

The cartoon is devoted to the crisis in the US agricultural sector caused by the Republicans’ anti-immigration policies (Fig. 11). The examination of the pictorial plane reveals that the cartoon depicts a typical ranch. This is a common American agricultural enterprise characterized by a vast territory, pastures and physical objects such as a barn painted red, and a grain elevator. The generalized nature of these signs allows for attributing them to precedent symbols.

The graphic mode provides the arrangement of the cartoon’s elements: a man milking a cow is positioned in the left foreground. He is dressed in common American farmer clothes including a cap, a white-and-red plaid shirt and blue denim jeans, each element constituting a

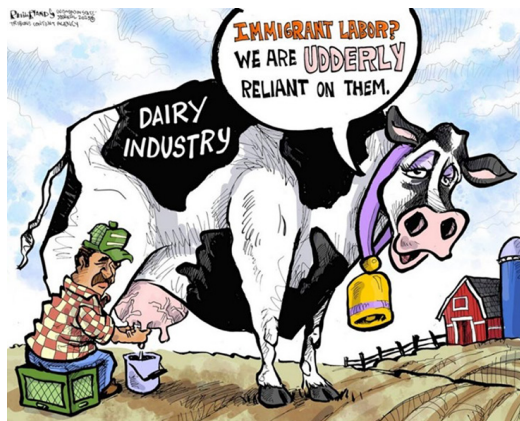

Fig. 11. The US cartoon "Immigrant Labor?"

recognizable symbol of the American culture. However, the green color of the cap and the crate the man sits on alludes to his Mexican origin as the green is believed to be the national color of Mexico symbolizing independence. It ties the cartoon with the acute political context marked by Trump's attempts to address the problem of undocumented immigrants.

The central figure in the cartoon is a large dairy cow with a prominent bell and inscription 'dairy industry' on her side. Being the focal point of the cartoon and its most sizeable element, the animal symbolizes the dairy industry's significance for the US economy. The cow turning to the reader says: "Immigrant labor? We are udderly reliant on them".

The verbal mode features the lexeme 'udderly' that is the blending of 'udder' and 'utterly'. This lexeme is the result of the word-play, specifically paronymy involving lexemes that are phonetically similar but semantically distinct (Gao, 2023: 466). Moreover, the color mode enhances the metaphor as 'udderly' is colored pink to match the cow's udder. It creates intersemiotic cohesion that facilitates associative decoding.

One more example of color symbolism is the phrase 'immigrant labor' executed in red. This is the color of the Republican Party, known for its hard line on immigration policies leading to mass deportations of undocumented immigrants. To fully decode the cartoon's meaning, it is essential to consider the broader context. According to statistics, immigrants

constitute over 50 % of the workforce in the US dairy industry which makes Trump's policies potentially detrimental to the industry's continuity and long-lasting practices. The cartoon criticizes these policies and suggests that they contradict the nation's proclaimed goal of restoring greatness, reflected in the widely cited slogan 'Make America great again'.

Contrary to the official agenda that tends to treat immigrants as a societal threat, the cartoonist shows that they mesh with elements reflecting the quintessence of the American cultural and social life. The image of an immigrant is placed among the signs (the pasture, the barn, the grain elevator) that are deeply rooted in the collective consciousness and emblematic of enduring traditions. The employment of such visual imagery implies that the basis for the multi-layered meaning of the cartoon and the socio-political reality it portrays is accepted at least by a part of the US population. Within this normality, immigrants seem to be naturally integrated, while the consistency of the established order, particularly within the dairy industry, is imperiled by Trumps' policies.

Furthermore, it is important to examine the cowbell, another element of the iconic repertoire that is graphically emphasized. This element acquires prominence due to its substantial size, central positioning, and color arrangement. It serves a critical function in the construction and explication of embedded meanings within the visual metaphor. The bell is intrinsically connected to the catch phrase 'more cowbell', literally signifying an extensive use of the bell.

This expression became widely used after the broadcast of a comedy sketch on NBC's Saturday Night Live in 2000 which parodied the recording of the song The Reaper by the American rock band Blue Öyster Cult. In the sketch, the actor Christopher Walken plays a fictional music producer, Bruce Dickinson, an eccentric and domineering person. Will Ferrell embodies a fictional musician who exuberantly plays the cowbell and annoys his bandmates, partly due to the instrument's atypical role in their musical repertoire. Despite the discontent, the producer Dickinson insists on the inclusion of the cowbell sound. To impose his preferenc-

es, he leverages his authority as the group's producer offering unconventional justifications such as: "I got a fever! And the only prescription is more cowbell!"

Used metaphorically, the phrase 'more cowbell' refers to a situation where an unconventional and irrational preference is imposed by a person in power who can unilaterally enforce their will despite dissent. Since the sketch's debut, the phrase 'more cowbell' has spread across informal communication meaning that something needs to be amplified, even if it contradicts common sense.

Intertextual link to the sketch shapes a satirical stance on Trump's policies. The image of a cow bell, serving as a cue to the precedent text, is complemented by linguistic elements and conveys the idea that political decisions are illogical. The cartoon implies that despite their lack of common sense, the policies targeting immigrants are implemented according to the desire of a person in power.

Thus, the cartoon's message is meticulously constructed through the interplay of verbal, pictorial, graphic and color modes. It aims to elucidate the contradictory nature of Trump's immigration policies. The author aptly manipulates familiar and well-established elements of American sociocultural landscape, that can be classified as precedent symbols, and employs conventional and easily decipherable imagery taking the shape of visual metaphors. The reference to the pop culture phenomenon makes the cartoon accessible for and appealing to a diverse US audience.

Conclusion

In sum, the findings establish the cognitive types of precedent phenomena British and American cartoonists manipulate to satirize

immigration policies. They include precedent events, precedent situations, precedent utterances, precedent fields and precedent symbols. The analysis reveals a new type of prior texts undetected in previous research on intertextuality. It is precedent practices, by which I understand habitual, recurrent actions, a pastime deeply rooted in a specific culture.

The findings partially support the hypothesis about the cultural specificity of precedence-setting tokens employed in editorial cartoons. In fact, the bulk of intertextual elements establish ties with precedent events, situations, utterances and symbols that are relevant for a specific sociocultural community with a notable exception of those belonging to the precedent fields of art (cinematography) and mythology.

The stylistic analysis shows the similarity of techniques employed in British and American cartoons to create humor manipulating intertextuality. Precedence-setting tokens embedded in verbal and visual strata of the sample multimodal texts underpin verbal, pictorial or verbo-pictorial metaphor, metonymy, pun, paronymy and irony.

As editorial cartoons draw upon precedent phenomena that are relatable to the majority of addressees, the examination of intertextual ties reveals the prior texts that are salient either for British or American culture. The study of cartoons on immigration establishes the set of culture-specific precedent signs or symbols that become instrumental to express the newspapers' stance on acute political issues. The further avenues of research include a study of precedent symbols and precedent practices in a bigger sample of editorial cartoons and their examination in other types of multimodal texts.

References

- Baranova M. I., Pavlina S. Yu. Intertextuality as a Driver of Multimodal Creativity in Political Advertising. In: *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*, 2024, 17(5), 950–962.
- Blinova O. A. The manipulative potential of a multimodal media text (on the material of American political caricatures). In: *Russian Linguistic Bulletin*, 2023, 1, 1–6.
- Britannica. 2025. Available at: <https://www.britannica.com/topic/bird-watching> (accessed 25 April 2025).
- Bykova O. A. Intertextuality and precedence as the basis of game in the Internet discourse. In: *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 2020, 10, 76–86.

- Cambridge Dictionary. 2025. Available at: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/have-big-shoes-to-fill> (accessed 25 April 2025).
- Chernyavskaya V. E. Intertext and interdiscourse as the actualization of textual openness. *In: Issues of Cognitive Linguistics*, 2004, 1, 106–111.
- El Refaie E. *What makes us laugh? Verbo-visual humour in newspaper cartoons*. Ventola, E. & Guisjarro, A. J. M. (eds.), *The World Told and the World Shown*, London: Palgrave Macmillan, 2009. 75–89.
- Gao L. Comparative analysis of paronymy and paronomasia in the Russian language. *In: Eurasia. Dialogue of cultures*, 2023, 1, 465–468.
- Gorshkova N. E., Chernyavskaya V. E. Visual intertextuality as a method for meaning generation. *In: Communication Studies*, 2021, 8(4), 689–700.
- Karaulov Yu. N. *Russian language and language personality*. URSS. Moscow, 2007. 264.
- Krasnykh V. V., Gudkov D. B., Zakharenko I. V., Bagaeva D. V. Cognitive base and precedent phenomena in the system of other units and in communication. *In: Vestnik MGU. Philology*, 1997, 4, 106–117.
- Mardieva L. A. *Virtual reality in linguistic and extra-linguistic representation (on the material of media texts)*. Diss. ... Doctor of Philology. Kazan Federal University, 2016, 412.
- Nakhimova E. A. Classification and differentiation of the types of precedent phenomena in political communication. *In: Political linguistics*, 2018, 1, 41–46.
- O'Halloran K. L. *Multimodal Discourse Analysis. The Continuum Companion to Discourse Analysis*. London and New York: Continuum. 2011, 120–137.
- Pavlina S. Yu. Functional perspective on precedence-setting tokens in visual political communication. *In: Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2023, 1, 93–101.
- Pavlina S. Yu. Representation of idiomatic images in editorial cartoons. *In: Tomsk State University Journal of Philology*, 2025, 93, 93–122.
- Pikuleva Yu. B. *Precedent cultural sign in the co-temporary television advertising: linguocultural analysis: author's abstract of the dissertation*. ... Candidate of Philological sciences. Ekaterinburg, 2003, 23.
- Pozdnyakova E. M., Blinova O. A. Covid-19 Pandemic in Political Cartoons of the American Press: An Experience of Multimodal Analysis. *In: Scientific dialogue*, 2021, 1, 48–62.
- Raskin V. *The Primer of Humor Research*. Mouton de Gruyter. Berlin, NY, 2008. 676.
- Shirokikh E. A. Precedent phenomena in the English humorous discourse. *In: Bulletin of Udmurt University. History and Philology Series*, 2015, 3, 145–150.
- Slyshkin G. G., Efremova M. A. *Kinotext (experience of linguocultural analysis)*. M.: Vodoley Publishers. 2004, 153.
- Steuter E., Wills D. Infestation and eradication: Political cartoons and exterminationist rhetoric in the War on Terror. *In: Global Media Journal: Mediterranean Edition*, 2008, 3(1), 11–23.
- Tsakona V. Intertextuality and/in political jokes. *In: Lingua*, 203, 2018, 1–15.
- Tsakona V. Scrutinising intertextuality in humour: moving beyond cultural literacy and towards critical literacy. *In: The European Journal of Humour Research*, 2020, 8(3), 40–59.
- Tsakona V., Chovanec J. Revisiting intertextuality and humor: Fresh perspectives on a classic topic. *In: European Journal of Humour Research*, 2020, 8(3), 1–15.
- Werner W. On political cartoons and social studies textbooks: Visual analogies, intertextuality, and cultural memory. *In: Canadian Social Studies*, 2004, 38(2), 1–11.
- Zappettini F., Douglas M. P., Larina T. Emotionalisation of contemporary media discourse: A research agenda. *In: Russian Journal of Linguistics*, 2021, 25(3), 586–610.
- Zykova I. V. Interdiscursivity as a linguocreative appropriation of discourses: Andrey Tarkovsky and the avant-garde. *In: Slovo.ru: Baltic accent*, 2021, 12(4), 65–85.

EDN: QGRQFG
УДК 37.016:811

Targeting As a Modern Strategy of Information Influence (Based on the Material of German-Language Electronic Media)

Innara A. Guseinova* and Alexey I. Gorozhanov

*Moscow State Linguistic University
Russian Federation, Moscow*

Received 18.04.2025, received in revised form 25.08.2025, accepted 26.09.2025

Abstract. The article considers targeting as one of the currently popular strategies of information influence used in foreign media. Traditionally, this strategy is considered within the marketing discourse; it is used to promote goods and services in social networks. However, there is a tendency to use marketing mechanisms in modern political discourse – in media discourse, in military discourse, in journalistic discourse and others. Targeting for interdiscursive purposes acquires the functions of imposing and promoting certain images, among which the image of the enemy should be singled out separately – the aggressor country, the “evil empire” etc. In this regard, we believe it is important to reveal the tactics that contribute to the implementation of targeting for these purposes. The object of the study is an array of texts from German-language media devoted to modern military-political events with an emphasis on the formation of the image of the enemy. The relevance of the research consists in the need to consider tactics aimed at providing a negative information impact on German-speaking readers. As a result of the analysis of empirical material in German, a conclusion is made about the intensive use of tactics of discriminatory rhetoric, imposition, tactics of immersion of contemporary content in the historical matrix, tactics of using ambisemia, tactics of object replacement and tactics of “soft power”. As a result of their complex use in the inter-institutional space, the German-speaking reader forms an image of the enemy through the use of targeting.

Keywords: targeting, strategy, information impact, historical matrix, tactics of imposition, soft power, ambisemia.

Research area: Social Structure, Social Institutions and Processes.

Citation: Guseinova I.A., Gorozhanov A.I. Targeting As a Modern Strategy of Information Influence (Based on the Material of German-Language Electronic Media). In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2025, 18(10), 1992–2003. EDN: QGRQFG

© Siberian Federal University. All rights reserved

* Corresponding author E-mail address: agorozhanov@linguanet.ru

ORCID: 0000-0002-6544-699X (Guseinova); 0000-0003-2280-1282 (Gorozhanov)

Таргетинг как современная стратегия информационного воздействия (на материале немецкоязычных электронных СМИ)

И.А. Гусейнова, А.И. Горожанов

Московский государственный лингвистический университет
Российская Федерация, Москва

Аннотация. В статье рассматривается таргетинг как одна из востребованных на сегодняшний день стратегий информационного воздействия, используемая в зарубежных СМИ. Традиционно данная стратегия анализируется в маркетинговом дискурсе, она находит применение при продвижении товаров и услуг в социальных сетях. Однако наблюдается тенденция использования механизмов маркетинга в современном политическом дискурсе – в дискурсе СМИ, в военном дискурсе, в публицистическом дискурсе и других. Таргетинг в междискурсивных целях приобретает функции навязывания и продвижения определенных образов, среди которых отдельно следует выделить образ врага – страны-агрессора, «империи зла» и других. В этой связи нам представляется важным рассмотреть тактики, способствующие реализации таргетинга в указанных целях. Объектом исследования выступает массив текстов немецкоязычных СМИ, посвященных современным военно-политическим событиям с акцентом на формирование образа врага. Актуальность исследования обусловлена необходимостью изучения тактик, направленных на оказание негативного информационного воздействия на немецкоязычных читателей. В результате анализа эмпирического материала на немецком языке делается вывод об интенсивном использовании тактики дискриминирующей риторики, навязывания, тактики погружения современного контента в историческую матрицу, тактики применения амбисемии, тактики замены объекта и тактики «мягкой силы». Вследствие их комплексного применения в межинституциональном пространстве у немецкоязычного читателя через применение таргетинга формируется образ врага.

Ключевые слова: таргетинг, стратегия, информационное воздействие, историческая матрица, тактика навязывания, мягкая сила, амбисемия.

Научная специальность: 5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы.

Цитирование: Гусейнова И. А., Горожанов А. И. Таргетинг как современная стратегия информационного воздействия (на материале немецкоязычных электронных СМИ). *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2025, 18(10), 1992–2003. EDN: QGRQFG

Введение

Поводом для написания данной статьи послужили серии публикаций в электронных сетевых изданиях Германии, в которых на протяжении последних лет сохраняется тенденция к таргетированному использованию публичного пространства. *Таргетирова-*

ние как особая разновидность маркетинговой (рекламной) стратегии дает возможность освоения коммуникативно-дискурсивного пространства с учетом ключевых социолингвистических параметров целевых аудиторий. Для достижения практических целей – оказание влияния на массового реципиента, фор-

мирование общественного мнения, формирование отношения к определенному факту или событию объективной реальности – применяется достаточно ограниченный набор лингвистических средств. Нами выявлены наиболее часто употребляемые в немецкоязычных СМИ лингвистические ресурсы: многократное употребление одних и тех же ключевых слов в разных контекстах, объединенных одним замыслом; погружение нейтральной лексики или неологизмов в *историческую матрицу* (термин Э. Халас (Halas, 2021)); усиленное употребление оценочной лексики при описании новостного содержания, которое в принципе должно содержать объективную информацию. В результате комплексного использования вышеуказанных лингвистических средств осуществляется информационное воздействие на массового реципиента конкретного этносоциума, которое служит основой для изменения как его индивидуальной, так и коллективной картины мира.

Теоретико-методологические основания

Для комплексных исследований требуется разработка междисциплинарной и в ряде случаев интегративной базы. В основу наших научных изысканий мы полагаем целесообразным привлечение данных разных наук: теории дискурса (van Dijk, 1985; van Dijk, 1989; Karasik, 2015; Radbil, 2024), когнитивной лингвистики (Kubryakova, 2012; Iriskhanova, 2021; Bredikhin, Pelevina, 2021; Kiose et al., 2023), теории коммуникации (Guseynova, 2019; Maslova, 2021; Katermina et al., 2021), тактик информационного воздействия (Guseynova, Gorozhanov, 2023; Malyuga, 2024; Guseynova, Gorozhanov, 2024). Акцент при этом делается на когнитивно-прагматические аспекты информационного воздействия, в реализации которого существенную роль играют когнитивные процессы и механизмы восприятия информации и распределения внимания. Данные процессы тесно связаны со спецификой зрительного восприятия мира и одновременно являются вербализованным результатом зрительного восприятия. При этом

распределение внимания осуществляется, как справедливо отмечает О.К. Ирисханова, с опорой на два взаимообусловленных механизма – фокусирование и дефокусирование. В качестве основ феномена фокусирования и дефокусирования принято считать следующие положения: 1) язык является частью познавательной деятельности и опирается на общие принципы взаимодействия человека с миром; 2) вербальная деятельность во многом следует законам перцепции, особенно зрительной; 3) языковые значения <...> репрезентируют те структуры знаний, которые мы строим, субъективно познавая мир; 4) осуществляя выбор между языковыми выражениями, говорящий выбирает определенный способ конструирования мира; 5) само конструирование интерактивно. Отмечая амбивалентную сущность человека, О.К. Ирисханова пишет о его игровой деятельности, включая языковую, и подчеркивает при этом, что «игровая деятельность во многом строится на способности игрока быть сфокусированным, удерживать нечто в своем поле зрения и в то же время – быстро переключаться, смещая фокус внимания с одного объекта на другой, отодвигая на задний план то, что в данный момент кажется несущественным». При этом «значимым для освоения мира, в том числе посредством языка, является не только фокусирование, но и когнитивные механизмы дефокусирования». Ниже О.К. Ирисханова определяет дефокусирование как «выведение из фокуса внимания определенных свойств объектов или ситуаций, осуществляемое говорящими с помощью различных языковых единиц» (Iriskhanova, 2014: 11–13).

Материал и методы исследования

Для исследования когнитивно-прагматических аспектов информационного воздействия нами применяется комплексная методика, включающая традиционные лингвистические методы исследования (дефиниционный, лексико-семантический, словообразовательный), контекстуальный анализ, а также элементы дискурс-анализа, контент-анализа и метод интерпретации.

Материалом исследования служат публикации 2024 года в авторитетных немецких изданиях, в том числе в *Tagesspiegel* и *Berliner Zeitung*, в которых так или иначе описываются разные события, касающиеся России и играющие важную роль для немецкоязычного социума. Общий объем массива текстов относительно небольшой и составляет примерно 250 публикаций. В данном случае акцент авторы статьи делают на качестве анализируемых публикаций, а не на их количестве.

Ход исследования и его результаты

В последнее время мы наблюдаем тенденцию сближения и взаимовлияния разных видов дискурса. Очевидным становится проникновение маркетингового дискурса в политическую и публицистическую разновидности институционального дискурса. На наш взгляд, это обусловлено широким использованием технологий, формирующих общественное мнение, которые приобретают в политическом и публицистическом измерениях нередко манипулятивный характер. Наиболее востребованным в подаче политического и новостного контента представляется **таргетинг**, который рассматривается нами как один из механизмов маркетинга, направленный на выявление и работу с определенными социокоммуникативными группами. Таргетинг позволяет уточнить социолингвистические параметры целевых групп и подбирать тот комплекс товаров и услуг, а также осуществлять подбор информационного содержания, которые в наибольшей степени отвечают их материальным и духовным запросам. В результате применения таргетинга реализуется прагматическая цель — продажа товаров и услуг, а также нематериальных сущностей.

Наибольшей популярностью таргетинг пользуется в социальных сетях. Безусловно, он ориентирован на решение маркетинговых и рекламных задач, однако как механизм маркетинга он отмечен нами и в корпусе текстов политического и публицистического видов дискурса. Таргетинг вышел за пределы личного простран-

ства и сегодня формирует общественное публичное пространство. В связи с этим возникают условия, которые способствуют формированию общественного мнения и отношения к определенному факту или событию, независимо от того, является ли предлагаемая информация объективной или вымышленной. Принято считать, что таргетинг как механизм маркетинга реализует оперативный менеджмент, иными словами, информация размещается быстро и на тех каналах распространения, в которых максимально учитываются социолингвистические параметры целевых аудиторий. Кроме того, при необходимости информация может быть расширена, дополнена в любой момент или полностью обновлена. Имеется также возможность учитывать количество просмотров или посещений ресурсов, которые завершаются приобретением продукта или услуги.

Тенденция сближения политического и маркетингового дискурса Несмотря на тот факт, что таргетинг рассматривают преимущественно в контексте рекламы (Johnson, 2013; Schlee, 2013; Wang et al., 2017), он находит также свое применение в других видах институционального дискурса. Существенную роль в сближении разных видов дискурса играют дискурсивные практики, нередко трактуемые как «социально устоявшиеся, конвенциональные и артикулируемые в речи действия по решению рекуррентных коммуникативных проблем и интенций в соответствующем лингвокультурном пространстве в сферах институционального и неинституционального общения» (Kulikova et al., 2015: 10). Напомним, что дискурсивные практики обладают следующими характеристиками: 1) традиционностью и целесообразностью, то есть стереотипностью воспроизведения речи с учетом специфики разновидности институционального дискурса; 2) нормированностью, то есть ориентацией на существующие социально-коммуникативные нормы, закрепленные в определенном виде дискурса; 3) интерактивностью, что предполагает знание коммуникантами моделей эффективного социокультурного взаимо-

действия; 4) функционально-когнитивной направленностью, которая выражается в распознавании сигналов интерактивного взаимодействия в процессе коммуникации, обеспечивающем в дальнейшем конвенциональное достижение поставленных целей. Понимание дискурсивной деятельности как определенной технологии создает основу для технологизации многих коммуникативных процессов и для выработки алгоритмов, что приводит к «процессу минимизации коммуникативных усилий для оптимального управления субъектами дискурсивного взаимодействия» (Kulikova et al., 2015: 14). Применительно к нашему исследованию именно таргетинг играет ключевую роль в минимизации усилий при осуществлении информационного воздействия. Рассмотрим ниже случаи применения механизма таргетинга в электронных СМИ Германии на актуальных примерах. Очевидно, что риторика СМИ находится под воздействием внешних факторов и варьирует, но в настоящий момент мы отмечаем широкое применение **тактики дискриминирующей риторики** в тех информационных сообщениях, в которых фигурирует Россия. Наиболее употребительной выступает стратегия таргетированной идеологизации контекста, реализуемая при помощи определенного набора комбинируемых тактик. Погружение в *темпоральную матрицу* открывает перспективу представления России как «империи зла» на различных этапах истории, ср. нем.: *Folter, Vergewaltigungen, brutale Gewalt: Experten werfen Russland im Krieg gegen die Ukraine Verbrechen gegen die Menschlichkeit vor* (пер. рус. – *Пытки, изнасилования, жестокое насилие: эксперты упрекают Россию в войне против Украины в преступлениях против человечности*). Смешение средневековых практик с применением пыток (*Folter*) для получения признания и доказательства вины, физического насилия (*Vergewaltigungen*) для унижения человека и лишения его человеческого достоинства, жестокого насилия (*brutale Gewalt*) для причинения физической боли и морального ущерба – все это направлено на то, чтобы вызвать у читателя страх

и ожидание апокалипсиса. При этом массовый читатель может соотнести каждую практику с тем историческим периодом, который порождает наиболее сильную эмоциональную реакцию – инквизицией, нацизмом, подавлением инакомыслия и т.п.

Одним из механизмов реализации таргетинга выступает **тактика навязывания**, которая реализуется при помощи, например, перечисления, нередко климатика, ср. нем. *Folter, Vergewaltigungen, brutale Gewalt*, когда каждое последующее слово выступает более экспрессивным по отношению к предыдущему. Погружение в нацистский нарратив осуществляется через дискриминирующую риторику, реализуемую через одновременное употребление географических реалий *Russland (Россия)* и *die Ukraine (Украина)* в терминах Нюрнбергского процесса, ср. *Verbrechen gegen die Menschlichkeit (преступления против человечности)*. Такая тактика, во-первых, исключает из контекста Германию, которая по-прежнему имеет устойчивую ассоциацию со зверствами нацистов, а во-вторых, определяет Россию как агрессора, совершающего преступления против Украины. При этом в роли «судей» выступают некие эксперты, чьи действия мы проанализируем ниже.

Russische Behörden hätten in allen von ihr kontrollierten Provinzen der Ukraine und in Hafteinrichtungen der Russischen Föderation Folterverbrechen verübt, sagte Erik Moese, der Vorsitzende der Kommission, einem Bericht der Nachrichtenagentur AP zufolge. Auf der Grundlage dieses Beweismaterials sind wir zu dem Schluss gekommen, dass die russischen Behörden im Rahmen einer koordinierten staatlichen Politik der Folterung ukrainischer Zivilisten und Kriegsgefangener gehandelt haben. Moese betonte, die Kommission sei ein Ermittlungsgremium. Er wies darauf hin, dass die ukrainische Generalstaatsanwaltschaft und der Internationale Strafgerichtshof mögliche Kriegsverbrechen und Verbrechen gegen die Menschlichkeit in der Ukraine untersuchen und die Kommission möglicherweise um Beweise gebeten wird.

(Пер. рус. – Российские власти совершали пытки во всех подконтрольных им

областях Украины и в местах содержания под стражей в Российской Федерации, заявил председатель комиссии Эрик Мезе, согласно сообщению Ассошиэйтед Пресс. На основании этих доказательств мы пришли к выводу, что российские власти действовали в рамках скоординированной государственной политики пыток украинских мирных жителей и военнопленных. Мезе подчеркнул, что комиссия является следственным органом. Он отметил, что украинская генеральная прокуратура и Международный уголовный суд расследуют возможные военные преступления и преступления против человечности на Украине, и у комиссии могут быть запрошены доказательства).

В роли судей выступает Эрик Мезе, председатель комиссии согласно отчету новостного агентства Ассошиэйтед Пресс. При этом в сообщении никакой особой информации о комиссии, составе ее участников, целей и задач, которые стоят перед группой экспертов, не представлено. Тем не менее по отношению к комиссии используется определенный набор лексем, призванный подчеркнуть ее официальный статус, который не подкреплён никакими фактами или документами, ср. нем.: *Ermittlungsgremium* (рус. *следственная комиссия*), *die ukrainische Generalstaatsanwaltschaft* (рус. *украинская генеральная прокуратура*), *der Internationale Strafgerichtshof* (рус. *Международный уголовный суд*). Для того чтобы избежать обвинений в представлении непроверенной информации, авторы публикации намеренно вводят в контекст лексему *mögliche*, которая моделирует контекст, придавая обвинениям гипотетический характер, ср. нем.: *mögliche Kriegsverbrechen und Verbrechen gegen die Menschlichkeit* (рус. *возможные военные преступления и преступления против человечности*). Далее в тексте в таком же гипотетическом ключе указывается, что вполне вероятно комиссию попросят предоставить какие-либо доказательства (нем. *die Kommission möglicherweise um Beweise gebeten wird*). При этом в материале публикации делается аккуратная оговорка в виде ссылки на но-

востное агентство, что, по всей видимости, должно оградить авторов публикации от справедливых упреков или открытых вопросов, ответы на которые могут негативно повлиять на таргетированное формирование общественного мнения и навязываемого отношения к событию. Для того чтобы обезопасить себя при передаче определенного оценочного содержания, авторы публикации для сохранения видимости объективности в одном ряду указывают обе стороны конфликта – Россию и Украину (нем. *Russische Behörden ... in allen von ihr kontrollierten Provinzen der Ukraine und in Hafteinrichtungen der Russischen Föderation*). Тем не менее двукратное упоминание России (нем. *Russische Behörden, in der Russischen Föderation*) в негативном ключе способствует созданию агрессивного образа России в сознании немецкоязычного социума. Для усиления эффекта и поддержания образа агрессора в контекст добавлена информация о контролируемых Россией украинских (букв.) «провинциях» (нем. *von ihr kontrollierten Provinzen der Ukraine*) и упоминание применения пыток (нем. *Folterverbrechen*). Утверждается также наличие скоординированной политики РФ по применению пыток в отношении украинского гражданского населения и военнопленных (нем. *die russischen Behörden im Rahmen einer koordinierten staatlichen Politik der Folterung ukrainischer Zivilisten und Kriegsgefangener gehandelt haben*). В этой новостной публикации, которая является в рамках нашей работы показательной, поскольку демонстрирует одновременно использование нескольких тактик, упоминается некая база доказательств, ср. нем.: *Auf der Grundlage dieses Beweismaterials*, однако какие-либо фактические доказательства не представлены, вместо них приводятся высказывания экспертов из числа бывших советологов, которые опираются на свой опыт изучения России прошлого века / прошлых веков, например:

Seit dem Einmarsch Russlands in die Ukraine 2022 habe sich Folter „als Instrument für Repressionen zu Hause und im Ausland ausgebreitet, hieß es weiter“. Die Behörden

müssten selten Rechenschaft ablegen, Straflosigkeit sei zum Alltag geworden. In Russland gebe es mindestens 1300 politische Gefangene – die Zahl könne aber auch bei 1700 oder höher liegen. Unter ihnen seien auch 30 Journalisten. Zudem sind wohl auch Tausende Ukrainer nach Russland gebracht worden. „Sie verrotten in russischen Gefängnissen, werden ohne Kontakt zur Außenwelt gehalten, gefoltert, Elektroschocks ausgesetzt – allem von Elektroschocks bis hin zu Vergewaltigung und sexueller Gewalt“, so Katzarova.

(Пер. рус. – После вторжения России на Украину в 2022 году пытки “распространились как инструмент репрессий внутри страны и за рубежом”, добавили в ведомстве. Власти редко привлекаются к ответственности, а безнаказанность стала обычным явлением. В России насчитывается не менее 1300 политических заключённых, но их число может достигать 1700 и более. Среди них 30 журналистов. Кроме того, считается, что тысячи украинцев были доставлены в Россию. “Они гниют в российских тюрьмах, содержатся без связи с внешним миром, подвергаются пыткам и электрошоку – всему, от электрошока до изнасилований и сексуального домогательства”, – сообщила Кацарова).

В приведенном выше отрывке текста Россия представлена в рамках темы пыток и насилия (нем. *Folter, werden gefoltert, Elektroschocks ausgesetzt, Vergewaltigung, sexuelle Gewalt*), несвободы (нем. *werden ohne Kontakt zur Außenwelt gehalten*), безнаказанности (нем. *Straflosigkeit*). В этом смысле мы имеем дело с **тактикой погружения современного контента в историческую матрицу**. Указанные в том же отрывке текста «доказательства», на наш взгляд, погружены в историческую матрицу времен СССР, когда в зарубежных публикациях муссировалась тема «диссидентов и политических заключенных», усиленная газетными штампами и клише, маркирующими определенные исторические периоды, отражаемые в зарубежных СМИ. Ключевым словом выступает понятие репрессий (нем. *Repressionen*), которое призвано стимулировать определенные ас-

социации и эмоциональные реакции гнева, страха, ужаса. Мы наблюдаем стабильные элементы исторической матрицы, которые представлены в виде негативно коннотированных лексем, ср. нем.: *Einmarsch* (рус. *вторжение*), *Repressionen* (рус. *пенпесии*), *selten Rechenschaft ablegen* (рус. *редко предоставлять отчет / отчитываться*), *Straflosigkeit sei zum Alltag geworden* (рус. *безнаказанность стала привычным делом / прочно вошла в жизнь*), *politische Gefangene* (рус. *политзаключенные*). **Тактика применения амбисемии** (см. (Denissova et al., 2024)) также «работает» в анализируемом отрывке текста. Нейтральное слово *Journalisten* (рус. *журналисты*), включенное в контекст с упоминанием политзаключенных (нем. *In Russland gebe es mindestens 1300 politische Gefangene – die Zahl könne aber auch bei 1700 oder höher liegen. Unter ihnen seien auch 30 Journalisten*), способствует приращению негативных смыслов – отсутствие свободы слова, невозможность высказать свое мнение, неизбежное наказание за инакомыслие и т.п.

Любопытным представляется и уточнение «страны происхождения» ключевого эксперта, что выступает частью **тактики «мягкой силы»**. Благодаря содержательной специфике и коннотациям бренд в маркетинговой коммуникации выполняет ряд функций, в том числе квалифицирующую, призванную достаточно отчетливо выделять его в ряду других брендов, и идентифицирующую, которая является основной для любого бренда. При этом «ожидания, фиксируемые в содержании бренда, в норме должны быть позитивными», т.е. содержать ‘доброе’» (Parshin, 2015: 25). Бренд выполняет также оценочную функцию, способствующую формированию репутации и имиджа объекта продвижения в маркетинговой коммуникации. П. Б. Паршин подчеркивает, что бренд может быть слабым и сильным, но эти характеристики находятся не на шкале общей оценки, а на «шкале коммуникативной ‘раскрученности’» (Parshin, 2015: 26). Применительно к информационному воздействию мы отчетливо наблюдаем противоположную тенденцию, когда

таргетинг, используя ресурсы маркетинга и бренда, формирует негативный образ, содержащий «зло». В манипулятивном аспекте также отрабатывается элемент страны происхождения (англ. *country of origin*). Понятие локусного брендинга сформировалось во многом под влиянием исследований национальной идентичности и так называемого эффекта страны происхождения (*country of origin effect, COE*) (Parshin, 2015: 29). В немалой степени этому способствовало указание на место происхождения товара «*Made in...*», представляющее собой «знак, носителем которого является включенное в определенную лексико-грамматическую рамку географическое название (топоним), а денотатом – носящий это название локус: страна, город, регион и т.п.» (Parshin, 2015: 41). Особым видом локусной маркировки является использование коммерческих номенов и рекламных сообщений с ярко выраженным национальным колоритом.

Упоминание «страны происхождения» именно эксперта из Болгарии, в то время как никто из других членов группы не комментируется как представитель той или иной страны, приобретает таргетированный характер, ср. нем.: *Folter sei „kein neues Phänomen in der Russischen Föderation, aber jetzt ist es nach der vollständigen Invasion (in der Ukraine) zu einer konzentrierten Strategie geworden“, sagte die Bulgarin weiter.* (Пер. рус. – *Пытки – «не новый феномен в Российской Федерации, но теперь, после полномасштабного вторжения (на Украину), они стали концентрированной стратегией», – добавила эксперт из Болгарии*). Один из членов экспертной группы родом из Болгарии является советологом, специалистом по СССР и России, что делает ее мнение наиболее значимым при составлении отчета. В приведенной выше цитате утверждается, что пытки не являются чем-то новым в Российской Федерации, но они стали ключевой стратегией после полного вторжения на Украину. Известно, что Болгария пережила разные периоды исторических отношений с Россией, но после вступления в ЕС приняла и стала придерживаться политики европейских

государств во всех вопросах, касающихся России. Иными словами, зная историческое прошлое России и Болгарии, традиции и культурно-исторические связи обеих стран, вектор заключения носит заданный характер – представить Россию в негативном свете, ср. нем.: *... sagte die Bulgarin weiter. „Ein Instrument, um den Bürgerraum zu unterdrücken, um alle Kriegskritiker oder Dissidenten zum Schweigen zu bringen, die nicht einverstanden sind mit der Politik der russischen Behörden und ihrer sogenannten besonderen militärischen Operation“.* (Пер. рус. – *... продолжила эксперт из Болгарии: «Инструмент подавления гражданского общества, подавления всех критиков войны и диссидентов, несогласных с политикой российских властей и их так называемой специальной военной операцией»*). Авторы этого материала обращаются к историческим фактам, которые призваны доказать массовому реципиенту, что примеры жестокого обращения с людьми можно найти в истории России, которая издавна славилась бесчеловечным отношением к людям, ср. нем.: *um den Bürgerraum zu unterdrücken* (рус. – *(чтобы подавить гражданское общество)*). При этом приводимые псевдодоказательства касаются все тех же периодов истории, которые известны западному читателю из рассказов тех, кто во времена СССР принял решение покинуть страну, ср. нем.: *alle Kriegskritiker oder Dissidenten zum Schweigen zu bringen* (рус. *заставить замолчать всех критиков войны и диссидентов*). Одновременно отметим, что отсутствие знаний о современной России, нежелание говорить об изменениях, происходящих в стране, вынуждают авторов подобных материалов все время обращаться к периоду, детализированно описанному в разных западных источниках, – диссидентах и борцов за свободу, которые в силу необходимости превращаются в современных исторических условиях в противников войны.

На наш взгляд, авторы подобных публикаций осознают слабость приводимых ими аргументов. По этой причине в материалах усиливается апеллирование к авторитетным организациям

и учреждениям, ср. нем.: *Auch die UN-Sonderberichtsteratterin für Menschenrechte in Russland, Mariana Katzarova, hatte Russland in einem neuen Bericht gerade systematische Folter von Kritikern im Inland und feindlichen Soldaten vorgeworfen. Das Papier dokumentierte: „wie Folter und andere grausame, unmenschliche oder erniedrigende Behandlung oder Bestrafung als staatlich sanktionierte Instrumente zur systematischen Unterdrückung in der Russischen Föderation verwendet werden“*, hieß es der Agentur dpa zufolge in dem Bericht. (Пер. рус. – Специальный представитель ООН по правам человека в России Мариана Кацарова также недавно в своем очередном докладе обвинила Россию в систематических пытках внутренних критиков и солдат противника. В докладе документируется, «как пытки и другие жестокие, бесчеловечные или унижающие достоинство виды обращения и наказания используются в качестве санкционированных государством инструментов систематических репрессий в Российской Федерации», – сообщает новостное агентство dpa).

В приведенном выше отрывке упоминается и ООН, и имя корреспондента, и ее поле деятельности в России – права человека. Акцент делается на том, что в России систематически применяются пытки, например, в виде бесчеловечного и унижительного обращения (нем. *unmenschliche oder erniedrigende Behandlung*) в отношении инакомыслящих и вражеских солдат (нем. *von Kritikern im Inland und feindlichen Soldaten*). Понимая бездоказательность и невозможность подтвердить описываемое фактами, авторы публикации дают ссылку на новостное агентство (нем. *Agentur dpa*).

Напомним, что значению слова «навязывание», сопоставимого в нашем случае с таргетингом, «присущ оценочно-неодобрительный оттенок», но главное в значении слова заключается в том, чтобы «заставить народные массы подчиняться решениям, мнениям, воззрениям, не отвечающим их интересам» (Zemtsov, 2009: 267). В первую очередь имеются в виду интересы либо коммерческих, либо воен-

ных кругов, а иногда их общие интересы. Очевидно, что навязывание возможно применительно к любому действию или государству в целом, но в условиях нагнетания информационного воздействия, формирования информационного шума или пузыря навязывание способствует формированию общественного мнения и определенной точки зрения на событие. Показательным представляется следующий отрывок текста, демонстрирующий применение **тактики навязывания**, ср. нем.: *Berichte über grausames Vorgehen der russischen Armee im Zuge des Krieges gegen die Ukraine gibt es seit der Invasion Ende Februar 2022 immer wieder... Vergewaltigungen, lange erzwungene Nacktheit, Leibesvisitationen und vieles mehr wurden den Gefangenen angetan, sagte Kommissionsmitglied Vrinda Gover dem Bericht zufolge. Sie bestätigte, die meisten Kriegsgefangenen berichteten, dass sie sexueller Gewalt ausgesetzt gewesen seien und ein langanhaltendes psychologisches Trauma erlitten hätten*. (Пер. рус. – Сообщения о жестоких действиях российских военных во время войны против Украины продолжают поступать с момента вторжения в конце февраля 2022 года... Согласно докладу, пленные подвергались изнасилованиям, длительному принудительному раздеванию, личным досмотрам и многим другим видам насилия, заявила член комиссии Вринда Говер. Она подтвердила, что большинство военнопленных сообщали о сексуальном насилии и длительной психологической травме).

В отрывке фактологическая информация щедро перемешана с оценочной и экспрессивной лексикой. Так, например, *действия Российской Армии* (нем. *Vorgehen der russischen Armee*) детерминируются как *жестокое / бесчеловечные* (нем. *grausames Vorgehen*) с последующими уточнениями в виде перечисления злодеяний, которые, однако, не подкреплены никакими доказательствами, а только общей ссылкой на отчеты (нем. *Berichte*), слова эксперта (нем. *Kommissionsmitglied Vrinda Gover*) и показания *большинства* военнопленных (нем. *die meisten Kriegsgefangenen berichteten*).

Для усиления информационного воздействия на немецкоязычного читателя, а далее для нагнетания ужаса в немецкоязычном социуме, чтобы было похоже больше на правду, в анализируемом тексте всплывает следующий абзац, намеренно вводящий читателя в заблуждение через применение **тактики замены объекта**, ср. нем.: *Ukrainer in Hafteinrichtungen in der Ukraine und in Russland berichteten ebenfalls von einem „brutalen sogenannten Aufnahmeverfahren“, so Gover. „Harte Praktiken, die darauf abzielten, die Gefangenen einzuschüchtern, zu brechen, zu demütigen, zu zwingen und zu bestrafen, wurden routinemäßig angewendet“, sagte sie.* (Пер. рус. – Украинцы, находящиеся в местах содержания под стражей на Украине и в России, также сообщали о «жестокоем так называемом процессе приёма», – сказала Gover. «Жёсткие методы, направленные на запугивание, ломку, унижение, принуждение и наказание заключённых, применялись регулярно», – заявила эксперт).

Подобная тактика осуществляется методом простой подстановки – путем замены одного слова на другое. В таргетированном контексте СВО, где в тексте должна фигурировать Украина, возникает Россия, там, где в действительности фигурирует Россия, появляется Украина. Не меняя содержания, меняя местами только названия стран, наблюдается таргетированное формирование негативного образа России и одновременно положительного образа Украины. При внимательном прочтении можно найти практически стопроцентное совпадение с материалами Нюрнбергского процесса и немецкой хроникой периода 1940–1945 гг. Для иллюстрации приведем пример из аннотированного каталога «Дойче Вохеншау» (Германия, 1940–1945 гг.) № 755, п. 8 и п. 9: *«Германский рейх. Отправка резервов на фронт. Железнодорожный эшелон с танками. Колонны техники движутся по дорогам. Плакаты, призывающие к борьбе: ‘Защитите наших женщин и детей от красных зверей’ // Германский рейх. Советские зверства. Опрос жительниц освобожденного города об отношении к женщинам советских офи-*

*церов и солдат. Тела убитых гражданских лиц, изнасилованных женщин»*¹. Приводя пример из аннотированного каталога, мы стремимся показать, что подходы по прошествии 80 лет не изменились: сохраняются образы зверств и бесчеловечного отношения к представителям страны-противника, широко транслируются апокалиптические сюжеты, призванные нагнать страх и ужас на массового реципиента. Построение события носит покадровый характер, что в семиотике кино применяется для выстраивания конкретного эпизода (Lotman, 1973) и формирования определенного образа того или иного персонажа, действующего лица.

Одновременное погружение современного содержания в историческую матрицу Третьего рейха позволяет авторам публикации расширить охват разных возрастных групп читателей, ср. нем.: *Es wurden demnach Überwachungskameras eingesetzt, um die Gefangenen zu beobachten, und für jeden Regelverstoß wurden harte Kollektivstrafen verhängt, während „Verhöre von einigen der brutalsten dokumentierten Behandlungen begleitet wurden“, sagte Gover demnach weiter.* (Пер. рус. – Для наблюдения за заключёнными использовались камеры видеонаблюдения, а за любое нарушение правил применялись суровые коллективные наказания, при этом «допросы сопровождалась одними из самых жестоких видов обращения, которые были задокументированы», – продолжила Gover).

Единственное, что свидетельствует о происходящем в настоящее время, – это упоминание современных камер наблюдения (нем. *Überwachungskameras*), а в других случаях – понятия СВО (нем. *sogenannte besondere militärische Operation*), которое все-таки стало появляться в немецкоязычных СМИ в настоящее время, потому что в предыдущий период для обозначения СВО использовались исключительно другие наименования.

Таким образом, мы наблюдаем интенсивное использование таргетинга как

¹ Источник: Киножурнал «Дойче Вохеншау: Германия, 1940–1945 гг.» Аннотированный каталог, 2-е изд., перераб. и дополн. М.: Госфильмфонд России, 2024. 664. С. 559.

одного из ключевых механизмов реализации маркетингового дискурса, затрагивающего когнитивную сферу человека – его эмоциональную и рациональную составляющие, что позволяет осуществлять невидимое информационное воздействие на массового реципиента.

Заключение

Воплощая междискурсивное пространство, дискурс СМИ объединяет в себе различные типы институционального взаимодействия, и с этой точки зрения он

иллюстрирует различные дискурсивные практики. Одновременно междискурсивное взаимодействие дает возможность применения когнитивных механизмов фокусирования внимания при формировании образа врага, осуществляя тем самым информационное воздействие на массового реципиента. Немецкий читатель, подвергаясь таргетингу, реализуемому в немецкоязычных электронных СМИ через комплексное применение различных тактик, становится объектом манипулирования и подвергается риску потери собственного знания и внимания.

Список литературы / References

- Bredikhin S. N., Pelevina N. A. Lingvokognitivnye mekhanizmy aktualizatsii i kontseptualizatsii idio-komponentov kartiny mira (Lingvocognitive mechanisms of actualization and conceptualization of idio-components of the picture of the world). Stavropol: Paragraf, 2021, 172.
- Denissova G. V., Guseynova I. A., Gorozhanov A. I., Ambisemia in the translation of ecological lexicon (based on the material of German-language newspaper discourse 2023–2024), *Terra Linguistica*, 2024, 15(4), 67–78. DOI 10.18721/JHSS.15405.
- Dijk van T. Structures of News in the Press. In: *Discourse and Communication*. Berlin; New York, 1985, 69–93.
- Dijk van T. Язык. Познание. Kommunikatsiya (Language. Cognition. Communication). Moscow: Progress, 1989, 249.
- Guseinova I. A., Gorozhanov, A. I. Connotated image as a way of constructing informational opposition in the fictional and publicistic genre. In: *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, 2023, 16(6), 911–920. EDN HZMXIN.
- Guseynova I. A. Marketingovaya kommunikacija: osnovnye harakteristiki (Marketing Communication: Main Characteristics). In: *Marketingovaya lingvistika. Zakonomernosti prodvigajushhego teksta (Marketing linguistics. Regularities of promotional text)*. M., FLINTA, 2019, 97–99. EDN OMNIJL.
- Guseynova I. A., Gorozhanov A. I. Un-Words as a Factor of Ideologization in the Modern German Political Discourse. In: *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*, 2024, 23(4), 84–95. DOI 10.15688/jvolsu2.2024.4.7.
- Halas E. Simvol i obshchestvo. Interpretativnaya sotsiologiya (Symbols and Society. Interpretive Sociology). Kharkov, Gumanitarnyi tsentr, 2021, 296.
- Iriskhanova O. K. Cross-modal Iconicity in Various Types of Discourse. In: *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, 2021, 2, 29–39. EDN IUWTFI.
- Iriskhanova O. K. Igry fokusa v jazyke. Semantika, sintaksis i pragmatika defokusirovaniya (Semantics, syntax and pragmatics of defocusing), M., Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2014, 320.
- Johnson J. P. Targeted advertising and advertising avoidance. In: *The RAND Journal of Economics*, 2013, 44(1), 128–144.
- Karasik V. I. Diskurs (Discourse). In: *Diskurs-Pi*, 2015, 3–4(20–21), 147–148. EDN VLJKWL.
- Katermina V. V., Ryabchenko N. A., Malysheva O. P., Gnedash A. A. Lingvisticheskie modeli social'no-politicheskoy kommunikacii v onlajn-prostranstve (Linguistic models of social and political communication in online space). In: *Russian Foundation for Basic Research Journal. Humanities and Social Sciences*, 2021, 4(106), 87–100. DOI 10.22204/2587–8956–2021–106–04–87–100.
- Kiose M. I., Leonteva A. V., Agafonova O. V., Petrov A. A. Multimodal Communicative Moves in Expositive Dialogue: Common and Novel Topic Elaboration. In: *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 2023, 14(4), 1013–1035. DOI 10.22363/2313–2299–2023–14–4–1013–1035.

Kubryakova E. S. V poiskah sushhnosti jazyka: Kognitivnye issledovaniya (In Search of the Essence of Language: Cognitive Research). M., 2012, 208.

Kulikova L. V. Diskursivnye praktiki sovremennoj institucional'noj kommunikacii (Discursive practices of modern institutional communication) / L. V. Kulikova, S. B. Beletskiy, N. G. Burmakina, Yu. I. Detinko, Ya. V. Popova, Krasnoyarsk: Siberian Federal University, 2015, 180. ISBN 978-5-7638-3160-3. EDN TUKXJD.

Lotman Yu. M. Semiotika kino i problemy kinojestetiki (Semiotics of Cinema and Problems of Cinema Esthetics), Tallin: Eesti Raamat, 1973. 135.

Malyuga E. N., Madinyan E. I. Strategies of Manipulative Rhetoric in English-Language Business Media Discourse. In: *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*, 2024, 23(6), 181–192. DOI 10.15688/jvolsu2.2024.6.13.

Maslova V. A. Speech Genre Theory Through the Prism of Modern Linguistics. In: *Speech Genres*, 2021, 1(29), 6–11. DOI 10.18500/2311-0740-2021-1-29-6-11.

Parshin P. B. Territorija kak brend. Marketingovaya metafora, identichnost' i konkurencija (Territory as a Brand: Marketing Metaphor, Identity and Competition), M., MGIMO, 2015, 195. EDN XPQFXV.

Radbil T. B. "Language of Values" in Domestic Internet Media: Cognitive-and-Discursive Aspect. In: *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*, 2024, 23(3), 55–64. DOI 10.15688/jvolsu2.2024.3.5.

Schlee Ch. Targeted Advertising Technologies in the ICT Space: A Use Case Driven Analysis, Springer Vieweg Wiesbaden, 2013, 339. DOI 10.1007/978-3-8348-2396-0.

Wang J., Zhang W., Yuan S. Display Advertising with Real-Time Bidding (RTB) and Behavioural Targeting. In: *Foundations and Trends in Information Retrieval*, 2017, 11(4–5), 297–435. DOI <http://dx.doi.org/10.1561/15000000049>.

Zemtsov I. G. Sovetskij jazyk – jenciklopedija zhizni (Soviet language – encyclopedia of life), M., 2009, 511. EDN QOKAIB.

EDN: NTYBZO
УДК 811.111

Famous British Sailors, Naval Commanders and Important Naval Battles in Rhyming Slang

Yury V. Gorshunov^{*a} and Elizaveta Y. Gorshunova^b

^a*Ufa University of Science and Technology (Birsk Branch)
Birsk, Russian Federation*

^b*Russian Academy of National Economy and Public Administration
Moscow, Russian Federation*

Received 28.03.2025, received in revised form 21.08.2025, accepted 26.09.2025

Abstract. The article is focused on a new and unexplored layer of onomastic rhymes related to the navigation sector in the thematic space of rhyming slang.

Based on the material of British and Australian rhyming slang, the article considers in linguistic, pragmatic and socio-cultural aspects the rhymes exploiting the names of famous sailors, naval commanders and explorers, as well as the names of important naval battles and campaigns, military and merchant ships and the accompanying rhymes.

Research methods are determined by the purpose and objectives of the research. The main method is descriptive, implemented in the techniques of systematization, generalization and interpretation of linguistic material. Linguistic methods include context analysis, definitional analysis, structural analysis, and semantic interpretation.

For the first time, attention is paid to the sector of the linguistic view of the world, created by rhyming slang, including the headings of geographical discoveries, scientific and military expeditions, sea battles, researchers, navigators and naval commanders, supplemented with sociocultural information. The considered names of the famous people and significant events and ships are part of the actual background knowledge of cultural heritage or cultural literacy of the average native speaker.

The research results can be of interest to the specialists working on the topics of intercultural communication, linguistic and cultural studies, cultural linguistics, contrastive linguistics of the English and Russian languages.

Keywords: navigator (seafarer), navigation (seafaring), rhyming slang, onomastic rhyme.

Research area: Social Structure, Social Institutions and Processes; Theoretical, Applied and Comparative Linguistics.

Citation: Gorshunov Yu. V., Gorshunova E. Y. Famous British Sailors, Naval Commanders and Important Naval Battles in Rhyming Slang. In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2025, 18(10), 2004–2012. EDN: NTYBZO

© Siberian Federal University. All rights reserved

* Corresponding author E-mail address: gorshunov_@rambler.ru

ORCID: 0000-0003-4389-4385 (Gorshunov); 0000-0003-4738-8228 (Gorshunova)

Знаменитые британские моряки, флотоводцы и важные морские сражения в рифмованном сленге

Ю.В. Горшунов^{а*}, Е.Ю. Горшунова^б

^аУфимский университет науки и технологий (Бирский филиал)

Российская Федерация, Бирск

^бРоссийская академия народного хозяйства и госслужбы

Российская Федерация, Москва

Аннотация. Статья фокусирует внимание на новом и еще не исследованном пласте ономастических рифм, относящемся к сектору мореплавания в тематическом пространстве рифмованного сленга.

На материале британского и австралийского рифмованного сленга рассмотрены в лингвистическом, прагматическом и социокультурном аспектах рифмы, построенные на именах известных британских мореплавателей, флотоводцев и исследователей, названиях важных морских батальи и кампаний, военных и торговых кораблей, и сопутствующие рифмы.

Методы исследования определяются целью и задачами исследования. Основной метод описательный, реализованный в приемах систематизации, обобщения и интерпретации языкового материала. Лингвистические методы включают контекстный анализ, дефиниционный и структурный анализы и метод семантической интерпретации.

Впервые внимание уделено сектору языковой картины мира, включающему рубрики: географические открытия, научные и военные экспедиции, исследователи, мореплаватели и флотоводцы, морские батальи и военные кампании, дополненному новой социокультурной и лингвистической информацией. Рассмотренные имена известных людей, названия значимых событий и кораблей входят в актуальные фоновые знания культурного наследия, культурную грамотность среднего носителя языка.

Результаты исследования могут быть полезными и интересными для специалистов, разрабатывающих темы межкультурной коммуникации, лингвострановедения, лингвокультурологии, контрастивной лингвистики английского и русского языков.

Ключевые слова: мореход, мореплавание, рифмованный сленг, ономастическая рифма.

Научная специальность: 5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы; 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно сопоставительная лингвистика.

Цитирование: Горшунов Ю. В., Горшунова Е. Ю. Знаменитые британские моряки, флотоводцы и важные морские сражения в рифмованном сленге. *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2025, 18(10), 2004–2012. EDN: NTYBZO

Introduction

Rhyming slang (Rhy. Sl.) with an onomastic basis, exploiting the names of famous or popular personalities, has repeatedly been the object of research. Rhyming slang researchers

specifically addressed the names of political and public figures representing different ethnic groups (Gorshunov, 2013), British and American statesmen, public and political figures of the late 20th – early 21st centuries (Stepanyan, 2020),

(Stepanyan, 2021), ancient, biblical, mythological and legendary historical figures in Rhy. Sl. (Gorshunov, 2017), the names of military leaders and strategists (Gorshunov, 2020), sports idols and cult figures (Gorshunov, 2018), etc. Many works on Rhy. Sl. provide examples of rhymes based on the use of the names of celebrities from the world of cinema, pop music, mass culture (Godunova, 2022), (Emelyanov, 2008), (Ignatov, 2013), (Mironenko, 2017), (Stepanova, 2017). However, the names of famous sailors and the names of significant sea battles, or, more precisely, rhymes based on them, as we know, have not yet entered the research field of rhyming slang specialists.

Researchers of Rhy. Sl. note that the tendency to use the model of forming new rhymes based on the names of well-known, fashionable, popular or scandalous personalities became decisive in the development of Rhy. Sl. in the late 20th century (Ayto, 2003), (Ignatov, 2013), (Dem'yanenko, 2020), (Mironenko, 2017), (Rubanova, 2015), (Stepanyan, 2020), (Stepanyan, 2021). The main areas of distribution of Rhy. Sl. are still the British and Australian varieties of English. Onomastic rhymes that are in circulation there exploit the names relevant to the consciousness of the British and Australians; they are included in their picture of the world and the so-called “cultural literacy”, “background knowledge of cultural heritage” (Tomakhin, 1988), (Vereshchagin, 1990), (Hirsh, 1988), in the context of which Rhy. Sl. serves as a vivid illustrative example, providing grounds for conclusions about the significance of a particular historical figure or event in the mass everyday consciousness.

theoretical framework and methods

Rhyming slang is characterized in the works of researchers as a “unique phenomenon of English speech”, “a unique linguistic phenomenon” (A.A. Emelianov; A.A. Stepanova, D.O. Berezutskaya), “a unique phenomenon of living colloquial speech” (O. Yu. Pushkarev), as a “unique phenomenon in English vernacular”, as “structurally marked vernacular” (V.A. Khomyakov), as a “linguocultural phenomenon” (A.A. Ignatov, P. Mitchell; M.A. German, N.L. Goncharo-

va; E.A. Mironenko), as “an original means of encoding spoken speech (A.A. Emelyanov; E.A. Mironenko). However, most domestic researchers of rhyming slang define it as a type of slang (A.A. Emelyanov; E.V. Godunova; A.A. Ignatov, P. Mitchell; O. Yu. Pushkarev; E.V. Rubanova, A.A. Urupina, etc.), based on replacing a word with a rhyming phrase. For our part, we propose to consider rhyming slang as an attribute of folklore, as a special lesser genre of verbal folklore. This is a novel approach.

As we aim at considering the selected rhymes in linguistic, pragmatic and socio-cultural aspects, we turn to the traditional, time-tested methods of analysis like the descriptive method, implemented in the techniques of systematization, generalization and interpretation of linguistic material, and the linguistic methods of contextual, definitional, structural analyses and the method of semantic interpretation.

Discussion

We will begin the description of rhymes based on the use of the names of famous seafarers and the names of significant sea battles with the rhyme **Francis Drakes = brakes**, which exploits the name of the famous Englishman, adventurer Francis Drake (1540–1596), who was nicknamed the “iron pirate”. Without remorse, Francis Drake participated in pirate attacks on Spanish ships returning from the colonies with a valuable cargo of gold, silver and exotic fruits (Who is Who, 2007: 390–392). In 1587, Francis Drake raided the Spanish port of Cadiz and destroyed the fleet stationed there (Tomakhin, 2003: 247), thereby delaying the sailing of the armada for a year. He went down in history not only as a pirate leader, but also as the first English navigator to circumnavigate the globe (in 1577–1580). Francis Drake enjoyed the trust and patronage of Elizabeth I herself. Incidentally, Rhy. Sl. has also recorded the name of the ship **Goden Hind** on which Francis Drake circumnavigated the globe, in the rhyme **golden hind = blind** (Green 2002: 104). Francis Drake was an active participant in the defeat of the Spanish fleet (the Invincible Armada) in the battle

of 1588; thanks to his skillful actions, the English managed to gain an advantage over the superior firepower of the Spanish forces.

The rhyme **captain bloods = spuds** (potatoes) (Green, 2002: 50) refers us to the adventure novel “Captain Blood: His Odyssey” by the English writer Rafael Sabatini, written on historical material, and numerous film versions based on it. The adventures of Captain Blood turned out to be so popular that Sabatini wrote two more books. The writer borrowed the pirate component from the life of the infamous pirate Henry Morgan (there is also a rhyme dedicated to him in rhyming slang!), as well as Colonel Thomas Blood, who gave the surname to the literary prototype – Peter Blood, a simple English doctor who, fulfilling his duty as a doctor, provided first aid to a wounded participant in the mutiny against King James II and was mistakenly classified as a rebel. The doctor was arrested, tried and sentenced to death, which was commuted to slavery on the sugar cane plantations of Barbados. The young man managed to free himself from the shackles: thanks to an unforeseen set of circumstances, Peter Blood and his accomplices hijacked a Spanish pirate ship with pirates on board. Over time, Captain Peter Blood won unquestioning authority among the members of the free brotherhood and acquired the classic image of a noble robber who observed a code of honor and dignity, not devoid of theatricality and chivalry.

The rhyme **Captain Morgan = organ** (a large brass keyboard instrument consisting of a set of pipes into which air is pumped by bellows) is labeled as theatre rhyming slang and refers to the brand of rum Captain Morgan, named after the pirate and English privateer Sir Henry Morgan (1635–1688), who later became a planter and vice-governor of Jamaica and vigorously pursued English colonial policy. During the era of rivalry between England and Spain for supremacy at sea, he carried out a number of successful and ruthless military campaigns against Spanish possessions in the Caribbean. In the first large-scale campaign, carried out by a flotilla of twelve ships crewed by cutthroats from England and France, he attacked the Spanish city of Puerto del Principe

in Cuba. The culmination of the raids and sabotage was the plunder and destruction of the city of Panama in 1671. Morgan’s name inspired fear among the inhabitants of the Spanish possessions in the New World. He is considered the most famous, successful and cruel pirate, who was forever given the title of “the terror of the Caribbean Sea”, since he plundered and destroyed Panama, Portobelo and Maracaibo, and sank many Spanish ships (<https://visitacaribe.com>). Henry Morgan became one of the prototypes of Captain Blood, the hero of numerous adventure novels and films, mentioned above. The labels of the world-famous Captain Morgan rum brand depict a brave long-haired pirate in a red waistcoat.

The gastronomic rhyme **Captain Bligh = pie** (Green, 2002: 50) is one of many in our card index that encode the word pie: **black eye = pie**, **dog’s eye (Aus.) = meat pie** (Can I have some **dog horse** [sauce] on me **dog eye**?); **Isle of Skye = pie** (I’d like some **Isle of Skye**); **Nazi spy = meat pie**; **nelly/Nelly Bly/nelly bligh (Aus.) = meat pie** (and a number of other meanings); **scabby eye = pie**; **smack in the eye = a pie**. The rhyme **Captain Bligh = pie** is based on the name of William Bligh (1754–1817), Vice-Admiral of the Royal Navy of Great Britain, member of the Royal Society of London and Governor of the Colony of New South Wales. He is best known as “Captain Bligh” for the mutiny on the *Bounty* when the ship was returning from a voyage from Tahiti in 1789. Known for his volatile temperament, the captain was undoubtedly a fiery man; he swore loudly and vigorously, was enraged by any incompetence of his subordinates, and often clashed with officers and crew (though his anger was short-lived and he was not generally a stern commander). Some have argued that the mutiny was his misfortune, a confluence of unfortunate circumstances, rather than a mistake. Nevertheless, the captain was deposed by his crew and, along with 18 others who did not support the mutiny, was forced to board a small launch with only five days’ worth of food and water. In 42 days, Bligh and his men miraculously traveled 3,618 miles to the Dutch settlement of Kupang on the island of Timor. After returning to London, Captain Bligh was

tried for the loss of his ship, but was acquitted by a court martial. The mutiny on the *Bounty* remains one of the most infamous events in the history of maritime travel, and its protagonists – the deposed Captain William Bligh and the officer who led the mutiny, Fletcher Christian – have been immortalized in history and popular culture. The mythology surrounding the mutiny characterizes Bligh as a ruthless despot with a taste for violence, and Christian as a virtuous hero who saved the day. Late in his career, 15 years after the ill-fated mutiny, Bligh was appointed Governor of the colony of New South Wales, where he fought the corruption of the so-called Rum Corps and survived another mutiny, the Rum Riot, which resulted in his removal from office.

The popularization of the rhyme **Captain Bligh = pie**, as we believe, could have been facilitated by the adventure novel by Charles Nordhoff and James Norman Hall, dedicated to the mutiny on the *Bounty*, and three successful films based on the novel, at different times (1935, 1962 and 1984).

The polysemantic rhyme **Captain Cook** (*BrE/Aus.*) = 1) **a book**; 2) **a look**; 3) (*Aus.*) = **crook**, ill, sick (Green, 2003: 198), (Green 2002: 51) is well known in Australia and is found in the shortened form **captain** (Gorshunov 2022: 15, 16). It is based on the name of the great English navigator and explorer, member of the Royal Society and captain of the Royal Navy **James Cook** (1728–1779), who led three round-the-world expeditions to explore the World Ocean, during which he made a number of important geographical discoveries (he discovered New Zealand, the Hawaiian Islands). During the expedition of 1768–1771 on the ship *Endeavour*, Cook sailed around New Zealand and explored the east coast of Australia in detail, giving names to New South Wales and Botany Bay (NLIED 2004: 502–503). Together with the naturalist Joseph Banks, Cook reported a favorable situation for establishing a colony in Botany Bay. Australia remained unexplored before this voyage of James Cook, with the exception of Dutch explorations on the west coast. Thus, the name of James Cook was inscribed in the history of Australia and the polysemantic rhyme **Captain Cook** = 1) **a book**;

2) **a look**; 3) **crook** occupies a place of honor in Australian rhyming slang. The rhyme seems to have been originally general, but gradually moved into the horse racing camp (meaning ‘book’, a record of bets made). The meaning of “look” is illustrated by the example: Got **a Captain Cook** at your dossier – its thicker than your frickin’ head. (D O’Grady Deschooling Kelvin Carew (1974). Cited in: Ayto, 2003: 38).

In 1779, during his third exploratory voyage in the Pacific Ocean, while attempting to kidnap the monarch of the island of Hawaii, Kalani’upu’u, to return a boat stolen from one of his ships, Cook was attacked by natives and killed.

The relatively fresh rhyme **Captain Scott = hot** refers to the name of Robert Falcon Scott (1869–1912), a captain in the Royal Navy of Great Britain, an outstanding polar explorer and one of the discoverers of the South Pole (Longman, 1999: 1206). He led two expeditions to Antarctica on the ships *Discovery* and *Terra Nova*. Scott, however, never managed to achieve the goal of his life – to become the first to conquer the South Pole. He was preceded by the Norwegian Roald Amundsen.

Several rhymes are dedicated to important naval battles or military operations on the sea coast. Thus, the rhyme **battle of the Nile = tile** (a hat) refers to the Battle of Aboukir Bay near the Nile near Alexandria, a decisive naval battle between the Royal Navy of Great Britain under the command of Admiral Nelson and the fleet of the French Republic under the command of Admiral de Bruyères from 1 to 3 August 1798. The Battle of the Mediterranean changed the balance of power and ensured Britain’s control over the Mediterranean: the English fleet was given complete freedom of action. It also contributed to the action of other European countries against France. Bonaparte’s army in Egypt was trapped, and the Royal Navy of Great Britain made a significant contribution to the defeat of the French army at the siege of Acre in 1799.

The rhyme **Dunkirk = work** reflects a very dramatic page in the history of World War II in late May – early June 1940, when it was necessary to urgently evacuate by sea to the British Isles English, French and Belgian

units that were blockaded by German troops after the Battle of Dunkirk (Longman, 1999: 407). The evacuation of 335,000 Allied soldiers across the English Channel was carried out by warships and requisitioned civilian ships under heavy artillery shelling and constant attacks by German aircraft from the air. The evacuation from Dunkirk is sometimes called the flight of the Allies (<https://diletant.media/articles>).

The rhyme **Normandy Beach = a speech** (as in the example: They listened gloomily to the Queen's **Normandy Beach**) pays tribute to the landing of Allied troops in 1944 on the coast of France in Normandy. The amphibious operation carried out on June 6, 1944 in Normandy by the forces of the United States, Great Britain, Canada and their allies against Germany led to the opening of the Western Front in Europe. The day of the landing is called "D-Day" (Longman, 1999: 925). This landing was the first part of the strategic operation "Operation Overlord", which envisaged the capture of northwestern France by the Allies. By the end of that day, despite bad weather and stubborn resistance from German troops, 156 thousand soldiers and officers landed in Normandy. To this day, this is the largest landing operation in history – more than 3 million people took part in it, who crossed the English Channel from England to Normandy. The Battle of Normandy lasted more than two months and ended with the liberation of Paris and the fall of the Falaise pocket in late August 1944.

We would like to supplement our description of the topic with linguistic, pragmatic and socio-cultural information for the rhymes based on the names of some military and merchant ships that played a special role in naval combat campaigns, scientific research and the development of trade. In addition to the above-mentioned rhyme **golden hide = blind**, which refers to the name of the ship "Golden Hind" on which Fr. Drake made a round-the-world voyage, there is a rhyme that captures a ship of the same era – the era of piracy, confrontation with Spain and France and the development of maritime trade. We refer to the rhyme **Mary/Mary Rose = nose** (Keep yer **Mary** outa me business mate), which refers to the "Mary Rose" – an

English three-deck carrack, the flagship of the English navy under King Henry VIII Tudor. It was a large ship for that time, launched in Portsmouth in 1510. During her 33 years in service, the Mary Rose fought in a number of wars against France, Scotland and Brittany, most recently against the French fleet in 1545. She sank at sea in the Solent, north of the Isle of Wight. The wreck of the Mary Rose was rediscovered in 1971 and a decade later was salvaged by the Mary Rose Trust in one of the most complex and expensive projects in the history of maritime archaeology. The surviving portion of the ship and the thousands of artefacts recovered are of immeasurable value as a time capsule of the Tudor era.

The rhyme **Cutty Sark = 1) loan shark, money lender; 2) nark**, a police informer refers to the Cutty Sark (from the Scots "Short Shirt", the nickname of the witch in R. Burns's poem Tam O'Shanter) (Room, 1990: 92) – the most famous and only surviving three-masted sailing clipper of the 19th century (tea-clipper), built in 1869. The famous clipper has been permanently moored in Greenwich in a dry dock since the middle of the 20th century, where it is open as a museum ship, where you can get acquainted with the different stages of the tea trade of the 19th century (Pavlovskaya, 2004: 197).

The rhyme **Arethusa = boozier** refers to the old ship "Aretusa", moored on the Thames in the recent past. There were two dozen ships of the British Royal Navy and the French Navy that bore the name Arethusa or Arethuse, after the Greek nymph Arethusa. The rhyme may refer to HMS Arethusa, an Arethusa-class light cruiser launched in 1934 and broken up in 1950. It is now permanently moored in London as the museum ship HMS Belfast since 1971.

The rhyme **good ship/ Good Ship Venus = the penis** refers to the so-called 'rugby song' Good Ship Venus, also known as Friggin 'in the Riggin'. It is a bawdy drinking song designed to shock the audience with lewd and depraved sexual descriptions of the ship's crew. The melody commonly used (especially for the chorus) is 'In and Out the Windows'. The lyrics to the song exist in many variations. The opening verse usually goes something like this:

'Twas on the good ship Venus,
By Christ you should have seen us,
The figurehead
Was a whore in bed,
And the mast a rampant penis.

Our analysis of onomastic rhymes related to the navigation sector in the thematic space of rhyming slang would not be complete without a description of the structural models they are based on. Having analyzed John Ayto's Oxford Dictionary of Rhyming Slang, the researcher E. A. Mironenko identified 8 most popular structural models (Mironenko, 2017), of which our material presents three: eight onomastic rhymes are based on the model "noun + noun", i.e. these are nominative phrases (Francis Drakes, Captain Bloods, Captain Morgan, Captain Bligh, Captain Cook, Captain Scott, Mary Rose, Normandy Beach); three rhymes are based on the model "adjective + noun", i.e. these are attributive phrases (Golden Hide, Cutty Sark, Good Ship Venus); one rhyme is based on the model of a phrase with the preposition of – "noun + of + noun" (Battle of the Nile) and two rhymes are one-word: Arethusa = boozer, Dunkirk = work. Thus, the "noun + noun" model dominates.

Conclusion

In this article, we have considered in linguistic, pragmatic and socio-cultural aspects rhymes based on the names of famous sailors and naval commanders (Francis Drake, Captain Blood, Captain Morgan, Captain Bligh, Captain Cook, Captain Scott), on the names of significant sea battles and military campaigns (battle of the Nile, Dunkirk, Normandy Beach), and ships that played an important role in the exploration of sea space, victories and defeats in sea battles, the development of maritime trade (Golden Hide, Mary Rose, Cutty Sark, Arethusa, Good Ship Venus), which, as we know, have not yet been included in the research field of specialists in rhyming slang.

For the first time, the focus was on the sector of the language picture created by rhyming slang, including the headings of geographical discoveries, expeditions, explorers and sailors, sea battles, military and merchant ships, supplemented by new information with the help of the considered rhymes.

The authors focused on a special layer of vocabulary, the analysis of which sets a new promising vector for the study of rhyming slang. The considered names of famous people, names of significant events and ships that formed the basis of rhymes are included in the so-called "current background knowledge" or "cultural literacy" of English and Australian native speakers.

The selected rhymes confirm the tendency that became dominant in the development of rhyming slang at the turn of the century to preferentially create new rhymes exploiting precedent onyms, mostly anthroponyms. Indeed, anthroponymic rhymes are the most representative in our selection. Two of them (Francis Drake and Captain Scott are not registered in the authoritative dictionaries of rhyming slang mentioned in the References). But alongside with the rhymes referring to personalities there is a competing group represented by poreionyms, which are usually attributed to the onomastic periphery. Following A. V. Superanskaya (Superanskaya, 2003), we think it expedient to call the names of ships and vessels, which belong to the category of poreionyms by the term nautonyms. Two of the rhymes in this set (Cutty Sark and Arethusa are newcomers in rhyming slang fund).

Structurally, the dominant model is the "noun + noun" model represented by nominative phrases.

Most domestic researchers of rhyming slang define it as a type of slang based on replacing a word with a rhyming phrase. For our part, we propose to consider rhyming slang as an attribute of folklore, as a special lesser genre of verbal folklore. This is a novel idea.

References

- Ayto John. *The Oxford Dictionary of Rhyming Slang*. London, 2003. 309.
- Dem'yanenko A. V. Osobennosti rifmovannogo slenga angliyskogo yazyka so znacheniyem «intel'lektual'no nesostoyatel'nyy chelovek» [Features of English rhyming slang with the meaning “intellectually incompetent person”]. In: *Molodoy uchonyy [Young scientist]*. 2020, 6(296), 248–250.
- Dyunkerskaya operatsiya [Dunkirk operation]: Available at: <https://diletant.media/articles/45273457/> (accessed 22 March 2025).
- Emelyanov A. A. O funktsional'nykh osobennostyakh angliyskogo rifmovannogo slenga [On the functional features of English rhyming slang]. In: *Vestnik gumanitarnogo fakul'teta IGKHTU [Bulletin of the Humanities Faculty of ISKhTU]*, 2008, 3, 188–195.
- German M. A., Goncharova N. L. Rifmovannyi sleng kokni kak lingvokul'turnyy fenomen [Rhyming cockney slang as a linguacultural phenomenon]. In: *Kul'turnoye nasledie drevnikh i natsional'nykh yazykov v period globalizatsii [Cultural heritage of ancient and national languages in the period of globalization]*. Armavir: RIO ASPU, 2018, 57–61.
- Genri Morgan – samyy zhestokiy pirat Karibskogo morya [Henry Morgan – the most brutal pirate of the Caribbean]: Available at: <https://visitacaribe.com/blog/genri-morgan-samyi-zestokii-pirat-karibskogo-mora>. (accessed 22 March 2025).
- Godunova E. V. Ispol'zovaniye imen sobstvennykh v rifmovannom slenge [Use of proper names in rhyming slang]. In: *Sovremennoye pedagogicheskoye obrazovaniye [Modern pedagogical education]*. 2022, 9, 130–133.
- Gorshunov YU. V. Antichnyye, bibleyskiye, mifologicheskkiye i legendarnyye istoricheskkiye lichnosti i sobytiya v rifmovannom slenge [Ancient, biblical, mythological and legendary historical figures and events in rhymed slang]. In: *Vestnik Bashkirskogo universiteta [Bulletin of the Bashkir University]*. 2017, 22, 1047–1051.
- Gorshunov YU. V. Geroi i zlodei Vtoroy mirovoy voyny v komprometiruyushchikh kontekstakh angliyskoy idiomatiki i rifmovannogo slenga [Heroes and villains of World War II in compromising contexts of English idioms and rhyming slang]. In: *Tendentsii razvitiya nauki i obrazovaniya [Trends in the development of science and education]*. May 2020, 61(8), 22–25.
- Gorshunov YU. V., Gorshunova Ye. YU. Imena politicheskikh i obshchestvennykh deyateley, predstavlyayushchikh raznyye etnosy, v rifmovannom slenge (Islamskaya, Arabskaya i Afrikanskaya sostavlyayushchiye) [Names of political and public figures representing different ethnic groups in rhyming slang (Islamic, Arabic and African components)]. In: *Mat. mezhd. nauch.-prakt. konf. «Problemy mnogoyazychiya v polietnicheskom prostranstve» 11–14 noyabrya 2013 g. [Proc. int. scientific and practical. conf. “Problems of multilingualism in a multiethnic space”, November 11–14, 2013]* CH. II. Ufa: RITS BashGU, 2013, 19–24.
- Gorshunov YU. V., Gorshunova Ye. YU. Kumiry sporta (tennis) v rifmovannom slenge [Idols of sports (tennis) in rhyming slang]. In: *Modern Humanities success*. 2018, 2, 14–16.
- Gorshunov Yu. V., Gorshunova E. Yu. *Avstraliyskiy kolorit rifmovannogo slenga: monografiya [Australian color of rhyming slang: monograph]*. M., 2022. 192.
- Green Jonathon. *Cassell's Dictionary of Slang*. WS Bookwell, 2003. 1326.
- Green, Jonathon. *The Big Book of Rhyming Slang*. Cassell, 2002. 334.
- Hirsh E. D. Jr. *Cultural Literacy: What Every American Needs to Know*. Boston, 1988. 276.
- Ignatov A. A., Mitchell P. Kokni ukhodyashchiy: polozeniye rifmovannogo slenga kokni v sovremennom angliyskom obshchestve [Cockney outgoing: the position of cockney rhymed slang in modern English society]. In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Tomsk State University]*. 2013, 374, 68–70.
- Kto yest' kto v mire [Who is Who in the World]* Ed. G. P. Shalaeva. M., 2007. 1264.
- Longman Dictionary of English Language and Culture*. New Edition. Second impression. Longman, 1999. 1568.

Mironenko E.A. Rifmovanny sleng kokni v svete lingvokul'turologicheskogo analiza [Cockney Rhyming Slang in Light of Linguocultural Analysis]. In: *Yazyk, soznaniye, kommunikatsiya [Language, Consciousness, Communication]*. Moscow: MAKSS Press, 2017, 56, 41–47.

Novyy bol'shoy illyustrirovanny entsiklopedicheskiy slovar' [NLIED: New Large Illustrated Encyclopedic Dictionary]. M., 2004. 1256.

Pavlovskaya A. V. *Angliya i anglichane [England and the English]*. M., 2004. 264.

Pushkarev O. Yu. Podkhody k opredeleniyu rifmovannogo slenga [Approaches to Defining Rhyming Slang]. In: *Baltiyskiy gumanitarnyy zhurnal [Baltic Journal of the Humanities]*. 2015, 3(12), 26–29.

Room, Adrian. *An A to Z of British Life*. Oxford University Press, 1990. 480.

Rubanova Ye. V., Uryupina A.A. Klassicheskiy rifmovanny sleng v angliyskom yazyke [Classic rhyming slang in English]. In: *Aktual'nyye problemy prepodavaniya inostrannykh yazykov v vysshey shkole Respubliki Belarus' – 2014 [Topical problems of teaching foreign languages in higher education of the Republic of Belarus – 2014]*, 93–95.

Stepanova A. A., Berezutskaya D.O. Rifmovanny sleng kokni – leksicheskoye vyrazheniye kokni nastoyashchego [Rhyming cockney slang – lexical expression of the present cockney. In: *Aktual'nyye problemy gumanitarnykh i yestestvennykh nauk [Topical problems of the humanitarian and natural sciences]*, 2017, 302, 34–35.

Stepanyan K. A., Gorshunova Ye. YU., Gorshunov YU. V. Britanskiye gosudarstvennyye, obshchestvennyye i politicheskiye deyateli kontsa XX – nachala XXI veka v rifmovannom slenge [British statesmen, public and political figures of the late XXth – early XXIst centuries in rhyming slang]. In: *Filologicheskiye nauki v MGIMO [Philological sciences at MGIMO]*. M., 2020, 3(23), 42–47.

Stepanyan K. A., Gorshunova Ye. YU., Gorshunov YU. V. Amerikanskiye prezidenty i politicheskiye deyateli v rifmovannom slenge [American presidents and political figures in rhyming slang]. In: *Filologicheskiye nauki v MGIMO [Philological sciences at MGIMO]*. M., 2021, 2(26), 79–86.

Superanskaya, A. V. Tovarnyye znaki i znaki obsluzhivaniya v Rossii [Trademarks and Service Marks in Russia]. In: *Metodologiya badan onomastycznych. Olsztyn*, 2003, 527–542.

Tomakhin G. D. *Realii-amerikanizmy [Americanisms as culture-determined items]*. M., 1988. 239.

Tomakhin G. D. *Lingvostranovedcheskiy slovar' Soyedinennoye Korolevstvo Velikobritanii i Severnoy Irlandii [Linguistic and Cultural Dictionary of the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland]*. M., 2003, 720.

Vereshchagin Ye. M., Kostomarov V. T. *Yazyk i kul'tura: lingvostranovedeniye v prepodavanii russkogo yazyka kak inostrannogo [Language and Culture: Linguistic and Regional Studies in Teaching Russian as a Foreign Language]*. M., 1990. 246.

EDN: KHRCJM
УДК 811.11'01:81'22

Interiorization of the Concepts of “Faith”, “Miracle” and “Gift” in the Pragmatic Aspect

Sergey G. Proskurin* and Anna V. Proskurina

*Novosibirsk State Technical University
Novosibirsk, Russian Federation*

Received 04.07.2025, received in revised form 20.08.2025, accepted 29.09.2025

Abstract. The narrative plots in which the concepts of “faith”, “miracle” and “gift” actualized are based on the changing paradigm of objectivity and interiorization. The concepts themselves are subject to the tendency of semiotic weakening, going from objectivity, i.e. when they can be transferred, handed over, lost, to a conventional image expressed by an immaterial spiritual essence. Thus, a deeply personal attitude to the Christian faith differs fundamentally from the pagan concept, when the connection between God and man is considered a guarantee that he disposes of at his own discretion. Semiosis of the sign gives rise to three stages: an act, a gesture instead of an act and conventionality. Sometimes this process is called “weathering” of the sign. As a result of applying the historical-genetic methodology, a nest of the conceptual plan was revealed, where the basic relations of the concept of “gift”, revealed in the potlatch ritual, are transferred to the cultural concepts of “faith” and “miracle”. The concepts of “faith” and “miracle” themselves are built on the tracing of the concept of “gift”, since they also have the property of objectivity, i.e. they can be transferred, acquired and lost. The objectivity of early practices is substantiated by the concepts of “donation” and “gift”, which are conditioned by the factor of transfer as a semantic constant. Thus, a gift goes from the transfer of something material to the act of spiritual giving, creating a cultural algorithm of the concepts of “faith” and “miracle”. As a result, a social circle is reconstructed, which illustrates the relations between the actants: someone gives, i.e. transfers, someone copies the act of transfer in the aspect of faith and miracle. In general, it was possible to present a typified replaceable paradigm of pagan and Christian cultures, when elements are intertwined in a dual-faith theme.

Keywords: concept, ritual, potlatch, gift, faith, miracle.

Research area: Social Structure, Social Institutions and Processes; Semiotics and Theory of Language.

Citation: Proskurin S. G., Proskurina A. V. Interiorization of the Concepts of “Faith”, “Miracle” and “Gift” in the Pragmatic Aspect. In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2025, 18(10), 2013–2021. EDN: KHRCJM

Интериоризация концептов "вера", "чудо" и "дар" в прагматическом аспекте

С.Г. Проскурин, А.В. Проскурина

Новосибирский государственный технический университет
Российская Федерация, Красноярск

Аннотация. В основе повествовательных сюжетов, в которых актуализируются концепты "вера", "чудо" и "дар", лежит сменяемая парадигма предметности и интериоризованности. Сами концепты подвержены тенденции семиотического ослабления, проходя путь от предметности (т.е. когда их можно передавать, вручать, утрачивать) к условному образу, выраженному нематериальной духовной сущностью. Так, глубоко личностное отношение к христианской вере принципиально отличается от языческого концепта, когда связь бога и человека рассматривается как гарантия, которой он распоряжается по собственному усмотрению. Семиозис знака порождает три этапа: акт, жест вместо акта и условность. Иногда этот процесс называют «выветриванием» знака. В результате применения историко-генетической методологии выявлено гнездо концептуального плана, где базовые отношения концепта "дар", вскрываемого в ритуале потлач, переносятся на культурные концепты "вера" и "чудо". Сами концепты "вера" и "чудо" строятся по кальке концепта "дар", поскольку они также обладают свойством предметности, т.е. их можно передавать, обретать и утрачивать. Предметность ранних практик обоснована концептами "дарения" и "дара", которые обусловлены фактором передачи как семантической константы. Таким образом, дар проходит путь от передачи нечто материального к акту духовного дарения, создавая культурный алгоритм концептов "вера" и "чудо". В результате реконструируется социальный круг, который иллюстрирует отношения между актантами: кто-то дарит, т.е. передает, кто-то копирует акт передачи в аспекте веры и чуда. В статье представлена типизированная сменяемая парадигма языческой и христианских культур, где элементы переплетаются в двоеверной тематике.

Ключевые слова: концепт, ритуал, потлач, дар, вера, чудо.

Научная специальность: 5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы; 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (германские языки) (филологические науки) и 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика.

Цитирование: Проскурин С.Г., Проскурина А.В. Интериоризация концептов "вера", "чудо" и "дар" в прагматическом аспекте. *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2025, 18(10), 2013–2021. EDN: KHRCJM

Introduction

Objectivity and interiorization are two levels of existence of spiritual concepts in the Middle Ages. It turns out that the spiritual concepts of "faith" and "miracle" are formed along the lines of the concept of "gift", which

in turn is associated with the potlatch ritual. We formulate a research goal consisting in discovering typified interchangeable paradigms of pagan and Christian cultures at the early stages of their existence. Objectivity is replaced by an intentional image that forms a pragmatic layer

of meaning. In the generalizing article of the "Dictionary of Antiquity and Christianity" by D. Luhrmann, which is devoted to the concept of "faith", two important circumstances are emphasized. Firstly, the Christian concept of "faith" arises in the mainstream of the Judeo-Christian linguistic tradition and the conceptual field of three terms: Hebrew, Greek and Latin, which turn out to be very close (congruent). Secondly, the actual Christian New Testament concept of faith (as, first of all, faith in Jesus Christ) does not at all appear as something original in relation to the subsequent tradition. D. Luhrmann notes: In the text of the New Testament, various linguistic layers or circles (*Sprachkreise*) emerge, which are difficult to subsume under a certain concept of communication (Lührmann, 1981).

In the ancient Germanic material that we analyzed, there are gaps recorded between the values of the Germanic epic and the values of Christianity. For example, the concept of "faith" in the pagan layer of the Germanic epic is considered as a certain object in the possession of an individual, which he can dispose of at his own discretion (transfer, get rid of, acquire).

In the Christian field, the concept of "faith" loses its objectivity, i.e. it becomes an internalized image (experienced as an internal value). Consequently, the transition from one religious system to another requires certain transformations of images that provoke a conflict between values. A situation of dual faith is recorded, which erases the boundaries of confrontation. We have in mind the episode of the creation of time from the first part of the poem *Genesis A*, which is the most ancient (Malone, 1950): *Wel licode frean aet frymðe forðbaero tid. Daeg aereste geseah deorc sceado, sweart swiðrian geond sidne grund, þa seo tid gewat ofer tiber (?) sceacan middangeardes* (Genesis, 1872: 131–136) – "The Lord was very pleased with the time that was born in the beginning. The first day saw a dark night, the darkness increased on the wide earth. Time set out on its journey through sacrifice in the middle world." In this context, a compromise is reached between the pagan and Christian pictures of the world. The creation of time from nothing is characteristic of the Biblical picture of the

world, while creation from a sacrifice is inherent in the Germanic cosmogonic representation of the world (the creation of the world from the body of the giant Ymir). Thus, a stereometric image of the creation of time with the interweaving of pagan and Christian layers arises. The leading researcher of Old English poetry B. Thorpe stops at the reconstruction of the elements of the text of *Genesis A* into a composite *tiber-sceaca*, which, however, has no real historical parallels (see: (Wülcker, 1898)). The desire to correct this fragment at any cost can be explained by the very desire of researchers to coordinate the text of the poem from the position of dogmas, thereby distorting the dualism of semantics, which is actually inherent in early texts. Among all philologists, the most acceptable, in our opinion, but still unsupported point of view was expressed by Jacob Grimm in his fundamental study "German Mythology" (1844), in which the founder of German studies, arguing, in particular, with B. Thorpe, writes: "Even Thorpe himself misunderstood the place (Caedm., 9,2): *þa seo tid qewat ofer tiber sceacan middangeardes*. – I translate: "time marches forward through the (God-made) sacrifice of the middle world"" (Grimm, 1844–1854: 35).

The religious cognitive scenario of the Anglo-Saxons is contradictory. Thus, the Lord at the initial stages of Christianization was perceived as the Leader of the tribe, to whom personal devotion was given. Over time, there was a separation of the image of the Lord from the Germanic idea of a leader, which influenced the further interpretation of the image of Jesus in the Anglo-Saxon worldview. And again, the dual faith theme plays a decisive role. The image of Thor with the hammer Mjölner is considered in early Christian texts as Christ with the cross. Consequently, the cognitive scenario of the Anglo-Saxons is contradictory, which allowed pagan beliefs to exist alongside the Christian faith. According to Yu. S. Stepanov, "the ancient Greek *κῦδος* 'kyudos', of the same Indo-European root as the Russian miracle, means military success, success in battle, which the gods award – not in words, but in deeds, victory – to the warring parties, sometimes to one, sometimes to the other, depending on the circumstances. The concept of

"Luck" is close to the concept of "Glory". However, "Glory" and "Kyudos" are not synonyms.

As the brilliant expert on Indo-European cultural terms E. Benveniste notes, the ancient language of the epic does not know synonyms at all – all the key words in it have, in modern language, the meaning of terms – each is unique. "Glory", *κλέος*, by its root related to "glory", "to be reputed", means, rather, a reputation among people, something that is conveyed in words. "*Kudos*" is the property of the gods, a magical gift that the gods can transfer for a time to one or another of the warring parties, be it detachments of warriors or individual fighters. The key concept of analogy can be applied here to the combatants, who are, in general, equal, analogous to each other. "*Kudos*" specifically singles out one of them – the one who, in the opinion of the gods (most often Zeus), deserves it most at the moment. "But how does the one to whom the deity has given the kyudos know this in the melee of battle," writes Benveniste, "and how does the opponent discover it? Both know this thanks to the sign showing the divine choice: it is the thunder that resounds and repeats in the middle of the battle, it is the chariot of the enemy that falls to pieces at full speed, it is the bowstring that breaks in the hands of Teucer, aiming at Hector, so that the arrow falls before reaching its target. Hector is not deceived – Zeus is on his side (Iliad, 15, 488 et seq.)" (Benveniste, 1995: 278–279). This central content of the Greek concept of "kyudos" is fully preserved in the Old Russian "miracle" (Stepanov, 2004: 62–63). The second layer (sign – omen) of the concept of "miracle" has been preserved in Old English. The internal form of the Old English words *wundortācen* and *wundorweorc* retained the meaning of "wonderful sign, action", strengthened in Christianity as "sign", that is there was a semantic transition from "sign" to "sign" (phenomenon of the incomprehensible and mysterious). This is the Christian interpretation of the concept of "miracle". In other words, Christianization consolidated the superficial layer of the concept and began to represent the phenomenon of the sacred in the form of an unusual accomplishment. The objectivity of early practices is substantiated by the concept

of giving and gift, which is conditioned by the factor of transmission as a semantic constant. Such concepts as "faith" and "miracle" are formed according to the pattern of the gift. The concept of "gift" itself undergoes evolution and becomes an immaterial entity in Christianity.

Conceptual bases of research

A follower of E. Durkheim, M. Mauss, in his concept of exchange as a total social action constituting society, places the reciprocity of giving, receiving and giving back at the forefront, as well as the social and symbolic order that arises as a result of this reciprocity. This idea will be further developed in the theory of K. Levi-Strauss in the form of a structure of kinship ties, based on the exchange of women.

The act of giving is a dual relationship between the giver and the recipient. In this regard, giving is considered from two interrelated points of view, such as: the establishment of a relationship of solidarity, since the giver shares what he has in his property, as well as a relationship of superiority, expressed in the fact that the recipient becomes obligated to the giver. By bringing the giver and the recipient closer together, the act of giving separates them socially, endowing the latter with debt obligations to the former. Consequently, the act of giving must be voluntary, otherwise it will act as a forced gift, i.e. be extortion.

M. Godelier considers the offering of gifts to higher beings as a voluntary gift on a par with prayers – a widespread phenomenon in all human societies – be it to divine powers, spirits of nature and/or death. The great gods in the concept of religions and beliefs are the masters of all worldly wealth, and this means the impossibility of making a significant counter-gift or potlatch.

Believers offer the gods the smell of incense, make sacrifices, give alms, also symbolizing the act of sacrifice, address them in an understandable language in accordance with the expected procedure in order to be heard by the supreme power, standing above its donors. This explains the role of religion in the formation of the concept of "power", where some rise above others, highlighting their own position, an exclusive divine origin.

Let us turn to the conversion relations "donor-recipient". E. Benveniste (Benveniste, 1995), discussing the gift and exchange in Indo-European languages, comes to the following conclusion. The Indo-European root **do-*, the unchanging meaning of which is evidenced by data from all languages, also forms the basis of Greek nouns meaning "gift" – *dósis*, *dōron*, *dōtínē* – used in different contexts. The word *dōs* corresponds to the Latin *dōs* (stem on *dōt*), which in Latin has the special meaning of "dowry". *Dósis* is a nominal transposition of the verb form of the present/future tense, denoting "the act of giving". *Dósis* also denotes a legal act (the transfer of an inheritance, bypassing the rules of ordinary inheritance) and the amount of medicine. E. Benveniste points out the absence of confusion between the lexeme *dósis* and the lexemes *dōron* and *dōryá* (the act of offering, the presentation of a gift). The lexeme *thémistas* determines the meaning of *dōtínēsi*, denoting the rights of a chieftain, i.e. the rendering of honours and tribute to the ruler, according to divine decrees. In Gothic *gild* (obligatory contribution, communion with food) is the translation of the following words: Gr. *phóros* "tax", composite *kaisara-gild* – for Gr. *kēnsos* "tax"; verbs *fra-gildan*, *us-gildan* "to give, to return" (the payment itself – money – Geld), while in other Germanic languages a different meaning appears: Old Norse *gjald* "reward, punishment, payment"; Old English *gield* "replacement, compensation for losses, sacrifice", OHG. *gelt* "payment, sacrifice", *gotekelt* (Gottesdienst, worship, cult), Frisian *jelde*, *jold* "merchants' guild", "ceremonial dinner". The Gothic word *gild* is found in Luke 20:22: "sculdu ist unsis kaisara gild giban?"; "Is it lawful for us to give taxes to Caesar or not?" The same question is in the Gospel of Mark: 12:14 instead of *gild*, *kaisara-gild* is given. In Romans 13:6: "For because of this you also pay taxes, for the authorities are ministers of God, attending to this very thing".

The lexeme *fra-gildan* – "to give, to return" is found in the Gospel of Luke 19:8: "I will give, *gadailja* (*didōmi*) to the poor (lit. I will divide my goods among the poor); and if I have wronged anyone in any way, I will repay, *fragilda* (*apodidōmi* "I will pay") *fourfold*." The

correlation between cattle and compensation for damages is noteworthy, where compensation for the killing of a person with livestock is allowed: *wergeld* – "compensation for murder in the form of a certain fee" is equivalent to Gr. *tísis*, being one of the ancient varieties of geld. Let us return again to the root **do-*. In Hittite, this root means "to take", which may indicate the fused meanings of "give" and "take" in the Indo-European language. Linguists bring together the meanings of Latin *emo* "to take" and Gothic *niman* "to take" (German *nehmen*), separating *niman* from Greek *némō* "to distribute, to distribute", while E. Benveniste gives the following: there is a direct connection between Gothic *niman* and Greek *némō*, preserved in Gothic *arbi-numja* and Greek *klēro-nómos* "heir". Consequently, the concepts of "giving" and "taking" in Indo-European languages are closely interconnected. The controversial concepts of "gratuitousness" and "gratitude", based on the term *gratia*, are derived from the adjective *gratus*, which means "one who accepts someone favorably, who shows him a blessing" and "one who is pleasant; who is accepted favorably". E. Benveniste singles out "hymn, praise" as the starting point of the plot, expressing gratitude to the deity. Drawing a parallel with Latin, E. Benveniste notes the provision of a service for nothing, literally for a "free" service, called gratitude. Such an action is explained by the emotional sphere, i.e. the action determines the feeling, and the feeling encourages certain actions. Thus, in the Gothic language, the lexeme *awiliuþ* "gratitude" and the verb *awiliudon* "to be grateful" are words of ancient origin that do not have roots with the Greek lexemes *kharizomai*, *eukharistein*, *khárin ékhein*, etc. The Latin lexeme *gratiosus* means "one who feels gratitude" and "what is done as a favor". In addition to the usual exchange, there is another type of exchange – the circulation of benefits, when something is given free of charge as a sign of "gratitude" (Benveniste, 1995). Thus, giving is a kind of dotted foundation for a whole series of concepts that are also experienced as transformations from objectivity to value. At the end of the evolutionary chain, the gift is no longer perceived as an object capable of being transferred, but is understood as a kind of internal spiritual value.

Methodology

The achievement of the set goal and the solution of related private problems were facilitated by the use of the cultural-historical method of studying semiotic processes in language and culture (works of the Moscow-Novosibirsk semiotic school, see, for example, "Linguistics and semiotics of cultural transfers: methods, principles, technologies". – M.: Cultural Revolution, 2016). The basic methodological principle of the study is the historical-genetic method of conceptual information. The general goal and objectives of the study determine the complex of traditional methods of philological analysis of Old English texts and the semiotic approach to texts (descriptive method, structural, comparative and conceptual analysis of textual monuments, classification method, as well as inductive, deductive, historical-semiotic, cognitive-semiotic methods), but in a new capacity: a set of communicatively relevant factors that determine the utterance, as well as the situational and contextual attribution of lexical meaning are taken into account.

The material of the study is the King James Version of the Bible (1291 pages), the Bible: The Books of the Holy Scriptures of the Old and New Testaments (with the blessing of His Holiness Patriarch Alexy II of Moscow and All Rus') (1296, XXXII p.), the poems Instructions for Christians (265 lines) and Genesis A (2936 lines). The appeal to this period is due to the research interest in the transitional stages of the development of ideas about key concepts such as "faith", "miracle", "gift".

The Subject of discussion

Analyzing words with the meaning of "faith" on a wide range of Indo-European languages, E. Benveniste notes a special shift in their semantics with the adoption of Christianity. Thus, in the Latin expression *mihi est fidēs apud aliquem* it is meant someone else who believes in me and his credit of trust is at my disposal. It has long been noted that *fidēs*, which is an abstract noun in Latin, corresponds to the verb *crēdō*, which is different in form, and *fidēs* was "reanimated" in Christianity: it was during this period that *fidēs* developed the meaning of "religious faith", and

crēdere "to believe" acquired the meaning of "to profess faith" (Benveniste, 1995). From E. Benveniste's analysis it follows with all clarity that a special turn in the semantics of the word "faith" occurs with the emergence of a new worldview – Christianity, which interiorizes the individual's attitude to God and the world around him. In other words, there was a "material image" of faith, which is being replaced by an intensional interpretation. It would be appropriate to point out the contrasting understanding of the concept of "faith" in Dionysius the Areopagite: "God is known in everything and outside of everything, through knowledge and ignorance, and if, on the one hand, thinking, understanding, cognition, touch, sensory perception, assumption, imagination, naming and the like are possible in relation to him, then, on the other hand, he is unknowable, ineffable and unnameable, since he is not something existing and is not known in something existing. However, the most divine knowledge of God is knowledge through ignorance, when the mind, (gradually) renouncing everything existing, eventually comes out of itself and unites with the most luminous radiance through a super-thinkable unity, and then, in the incomprehensible abyss of Wisdom, it achieves enlightenment" (Dionysius the Areopagite, 1991, p. 71). Such a deeply personal attitude to the Christian faith is fundamentally different from the pagan concept of *fidēs*, when the connection between God and man is considered as a kind of "guarantee" sent by God to a mortal, which he can dispose of at his own discretion (Proskurin, 2005: 41). Accordingly, not only the actant (internal) structure of the corresponding utterances changes, but also their external structure – grammatically speaking, "verb control". Let us compare at least three Russian expressions: 1) everyday, "secular" – to believe someone, 2) Christian religious – to believe in God, 3) to rely on God – the difference in meaning is reflected in the difference in prepositions. The same in modern French: *croire à quelqu'un* "to believe someone", but *croire en Dieu* "to believe in God", "to rely on God".

Religion also outlines a circle that limits access to the sources of life, accessible only to

those who perform sacred rituals and sacrifices. It is noteworthy that sacrifices, which are direct communication with the gods, are not a commercial turnover. The desire of believers to convert non-believers to their faith comes down to a historical struggle, denoting the same dogma of faith in the "true" gods. Thus, in Hinduism, the debt to the gods interprets the entire human destiny, not being connected, as in Christianity, with original sin (cf. "Rig Veda"). In Judaism, the idea of the existence of only one God is clearly established, while the other gods of other peoples are considered false gods. The Book of Leviticus contains the meaning of sacrifices, defined as obligations imposed by the gods, for which people will be rewarded if they obey them (Godelier, 2007). According to the Old English poem Instructions for Christians, a Christian should give a portion of his property to God, then in return he can receive increased wealth and eternal life (Proskurina, 2024). The poem instructs the flock to weep and repent of their sins, diligently praising the Creator, not forgetting to impose moderation on their bodies in order to receive a spiritual reward. Wisdom, presented in the poem as a gift from God, entrusts man with the use of his gift for the benefit of society and the education of children and adults, since, as the text emphasizes, learning sets slaves free, purifies the soul, humbles every king, and also exalts the poor. Woe to the wise man who does not use his divine gift properly, then the fool who hides his folly is dearer to God. The author of Instructions for Christians, pointing out that God grants tests according to the strength of the believer, writes about the need to develop skills sent from above and about improper boasting about one's abilities and worldly wealth. Let us move on to the contexts in which wisdom is presented as a gift from God (lines 63–89). The original text is presented according to the Old English Shorter Poems (Old English Shorter Poems, 2012).

Thus, the gift goes from the transfer of something material to the act of spiritual giving, creating an algorithm of the cultural concepts of "faith" and "miracle". The general function of the noted semiotic transformations is postulated by us as semiotic weakening. The semiosis of a sign is associated with its three stages: the first is the Act, the second is a ges-

Table 1. *Old English Shorter Poems*
Lines 63–89

63	Swa hwilc man swa mæg and nu nele geleornian hwæt-hwugo, he bið lað Gode,
65	and his saul bið swiðe scyldig. Ac þæm ðe wællað lufæ on on wisdom, he hit mid þæm mod gifeð, mihtig drihten, mid his handum twam þurh þone halga gast. Se forholena cræft and forhyded gold
70	ne bið ællunga ungelice. Betere bið þe dusige, gif he on breostum can his unwisdom inne belucan, þonne se snotere ðe symle wile æt his heah- þearfe forhelan his wisdom.
75	Ac þu scealt gelome gelæran and tæcan, ða hwile þe ðe mihtig Godd mægnes unne, þe læs hit þe on ende eft gereowe æfter dæg-rime, þonne þu hit gedon ne miht. Onlær þinum bearne bysne goda,
80	and eac swa some eallum leoda; þonne ðu geearnost ece blisse and æfter þisse weorlða weorðscipe mycelne. Se ðe leornunge longe fyligeð halgum bocum her on worulde,
85	heo ðone gelæredon longe gebetað, and þone unlærdan eac gelæreð. Heo geeadmodað eghwylcne kyng, swilce þone earman eac aræreð and þa saula swa some geclelsað

ture instead of an act, the third stage is conventionality. In the concept of V. I. Karasik, semiotic weakening is interpreted as the weathering of a sign: "<...> for example, initially it was possible to receive the title of knight only in battle, then the battle was replaced by an imitation of armed confrontation and, finally, by a symbolic ritual, during which the initiator hit the kneeling initiate with the flat of the blade of the sword and pronounced a certain sacred formula" (Karasik, 2013: 10). Objectivity and interiorization represent stages of weakening of a sign. Most of the sign symbols trace transformations from a strong sign to a weakened one, and then to a very weak one. As Yu. S. Stepanov notes about this cultural-semiotic tendency in the dictionary "Constants. Dictionary of Russian Culture", "the material, physical impact on the agent of a social act is replaced by the impact of substitution" (Stepanov, 2004).

Sacrifice goes through three stages: blood, substitution by a substitute, and then a conditional formula of a verbal type, for example, prayer. The concept of "gift" is no exception. Thus, prayer is the result of weakening the process of giving, i.e. it is perceived as a gift according to the principle of sacrifice. "In Matthew 26:36, Jesus says to his companions: Καθίσατε αὐτοῦ ἕως οὗ ἀπελθὼν ἐκεῖ προσεύξωμαι ("Sit here while I go and pray over there"). In Genesis 22:5 Abraham says to his servants: Καθίσατε αὐτοῦ...διελευσόμεθα ἕως ὧδε καὶ προσκυνήσαντες ("Sit here... [we] will go over there and worship"). It can be assumed that the Book of Genesis contains the word "worship", and the Gospel contains "prayer" because the Gospel was written after the destruction of the Temple and the cessation of burnt offerings. Perhaps prayer replaced the sacrifice" (Huizenga, 2021: 83). The Pentateuch of Moses prescribes five types of sacrifices: burnt offering (Leviticus 1; 8:18–21; 16:23–28), grain offering (Leviticus 2; 6:14–23), peace offering (Leviticus 3; 7:11–34), sin offering (Leviticus 4; 5:1–13; 6:24–30; 8:14–17; 16:3–22), and trespass offering (Leviticus 5:14–19; 6:1–7; 7:1–6).

The logic of the sacrificial ritual is based on the principle of mutual exchange, i.e. by making a sacrifice to the gods, a person forces them to do him a favor in return. Consequently, the objectivity is replaced by intentional semantics, i.e. the objectivity dissolves, and a new internalized image emerges. The role of sacrifices in the Old and New Testaments is interesting, where Yahweh did not sacrifice himself for the sake of the human race. According to the teaching of the Apostle Paul, Jesus did this for him, who, having acquired human form, was crucified for the sins of man, thereby ensuring salvation and eternal life for true believers. Thus, in the canvas of the New Testament text, a shift in emphasis is revealed from the omnipresent and powerful God to man, i.e. being one in three persons, God, similar to the supreme tribal gods, remains in the Old Testament, while the New Testament tells of the Son of God outside the context of the original times of the creation of the world. The emphasis of the narrative now shifts to the sinful side of man, to the evil deeply rooted in

the human soul, which gives rise to hatred and instructs against Christ. As soon as the body of Christ is divided between believers in the form of bread and wine, symbolizing the flesh and blood of the Son of God, special attention shifts from the cosmos and its order to evil and disorder, the only cause of which are sinners, who initially have original sin (Godelier, 2007). In other words, from now on the Eucharist is a reproduction of the sacrifice according to the covenant of Christ, i.e. that through which metaphysical grace descends upon the believing Christian.

In Egypt, human sacrifice was practiced at an early stage. Thus, initially, one or more people had their throats cut to atone for the guilt of the deceased. In later periods, foreigners, captive Nubians or Asians were killed. The barbaric rite was softened by replacing people with animals: bulls, gazelles, geese and pigs were used to atone for sins. The killing of animals was accompanied by an imitation of human sacrifice: a mannequin had to undergo the ritual with the skin of the sacrificed bull or gazelle. As A. Moret notes, "in the tomb of Montuherikhepshef, a certain character called Tikenu is depicted, who is dragged on a sled to the skin of an animal. The scene where Tikenu is dressed in a skin has not survived, but further on we can see how the skin, thigh and heart of a sacrificial bull are burned together with Tikenu's hair in a hole dug in the ground – this replaced human sacrifice according to the principle of replacing the whole with its part" (More, 2009: 30–31). Another example of semiotic weakening is the ritual practice of brotherhood among the southern Slavs. Thus, bloody revenge between warring clans is gradually replaced by the act of tasting each other's blood. The warring parties open a vein on their right hand, suck each other's blood from the wound they have received, kiss and swear unshakable fidelity (Blood..., 1995: 40). The creation of material substitutes – the Tikenu manikins – signifies a softening of the ritual. At the last stage, Tikenu's place is taken by a priest, wrapped in a shroud that replaces the skin, and the ritual itself takes on a conditional, more symbolic character of pronouncing ritual formulas.

Conclusion

Semiotic mechanisms of transformation of objectivity into interiorization are tracings of the concept of giving, registered in the potlatch ritual. According to E. Benveniste, "we are talking about a system known to the Indian tribes of the northwest of America, which consists of a sequence of gifts and reciprocal gifts; having received a gift, the partner must, by virtue of a certain obligation, certainly thank the giver with a more valuable gift. Giving is also a festive ritual tied to certain dates and cultures; it is also a phenomenon of an economic nature,

since we are talking about the circulation of wealth; it is a kind of connection established between families, tribes and even their descendants" (Benveniste, 1995: 78). Potlatch serves as a model of the concepts of "gift", "faith" and "miracle", since it is associated with the transfer of an object that serves as enrichment. Thus, we can talk about a social circle, that is about the connection established between actants. At the first stage, the transfer of the object is actualized as a factor of objectivity. Then the transfer is replaced by an internal image that explicates the internalized object.

References

- Benveniste E. Slovar' indoevropskikh social'nyh terminov [Dictionary of Indo-European Social Terms]. M., 1995. 452.
- Gen. – Genesis. Bibliothek der angelsächsischen Prosa in bearbeiteten Texten. hrsg. von C. W.M. Grein. Kassel, 1872. Bd. I. 25–110.
- Krov' v verovanijah i sueverijah chelovechestva [Blood in the beliefs and superstitions of mankind]. Collection. Comp., notes. V.F. Boykov. SPb., "Sofia", 1995. 480.
- [Dionysius the Areopagite] Saint Dionysius the Areopagite. Bozhestvennye imena. In: Misticheskoe bogoslovie [Mystical Theology]. Kyiv, 1991. 378.
- Godelier M. Zagadka dara [The Riddle of the Gift]. M., 2007. 295.
- Grimm J., Deutsche Mythologie [Text] / Grimm J. – Göttingen, 1844–1854. Bd. 1, 2. 1314.
- Huizenga L.E. Iisus v Evangelii ot Matfeja i Isaak v rannem iudejskom jenciklopedicheskom znanii [Jesus in the Gospel of Matthew and Isaac in early Jewish encyclopedic knowledge]. In: *The Old Testament in the New Testament: images, quotes, allusions*. M., 2021. 57–96.
- Karasik V.I. Jazykovaja matrica kul'tury [Language matrix of culture]. M., 2013. 320.
- Lührmann D., Glaube. Reallexicon für Antike und Christentum. hrsg. Th. Klausen. Stuttgart. 1981. Bd. 11. Sp. 48–122.
- Malone K., The Old English period (to 1100). A literary history of England. Ed. By A.C. Baugh. New-York. 1950. 368.
- More A. Egipetskie misterii [Egyptian mysteries]. M., 2009. 192.
- Old English shorter poems, edited and translated by Christopher A. Jones. Harvard University Press, 2012. 456.
- Propp V. Russkie agrarnye prazdniki [Russian Agrarian Holidays]. SPb., 2021. 256.
- Proskurina A.V. Analiz i perevod drevneanglijskoj pojemy Instructions for Shristians v kontekste hristianskoj tradicii [Analysis and translation of the old English poem Instructions for Christians in the context of the Christian tradition]. In: *Slovo.ru: baltijskij akcent [Slovo.ru: Baltic accent]*. 2024. 15(1). 140–157.
- Proskurin S.G. Semiotika indoevropskoj kul'tury: ucheb. 2-e izd., pererab. i ispr. [Semiotics of Indo-European Culture: Textbook. 2nd ed., revised and corrected]. Novosibirsk, Publishing House of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 2005. 234.
- Stepanov Yu.S. Konstanty: Slovar' russkoj kul'tury: Izd. 3-e, ispr. i dop. [Constants: Dictionary of Russian Culture: 3rd ed., revised and enlarged]. M., Academic Project, 2004. 992.
- Tumans H. Rozhdenie Afiny. Afinskij put' k demokratii: ot Gomera do Perikla (VIII–Vvv. do n. je.). [Birth of Athena. The Athenian Path to Democracy: From Homer to Pericles (8th–5th Centuries BC)]. SPb., 2002. 544.
- Wülcker R., Bibliothek der angelsächsischen Poesie. Leipzig, 1883–1898. Bd. I–III.

EDN: TDXVUP
УДК 81

The Communicative Category of Tact and Its Representation in Professional Spheres of Communication

Oxana S. Issers*

*Dostoevsky Omsk State University
Omsk, Russian Federation*

Received 22.08.2025, received in revised form 03.09.2025, accepted 29.09.2025

Abstract. The article describes the communicative category of tact conditioned by the speaker's desire not to harm the emotional and personal sphere of the interlocutor. The purpose of the research is to analyze the category of tact in relation to professional spheres of communication. The article also discusses the limits of acceptable penetration of representatives of social institutions into the personal sphere of the addressee, as well as the possibility of systematizing conflict situations in relation to professional communication. The empirical basis of the study is formed by targeted sampling from "Medialogia" (a computer corpus of media texts), patient reviews posted on specialized network sources and websites of healthcare institutions, and reviews on teachers posted on specialized network sources. The study uses the methods of discourse and communicative-pragmatic analysis, as well as quantitative calculations to establish the frequency of collocations which contain the lexeme of tact.

The study showed that professional tact can be described through discursive markers specific to the institutional sphere and common for typical communicative situations of interaction between subjects of professional discourse. The list of the markers includes: topics that provoke communicative risks; techniques of euphemization/dysphemization (word choice); speech acts acceptable in professional communication; and the tone of communication. Using medical and pedagogical communication as an example, the study identifies semantic and pragmatic features – triggers of conflict situations caused by non-observance of the personal boundaries of the addressee. The authors note that the ability to predict a communicative risk in professional communication lies within the competence of a specialist and should be intentionally formed during the training period. The results can serve as a basis for expanding the research of professional communication in terms of the categories of politeness and tact using oral and written sources.

Keywords: category of politeness, category of tact, professional tact, medical tact, pedagogical tact, medical discourse, reviews of medical services, communicative competence of a specialist.

© Siberian Federal University. All rights reserved

* Corresponding author E-mail address: isserso@mail.ru
ORCID: 0000-0003-4027-6346

The reported study was funded by Russian Science Foundation (RSF), Project № 24–18–00371, <https://rscf.ru/project/24–18–00371/>

Research area: Social Structure, Social Institutions and Processes; Communication Studies.

Citation: Issers O. S. The Communicative Category of Tact and Its Representation in Professional Spheres of Communication. In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2025, 18(10), 2022–2034. EDN: TDXVUP

Коммуникативная категория такта и ее репрезентация в профессиональных сферах общения

О.С. Иссерс

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского
Российская Федерация, Омск

Аннотация. Рассматривается коммуникативная категория такта, обусловленная желанием говорящего не нанести ущерба эмоционально-личностной сфере собеседника. Цель исследования – анализ категории такта применительно к профессиональным сферам общения. Обсуждаются границы допустимого внедрения в личную сферу адресата представителей социальных институтов, а также возможность систематизации конфликтных ситуаций применительно к профессиональному общению. Эмпирическая база исследования сформирована путем направленной выборки из компьютерного корпуса текстов СМИ «Медиалогия», отзывов пациентов, размещенных на специализированных сетевых ресурсах и сайтах учреждений здравоохранения, отзывов о педагогах на тематических сетевых ресурсах. Используются методы дискурсивного и коммуникативно-прагматического анализа, для установления частотности коллокаций с лексемой *такт* применялись количественные подсчеты.

Установлено, что профессиональный такт может быть описан через специфические для институциональной сферы дискурсивные маркеры, характерные для типичных коммуникативных ситуаций общения субъектов профессионального дискурса: темы, провоцирующие коммуникативные риски; приемы эвфемизации / дисфемизации (выбор слова), речевые акты, допустимые в условиях профессионального общения, и тональность коммуникации.

На примере медицинского и педагогического общения выявлены семантические и прагматические признаки – триггеры конфликтных ситуаций, обусловленные несоблюдением личных границ адресата. Отмечается, что прогноз коммуникативного риска в условиях профессионального общения входит в компетенцию специалиста и требует ее целенаправленного формирования в период обучения. Результаты могут послужить основой для расширения исследований профессионального общения в аспекте категорий вежливости и такта на материале устных и письменных источников.

Ключевые слова: категория вежливости, категория такта, профессиональный такт, медицинский такт, педагогический такт, медицинский дискурс, отзывы о медицинских услугах, коммуникативная компетенция специалиста.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24–18–00371, <https://rscf.ru/project/24-18-00371/>

Научная специальность: 5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы; 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика.

Цитирование: Иссерс О. С. Коммуникативная категория такта и ее репрезентация в профессиональных сферах общения. *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2025, 18(10), 2022–2034. EDN: TDXVUP

Введение

Эффективность социального взаимодействия в современном обществе во многом зависит от представлений членов социума о вежливости и такте, которые проявляются в их коммуникативном поведении. Категория такта традиционно рассматривается в рамках более широкой коммуникативной категории – вежливости – и отражает установку говорящего на сохранение «лица» адресата в ситуациях коммуникативного риска (Leech, 1983, Arndt, 1985, Brown, Levinson, 1987, Formanovskaya, 1989, Watts, 2003, Krylova, 2004, Borzunova, 2012, Korobova, 2014).

Представления о рискованных ситуациях, связанных с нарушением такта, наиболее актуальны для сферы публичной коммуникации, поскольку понятие «лица» в данном случае включает социальный контекст и пересекается с понятием имиджа. Однако стремление не нанести вреда лицу своего адресата находит проявление не только в публичной, но и в межличностной коммуникации (независимо от наличия наблюдателей) и проявляется в таком свойстве речевого поведения, как **тактичность** (Leech, 2007, Larina, 2009, Krylova, 2004, Issers, 2023, 2024).

Такт как стратегия коммуникативного поведения определяется желанием не нанести ущерба эмоционально-личностной сфере собеседника. **Тактичность** как признак речевого поведения находит проявление в речевых и неречевых приемах, которые

во всей своей совокупности могут быть отнесены к проявлениям такта (Issers, 2023: 22). В то же время категория такта имеет и этическое измерение: данный аспект акцентируется в определении А. К. Борзуновой: «Тактичность – это этическая норма, чувство меры, предсказывающее наиболее деликатную линию поведения по отношению к кому-либо. В общении предписывается понимать собеседника, избегать неуместных вопросов, не обсуждать темы, которые могут вызвать неприятные чувства и ассоциации у него» (Borzunova, 2012: 80). Как можно судить по приведенным рекомендациям, большая часть предписаний по поводу тактичного поведения имеет дискурсивно выраженные характеристики.

Джеффри Лич видел проявление такта в соблюдении границ личной сферы собеседника, однако представление об этих границах, по мнению автора, в каждом речевом акте говорящий должен устанавливать интуитивно (Leech, 1983).

О невозможности четкого определения границ между тактом и его отсутствием рассуждал и немецкий философ Х.-Г. Гадамер. Под тактом он понимал способность к восприятию коммуникативной ситуации и поведения внутри неё, для которой у носителей языка нет знания, исходящего из общих принципов (Gadamer, 1988). Отметим, что знание «общих принципов» является значимым для разграничения понятий **такта** и **этикета**. Если этикет в значитель-

ной степени определяется знанием и навыками речевого поведения в стереотипных ситуациях, то релевантные признаки тактичного поведения установить гораздо сложнее: они чаще всего определяются «от противного» – через **бестактность**. В связи с этим сама инвентаризация ситуаций коммуникативного риска, обусловленных нарушением такта, представляется весьма проблематичной. Это подтверждает и Х.-Г. Гадамер, считавший, что понятие такта «невыразительно и невыразимо». Такт помогает держать дистанцию, избегать слишком близкого соприкосновения и травмирования личностной сферы («негативная вежливость», по П. Браун и С. Левинсону) (Brown, Levinson, 1987). Однако данный подход практически лишает нас возможности выявить типовые ситуации, создающие угрозу лицу собеседника, и факторы коммуникативного риска, которые приводят к нарушению такта. Данные задачи актуальны не только в аспекте теоретического осмысления рассматриваемой коммуникативной категории, но и в прикладном, лингвометодическом аспекте, связанном с обучением тактичному речевому поведению в межличностной и профессиональной сферах (Issers, 2018).

В связи с представлениями о вежливости и такте нередко упоминается **деликатность**. В одних случаях такт и деликатность рассматриваются в рамках категории вежливости без конкретизации различий между указанными понятиями (Formanovskaya, 1989: 49), в других предпринимаются попытки развести их. Так, анализируя наивно-языковые представления об этике общения и связанную с ними лексику, Т.В. Крылова определяет такт как «способность избегать того, что может быть неприятно другим», а деликатность – как «бережное отношение к чувствам партнера» (Yazykovaya kartina mira, 2006: 347). Автор считает, что понятия деликатности и такта связаны прежде всего с «запретительными стратегиями», с сознательным воздержанием субъекта от тех или иных действий.

Дефиниции лексемы *такт* в толковых словарях в ее «коммуникативном» значении

(*такт* 2) акцентируют внимание на «чувстве меры» и социальной приемлемости поведения. Однако ни в одном из определений не отмечено, что данное понятие тесно связано именно с речевым поведением и с нарушением личностной сферы адресата.

Такт (2) – ‘чувство меры, создающее умение вести себя приличным, подобающим образом’. *Соблюдать т. Отсутствие т*¹.

2. Такт, -а; м. [франц. tact от лат. tactus – прикосновение]. Чувство меры в поведении, в поступках; умение вести себя пристойно. *Педагогический т. Врожденный т. Отсутствие такта. Усвоить т. Нет чувства такта у кого-л. Держать себя с тактом (тактично)*².

Выделение семы «приличий и пристойности» в структуре лексического значения формирует представление о такте как об имиджевой категории и нивелирует значимый компонент понятия коммуникативного такта, связанный с учетом фактора адресата и сохранением его лица. Отметим, что в примерах словоупотребления приводится словосочетание *педагогический такт*, что свидетельствует об актуальности данной категории для профессионального общения, а словосочетания *врожденный такт* и *усвоить такт* отсылают к задачам формирования соответствующих коммуникативных навыков в случае их отсутствия от рождения.

Наблюдения за речевым поведением помогают найти ориентиры в тех трудно определенных, но известных каждому носителю языка ситуациях, разделяющих тактичное и бестактное поведение. В связи с этим представляет несомненный интерес рефлексия носителей языка по поводу такта и бестактности, которая обнаруживается в современных дискурсивных практиках (Issers, 2024). Наиболее ярко бестактность проявляется в диалогическом взаимодействии коммуникантов, поскольку именно в ситуациях непосредственного общения

¹ Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. / Под ред. Н. Ю. Шведовой. Толковый словарь русского языка. М.: Русский язык, 1990.

² Большой толковый словарь русского языка. Гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб: Норинт, 1998.

с адресатом говорящий осуществляет выбор уместных и допустимых приемов речевого оформления своей интенции.

К числу самых распространенных способов несоблюдения границ личного пространства относятся бестактные вопросы, советы без запроса, замечания, советы и другие речевые акты, нарушающие представления о сфере личного (приватного). Эти границы эмоционально-личностной сферы в той или иной степени (чаще всего на интуитивном уровне) осознаются большинством представителей конкретного социума, хотя они и не имеют формального закрепления.

При всем многообразии факторов и ситуаций, влияющих на представления говорящего о личной сфере собеседника, можно выявить спектр типичных нарушений ее границ. Семантика бестактности обусловлена в первую очередь универсальными принципами социального взаимодействия: исследователи выделяют триггеры бестактности, актуальные для большинства культур (например, есть некоторые темы, которые попадают в «ядерную зону» бестактных и даже неприличных) (Issers, 2023). В то же время отмечаются национально-культурные особенности проявления такта, характеризующие коммуникативное поведение представителей конкретного социума (Leech, Laria, 2014, Zhel'vis, 2014, Larina, Harlova, 2015, Ratmajr, 2018, Larina, 2018).

Менее разработана проблематика категории такта применительно к профессиональному общению (Ladegaard, 2012). Отметим, что рассматриваемая категория имеет как речевые, так и неречевые (коммуникативно-поведенческие) корреляты, которые можно обнаружить в непосредственном наблюдении. В связи с этим **целью** настоящего исследования является анализ категории такта применительно к профессиональным сферам общения. Задача заключается в том, чтобы эксплицировать некоторые интуитивно ощущаемые носителями русского языка границы дозволенного внедрения в личную сферу коммуникантов в условиях общения с представи-

телями социальных институтов, а также выявить дискурсивные маркеры нарушения границ личного пространства.

Материал и методы исследования

Для формирования эмпирической базы направленная выборка осуществлялась из компьютерного корпуса текстов СМИ «Медиалогия». Интерес представляло употребление в современной речи лексемы *такт* в словосочетаниях с определениями, указывающими на профессиональную сферу (гипероним *профессиональный такт*, а также *медицинский* / *педагогический* / *дипломатический* и др. его разновидности). Выборка была сформирована на хронологическом срезе за два последних года (2023–2025 гг.) с целью изучить современные представления о рассматриваемом коммуникативном феномене, отраженные в медийных текстах.

Материалом для наблюдений при изучении рефлексии носителей языка о медицинском такте послужили отзывы пациентов, размещенные на специализированных сетевых ресурсах и сайтах учреждений здравоохранения.

Примеры для анализа педагогического такта получены путем извлечения из отзывов о педагогах, размещенных на тематических сетевых ресурсах («Подслушано в вузе N» и под.). Дополнительный материал получен в результате личного опроса преподавателей о фактах неудачных / бестактных высказываний из собственного или чужого опыта.

В исследовании используются методы дискурсивного, контекстуального и коммуникативно-прагматического анализа, для установления частотности коллокаций с лексемой *такт* применялись количественные подсчеты.

Дискурсивные измерения такта

Категория такта обнаруживается в коммуникативном поведении носителей языка через дискурсивные маркеры. По результатам наблюдений за проявлениями русской коммуникативной культуры и культуры других народов, к ним следует отнести:

1) темы, провоцирующие коммуникативные риски (Zhel'vis, 2014, Issers, 2023);

2) выбор слова (в т.ч. эвфемизация vs. дисфемизация) (Issers, 2018);

3) речевые акты (например, бестактными либо тактичными могут быть замечание, просьба, отказ и др.) (Larina, 2018);

4) границы любознательности (бестактный vs. тактичный вопрос) (Issers, 2023, 2024);

5) выбор прямого либо косвенного речевого акта (Larina, Harlova, 2015);

6) тональность коммуникации (Larina, Harlova, 2015).

Представления о данных показателях коммуникативного риска находят отражение в речи в виде высказываний, фиксиру-

ввиду тех задач, которые решает специалист – врач, журналист, педагог, дипломат, психолог и др. Так, врач может обсуждать темы, не допустимые в иных ситуациях (*Как часто вы употребляете алкоголь?*), журналист – задавать провокационные вопросы в силу своих профессиональных задач (вопрос тренеру после проигранного командой матча: *Почему ваши не выиграли? Что вы будете говорить своим игрокам в раздевалке?*) и т.д. В то же время независимо от институциональных отношений между коммуникаторами остаются неизменными требования к осознанному выбору слов и тональности общения (рис. 1).

Примером не допустимого в институциональной медицинской коммуникации

Рис. 1. Допущения и ограничения профессионального такта

Fig. 1. Assumptions and limitations of professional tact

ющих некоторые устоявшиеся социально-речевые нормы: *В доме повешенного не говорят о веревке; Не лезь в душу; Выбирай выражения! Лучше давать советы только по запросу; Хорошо говорить то, что думаешь, но плохо говорить это теми же словами* и т.д.

В профессиональных сферах многие ограничения, диктуемые стремлением сохранить лицо собеседника, снимаются

выбора лексики и тональности могут служить отзывы пациентов:

Пришла на прием к эндокринологу с вопросом, как остановить в моем случае набор веса. Получила грубое: надо меньше жрать. А на распечатанный пищевой дневник <...> доктор отреагировала коротко: липа.

После тяжелой формы пневмонии пульмонолог в районной поликлинике, прод-

левая больничный, каждый раз говорила, что у меня что-то слишком долго не наступает улучшений. Говорилось таким тоном и сопровождалось таким взглядом, что у меня складывалось ощущение, что я злостная симулянтка, которая хочет только продлить больничный, а не пришла с надеждой на врачебную помощь.

Несмотря на профессиональные допущения, соблюдение границ личного пространства в общении специалистов также требует особого внимания. Конфликтными в этом плане могут быть самые обычные учебные задания. Так, на занятиях по иностранному языку преподаватели часто дают задания типа «расскажите про свою семью» или «опишите свою комнату». Методисты не советуют так формулировать задания, поскольку у учеников могут быть разные обстоятельства проживания и уровень дохода семьи, соответственно, необходимость отвечать на такие вопросы перед одноклассниками вызывает у учеников дискомфорт и нежелание выполнять задание.

Неуместными с точки зрения профессиональной этики и такта педагога являются уничижительные замечания, касающиеся внешнего вида обучаемого:

Хватило ума волосы в красный цвет покрасить – должно хватить ума, чтобы на вопрос ответить.

В некоторых случаях нарушения такта могут быть обусловлены ответной реакцией на отклонения от профессиональных коммуникативных норм. Так, на совместной пресс-конференции В. Зеленского с Д. Трампом в Белом доме (2025) президент США, увидев своего гостя в черной рубашке без галстука, позволил себе шутку о его наряде, неуместную с точки зрения дипломатического этикета, но спровоцированную нарушением этих правил В. Зеленским: *Он сегодня принарядился*. В продолжение этого не слишком дипломатичного замечания американский журналист задал гостю уничижительный вопрос: *У вас вообще есть костюм?*³

В других ситуациях бестактность в институциональном общении может

быть обусловлена незнанием национальных коммуникативных норм. В качестве примера можно рассматривать инцидент на саммите АТЭС в Китае в 2014, когда Президент России Владимир Путин накинул шаль на плечи жены Си Цзиньпина Пэн Лиюань, в то время как ее супруг был занят разговором с президентом США Бараком Обамой. Вежливый с точки зрения европейцев поступок оказался совершенно недопустимым и с точки зрения дипломатического протокола (негласное правило дипломатии – «никогда не трогать жен дипломатов»), и с точки зрения китайской коммуникативной культуры. Китайская цензура объявила видеозапись инцидента секретной, но утечки избежать не удалось⁴.

Соблюдение такта актуально для любой сферы профессиональной коммуникации. Однако степень общественного внимания к проблемам такта/бестактности в профессиональной среде различна. На материале компьютерного корпуса СМИ «Медиалогия» за последние 2 года (май 2023 – май 2025) были проанализированы коллокации с лексемой *такт*, отражающие различные сферы профессиональных коммуникаций, для которых, на наш взгляд, актуально стремление к сохранению лица собеседника (клиента, пациента). Базовое словосочетание *профессиональный такт* в публикациях зафиксировано в 67 контекстах (повторные упоминания не учитывались). Далее представлена встречаемость коллокаций, отражающих отдельные профессиональные сферы:

педагогический такт 1122
дипломатический такт 300
политический такт 108
медицинский такт / такт врача (медицинского работника) 20
деловой такт 5
такт продавца 2
журналистский такт 2
такт ученого / научный такт 1

³ «У вас вообще есть костюм?»: Зеленского унизили в Белом доме. <https://dzen.ru/a/Z8H6fzFJlg1AGY8U>

⁴ Видеоролик, где Путин накинул плед на плечи жены Си Цзиньпина Пэн Лиюань, вызвал переполох в китайском обществе и на Западе. <https://www.fontanka.ru/2014/11/12/063/>

такт следователя / сотрудника полиции / сотрудника ГИБДД 0
спортивный такт 0

Как видно из выборки текстов СМИ по корпусу «Медиалогия», в фокусе общественного внимания чаще всего оказывается профессиональный такт педагога (1), реже – дипломата и политика (2, 3).

(1) *Профессиональный такт проявляется во внешнем облике педагога; в умении быстро и правильно оценить сложившуюся обстановку и в то же время не торопиться с выводами о поведении и способностях воспитанников; в умении сдерживать свои чувства и не терять самообладания в сложной ситуации.*

О профессиональном такте говорят применительно и к дипломатическому дресс-коду:

(2) *Ключевой момент – отсутствие яркой подсветки экрана при получении уведомлений. Мигающий или ярко подсвечивающийся экран электронных часов не соответствует сдержанности и консерватизму делового стиля и может свидетельствовать о недостатке профессионального такта...*

Политический такт входит в число базовых компетенций политического деятеля:

(3) *«Кроме отсутствия совести, ей также недостает политического такта, который отличает функционера от настоящего политика», – подчеркнул Карасин.*

Неожиданной представляется низкая частотность употребления в СМИ словосочетаний *медицинский такт* (*такт врача, медицинского работника*). Заметим, что в русле деонтологии и биомедицинской этики проблемы вежливости и такта в общении с пациентами рассматриваются регулярно, в том числе при подготовке и повышении квалификации медицинских специалистов, а также в документах Минздрава РФ⁵.

⁵ См., например: "Методические рекомендации по совершенствованию коммуникативной компетентности врачей и средних медицинских работников при общении и оказании медицинской помощи участникам специальной военной операции (СВО) и членам их семей" (направлены Письмом Минздрава России от 19.05.2025 N 17-6/И/2-9788) <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc; base=OTN; n=44374#BPOVOuUeEVB 80Xuy>

Не менее активно они обсуждаются в отзывах пациентов на специализированных ресурсах – сайтах учреждений здравоохранения, на медицинских форумах. На наш взгляд, незначительное количество вхождений лексемы *такт* в сочетания с прилагательным *медицинский* объясняется тем, что далеко не всегда авторы (пациенты) рефлексируют по поводу конфликтных ситуаций как вызванных нарушением коммуникативной категории такта: они обозначают свое восприятие иначе (см. об этом ниже).

Показательно, что в выборке не встретились словосочетания *такт следователя / сотрудника полиции / сотрудника ГИБДД*, в то время как соблюдение норм вежливости и такта для представителей силовых ведомств не менее актуально, чем для педагогов и политиков.

Представления о такте, выявленные на материале публикаций СМИ, включающих словосочетание *профессиональный такт*, отражают значимость данной категории для многих сфер профессионального общения. Анализ контекстов подтверждает, что проявления профессионального такта актуальны для чиновника (4), менеджера (5), тренера (6), стилиста (7), ученого (8), психолога (9) и представителей др. социальных сфер – даже тех, кто использует психологическое воздействие в преступных целях (10).

4) *Как специалист, она любит учиться, обладает профессиональным тактом в общении с получателями социальных услуг...*

5) *У нее не хватило профессионального такта сказать мне все в переговорной, как это делают хорошие специалисты в хороших компаниях...*

6) *Только два тренера в новейшей истории – Иванов и Попков – проявили профессиональный такт и подали добровольно в отставку, взяв вину на себя за плохие промежуточные результаты команды.*

7) *Одежда и внешний вид – достаточно тонкая и интимная часть нашей жизни, поэтому не лезу с непрошеными советами и не предлагаю человеку переодеться. Впрочем, в любой области должно быть чувство профессионального такта.*

8) *Хочется отметить доброжелательную атмосферу встречи, тактичность, открытость и профессиональный такт руководителя секции.*

9) *Блог ведет практикующий психолог из Калининграда Юлия Егорова. Легкий слог, щепотка юмора и профессиональный такт помогают ей общаться с подписчиками на любые, даже самые сложные темы.*

10) *Преступники с профессиональным тактом убедили женщину позвонить на «горячую линию безопасности», где ей настоятельно рекомендовали срочно снять все накопления и перевести на «безопасный счет»...*

Как можно видеть из приведенных примеров (за исключением 6), в большинстве случаев профессиональный такт имеет дискурсивные проявления.

Для описания профессионального такта и конфликтогенных факторов, связанных с его нарушением, необходимо учитывать ряд дискурсивных параметров, актуальных для специфики конкретной институциональной сферы.

- Коммуникативная цель в рамках профессиональной деятельности.
- Статусно-ролевые характеристики участников КА.
- Типичные конфликтогенные ситуации и прогнозы коммуникативного риска.
- Речевые приемы ухода от коммуникативных рисков.

Рассмотрим некоторые типичные конфликтогенные ситуации, обусловленные несоблюдением личных границ, на примере медицинского и педагогического общения. Хотя в профессиональном общении есть общие факторы коммуникативного риска (например, форма обращения к адресату или тональность), интерес представляют специфические ситуации и речевые акты, являющиеся причиной коммуникативных неудач и, в частности, бестактности по отношению к адресату.

Триггеры бестактности в медицинском общении

Материалом послужили отзывы пациентов, размещенные на специализированных сетевых ресурсах и сайтах учреждений

здравоохранения. На основании анализа можно выявить типичные триггеры нарушения врачом границ личного пространства пациента⁶. В большинстве случаев они обусловлены отсутствием эмпатии, которая является одним из основных принципов этики медицинского общения.

1. Презумпция вины пациента и импликация его недобросовестности/мнительности:

После выздоровления пришла к врачу за направлениями на контрольные анализы. На все жалобы на плохое самочувствие врач сказал, что у меня «все нормально, так у всех». Получила необходимые направления только после жалобы зав. отделением.

2. Бестактный вопрос и неуместный тон:

На приеме у врача-гастроэнтеролога: «Как вы такой камень вырастили?! Будто специально взращивали» (у пациента камень в желчном пузыре).

3. Экспликация возраста или иных особенностей пациента как единственное объяснение его заболевания:

• *Моя мама (80 лет) рассказала мне, что на прошлой неделе наконец получила талон к кардиологу, которая, только увидев ее, пожилую женщину, сказала: «Ну вот ...ходят тут... для вас такое состояние понятно. Вам сколько уже лет!?».*

• *Врач травмпункта посмотрел и сказал: «Ничего сделать нельзя в вашем возрасте, езжайте домой и лежите. <...> В вашем возрасте уже такие операции не делают. А если делают, то неудачно обычно».*

4. Импликация негативной оценки результатов предыдущего лечения и намеков на непрофессионализм коллег:

Врач – пациенту после объемной операции: «Что же вы хотите? Вам же все выхлестали!» (имплицитно предполагается необоснованность операции в таком объеме, непрофессионализм врачей).

⁶ По материалам интервьюирования врачей, случаи бестактного речевого поведения со стороны пациентов также отмечаются, но в данной статье они не рассматриваются.

5. Импликация неблагоприятного прогноза лечения:

После приема препарата пойдете на МРТ головы, ко мне уже не надо, сразу записывайтесь на гамма-нож (врач имплицитно негативный прогноз обследования).

Как показывает количественный анализ материала, большая часть бестактных высказываний медицинского персонала строится на импликации смыслов, не соответствующих принципам биомедицинской этики и деонтологии. Представляется, что при всем разнообразии коммуникативных ситуаций эти смыслы могут быть выявлены и описаны. Подобный «отрицательный языковой материал» может быть полезным для дидактических целей в медицинском образовании.

Триггеры бестактности в педагогическом общении

Статусно-ролевые отношения, характерные для социального взаимодействия в той или иной профессиональной сфере, являются существенным условием соблюдения этики и такта. В современной педагогической коммуникации они определяются установкой на сотрудничество с обучаемым, признанием его полноценного участия в процессе обучения (С.Л. Соловейчик, И.П. Иванов, Ш.А. Амонашвили др.). В то же время институционально обусловленное доминирующее положение педагога во взаимоотношениях с учеником (студентом) приводит к ситуациям, в которых право обучаемого на личное пространство и уважение к его личной сфере нарушаются. Материалы получены в результате анализа отзывов о педагогах на тематических сетевых ресурсах («Подслушано в вузе N») и опроса педагогов о фактах неудачных / бестактных высказываний из их собственного или чужого опыта.

1. Выбор номинации адресата или его социальной группы, в т.ч. обращение к обучаемому, содержат определенные риски, требующие осознанного выбора слова.

• *Деточка, контрольных тестов нет ни у кого. Это к пересдачам и комиссиям господ студни пытаются вызвать кон-*

трольные по работам сдавших... И напрасно.

• *Ученики сидели на двух рядах парт. Я разделил их по рядам на две команды. Не подумав, в ходе урока назвал команду, сидевшую от меня по правую руку, «правыми», по левую – «левыми». «Левые» обиделись и попросили их не оскорблять⁷.*

• *Преподаватель обращается к студенту, пришедшему на пересдачу, «сударь». Студент: Почему вы ко мне так обращаетесь? У меня есть имя... (студент ожидает персонализацию в диалоге и воспринимает архаичную форму обращения как иронию или даже сарказм по отношению к себе).*

• *На занятии преподаватель обратился к студентке по имени в уменьшительно-ласкательной форме: «Спасибо, Анечка!». После занятия другая студентка подошла к преподавателю и спросила, почему ее не называют Катенькой.*

2. Типичной коммуникативной ситуацией для педагогического общения является ситуация оценивания. При негативной оценке неизбежно возникают коммуникативные риски, обусловленные несовпадением с самооценкой адресата, что требует от преподавателя выбора соответствующей тактики оценивания и формы выражения критических замечаний.

В докладе студентки явные грубые ошибки при определении морфемной структуры слова. Спрашиваю: «Ну что ж вы такие грубые ошибки делаете? Здесь выделяется другой суффикс. Надо было посмотреть «Граматику», если не уверены в членении слова». Ответная реакция: море слез, студентка не могла успокоиться, продолжить доклад. Чувствуешь себя виноватым, хотя лет 10–15 назад это было обычным замечанием преподавателя. Сейчас сто раз подумаешь, делать замечание или нет. Или сто раз извинишься перед тем, как сделать это замечание. Они ста-

⁷ Адресат актуализировал разговорное значение лексемы *левый* (о работе, заработке, товаре и т.п.), имеющее негативную оценочность: *побочный и при этом не вполне легальный* (Толковый словарь русской разговорной речи. 2017. Вып.2).

ли очень чувствительными, обижаются по пустякам. Я думаю, это общее наблюдение.

3. Учет национально-культурного аспекта. Наличие в аудитории представителей разных национальностей требует особого внимания преподавателя к способам выражения интенции. Непрогнозируемый эффект бестактности могут стимулировать высказывания, позволяющие сделать имплицитный вывод, ущемляющий достоинство другой нации.

Так, реплика преподавателя по отношению к неуспевающему студенту: *«И почему вы не хотите выучить великую русскую литературу!»* – может интерпретироваться как результат сравнения русской культуры с другой национальной культурой, причем не в пользу последней.

4. Бестактность преподавателя может быть обусловлена внешностью обучаемого, особенности которой не учитываются педагогом.

Однотруппник, очень похожий на корейца (я не понимаю, открыты у него глаза или закрыты) просто сводит с ума всех преподавателей. На первых занятиях все преподы говорят: «Хватит спать», кто-то просто его выгоняет. А потом извиняются и спрашивают: «Откуда ты приехал такой?». А один раз ему говорят «Не спите!», он отвечает: «Татьяна Николаевна, я смотрю на вас широко открытыми глазами».

5. Непредсказуемый эффект бестактности возникает ввиду разницы фоновых знаний, в частности незнанием прецедентных текстов, к которым апеллирует преподаватель.

В медицинской академии преподаватель латыни сказала на паре: «А теперь вернемся к нашим баранам», – а студенты написали на нее жалобу в деканат, утверждая, что она их оскорбила.

6. Фактор адресата актуален при выборе педагогом тематики и проблематики учебных заданий. Так, в курсе копирайтинга для студентов направления «Реклама и связи с общественностью» преподаватель предложил отработку некоторых навыков написания рекламных текстов на примере

различных товаров и услуг для похудения. Студент при анкетировании отметил, что такие задания давать не надо, поскольку это задевает некоторых, кто имеет проблемы с лишним весом.

Приведенные примеры, в которых высказывание преподавателя является причиной негативной реакции со стороны адресата, обусловленной вторжением (реальным или потенциальным) в его личное пространство, требуют дальнейшего изучения и инвентаризации, поскольку могут служить источником для формирования коммуникативных и этических компетенций в обучении педагогов.

Заключение

Соблюдение профессионального такта является одним из ключевых факторов успеха в институциональной коммуникации. Профессиональный такт может быть описан через специфические для институциональной сферы дискурсивные маркеры, характерные для типичных коммуникативных ситуаций общения субъектов профессионального дискурса: темы, провоцирующие коммуникативные риски; приемы эвфемизации, допустимые в условиях профессионального общения речевые акты и тональность коммуникации.

Кроме универсальных принципов соблюдения такта, актуальных для любого социального взаимодействия, в конкретных институциональных сферах выделяются специфические принципы соблюдения такта, обусловленные особенностями взаимоотношений между участниками коммуникативного акта, типичными ситуациями их общения и конфликтогенными факторами, связанными с нарушением границ личной сферы адресата.

Прогноз коммуникативного риска в условиях профессионального общения входит в компетенцию специалиста и требует ее целенаправленного формирования в период обучения. Представления о вежливости и такте не обязательно предполагают воздержание субъекта институциональной коммуникации от тех или иных речевых действий, связанных

с нарушением границ личной сферы адресата. В случае, если такое вторжение оказывается неизбежным, такт допускает совершение предварительных «компенсирующих» действий, смягчающих эффект вторжения.

К эффективным методам исследования профессионального такта следует отнести мониторинг отзывов на специализированных интернет-ресурсах, в социальных

сетях и СМИ, опросы, анкетирование, глубинные интервью, в которых через рефлекссию участников институционального общения выявляются конфликтогенные ситуации и их дискурсивные маркеры. На основе исследования дискурсивных аспектов профессионального такта и ситуаций его нарушения возможна разработка рекомендаций для подготовки молодых специалистов и повышения их квалификации.

Список литературы / References

Arndt H. Politeness revisited: cross-modal supportive strategies. In: *International Review of Applied Linguistics in Language Teaching*. 1985, 23(4), 281–300.

Borzunova A. K. Kommunikativnye neudachi kak sledstvie narusheniya rechevogo jetiketa [Communicative Failures as a Result of Violation of Speech Etiquette]. In: *Molodoj uchenyj [Young Scientist]*. 2012, (8), 79–83.

Brown P., Levinson S. C. *Politeness: Some universals in language usage* / P. Brown, S. C. Levinson. Cambridge, Cambridge Univ. Press, 1987. 345.

Formanovskaya N. I. *Rechevoj etiket i kul'tura obshcheniya* [Speech etiquette and communication culture]. M., Vysshaya shkola, 1989. 159.

Gadamer H. G. *Istina i metod: Osnovy filosofskoj germeneytiki*: Per. s nem. [Truth and Method: Basics of Philosophical Hermeneutics. Translated from German]. Obshch. red. i vstup. st. B. N. Bessonova [edited by B. N. Bessonov]. Moscow: Progress, 1988, 704.

Issers O. S. Takt kak rechevaya strategiya: obuchenie v kurse russkogo jazyka kak inostrannogo [Tact as a speech strategy: teaching in the course of Russian as a foreign language]. In: *Problems of Contact Linguistics. Proceedings of the International Conference 2016 „Language Contacts and Contrasts III”*. Edited by Igors Koškins & Tatjana Stoikova. Ventspils: Ventspils Augstskola, 2018. 122–134.

Issers O. S. Bestaktnyj vopros kak kommunikativnaya problema russkoj rechevoj kul'tury [Tactless question as a communicative problem in Russian speech culture]. In: *Russkij jazyk za rubezhom [Russian Language Abroad]*. 2023, (5), 22–30. DOI: 10.37632/PI.2023.300.5.003

Issers O. S. Predstavleniya o granicah lichnogo prostranstva i takte v russkoj kommunikativnoj kul'ture (po dannym sociolingvisticheskogo jeksperimenta) [Ideas about private space boundaries and tact in Russian communicative culture: results of a sociolinguistic experiment]. In: *Slovo.ru: baltiyskij accent [Slovo.ru: Baltic accent]*, 2024, 15(3), 150–171. doi: 10.5922/2225–5346–2024–3–9.

Korobova N. V. Printsip takta v strategii vezhlivosti v rechevom obshchenii [The principle of tact and strategies of politeness in communication]. In: *Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie* [Human. Culture. Education], 2014, 2(12), 166–173.

Krylova T. V. Ponyatiya delikatnosti i takta v russkom yazyke i naivno-yazykovye predstavleniya o negativnoj vezhlivosti [Concepts of delicacy and tact in the Russian language and naive linguistic ideas about negative politeness]. In: *Dialog 2004 [Dialogue 2004]*. Protvino, 2004, 388–394. Available at: www.ruslang.ru/doc/krylova/ponyatiya%20delikatnosti%20-%20krylova%202004.pdf

Ladegaard H. J. Rudeness as a discursive strategy in leadership discourse: Culture, power and gender in a Hong Kong workplace. *Journal of Pragmatics*. 2012. 44. 1661–1679.

Larina T. V., Harlova M. L. Nevezhlivost' i grubost' v mezhlichnostnom obshchenii amerikancev [Impoliteness and rudeness in interpersonal interaction of americans]. In: *Vestn. Novosib. gos. un-ta. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikaciya [Bulletin Novosibirsk state University. Series: Linguistics and intercultural communication]*. 2015. 13(3), 34–42.

Larina T.V. *Kategoriya veshlivosti i stil' kommunikacii. Sopostavlenie anglijskih i russkih lingvokul'turnyh tradicij* [The Category of Politeness and the Style of Communication. Comparison of English and Russian Linguocultural Traditions]. M., Rukopisnye pamjatniki Drevnej Rusi, 2009, 512.

Larina T.V. Veshlivost', neveshlivost' i grubost' v mezhkul'turnom aspekte [Politeness, impoliteness and rudeness from the perspective of intercultural communication]. *Veshlivost' i antiveshlivost' v yazyke i kommunikacii*: materialy mezhdunar. nauch. konf., sostoyavshejsya v Institute lingvistiki RGGU 23–24 oktyabrya 2018 [Politeness and Anti-politeness in Language and Communication: Materials of the International Scientific Conference Held in the Institute of Linguistics of Russian State University for the Humanities, October 23–24, 2018]. M., 133–144.

Leech G.N. *Principles of Pragmatics*. London; New York: Longman, 1983. 250.

Leech G., Larina T. V. Politeness: West and East. In: *Russian Journal of Linguistics*. 2014, (4), 9–34.

Leech G.N. Politeness: Is there an East-West Divide? In: *Journal of Politeness Research*. 2007, 3(2), 167–206.

Ratmajr R. Veshlivost' v russkoj i avstrijskoj kul'turah: mify i real'nost' [Politeness in Russian and Austrian Cultures: Myths and Reality]. In: *Veshlivost' i antiveshlivost' v yazyke i kommunikacii: Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, Institut lingvistiki RGGU, 23–24 oktyabrya 2018* [Politeness and Anti-politeness in Language and Communication: Proceedings of the International Scientific Conference]. Sost. i otv. red. I.A. Sharonov. M., RGGU Press, 2018, 234–245.

Watts R. *Politeness*. Cambridge: CUP, 2003. 304.

Yazykovaya kartina mira i sistemnaya leksikografiya [Linguistic Worldview and Systematic Lexicography]. Otv. red. Yu.D. Apresyan [chief editor Yu.D. Apresyan]. M., 2006, 912.

Zhel'vis V.I. Lingvokul'turologicheskij analiz dihotomii «prilichno – neprilichno» v anglojazychnyh i russkoj kul'turah [Linguistic and Cultural Analysis of the Dichotomy “Decent – Indecent” in English and Russian]. In: *Vestnik RUDN. Serija Lingvistika* [Russian Journal of Linguistics]. 2014, (4), 101–118.

EDN: TOGRAM
УДК 811.111

Manipulation as a Way of Influencing an Opponent in a Mediation Discourse

Olga A. Prokhorova*

*Siberian Federal University
Krasnoyarsk, Russian Federation*

Received 25.08.2025, received in revised form 15.09.2025, accepted 30.09.2025

Abstract. The article considers manipulative influence as a leading discursive practice, representing a complex of techniques aimed at psychological impact on the addressee in a mediation discourse. The paper describes the main characteristics of manipulation and the acceptability of using manipulative techniques by conflicting participants in the mediation process. The study proposes a scheme for analyzing manipulations in the given discourse, it includes the following elements: manipulator; manipulated; subject of manipulation; manipulative effect. The author pays a particular attention to the analysis of a number of tactical techniques used by conflicting participants to produce a manipulative effect during destructive communication in a mediation discourse. The paper studies the possibilities of recognition and resistance to manipulations, which the mediator and the manipulated participant apply, otherwise manipulations can cause an unsuccessful mediation.

Keywords: mediation discourse, manipulation, mediator, destructive and cooperative communication.

Research area: Social Structure, Social Institutions and Processes; Theoretical, Applied and Comparative Linguistics (Philological Sciences).

Citation: Prokhorova O.A. Manipulation as a Way of Influencing an Opponent in a Mediation Discourse. *In: J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2025, 18(10), 2035–2042. EDN: TOGRAM

Манипулятивность как способ воздействия на оппонента в дискурсе медиации

О.А. Прохорова

*Сибирский федеральный университет
Российская Федерация, Красноярск*

Аннотация. В статье рассматривается манипулятивное воздействие как ведущая дискурсивная практика, представляющая собой комплекс манипулятивных приемов, направленных на психологическое воздействие на адресата в дискурсе медиации. Описывается приемлемость применения конфликтующими участниками манипулятивных приемов в процессе медиации. Выделены основные характеристики манипуляций в дискурсе медиации. Предлагается схема анализа манипуляций в исследуемом дискурсе, включающая следующие элементы: манипулятор; манипулируемый; предмет манипуляции; манипулятивный эффект. Особое внимание уделяется анализу ряда тактических приемов, применяемых конфликтующими участниками в медиативном дискурсе в качестве манипулятивного воздействия в течение деструктивной коммуникации. Описаны возможности распознавания и сопротивления манипуляциям, как медиатором, так и манипулируемым участником, в противном случае манипуляции могут стать причиной неуспешного протекания переговоров.

Ключевые слова: дискурс медиации, манипуляция, медиатор, деструктивное и кооперативное общение.

Научная специальность: 5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы; 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки).

Цитирование: Прохорова О. А. Манипулятивность как способ воздействия на оппонента в дискурсе медиации. *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2025, 18(10), 2035–2042. EDN: TOQRAM

Введение

в проблему исследования

В условиях текущих политических, экономических и поликультурных трансформаций, требующих быстрых, действенных и конфиденциальных решений конфликтов, все большее значение приобретает медиация – эффективный метод урегулирования разногласий в спорных ситуациях. Медиация действительно нацелена на примирение – но в широком смысле: на обретение мира между людьми и с самим собой, данная практика позволяет найти взаимовыгодное решение (выигрыш-выигрыш), которое отвечает интересам конфликтующих участников.

Разногласия и противоречия проявляются во всех аспектах жизни социума – от экономики и политики до повседневности. Они естественны и необходимы для прогресса общества и личностного роста. Также велика распространённость применения манипуляций во всех социально значимых сферах жизни человека, что обуславливает необходимость глубокого изучения данного феномена.

Манипулятивными аспектами языка интересуются специалисты в области психологии, социологии, юриспруденции. В последнее время феномен манипуляции как ведущей дискурсивной практики

приобретает все большую популярность в лингвистических исследованиях. Но, несмотря на то, что манипулятивное воздействие и привлекает значительное внимание исследователей, оно недостаточно изучено в применении к переговорам и, в частности, к медиации. В этой связи актуальность настоящей работы обусловлена сочетанием двух факторов – изучением дискурса медиации и анализом манипулятивности. Исследование медиации как социально-коммуникативной практики вполне соответствует потребностям современной лингвистики в осмыслении вопросов, связанных с необходимостью познания механизмов речевого взаимодействия, в том числе и манипулятивного, позволяющих перейти от деструктивного общения к кооперативному.

Цель исследования обусловлена необходимостью конкретизации лингвистических показателей, позволяющих выявить манипулятивный аспект воздействия на оппонента, носящего скрытый характер и имеющего целью достижение одностороннего результата.

Материал исследования отобран нами исходя из цели исследования, это аудио- и видеозаписи медиативных сессий, которые представляют собой реальные или репетиционные случаи медиации, проведенные опытными тренерами-медиаторами.

В качестве основных **методов** исследования использовались следующие исследовательские методы и приемы: общенаучные методы, такие как сопоставление, классификация, анализ и синтез. Методы лингвистического анализа: интерпретационный, прагмалингвистический анализ, описательный метод и метод сплошной выборки при анализе практической части исследования.

Концептологические основания исследования

Теоретической базой данного исследования послужили труды, посвященные изучению природы манипулятивного воздействия (Е.Л. Доценко, И.А. Стернин, В.И. Карасик, И.В. Сентенберг, К.В. Никитина, Копнина Г.А. и др.). Лингвистический подход к пониманию манипуляции позволя-

ет рассматривать его как речевое или языковое воздействие. Так, например, Г.А. Копнина считает, что манипуляция – «это скрытое воздействие на адресата, которое основано на использовании таких ресурсов языка, которые в совокупности позволяют сформировать ложное представление о том или ином объекте действительности (в его широком понимании) и определенное отношение к нему, направленные в конечном итоге на изменение поведения адресата в выгодную манипулятору сторону» (Копнина, 2021: 33). Субъект общения посредством речи регулирует поведение реципиента, побуждая его начать, изменить или совершить действие, когда в этом возникает необходимость. Говорящий может стимулировать ответное вербальное или невербальное действие, или скрытое влияние для формирования определенных эмоций и действий, требуемых говорящим. Оказывая влияние на человека, мы стремимся формировать его поведение в соответствии с нашими потребностями (Ljubimova, 2006: 140).

Обзор основных подходов к рассматриваемому понятию позволил сформулировать общие характеристики, которые помогут отличить манипуляцию от других видов воздействия.

1. Скрытый характер воздействия на коммуникативное поведение собеседника. Манипулятор намеренно скрывает акт манипуляции от своего партнера по коммуникации, подчиняющегося в ошибочном убеждении, что действует в своих собственных интересах. Используя лингвистические приемы, манипулятор способен влиять на восприятие реальности у собеседника, воздействуя на его эмоциональную и поведенческую сферы и намеренно искажая факты.

2. Стремление говорящего получить односторонний выигрыш. По мнению психологов, манипуляция представляет собой форму психологического воздействия, направленную на получение личной выгоды путем незаметного побуждения партнера к конкретным поступкам.

3. Деструктивный характер манипуляции, который определяется, во-первых,

«отрицательной» интенциональностью адресанта (Belyaeva, 2009: 11), а во-вторых, целью манипулятора – «склонить манипулируемое лицо (адресата) к тому, чтобы принять определенные высказывания за истинные без учета всех аргументов» (Chernyavskaya, 2006: 19).

4. Доминирование манипулятора над манипулируемым. Объект манипуляции не понимает, что находится под определенным воздействием, и считает, что сам принимает решения, которые ведут к совершению определенных действий, уверен, что сам делает свой выбор.

Таким образом, в основе языковой манипуляции лежат механизмы, заставляющие слушателя некритично воспринимать вербальные сообщения и способствующие созданию иллюзий и ложных оценок, влияющих на эмоции адресата и заставляющих его совершать действия, выгодные для говорящего.

В последние годы появилось большое количество исследований, посвященных манипулятивным технологиям, стратегиям и методам в различных типах дискурсов, таких как, например, академический дискурс (Drozdova, 2016), общественно-политический дискурс (Zaprudskaja, 2022), таможенный дискурс (Dvojnina, 2020), массмедийный дискурс (Kornina, 2021; Nedzel'skaja, Boriskina, 2021), рекламный дискурс (Mel'nichuk, Klimova, 2019), судебный дискурс (Konovalenko, Kashirskaja, 2022) и другие.

Манипулятивный аспект дискурса медиации еще не был объектом всестороннего лингвистического исследования, поэтому актуальным представляется анализ манипулятивных приемов, используемых конфликтующими участниками для достижения своих целей.

Обсуждение

Манипулятивные функции дискурса создаёт скрытый, незаметный слой лингвистических средств, которые, как правило, достаточно сложно отличить от информационного содержания. Чтобы распознать манипулятивное действие со стороны со-

беседника, необходимо понять цели его высказывания и правильно трактовать коммуникативное поведение манипулятора.

Смысл медиации как способа урегулирования споров состоит в том, чтобы создавать долгосрочные отношения, избегая давления и манипуляций между сторонами конфликта, поэтому в дискурсе медиации используются различные формы сопротивления манипуляциям. Например, перед медиационной беседой медиатор указывает на недопустимость манипуляций в процессе обсуждения темы.

В контексте медиации манипуляции недопустимы по следующим основаниям:

1. Разрушение взаимного доверия, так как использование манипулятивных стратегий и тактик ослабляет доверие между участниками дискурса медиации.

2. Несоответствие ожиданиям или неэффективность в достижении цели, т.е. урегулирования конфликта. Решения, достигнутые под воздействием манипуляций, как правило, не являются устойчивыми и способны спровоцировать повторные споры.

3. Отсутствие взаимопонимания между коммуникантами. Основная цель дискурса медиации – управление процессом развития кооперации, направленной на разрешение конфликта, т.е. он направлен на поиск компромисса, устраивающего всех. Манипуляции мешают этому, поскольку одна из сторон преследует исключительно свои интересы.

Тем не менее в дискурсе медиации на этапе с конфликтным прагматическим потенциалом каждая сторона стремится достичь своего, используя все доступные средства воздействия на оппонента. В этом противостоянии не всегда действуют исключительно факты и логические аргументы – на первый план выходят манипуляции, психологическое давление и умение влиять на восприятие и поведение адресата.

В результате проведенного исследования были выявлены основные признаки манипулятивности в дискурсе медиации: нанесение ущерба интересам другого человека и реализация за счет этого своих собственных интересов; ограничение сво-

боды действий другого человека; сокрытие манипулятором своих реальных мотивов и целей. При совпадении трёх признаков мы можем однозначно говорить о манипулировании.

Предлагаемая нами схема анализа манипуляций:

- 1) манипулятор (его потребности, коммуникативная цель);
- 2) манипулируемый (его потребности и интересы);
- 3) предмет манипуляции – конфликтные установки, желания, цели и т.д.;
- 4) манипулятивный эффект, который достигается по завершении действий манипулятора, он может быть либо успешным, либо неуспешным.

Манипулятивный аспект дискурса медиации проявляется в большей степени в течение деструктивного этапа, под которым понимается конфронтационная активность участников спора, совокупность конфликтных стратегий и тактик, определяющих явное и неявное содержание поведения участников (Prokhorova, 2019: 121). Среди основных манипулятивных приемов, которые используют конфликтующие участники, можно выделить следующие.

Искажение реальности и изменение контекста

Коммуникативная ситуация: медиационная беседа о примирении участников конфликта: во дворе школы один подросток выхватил у другого телефон и убежал, но был пойман школьным охранником и приведен к директору.

Коммуниканты: обидчик, мама обидчика, потерпевший, папа потерпевшего, два медиатора.

Манипулятор: мама обидчика. Потребности манипулятора заключаются в том, чтобы дело ее сына не было передано в полицию, и он не был привлечен к уголовной ответственности. Коммуникативная цель – убедить потерпевших, что поступок ее сына не был криминальным деянием, и преуменьшить значимость данного конфликта.

Манипулируемый – отец потерпевшего. Потребность манипулируемого – нака-

зание и раскаяние обидчика сына в совершенном преступлении.

Манипулятивный эффект – неуспешный.

Мама обидчика: Ну, знаете, Вы такие слова употребляли «ограбили», «там милиция», но мне кажется, это вы палку как-то перегибаете, ребята просто между собой повздорили, мало ли что не бывает в таком возрасте, Дима выхватил из руки вашего сына телефон, да, сломал его нечаянно, о каком разбое здесь может идти речь ... Но говорить, что это было преступлением, это...

Отец потерпевшего: Я, конечно, удивлен сейчас, что Марина начала сейчас так представлять ситуацию ...

(<https://www.youtube.com/watch?v=hOtXm0fcxXU>)

Искажая реальность, манипулятор пытается интерпретировать данную ситуацию как обычную ссору подростков, при этом прагматический смысл данного высказывания можно трактовать как косвенный упрек манипулируемому.

В данном случае манипулируемый осознал, что манипулятор пытается изменить контекст и «погасил» манипуляцию, не позволяя адресанту преуменьшить нанесенный вред его сыну.

Еще один манипулятивный прием, Дезориентация, был использован в представленной ситуации медиации. Дезориентация может использоваться в стратегиях «выигрыш – проигрыш» или «проигрыш – проигрыш», что противоречит прагматической цели медиации «выигрыш – выигрыш».

Мама обидчика: Мы полностью возместим стоимость мобильного телефона, который вы скажете, чтобы ваш ребенок мог купить себе новый, точно такой же. И мы решили, что деньги мы отдадим сейчас из тех средств, которые у нас отложены на ремонт нашей квартиры. А вот Дима будет летом ремонт делать самостоятельно, то есть мы не будем нанимать рабочих, потому что деньги нужно сэкономить, чтобы деньги материально возместить, все-таки деньги мои, я же зарабатываю. Он же еще ничего не зара-

батывает. Этим летом он у нас будет сам обои клеить, потолки белить, в общем, всю работу всех будет по квартире выполнять, то есть таким образом он свою ответственность этим показывает, что он осознал, что за свои дела нужно отвечать. Вот и ремонт будет не только как наказание, но и понимание того, что деньги не падают с неба.

Отец потерпевшего: они вернут телефон ... но им не жалко, что так случилось. (<https://www.youtube.com/watch?v=hOtXm0fcxXU>)

Манипулятор выдает большой объем информации, не имеющей отношения к обсуждаемому спору, при этом не принимая во внимание важную потребность потерпевших, ожидающих искренних извинений и раскаяния. Основной целью дезориентации является принуждение адресата к действиям в направлении собственных интересов манипулятора. Манипулируемый распознает манипуляцию, что приводит к неуспешному результату.

Обвинение в неприемлемости идей и предложений

Коммуникативная ситуация: медиационная беседа о решении спора о содержании детей.

Коммуниканты: бывшая жена, бывший муж, медиатор.

Манипулятор – бывшая жена. Потребности манипулятора: эксплицитные – взыскать алименты на содержание детей, скрытые – оплата мужем ипотеки. Коммуникативная цель – убедить мужа выплачивать сумму, которой хватит на содержание детей и оплату ипотеки.

Манипулируемый – бывший муж. Потребность манипулируемого – содержать детей, но не оплачивать ипотеку.

Манипулятивный эффект – неуспешный.

Муж предлагает взять детей себе, пока бывшая жена решает вопрос с квартирой.

Муж: Почему я должен решать ее проблемы, посторонний человек ей?

Жена: Потому что квартира на детей, а не на меня. Мне вот одной нужна эта квартира?

Муж: Так продавай ее.

Жена: Так и не могу я этого сделать. Я не могу быть воскресной мамой (перечисляет аргументы, как детям будет плохо без нее и в меньшей квартире).

Муж: Снимай комнату, квартиру, если не можешь платить ипотеку.

Жена – манипулятор отвергает все предложения мужа, манипулируя детьми. Используя тактику нажима, которая рассчитана на то, чтобы повергнуть в замешательство манипулируемого и в конце концов вынудить принять требования манипулятора. Успешной реализации манипуляции, навязыванию своего мнения также способствует вопросительная форма предложения *Мне вот одной нужна эта квартира?* В данном фрагменте медиации манипулятивный эффект был неуспешным.

(<https://www.youtube.com/watch?v=Oa9IOy5-ERI>)

Прием умолчания

Одним из приемов, направленных на достижение коммуникативной цели в рамках манипулятивного воздействия, является прием умолчания. Е.П. Иванян определяет умолчание следующим образом: «мнимая неопределенность, поскольку при употреблении названного значения адресант совершенно определенно знает, о каком предмете, признаке, явлении действительности идёт речь. Следовательно, мнимая неопределенность сигнификативной ситуации (предмета, признака, положения дел) базируется на фактической определённости» (Ivanjan, 2015: 37). Данный прием позволяет вольно играть с информацией, утаивать целые информационные блоки, замалчивать отдельные факты, статистику, т.е. пропускать только выгодную манипулятору информацию.

Коммуникативная ситуация: медиационная беседа о спорной ситуации, связанной с выполнением ремонтных работ.

Коммуниканты: заказчик, представитель строительной компании, медиатор.

Интересной в плане анализа восприятия конфликта его участниками является ситуация, в которой оба коммуниканта

стремятся манипулировать. В ходе взаимодействия каждый из них одновременно является и субъектом, и объектом манипуляции. На основании этого в ходе анализа будем их называть манипулятор 1 и манипулятор 2.

Манипулятор 1 – заказчик. Потребность манипулятора – получить качественный ремонт в своей квартире и скрыть информацию, которая повлияла на качество ремонта. Коммуникативная цель – убедить строительную компанию исправить все недостатки качественно.

Манипулятор 2 – представитель строительной компании. Потребности манипулятора: получить полностью оплату за ремонт и скрыть информацию, которая повлияла на качество ремонта. Коммуникативная цель – убедить заказчика выплатить всю сумму за ремонтные работы в ее квартире.

Манипулятивный эффект – неуспешный у обоих участников конфликта.

Во время медиационной беседы не удается прийти к решению конфликта, но медиатор замечает скрытые интересы коммуникантов и приглашает каждого на индивидуальную беседу – кокус (кокус – индивидуальные встречи медиатора с каждым из участников отдельно в рамках дискурса медиации).

И выясняется, что каждая сторона умалчивала информацию, важную для решения конфликта.

Представитель строительной компании: Дело в том, скажу Вам по секрету, мы покупали смеси для наклейки обоев на барахолке, именно так дешевле и проще как бы, и сертификатов на эти смеси у нас не было. Мы думаем, что именно по этой причине могла появиться плесень.

Заказчик: Я не знаю, что Вы подразумеваете под условиями (сушки обоев), конечно, я не могла после этой духоты не открыть окно, не открыть дверь, потому что было невозможно дышать. Да, я не отрицаю, что я открывала окно. (<https://www.youtube.com/watch?v=ZFmqAMbhNTY>)

Таким образом, в данной ситуации медиатор распознала манипулятивный прием умолчания со стороны обоих участников,

и в результате была достигнута основная прагматическая цель дискурса медиации – коммуниканты пришли к взаимовыгодному решению конфликта.

Манипулятивное поведение может проявляться также на невербальном уровне за счет таких приемов, как ускоренный темп обсуждения; мнимая невнимательность, манипулирование временем (затягивание медиационной беседы) и др.

Успешность коммуникации, направленной на манипулирование, предполагает внутреннюю эмоциональную готовность участника спора согласиться с адресантом, которая появляется на фоне низкой информированности о предмете разговора, стереотипности мышления, наличия неудачного и конфликтного прошлого. Адекватное же коммуникативное поведение (распознавание манипулятивного призыва, его оценка, осознанная реакция неприятия аргумента оппонента) свидетельствует о коммуникативной неудаче в реализации манипулятивной стратегии (Nedzel'skaja, Boriskina, 2021: 74).

Заключение

В дискурсе медиации могут применяться разнообразные манипулятивные приемы на начальном конфликтном этапе переговоров. Тем не менее в контексте медиации важно вернуть участников к гармоничной и рациональной коммуникации, где каждая сторона спора имеет возможность свободно выражать свои потребности и интересы. Медиатору необходимо не только защищать стороны от нежелательных влияний, но и обеспечивать пространство для реального взаимодействия и поиска справедливых решений, способствующих восстановлению взаимного доверия и уважения, и своевременно оказывать сопротивление манипуляциям. В идеале после завершения медиации когнитивный, вербальный и эмоциональный разлад между участниками должен быть устранен, и разрешенный конфликт не должен негативно сказываться на будущем общении.

Дальнейший интерес представляет исследование манипулятивного воздействия

со стороны медиатора, поиск ответов на вопросы: Медиатор-манипулятор? А всегда ли манипуляции имеют негативный оттенок, если их применяет медиатор?

Список литературы / References

- Belyaeva I. V. *Fenomen rechevoy manipulyatsii: lingvoyuridicheskie aspek-ty* [Phenomenon of verbal manipulation: linguojuridical aspects]. Philol. Cand. Diss. Rostov n/D., 2009. 374.
- Chernyavskaya V. E. *Diskurs vlasti i vlast' diskursa: problemy rechevogo vozdejstviya* [Discourse of power and power of discourse: verbal influence issues]. M., 2006. 136.
- Dotsenko E. L. *Psikhologiya manipulyatsii: fenomeny, mekhanizmy i zashhita* [Psychology of manipulation: phenomena, mechanisms and protection]. M., MGU, 1997. 344.
- Drozdova D. R. *Fenomen jazykovogo manipulirovaniya v akademicheskom diskurse* [Phenomenon of linguistic manipulation in academic discourse]. Philol. Cand. Diss. Krasnodar, 2016. 211.
- Dvojnina E. V. Leksicheskie i stilisticheskie sredstva realizacii strategij rechevoj manipuljacii v professional'nom tamozhennom diskurse (na materiale anglojazychnoj tamozhennoj pressy) [Lexical and Stylistic Means to Realize Verbal Manipulation Strategies in Professional Customs Discourse (by the Material of the English-Language Customs Press)]. In: *Philology. Theory & Practice*, 2020, 13(3), 129–132.
- Ivanjan E. P. *Semantika umolchanija i sredstva ego vyrazhenija v russkom jazyke* [Semantics of silence and means of its expression in Russian]. M., 2015. 328.
- Konovalenko T. G., Kashirskaja K. S. Manipulirovanie pri mezhluchnostnyh ustanovkah govorjashhego v anglojazychnom sudebnom diskurse [Manipulation involving the speaker's interpersonal attitudes in the English-language judicial discourse]. In: *Philology. Theory & Practice*, 2022, 15(5), 1560–1567.
- Kopnina G. A. Rechevaja manipuljacija v massmedijnom tekste/diskurse: problema raspoznavanija [Verbal manipulation in mass media text / discourse: the problem of recognition]. In: *Philology and Human*, 2021, 3, 30–46.
- Ljubimova A. A., *Jazykovye aspekty vozdejstviya na obshhestvennoe soznanie* [Linguistic aspects of influence on public consciousness]. Philol. Cand. Diss., M., 2006. 140.
- Mel'nychuk M. V., Klimova I. I. Manipuljativnye sredstva jazyka v reklamnom diskurse finansovyh kompanij [Means of Verbal Manipulation in Advertising Discourse of Financial Companies]. In: *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*, 2019, 9(6), 111–114.
- Nedzel'skaja A. B., Boriskina O. O. Manipuljativnye strategii v anglojazychnom mediaprostranstve [Manipulative strategies on English-language media scene]. In: *Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2021, 2, 73–81.
- Nikitina K. V. *Tekhnologii rechevoy manipulyatsii v politicheskom diskurse SMI (na materiale gazet SShchA)* [Speech manipulation technologies in the political discourse of the media (on the basis of US newspapers)]. Abstract of Philology Cand. Diss. Ufa, 2006, 22.
- Prokhorova O. A. Mediation: Focus on Discourse Modeling. In: *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, 2019, 12(1), 117–127.
- Sentenberg I. V., Karasik V. I. Psevdoargumentacija: nekotorye vidy rechevyh manipuljacij [Pseudo-argumentation: some types of speech manipulation]. In: *Verbal communication and argumentation*, Saint Petersburg, 1993, 1, 30–38.
- Sternin I. A. *Vvedenie v rechevoe vozdeistvie* [Introduction to speech effect]. Voronezh, 2001, 252.
- Zaprudskaja O. V. Blagodarnost' v politicheskoy kommunikacii kak sredstvo manipuljacie i suggestii [Gratitude in political communication as a means of manipulation and suggestion]. In: *Journal of South Ural State university. Linguistics*, 2022, 19(2), 65–72.

EDN: UFVQXA
УДК 81'4

The Image Potential of Russian Media Texts About the Krasnoyarsk State Opera and Ballet Theatre as Aniconic Object of the City

Irina V. Evseeva* and Irina S. Zhmakina

*Siberian Federal University
Krasnoyarsk, Russian Federation*

Received 27.03.2025, received in revised form 19.08.2025, accepted 30.09.2025

Abstract. The paper addresses the problem of finding an effective methodology for analyzing the image potential of mass media texts about iconic regional objects. The article studies the image potential of such texts about one of the iconic objects of Krasnoyarsk – the Krasnoyarsk State Opera and Ballet Theatre. The paper presents the results of media text analysis performed using linguacognitive analysis based on frame modeling of the concept represented by the name of the iconic object. The methodology of frame modeling of the concept involves (1) identifying frame slots from dictionary definitions of the lexeme “theatre”; (2) detecting slots in mass media texts about the iconic object, comparing them with the list of slots from dictionary definitions; (3) characterizing the slots identified in mass media texts from the standpoint of conceptual, value-pragmatic and emotive parameters. In addition, this method provides for (4) the reconstruction of the frame by drawing slots from folklore, paroemic and other texts of the language fund.

Keywords: concept, linguacognitive analysis, frame modeling, image potential, Krasnoyarsk State Opera and Ballet Theatre.

The research was supported by Russian Science Foundation № 25–28–00603, <https://rscf.ru/project/25–28–00603/>

Research area: Social Structure, Social Institutions and Processes; Russian Language. Languages of the Peoples of Russia.

Citation: Evseeva I. V., Zhmakina I. S. The Image Potential of Russian Media Texts About the Krasnoyarsk State Opera and Ballet Theatre as Aniconic Object of the City. In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2025, 18(10), 2043–2051. EDN: UFVQXA

Имиджевый потенциал русских медиатекстов о «Красноярском государственном театре оперы и балета» как знаковом объекте города

И.В. Евсеева, И.С. Жмакина

Сибирский федеральный университет
Российская Федерация, Красноярск

Аннотация. В работе решается проблема поиска эффективной методики анализа имиджевого потенциала текстов массмедиа о знаковых региональных объектах. Изучается имиджевый потенциал медиатекстов о знаковом объекте Красноярск – Красноярском государственном театре оперы и балета. Представлены результаты исследования медиатекстов, выполненного посредством лингвокогнитивного анализа, в основе которого лежит фреймовое моделирование концепта, репрезентированного именем знакового объекта. Методика фреймового моделирования концепта предусматривает (1) выявление слотов фрейма из словарных дефиниций; (2) обнаружение слотов в медиатекстах, сравнение их с перечнем слотов из словарных дефиниций; (3) характеристику выявленных в массмедийных текстах слотов с позиции понятийного, ценностно-прагматического и эмотивного параметров. Кроме того, данная методика предполагает (4) реконструкцию фрейма посредством почерпывания слотов из текстов фольклорного, паремического и иных фондов языка.

Ключевые слова: концепт, лингвокогнитивный анализ, фреймовое моделирование, имиджевый потенциал, Красноярский государственный театр оперы и балета.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25–28–00603, <https://rscf.ru/project/25–28–00603/>

Научная специальность: 5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы; 5.9.5. Русский язык. Языки народов России.

Цитирование: Евсеева И. В., Жмакина И. С. Имиджевый потенциал русских медиатекстов о «Красноярском государственном театре оперы и балета» как знаковом объекте города. *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2025, 18(10), 2043–2051. EDN: UFVQXA

Введение

В настоящее время рядом регионов России проводится имиджевая политика, направленная на формирование и поддержание в массмедийном пространстве устойчивых положительных ассоциаций, связанных с этими регионами. Основу имиджевой политики составляет продвижение информации о знаковых региональных объектах, характеризующихся эксклюзивными свойствами. Такое позиционирование делает имиджируемый объект более узнаваемым и привлекатель-

ным, что значимо для привлечения в регион новых инвестиционных проектов. Целенаправленное имиджирование отдельного региона, города и его знаковых объектов в целом способствует созданию позитивного имиджа России.

Вопросам формирования имиджа чего-либо и управления им уделяется большое внимание представителями разных наук. Ведущим инструментом формирования имиджа является текст, который, будучи лингвистическим феноменом, дал

основания для создания нового междисциплинарного направления «лингвистическая имиджелогия», или «лингвоимиджелогия». Именно лингвистическое знание открывает для имиджелогии теоретико-практические возможности: имидж может быть рассмотрен с позиции когнитивной лингвистики, лингвистической прагматики, лингвистической персонологии, социолингвистики, психолингвистики, лингвокультурологии, риторики. Уже накоплен опыт применения лингвистического знания к анализу имиджа какого-либо объекта (Kazjaba, Shhipicina, 2023; Katynskaja, 2012; Kondrat'eva et al., 2020; Sushnenkova, 2011; Shepkasov, 2021; Muzychuk, 2019; Pocherpcov, 2009; Ostavshevskaja, 2024 и др.). Эти труды, демонстрирующие применение лингвистических методов и подходов к анализу и описанию имиджируемых объектов, свидетельствуют о становлении теории лингвоимиджелогии.

Представляемая работа направлена на решение проблемы поиска эффективной методики анализа имиджевого потенциала текстов о знаковых региональных объектах, отображенных в массмедиа. В качестве такого знакового объекта города был выбран Красноярский государственный театр оперы и балета (далее – Театр).

Этот объект описания был выбран эмпирическим путем – посредством онлайн-опроса, в ходе которого было установлено, что Театр относится к знаковым объектам г. Красноярска. Респондентами выступили жители Иркутской области, Красноярского края и Ленинградской области. В ходе онлайн-опроса были определены имиджевые объекты Красноярска в разных сферах (в образовании и науке, спорте, культуре и др.). Театр был признан знаковым объектом города в сфере культуры и архитектуры большинством голосов – 37 % (237 человек из 640) респондентов (попутно отметим, вторую позицию в списке достопримечательностей культурной сферы после Театра занимает Часовня Параскевы Пятницы – 17 % опрошенных (109 человек)). Театр функционирует с 1978 г. Он является культурным объектом благодаря крупным

постановкам, известным лицам, принимающим (или принимавшим) участие в жизни Театра (среди таких известных персон, например, Дмитрий Хворостовский). Театр заслуженно входит в список мест, рекомендуемых для посещения гостям Красноярска.

Эмпирическим материалом выступили посвященные Театру новостные журналистские медиатексты, опубликованные с 2019 по 2024 г. в следующих источниках: официальный сайт Театра, туристический портал «Туристер», региональные СМИ (Городские новости, Культура 24, Прима, МК в Красноярске) и федеральные СМИ (Вести Москвы, Известия, Первый канал, Пятый канал, НТВ). Общее количество привлеченных к анализу текстов составило 32 уникальные тематически неповторяющиеся единицы.

Определяющим методом стал лингвокогнитивный анализ знакового городского объекта, в основе которого лежит фреймовое моделирование концепта. Этот вид анализа уже был апробирован нами в ходе изучения имиджевого потенциала медиатекстов о таких знаковых объектах Красноярска, как Национальный парк «Столбы» (Evseeva, Zhmakina, 2020) и Сибирский федеральный университет (Zhmakina, 2022). В представляемой работе методика фреймового моделирования уточнена.

В качестве вспомогательных использовались концептуальный анализ, предусматривающий описание концептов посредством изучения словарных дефиниций и контекстов; семантический анализ оценочных значений; элементы лингвистического анализа текста и количественный подсчет.

Ведущие задачи исследования: в ходе лингвокогнитивного анализа рассматриваемых медиатекстов выявить смысловые составляющие имени собственного «Красноярский государственный театр оперы и балета»; с опорой на лингвокогнитивную модель фреймового типа установить, насколько полно в массмедийных текстах реализован имиджевый потенциал о Театре как знаковом объекте города.

Теоретико-методологические основы исследования

Обращение к пониманию термина «имидж» в лингвистическом ключе

стало толчком к развитию лингвоимиджелогических исследований. С начала XXI в. был издан ряд научных работ о создании имиджа известных персон – политических лидеров. Параллельно с такого рода трудами появились работы об имидже представителей конкретных профессий, раскрывающих, например, речевой имидж учителя, политика. В спектр внимания ученых, занимающихся изучением вопросов имиджелогии, попали также туристические объекты (Saveleva, Melnik, 2019), объекты образовательной сферы (Katynskaja, 2016; Prohorov, 2022), отдельные регионы (Mel'nik, Gerasimchuk, 2020; Kondrat'eva, Zheglo, 2019; Dobrikova, 2011), города (Kazjaba, Shhipicina, 2023; Sushnenkova, 2010) и даже имиджевый дискурс, в частности – экономический (Bulgakova, 2007). Все эти труды объединяет общий исследовательский объект – имидж кого-, чего-либо, предметом изучения которого является лингвистическая (и шире – семиотическая) составляющая формирования имиджа конкретного объекта.

Накопленный языковедами научный опыт позволяет говорить о правомерности выделения междисциплинарного направления «лингвистическая имиджелогия», ведущими задачами которого считаем, во-первых, исследование воздействующей силы текстов публичного, массмедийного дискурсов, во-вторых, разработку речевых технологий создания имиджа кого-, чего-либо, учитывающих применение языковых средств, эффективно влияющих на создание положительной характеристики объекта имиджирования.

Имидж в лингвистике рассматривается с позиций разных направлений: когнитивного (Terskih, Malenova, 2015; Kondrat'eva et al., 2020 и др.), психолингвистического (Il'ina, 2018), лингвоперсонологического (Saveleva, Melnik, 2019; Chepkasov, 2021) и лингвопрагматического (Remchukova, Omel'janenko, 2017). В нашем исследовании

концентрируем внимание на когнитивном подходе, который ориентирован на рассмотрение мыслительной организации в сознании человека языковых и неязыковых данных. Для этого используются разные способы их визуализации: концепты, фреймы, сценарии и др.

Представляемая работа выполнена в русле одного из подразделов когнитивного направления лингвистики – лингвистической концептологии, в задачи которого входит изучение языка как средства доступа к содержанию концептов и как средства их моделирования. Концепты позволяют хранить знания о мире и являются строительными элементами концептуальной системы (Kubryakova et al., 1996).

Применяемый нами к исследованию имиджевого потенциала медиатекстов лингвокогнитивный анализ знакового городского объекта строится на методике фреймового моделирования концепта, представленного в языке именем какого-либо объекта, в нашем случае – знакового объекта города. Фреймы значимы как структуры знания, организованные вокруг некоторого концепта, они «имеют более или менее конвенциональную природу и потому могут определять и описывать, что в данном обществе является «характерным» или «типичным»» (Deyk, vann, 1989: 16).

К описанию имиджа уже обращались исследователи с позиций когнитивного направления лингвистики с применением фреймовой методики (Sushnenkova, 2010; Terskih, Malenova, 2015 и нек. др.). Используемая нами фреймовая методика принципиально отличается от имеющихся.

Мы описываем концепт как фрейм-структуру, где фрейм концепта, репрезентированного в языке именем – названием знакового объекта города, формируется набором смысловых компонентов – слотов, которые конкретизируют какой-либо аспект фрейма посредством заполнения «характерными примерами или данными» (Minsky, 1979: 7). Слоты, по сути, представляют собой стереотипные определения объекта, которые **люди используют для его характеристики**. Каждый из слотов раскрыва-

ется посредством таких параметров, как понятийный, ценностно-прагматический и эмотивный. Понятийный параметр учитывает устоявшиеся характеристики, закрепленные, в частности, в словарных дефинициях. Ценностно-прагматический параметр выявляет значимость объекта (в нашем случае – Театра), его ценность для человека. Эмотивный параметр характеризует эмоциональную реакцию, что достигается преимущественно эмоционально-экспрессивными и оценочными средствами языка.

Методика фреймового моделирования концепта предусматривает следующие исследовательские шаги: (1) выявление слотов фрейма из словарных дефиниций (в нашем случае – дефиниций лексемы «театр»); (2) обнаружение в массмедийных текстах о знаковом объекте слотов и сравнение их с перечнем слотов из словарных дефиниций; (3) характеристику выявленных в массмедийных текстах слотов с позиции понятийного, ценностно-прагматического и эмотивного параметров. Кроме того, данная методика предусматривает (4) реконструкцию фрейма посредством выделения слотов из фольклорного, паремического языкового фонда и других прецедентных текстов.

Посредством (1) – (2) шага исследуются имиджевые составляющие конкретного знакового объекта, (3) шаг анализа направлен на раскрытие имиджевого потенциала этих характеристик и оценку полноты репрезентации концепта в медийных текстах. Обнаружение нераскрытых (недостаточно раскрытых) параметров слотов в медиатекстах говорит о том, что имиджевый потенциал не представлен в этих текстах или вербализован фрагментарно. Задача (4) шага – реконструировать (смоделировать) концепт, репрезентированный именем знакового объекта, что может быть использовано для планомерной работы над созданием имиджевых текстов об этом объекте.

Результаты исследования

1. Выявление слотов фрейма «театр»

из словарных дефиниций

С целью раскрытия содержания концепта «театр» мы обратились к анализу

словарных статей лексемы «театр» из толковых словарей русского языка, представленных на Академике (URL: <https://dic.academic.ru/>), что позволило выявить следующие смысловые блоки: тип архитектурной постройки, предназначенной для театральных представлений; здание со сценой и зрительным залом, предназначенное для представления драматических произведений перед публикой; искусство сценического представления драматических произведений; само такое произведение – результат постановки; организация, которая занимается устройством зрелищных представлений, постановкой спектаклей.

Эти смысловые блоки лексемы «театр» позволили выявить 6 слотов (*здание, помещение, сцена, зрительный зал, постановка, искусство*), раскрывающих фрейм «театр».

2. Обнаружение слотов фрейма «театр»

(Красноярский театр оперы и балета)

в массмедийных текстах о знаковом объекте

В ходе исследования было изучено 32 оригинальных медиатекста о Театре, которые раскрывают уникальность Театра и сферы его деятельности. Анализ этих медиатекстов позволил выявить следующие смысловые блоки:

– архитектура здания (*театр красив с точки зрения архитектуры, в самом центре города* и др.);

– собственно театральная деятельность (*открытие сезона, закрытие сезона, редкие постановки оперы и балета, организация мероприятий ко дню рождения Пушкина, проведение вечеров памяти народных артистов, фестивалей Дмитрия Хворостовского, возрождение на сцене крупных спектаклей, постановка популярных балетов, сохранение лучших традиций русского классического искусства, использование в спектакле живого колокольного звона* и др.);

– социально-направленная деятельность (*постановки для взрослых и детей; вместимость залов 800 человек; структура зрительного зала (центральную часть занимает партер, состоящий из двух отделений. За партером следует бельэтаж.*

В правой и левой боковой части зала расположены ложи бенуара и ложи бельэтажа»); театр проводит розыгрыши и дарит сувениры, стоимость билетов («на спектакли Красноярского театра оперы и балета можно купить билеты стоимостью от 100 до 1500 руб., цена зависит от места в зале и вида постановки»), активное посещение театра – несколько тысяч человек ежегодно, открыт к сотрудничеству, коллаборация с телевидением, приглашение известных московских фотографов и др.);

– деятельность, направленная на поддержание рейтинга театра и его статуса (артисты театра – участники Всероссийских конкурсов, солисты театра – лауреаты молодёжных Дельфийских игр, солистка театра – участник «Золотой Маски» в Москве, талантливые люди со званиями, связь театра с известной персоной – Дмитрием Хворостовским (о его кончине, похоронах), присвоение театру имени Дмитрия Хворостовского и др.).

– деятельность, связанная с внештатными ситуациями (пожар в театре – ситуация контролировалась руководством театра и пожарными).

С опорой на указанные смысловые блоки было выявлено 19 слотов: здание, искусство, театральный сезон, постановка, культурное мероприятие, артисты, солисты, знаменитость, эксклюзив, афиша, гастроли, зрительный зал, сцена, билеты, зрители (публика), посещаемость, официальный сайт, сотрудничество, происшествие.

Сопоставление слотов фрейма «театр», почерпнутых из лексикографических источников и из медиатекстов, позволяет сделать вывод, что авторы медиатекстов, характеризуя Театр, (1) учитывают практически все слоты, зафиксированные в словарях («театр» отображается в медиатекстах через базовые (словарные) представления людей о деятельности этого вида искусства), (2) содержание концепта «театр» значительно уточняется и дополняется в медиатекстах через раскрытие иных слотов, демонстрирующих уникальность Театра и особенности его деятельности.

3. Параметры фреймовой модели концепта, репрезентированного именем знакового объекта города

Фреймовая модель концепта предусматривает понятийный, ценностно-прагматический и эмотивный параметры, которые специфично раскрывают каждый слот. Продемонстрируем эту специфику на примере слота «билет» фрейма «театр».

Понятийный параметр слота «билет» представлен характеристикой стоимости спектаклей (*стоили, кстати, билеты на спектакли красноярского театра так же, как и на постановки Большого; можно купить билеты стоимостью от 100 до 1500 руб.; В кассах они [билеты] пропали еще за неделю до начала гастролей. И стоили, кстати, билеты на КГ-ТОиБ так же, как и на постановки ГАБТ; Гастроли прошли с ажиотажем, все билеты на спектакли были распроданы...*).

Ценностно-прагматический параметр. Ценность театра для зрителя заключается прежде всего в доступной стоимости спектаклей (*Цена зависит от места в зале и вида постановки ... детские представления можно посетить за 150–350 руб., во время новогодних каникул стоимость билетов вырастает до 500 руб.; при этом самые дорогие билеты ценой 350–500 руб. будут в партер*), их ориентации на зрителей разной категории, в том числе семьи с детьми, а также в возможности приобрести билет дистанционно (*купить билеты в театр можно на его официальном сайте, выбрав желаемый спектакль, день и время его показа в разделе «Афиша»*).

Эмотивный параметр отражается в тексте эмоционально-экспрессивными и оценочными средствами языка. Контексты (*На оперу Моцарта «Дон Жуан, или Наказанный распутник» билеты не могли достать даже «свои»; Все билеты на спектакли были распроданы задолго до приезда труппы. ... на пресс-конференции в Большом театре журналисты посетовали на невозможность достать билеты; все билеты проданы, и очень давно*) говорят о высоком зрительском спросе спектаклей

Театра. Экспрессия передается посредством слов и конструкций, имеющих, помимо своего предметно-логического значения, оценочный компонент. Так, оценочностью характеризуются лексемы *посетовать*, *невозможность*, *достать* [билеты], усиительная частица *даже* ([билеты] *не могли достать даже «свои»*). Экспрессивность фразы ([билеты] *распроданы задолго до приезда труппы*) связана с сочетанием *зadolго до*, **выражающим отношение говорящего к ситуации** – указание на событие, которое произошло за длительный временной период до чего-либо. Эффективным экспрессивным средством выступает парцелляция, когда фраза делится на самостоятельные интонационно-смысловые отрезки ([билеты] *проданы, и очень давно*).

Раскрытие в медиатекстах всех трех параметров каждого слота фрейма «театр» говорит о реализации имиджевого потенциала в полной мере. Соответственно, если какой-то параметр слота оказывается нераскрытым, то имидж какого-либо знакового объекта считаем реализованным не полностью. Анализ эмпирического материала показал, что в медиатекстах о Театре характеристика всех слотов раскрыта преимущественно за счет понятийного параметра. Ценностно-прагматический и эмотивный параметры оказались либо учтены минимально, либо нераскрыты совсем. Так, например, авторы текстов о пожаре в Театре (слот «внештатная ситуация») не используют эмоционально-экспрессивные и оценочные средства языка (эмотивный параметр).

4. Построение модели концепта «театр»

Поиск эмпирического материала позволил выяснить, что такой знаковый объект города Красноярска, как Театр, слабо представлен в масс-медиа (за 6 лет обнаружено всего 32 текста с принципиально новой информацией для читателей). Это демонстрирует отсутствие целенаправленной работы над имиджированием Театра – формированием его положительного образа в сознании населения. С этой целью нужно прежде всего смоделировать концепт «театр»

путем упорядочивания его свойств в определенную структуру, а затем планомерно работать над созданием медиатекстов, в которых каждый слот фрейма «театр» должен быть раскрыт через описанные выше параметры.

Для моделирования концепта «театр» необходимо выявить все характеристики (в нашем случае – слоты) и выделить из них уникальные. Так, помимо выделенных выше из лексикографических источников и массмедийных текстов (*здание, помещение, сцена, зрительный зал, постановка, искусство, театральный сезон, культурное мероприятие, артисты, солисты, знаменитость, эксклюзив, афиша, гастроль, зрительный зал, билеты, зрители (публика), посещаемость, официальный сайт, сотрудничество, происшествия*), концепт «Театр» раскрывается в ряде прецедентных текстов, характеризующих неотъемлемую часть пространства Театра (*«Театр начинается с вешалки»* К.С. Станиславский (слот «гардероб»), *«Театр уж полон, ложи блещут»* А.С. Пушкин «Евгений Онегин» (слот «ложа») *«Пока в театре работает буфет, театральное искусство бессмертно»* О.П. Табаков (слот «буфет», ср. также контексты из газет: *Буфет – зеркало театра, Театральный буфет – это священное место*), его реквизиты (*«Театр живёт не блеском огней, роскошью декораций и костюмов, эффектными мизансценами, а идеями драматурга»* К.С. Станиславский (слоты «декорации» и «костюмы»)). Кроме того, знаковые характеристики стоит поискать в театральном этикете, согласно которому, например, необходимо занимать места в зрительном зале не позже третьего звонка (слот «звонок»), в специфических предметах, которые являются визитной карточкой спектакля в театре (слот «театральная программка», слот «бинокль»), средствах выражения признательности зрителями (цветы, аплодисменты, восклицание «браво») и др. Выявление подобных характеристик и их структурирование позволит построить модель концепта «театр» и определить наиболее значимые для Театра темы, с опорой на которые можно формировать его имидж.

Заключение

Представленная в исследовании лингвокогнитивная методика анализа имиджевого потенциала текстов массмедиа о знаковых городских объектах позволяет выявить имиджевые характеристики, содержащиеся в текстах о таком объекте, и установить сформированность его имиджа путем фиксации смысловых лакун в существующих медиатекстах об этом объекте.

В основу лингвокогнитивного анализа было положено фреймовое моделирование концепта, репрезентированного именем знакового объекта города. Методика фреймового моделирования концепта предусматривает (1) выявление слотов фрейма из словарных дефиниций лексемы «театр»; (2) обнаружение в массмедийных текстах о знаковом объекте слотов, сравнение их с перечнем слотов из словарных дефиниций, (3) характеристику выявленных в массмедийных текстах слотов с позиции понятийного, ценностно-прагматического и эмотивного параметров, а также (4) реконструкцию фрейма посредством почерпывания сло-

тов из текстов фольклорного, паремического и иных фондов языка.

В статье раскрывается реализация слота «билеты» фреймовой модели концепта «Красноярский государственный театр оперы и балета» через понятийный, ценностно-прагматический и эмотивный параметры. В ходе исследования было отмечено, что недостаточное раскрытие ценностно-прагматического параметра слотов фреймовой модели, как правило, влечёт за собой отсутствие эмотивного параметра. На наш взгляд, именно ценностно-прагматический параметр требует особого внимания в процессе имиджирования объекта, поскольку отражает культурно значимые для общества элементы деятельности объекта. Средства языковой экспрессии и оценки, в силу их выразительности, позволяют создать привлекательный образ объекта, формируя его имидж.

Фреймовое моделирование концепта, на наш взгляд, является удобным инструментом не только для изучения текущего состояния имиджа знаковых городских объектов, но и его формирования и поддержания на разных этапах имиджирования.

Список литературы / References

- Bulgakova O. V. Imidzhevij ekonomicheskij diskurs na stranicah izdanija (na primere «Biznesa» – prilozhenija k oblastnoj gazete «Krasnoe znamja»). In: *Vestnik Tomskogo universiteta. Filologija [Bulletin of Tomsk University. Philology]*, 2007, 2(65), 61–65.
- Chepkasov A. V. *Publichnyj diskurs regional'nogo lidera i sredstv massovoj informacii v aspekte formirovanija imidzha rossijskogo regiona (na primere Kemerovskoj oblasti): avtoref. dis. ... dok. filol. nauk: 10.02.01 [Public discourse of the regional leader and the mass media in the aspect of shaping the image of the Russian region (on the example of the Kemerovo region)]*. Kemerovo, 2021, 48.
- Deyk, vann T. A. Freimy znani i ponimanie rechevykh aktov / Per. s angl. M. A. Dmitrievoi [Knowledge frames and understanding of speech acts. Translated from English by M. A. Dmitrieva]. In: *Iazyk. Poznanie. Kommunikatsiia: Sb. rabot [Language. Cognition. Communication: collection of works]*. M., 1989.
- Dobrikova A. A. Funkcionirovanie imidzha regiona v sisteme politicheskoy kul'tury. In: *Teorija i praktika obshchestvennogo razvitiia [Theory and practice of social development]*, 2011, 127–128.
- Evseeva I. V., Zhmakina I. S. Concept «National Park “Krasnoyarsk Stolby” in the aspect of linguoimageology». In: *Zhurnal SFU. Gumanitarnye nauki. Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Science*. Krasnoyarsk, 2020, 1914–1926.
- Il'ina L. E., Tatarova A. E. Imidzhformirujushhie teksty v sfere mody. In: *Baltiiskij humanitarnyj zhurnal [Baltic Humanitarian Journal]*, 2018, 3(24), 68–71.
- Katynskaja M. V. Imidzh kak prototipicheskaja kategorija. In: *Vestnik KGU im. N. A. Nekrasova [Bulletin of the Nekrasov State University]*, 2016, 3, 173–178.

- Katynskaja M. V. *Lingvisticheskoe modelirovanie imidzha* [Linguistic image modeling]. Blagoveshensk, AmGU, 2012. 168.
- Kazjaba V. V., Shhipicina L. Ju. Urban – media – verbal: teoreticheskaja model' verbal'nogo imidzha goroda v social'nyh media Nauchnyj rezul'tat. *Voprosy teoreticheskoi i prikladnoj lingvistiki*, 2023, 9(4), 27.
- Kondrat'eva O.N., Val'ko O.V., Gerasimchuk D. M., Golev N. D., DudarevaJa.A., Zheglo A. V., Ineshina S. V., Kuznecov D. V., MakrushinaJu.A., Maksakova E. E., Mel'nik N.V., Novoklinova A. V., Savel'eva I.V., Rabkina N. V., Frolova T. I. *KUZBASS: kompleksnoe kognitivno-diskursivnoe modelirovanie obraza regiona* [KUZBASS: comprehensive cognitive-discursive modeling of the region's image]. M., 2020. 308.
- Kondrat'eva O.N., Zheglo A. V. Taktika sozdaniya «svetlogo budushhego» regiona v predvybornom diskurse Kemerovskoj oblasti. In: *Politicheskaja lingvistika* [Political linguistics], 2019, 55–61.
- Kubryakova, E.S., Demyankov V.Z., Pankrats Yu.G., Luzina, L. G. *Kratkii slovar' kognitivnykh terminov* [A concise dictionary of cognitive terms]. M., Philological Faculty of Lomonosov Moscow State University, 1996, 245.
- Mel'nik N.V., Gerasimchuk D. M. Strategii formirovaniya imidzha regiona (kontent-analiz oficial'noj stranicy S. E. Civileva v social'noj seti «Vkontakte»). In: *Filologija i chelovek* [Philology and man], 2020, 3, 45–59.
- Minsky M. (1976). *Freimydliya predstavleniya znaniy: Per. s angl. O. N. Grinbauma. Pod red. Doktora tekhn. nauk F. M. Kulakova* [Frames for knowledge representation. Translated from English by O. N. Grinbaum. Edited by Doctor F. M. Kulakov]. M., 152.
- Muzychuk T. L. Imidzh v mass-medijnom prostranstve: lingvodiskursivnyj portret. In: *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki* [Questions of the theory and practice of journalism], 2019, 8(4), 839–843.
- Ostavshevskaja E. Ju. Rechevoj imidzh prepodavatelja anglijskogo jazyka v sovremennom onlajn-prostranstve. In: *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii* [Teacher education in Russia], 2024, 2, 41–47.
- Pohepcov G. *Imidzhologija. Instrumentarij po upravleniju budushhim* [Imageology. Tools for managing the future]. Moscow, Smartbook, 2009. 575.
- Prohorov A. V. Formirovanie imidzha universiteta sredstvami korporativnyh media. In: *Neofilologija* [Neophilology], 2022, 333–344.
- Remchukova E. N., Omel'janenko V. A. Jazykovye sredstva formirovaniya imidzha Rossii v sovremennoj reklame. In: *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov* [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia], 2017, 8(2), 341–349.
- Saveleva I. V., Melnik N. V. *The image of the Kuzbass ski resort Sheregesh in the discourse of online reviews*. In: *Zhurnal SFU. Gumanitarnye nauki. Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Science*. Krasnoyarsk, 2019.
- Sushnenkova I. A. *Konstruirovanie frejma «Omsk» kak instrument formirovaniya i korekcii regional'nogo imidzha*. In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Tomsk State University], 2010, 20–23.
- Sushnenkova I. A. *Lingvokognitivnoe issledovanie regional'nogo imidzha (na primere Omskoi oblasti): Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.19* [Linguocognitive study of the regional image (based on the example of the Omsk region): synopsis of PhD thesis]. Kemerovo, Kemerovo State University, 2011, 25.
- Terskih M. V., Malenova E. D. *Mediaobraz sibirskogo regiona: lingvokognitivnoe modelirovanie*. Omsk: Informacionnyj centr sotrudnichestva «Litera», 2015.
- Zhmakina I. S. Concept «Sibirskij federal'nyj universitet» v aspekte lingvoimidzhologii. In: *Sibirskij filologicheskij forum* [Siberian Philological Forum]. Krasnojarsk, 2022, 66–81.

EDN: CRKTXG
УДК 81'25

Literary Text, Literary Translation and Artificial Intelligence

Olga V. Petrova* and Maria Yu. Rodionova

*Linguistics University of Nizhny Novgorod
Higher School of Translation and Interpreting
Nizhny Novgorod, Russia Federation*

Received 29.08.2025, received in revised form 10.09.2025, accepted 19.09.2025

Abstract. The article discusses the potential possibility of training neuronet to translate literary texts. Evaluating the quality of literary machine translation, researchers in most cases point to such shortcomings as incorrect choice of lexical correspondences, grammatical errors, inability to understand the meaning of phraseological units and figurative expressions and to find the corresponding units of the target language, and stylistic errors. All this characterizes the current state of machine translation as such, regardless of the type of text being translated, but it is especially detrimental to literary text. However, the inability of the neuronet to fully translate literary texts is not due to these shortcomings, which, judging by the pace of development of machine translation, can soon be eliminated. The specificity of literary translation is determined by the properties of the literary text itself, which a computer program cannot perceive and reproduce due to its inherent conceptual limitations. These properties include emotional insight and emotional impact on the reader, the presence of such non-formalized characteristics as atmosphere, tone, the use of allusions, appeal to personal associations, and much more, which, by definition, is inaccessible to a neural network that has neither personality and background knowledge nor the ability to be emotionally engaged.

Keywords: artificial intelligence, literary text, literary translation, integral text perception, creativity, cultural context, emotional impact.

Research area: Social Structure, Social Institutions and Processes; Theoretical, Applied and Comparative Linguistics.

Citation: Petrova O. V., Rodionova M. Yu. Literary Text, Literary Translation and Artificial Intelligence. In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2025, 18(10), 2052–2059. EDN: CRKTXG

Художественный текст, художественный перевод и искусственный интеллект

О.В. Петрова, М.Ю. Родионова

Нижегородский государственный лингвистический университет

им. Н. А. Добролюбова

Высшая школа перевода

Российская Федерация, Нижний Новгород

Аннотация. В статье рассматривается потенциальная возможность обучить нейросеть переводу художественных текстов. Оценивая возможности машинного перевода художественных текстов, исследователи в большинстве случаев указывают на такие недостатки, как неверный выбор лексических соответствий, грамматические ошибки, неспособность понять смысл фразеологизмов и образных выражений и найти соответствующие им единицы переводящего языка, стилистические погрешности. Все это характеризует сегодняшнее состояние машинного перевода как такового, независимо от типа переводимого текста, но особенно губительно для текста художественного. Однако неспособность нейросети полноценно переводить художественные тексты обусловлена не этими недостатками, которые, судя по темпам развития машинного перевода, в скором времени могут быть устранены. Специфика художественного перевода обусловлена теми свойствами художественного текста, воспринять и воспроизвести которые компьютерная программа не может в силу присущих ей концептуальных ограничений. К числу этих свойств относятся эмоциональное воздействие на читателя, наличие таких неформализуемых характеристик, как атмосфера, тон, наличие аллюзий, апелляция к личным ассоциациям и многое другое, что по определению недоступно нейросети, не обладающей ни личностью, ни фоновыми знаниями, ни способностью к эмоциональной вовлеченности.

Ключевые слова: искусственный интеллект, художественный текст, художественный перевод, целостное восприятие текста, творческий подход, культурной контекст, эмоциональное воздействие.

Научная специальность: 5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы; 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика.

Цитирование: Петрова О. В., Родионова М. Ю. Художественный текст, художественный перевод и искусственный интеллект. *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2025, 18(10), 2052–2059. EDN: CRKTXG

Introduction

Machine translation, its quality, the prospects for its development and its scope are actively discussed by translators, IT specialists and journalists. The use of neural networks and artificial intelligence has generated both

unjustified expectations of solving all translation problems, thus completely transforming the translation services market, and concerns about the future of the translation profession itself. Still, until recently even the most optimistic proponents of machine translation believed that

computers could replace humans in all areas of written translation, except literary translation. It was assumed that the specific character of the literary text itself and the resulting specificity of literary translation *a priori* exclude the possibility of formalizing and algorithmizing this process.

However, in the majority of papers this inability of computer programs to translate fiction is attributed to the imperfection of the programs themselves. Authors mention problems with translating various types of constructions (Perekhod'ko, Miachin 2017: 96), lexical, grammatical and stylistic errors (Mitin 2021, Kochetkova, Revina 2017:109) common to translating any type of texts, but especially harmful to literary texts (Fidel'skaia 2019: 86), mistakes in rendering nationally specific and expressive elements (Abdulganeeva 2022: 5). In all these cases they speak about mistakes in rendering separate lexical or grammatical units, and the general impression is that when the neuronet is trained to identify the particular meaning of a word in a particular context, to see the meaning behind the form of a grammatical construction, when it has a good, valid lexicon, all the problems of automatic literary translation will be resolved.

Moreover, from time to time there appear papers discussing practical experiments with automatic literary translation that claim to be successful, and some overenthusiastic adepts of AI say that even today in some cases computers are equal to human translators of literary texts or even surpass them in quality (Gubailovskii, 2022). Some translators and editors, though admitting that right now it is impossible, still believe that over time, improved programs will be used to fully translate uncomplicated genre prose, such as thrillers, romance novels, clear and simple plot stories (Krushinskaia, 2023)

Statement of the problem

To see if it is really so, one should understand what makes a literary text so specific, and how literary translation differs from all other types of translation. Is it just because literary texts abound in figurative expressions, words in figurative meanings, metaphors, metonymies, inverted syntactic constructions, incomplete sentences and

other stylistic techniques and visual means (Litvinova, 2012: 63) that machines fail to translate successfully, or are there some fundamental, conceptual differences between literary and non-literary texts that make the very possibility of automatic literary translation rather doubtful?

Basic assumptions

To find the answer, four questions were asked of ChatGPT– not because we believe it to be an oracle and possess the ultimate knowledge, but because its answers are based on the synthesis of what is written in the numerous materials published on the internet, thus representing most widespread approaches and opinions. Here are the questions:

- What is a literary text?
- What is literary translation?
- Can AI generate literary texts?
- Can AI translate literary texts?

Here are the answers given by ChatGPT:

- **A literary text** is a written work that is considered to have artistic or intellectual value, often characterized by its use of language, style, and structure to convey deeper meanings, emotions, and ideas. Literary texts can encompass a wide range of genres, including:

1. Fiction: Novels and short stories that tell imagined narratives.

2. Poetry: Works that use rhythmic and aesthetic qualities of language to evoke emotions and ideas.

3. Drama: Plays and scripts intended for performance, exploring themes through dialogue and action.

4. Essays: Prose works that express the author's thoughts, arguments, or reflections on a particular subject.

5. Non-fiction: While primarily factual, certain non-fiction works can also be considered literary if they exhibit artistic qualities or profound insight.

Literary texts often explore complex themes such as identity, morality, society, and the human condition, and they invite readers to engage critically with the content, style, and context of the work.

- **Literary translation** is the process of translating written works of literature from one

language to another while preserving the artistic qualities, style, tone, and cultural nuances of the original text. This type of translation goes beyond mere word-for-word conversion; it involves a deep understanding of both the source and target languages, as well as the literary traditions and contexts of each.

Key aspects of literary translation include:

1. **Artistic Integrity:** The translator aims to maintain the original's voice, rhythm, and emotional impact, ensuring that the translated work resonates with readers in the target language.

2. **Cultural Context:** Literary works often contain cultural references, idiomatic expressions, and historical contexts that may not have direct equivalents in another language. A good literary translator navigates these challenges by finding creative solutions that convey the intended meaning and feel.

3. **Interpretation:** Translators must interpret the author's intent and the subtleties of the text, which can involve making choices about how to express certain ideas or emotions in a way that feels authentic in the target language.

4. **Reader Engagement:** The translator considers the target audience, aiming to create a text that is engaging and accessible while still being faithful to the original.

5. **Collaboration:** Literary translation can sometimes involve collaboration with authors, editors, or publishers to ensure that the final product aligns with both artistic and commercial goals.

Overall, literary translation is a complex and nuanced craft that requires not only linguistic skills but also a deep appreciation for literature and its cultural significance.

- **Yes, AI can create literary texts**, and it has been used to generate a variety of written works, including poetry, short stories, and even novels. Here are some aspects to consider regarding AI's ability to create literary texts:

Strengths of AI in Literary Creation:

1. **Idea Generation:** AI can help generate ideas, prompts, or outlines for stories, assisting writers in overcoming writer's block or brainstorming new concepts.

2. **Diverse Styles:** AI can mimic various writing styles and genres by analyzing large datasets of existing literature. This allows it to

produce texts that resemble the works of specific authors or fit particular literary forms.

3. **Speed:** AI can generate text quickly, which can be beneficial for producing drafts or exploring multiple variations of a story or poem.

4. **Collaboration:** Some authors use AI as a collaborative tool, integrating AI-generated text with their own writing to enhance creativity and explore new directions.

Limitations of AI in Literary Creation:

1. **Lack of Genuine Understanding:** AI does not possess true understanding or consciousness. Its creations are based on patterns learned from data rather than personal experience or emotional insight.

2. **Depth and Complexity:** While AI can generate coherent text, it often lacks the depth, complexity, and emotional resonance found in human-created literature. Themes, character development, and intricate plots may not be fully realized.

3. **Originality:** AI-generated texts may sometimes feel derivative or formulaic because they rely on existing patterns in the data they were trained on. True originality and innovation are challenging for AI to achieve.

4. **Cultural Context:** AI may struggle with cultural nuances, idiomatic expressions, and social commentary that require a deep understanding of the human experience.

5. **Quality Control:** The quality of AI-generated texts can vary widely, often requiring human editing and refinement to ensure coherence and literary merit.

Conclusion:

AI can indeed create literary texts and serves as a valuable tool for inspiration and experimentation in writing. However, while it can produce interesting and coherent pieces, the depth, emotional complexity, and originality characteristic of great literature are still predominantly the domain of human authors. Many writers find value in using AI as a partner in the creative process rather than a replacement for their own artistic expression.

- **AI can assist in translating literary texts**, but there are significant limitations to its capabilities compared to human translators. Here are some aspects to consider:

Strengths of AI in Literary Translation:

1. Speed and Efficiency: AI can process large volumes of text quickly, making it useful for initial drafts or translations of straightforward content.

2. Consistency: AI systems can maintain consistent terminology and style across large texts, which is beneficial in technical or specialized translations.

3. Basic Understanding: Advanced AI models can grasp basic meanings and structures of sentences, allowing them to produce translations that are generally understandable.

Limitations of AI in Literary Translation:

1. Nuance and Subtlety: Literary texts often contain complex emotions, cultural references, idiomatic expressions, and stylistic elements that AI may struggle to interpret accurately. The subtleties of tone, irony, and metaphor can be lost in translation.

2. Creativity: Literary translation often requires a creative approach to convey the original author's voice and intent. AI lacks the creative intuition that human translators possess.

3. Cultural Context: AI may not fully understand the cultural context behind certain phrases or references, leading to translations that may feel awkward or out of place.

4. Emotional Impact: The emotional resonance of literary works is often tied to specific word choices, rhythms, and sounds. AI may not capture these elements effectively.

5. Quality Control: While AI can produce translations, they often require human editing and refinement to ensure quality and fidelity to the original text.

Conclusion:

While AI can be a useful tool for initial translations or assisting human translators, it is not yet capable of fully replacing the nuanced and creative work that human literary translators do. For high-quality literary translations that preserve the artistry and emotional depth of the original text, human involvement remains essential.

Analysis and discussion

Comparing these answers, one can't but see several contradictions. On the one hand, literary texts are said to use language, style, and

structure to convey deeper meanings, emotions, and ideas and invite readers to engage critically with the content, style, and context of the work. On the other hand, saying with certainty that AI can generate literary texts, ChatGPT enumerates some limitations, such as lack of personal experience or emotional insight resulting in lack of genuine understanding, lack of the depth, complexity, and emotional resonance found in human-created literature. The question is bound to arise: what makes it a literary text in this case?

If we compare the definition and description of literary translation as such with what, according to ChatGPT, AI can and cannot achieve in translating literary texts, it becomes obvious that literary translation is clearly not within the scope of AI competence. It cannot interpret complex emotions, cultural references, idiomatic expressions, and stylistic elements, so the subtleties of tone, irony, and metaphor can be lost in translation. Moreover, AI may not fully understand the cultural context behind certain phrases or references and capture elements that are responsible for the emotional resonance of the text. To be fair, it must be said that the answer to the question about AI's ability to translate literary texts is somewhat evasive: instead of saying "Yes, AI can translate literary texts" (as it said about creating them) ChatGPT said "AI can **assist** in translating literary texts", the implication being that what it can do is not proper literary translation.

There is one more important limitation: literary translation often requires a creative approach to convey the original author's voice and intent, while AI lacks the creative intuition that human translators possess.

Let us compare translations of two different descriptions of the same day that represent two different emotional perceptions of the picture:

- The day was gray and overcast. The loose, porous snow, lying in heavy, darkened layers along the edges, quietly melted, trickling onto the road in slow, murky streams¹.

¹ The original Russian text: *Денек был серенький, пасмурный. Рыхлый, ноздреватый снег, тяжелыми почерневшими пластами лежавший на обочинах, тихо таял, сбегая на дорогу неторопливыми мутными ручейками.*

- The day was gray and gloomy. Dirty, loose snow lay in heavy layers along the edges. It was slowly melting, and murky water was trickling onto the road².

Is there any difference between the two pictures? Can the reader of these two texts see or feel that in the first case it is a somewhat lyrical description of a quiet early spring day (which it really is in the original Russian text), while in the second it is rather a depressive picture? Hardly. When asked to translate the first sentence preserving the style of the original text, ChatGPT produced the following version:

- The day was gray and overcast. Loose, crusty snow lay in heavy, dark layers along the edges, quietly melting and trickling onto the road in slow, murky streams.

Is it any better?

There can be at least two reasons why these two different descriptions are translated practically identically. First of all, ChatGPT most probably does not perceive the connotation of the diminutive forms of the Russian words for “day”, “grey” and “stream”. Besides, it has no means for rendering these forms right here, in this sentence, for there are no diminutive forms in English (except the word “rivulet”, the appropriateness of which was not recognized by the program). Fortunately, ChatGPT did not choose the option of adding “little” to the noun “day”, as it sometimes happens in rendering Russian diminutive forms, which probably is the only “creative” solution made by the program.

And here we come to the main point in assessing the quality of AI literary translations and the main problem of training AI to translate literary texts. Among the strengths of AI in literary translation ChatGPT mentions its ability to process large volumes of text but adds that it is useful for translations of *straightforward content*, which is hardly applicable to literary texts. The same is true about consistency: AI systems can maintain consistent terminology and style across large texts, which is undoubtedly beneficial in technical

or specialized translations but is not sufficient for translating literary texts. While any text is much more than just a succession of words and sentences, and its translation presupposes not only consistency in terminology and style but also various means of maintaining coherence and cohesion, literary texts are characterized by such intangible qualities as atmosphere and tone. Google AI Overview defines atmosphere of a literary text as the overall feeling or mood created by a piece of writing, influencing the reader’s emotional response and perception of the story, as the “feel” of a text, shaped by elements like setting, tone, and imagery, with tone described as the author’s attitude or feeling towards the subject matter, conveyed through word choice, sentence structure, and other stylistic elements. The tone shapes how readers perceive the text and can range from serious to humorous, optimistic to pessimistic, formal to informal. Essentially, tone tells the reader how to interpret the text emotionally.

Both atmosphere and tone are characteristic not of a sentence or a paragraph, but of a literary text as a whole. Stating that “literary texts, such as novels or short stories, are still fully translated by expert human translators”, I. Fadelli explains it by their being experienced “in grasping abstract and complex meanings and translating them in another language” (Fadelli, 2022). The abstract and complex meanings I. Fadelli speaks about usually appear as a result of the interplay between explicitly and implicitly expressed elements, not necessarily present in the same paragraph or even on the same page. It is the text as a whole that can influence the reader’s perception and emotional response. So far, such perception is beyond the scope of any computer program.

Being unable to perceive a text as a complete whole, a machine cannot solve such relatively simple problems as translation of words having no lexical correspondences in the target language. Even in such rare cases when it resorts to descriptive translation, the description is most often inapt both semantically and stylistically, which is especially dangerous in a literary text. While some unnecessary and inappropriate information inserted in

² The original Russian text: *День был серый и хмурый. На обочинах тяжелыми пластами лежал грязный рыхлый снег. Он медленно таял, и на дорогу текла мутная вода.*

a journalistic text may seem just strange or funny, in a literary text it can be disastrous, ruining the general atmosphere. The technique of compensation is absolutely unattainable for a computer program. V.N. Komissarov defines this technique as a method of translation in which the elements of meaning lost in the translation of a particular fragment of the SL text are compensated for in the TL text by some other means, and not necessarily in the same place of the text as in the original (Komissarov 1990: 247).

All the experiments with automatic literary translation are, however, limited to fragments of literary texts, to paragraph-level literary translation – even such thorough ones as the study carried out by researchers at UMass Amherst (Thai et al., 2022). A fragment cannot, by definition, possess basic characteristics of a literary text. So even relatively successful translation of a paragraph can testify to the ability of the program to produce a grammatically correct text and more or less correctly render explicitly expressed information, which is actually a requirement to translating any text. But it has nothing to do with literary translation as a special type of translation. So all the attempts to train AI to translate literary texts will be doomed to failure until the problem of teaching a computer program to perceive a text as a whole, as an integral unit, a complex of explicitly and implicitly expressed information is solved.

Conclusion

AI has already become an integral part of our life. Its role in many spheres is becoming increasingly significant and important. However, along with its progress, fears start to appear. Not the fears of AI ousting people from many jobs that many journalists harp on, but fears caused by doubts whether it is really safe. When it comes to technical safety, IT specialists and engineers hopefully can take care of it. But there is another kind of safety – or rather unsafety. People willingly delegate to AI tasks that require creativity, intuition, personal experience, ability to see allusions and implications, to produce something that should not be just a compilation or synthesis of

things already existing. Today AI can generate texts that are considered to be literary. It can imitate the style of a particular author, same as it can paint custom-programmed pictures and compose custom-programmed music. The texts can be interesting to read, the musical pieces pleasant to listen to – it actually depends on the prompt, that is on the customer's ability to formalize their wish. But in all these cases it is not artwork, it is not creation, it is mimicking, imitation aimed at an undemanding audience because it is devoid of emotions and thought. As for generating texts, the danger lies in lowering standards, substituting reading matter for literature.

With literary translation, however, the situation is still more serious. Even if AI is taught to translate texts without lexical and grammatical mistakes, even if it has all the figurative meanings of words and all the figurative phrases in its lexicon (which is hardly possible), it won't be able to go beyond standard correspondences and reproduce the individuality of the author. In literary translation a metaphor should not necessarily be translated by a metaphor because every language has its own system of expressive means and image-bearing expressions reflecting the world-view of its speakers. AI is not capable of pragmatic adaptation in translation because it cannot assess contextual relevance of information. It translates words and phrases instead of rendering their functions. It cannot compensate for the inevitable losses of meaning, and so on. Though today AI can generate texts imitating the style of a particular author, it cannot find the style that would correspond to it in target language thus creating its stylistic analogue. The mechanical transfer of expressive means from one language to another without taking into account the differences between the systems of these languages, or the traditional methods and means of creating images, emotional and aesthetic impact on the reader that have developed among the speakers of these languages, can only serve a very specific purpose: to acquaint specialists (and certainly not the general reader) with the features of a foreign language and foreign literary traditions. Such a translation has no relation to recreating

a literary work through the means of another language. So, the limitations of automatic literary translation enumerated by ChatGPT are not transitory. They are conceptual. Even if AI learns to generate literary texts of relatively

high quality, literary translation requires such ability of perception and creation that are innate in people and goes far beyond the scope of any computational system.

References

Abdulganeeva I. I. K voprosu o specifikke perevoda tekstov hudozhestvennogo diskursa: vozmozen li mashinnyj perevod? [On the issue of the specifics of translation of literary discourse texts: is machine translation possible?]. In: *Perevodchik 2030: obuchenie professional'no orientirovannomu perevodu v menjajushhemsja mire. Sbornik nauchnyh statej mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, priurochennoj k prazdnovaniju Dnja prepodavatelya perevoda* [Translator 2030: training in professionally oriented translation in a changing world. A collection of scientific articles from the international scientific and practical conference dedicated to the celebration of Translation Teacher's Day], 2021, 5–10.

Fadelli I. Study assesses the quality of AI literary translations by comparing them with human translations. Available at <https://techxplore.com/news/2022-11-quality-ai-literary-human.html> (accessed 16 August 2025).

Fidel'skaja E. S. Ocenka effektivnosti sistem mashinnogo perevoda v rabote s tekstem hudozhestvennogo stilja [Evaluation of the effectiveness of machine translation systems in working with artistic text]. In: *Aktual'nye problemy lingvistiki i lingvodidaktiki. Materialy IV Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii* [Actual problems of linguistics and linguodidactics. Proceedings of the IV All-Russian scientific and practical conference], 2019, 83–89.

Gubajlovskij V. A. Mashina uchitsja delat' perevody hudozhestvennyh tekstov. Poluchaetsja sovsem neploho [Machine learns to translate literary texts. It's doing quite well]. Available at: <https://www.techinsider.ru/technologies/news-1565203-ii-perevodit-literaturnye-proizvedeniya-i-pochti-ne-ustupaet-cheloveku-perevodchiku/> (accessed 9 August 2025)

Kochetkova N. S., Revina E. V. Osobennosti mashinnogo perevoda [The Features of Machine Translation]. In: *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory and Practice], 2017, 6(72), 106–109.

Komissarov V. N. *Teorija perevoda (lingvisticheskie aspekty)* [Translation theory (linguistic aspects)]. M., Vysshaja shkola, 1990. 253.

Krushinskaja K. Ne vykupaet ironii: mozhet li iskusstvennyj intellekt perevodit' hudozhestvennye teksty? [Doesn't see irony: can artificial intelligence translate literary texts?] Available at: <https://www.pravilamag.ru/articles/708725-perevedeno-i-ozvucheno-neiro-tolmachom-mojet-li-iskusstvennyi-intellekt-perevodit-hudozhestvennye-teksty/> (accessed 9 August 2025)

Litvinova E. M. *Mashinnyj perevod* [Machine translation]. M., «MGTA», 2012. 65.

Perekhod'ko I. V., Mjachin D. A. Ocenka kachestva komp'yuternogo perevoda [Evaluation of the Quality of Computer Translation]. In: *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta* [OSU Bulletin], 2017, 2, 92–96.

Thai K., Karpinska M., Krishna K., Ray B., Inghilleri M., Wieting J., Iyyer M. Exploring Document-Level Literary Machine Translation with Parallel Paragraphs from World Literature. Available at <https://aclanthology.org/2022.emnlp-main.672.pdf> (accessed 9 August 2025).

EDN: USJTYE
УДК 372.881.161.1

Introduction of Innovative Internet Technologies in the Practice of Teaching Russian as a Foreign Language at the University of Granada

Rafael Guzman Tirado*

University of Granada
Granada, Kingdom of Spain

Received 14.05.2025, received in revised form 08.09.2025, accepted 01.10.2025

Abstract. In this article we analyze several key projects related to the creation of digital resources on Russian as a Foreign Language, which were developed by the research group of the University of Granada “Slavic Studies, Caucasology and Typology of Languages” to help teachers and Spanish-speaking students studying Russian. In recent decades, the University of Granada and our research group in particular have been able to adapt quite quickly to the process of modernizing the teaching of Russian as a Foreign Language in new conditions. We are talking about the digital format of Russian as a Foreign Language education, which opens up new opportunities for innovative transformation of the educational process. The article briefly describes the innovative digital resources on Russian as a Foreign Language posted on the website <http://elrusoenespana.com> / Special attention is paid to the relevance and importance of the digital learning format, since using online resources and integrating them into the educational process, the Russian as a Foreign Language teacher can more effectively solve a number of didactic tasks in the classroom and outside the classroom.

Keywords: Internet resources, innovative Internet technologies, Russian as a foreign language, University of Granada, digital format, new teaching methods, digitalization, online learning.

Research area: Social Structure, Social Institutions and Processes; Russian Language. Languages of the Peoples of Russia.

Citation: Guzman Tirado R. Introduction of Innovative Internet Technologies in the Practice of Teaching Russian as a Foreign Language at the University of Granada. In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2025, 18(10), 2060–2082. EDN: USJTYE

Внедрение инновационных интернет-технологий в практику преподавания русского языка как иностранного в Гранадском университете

Р. Гусман Тирадо

Гранадский университет

Королевство Испания, Гранада

Аннотация. В данной статье рассматриваются несколько ключевых проектов, связанных с созданием цифровых ресурсов по РКИ, которые были разработаны научно-исследовательской группой Гранадского университета «Славистика, кавказология и типология языков» в помощь преподавателям РКИ и испаноязычным студентам, изучающим русский язык. Гранадский университет и наша исследовательская группа в особенности в последние десятилетия сумели достаточно быстро адаптироваться к процессу модернизации преподавания РКИ в новых условиях. Речь идет о цифровом формате обучения РКИ, который открывает новые возможности для инновационной трансформации учебного процесса. В статье кратко описываются инновационные цифровые ресурсы по РКИ, размещенные на сайте <http://elrusoenespana.com/> Особое внимание обращается на актуальность и значимость цифрового формата обучения, так как, используя интернет-ресурсы и интегрируя их в учебный процесс, преподаватель РКИ может более эффективно решать целый ряд дидактических задач на уроке и вне урока.

Ключевые слова: интернет-ресурсы, инновационные интернет-технологии, русский язык как иностранный, Гранадский университет, цифровой формат, новые методы преподавания, цифровизация, онлайн-обучение.

Научная специальность: 5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы; 5.9.5. Русский язык. Языки народов России.

Цитирование: Гусман Тирадо Р. Внедрение инновационных интернет-технологий в практику преподавания русского языка как иностранного в Гранадском университете. *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2025, 18(10), 2060–2082. EDN: USJTYE

Введение

У иберийской русистики есть точная отправная дата. «Впервые регулярные курсы русского языка в Испании были открыты в 1956 г. в Мадриде, в Государственной Школе иностранных языков при Министерстве образования. Первыми преподавателями были два русских “белых” эмигранта, непрофессионалы, которые сумели, однако, своим энтузиазмом и любовью к родному языку восполнить значительные методические и прочие пробелы» (Marchenko, 2009).

Гранадский университет – один из тех немногих испанских университетов, в котором существуют лучшие традиции в обучении и распространении русской филологии. Уже с 60-х годов XX века в его стенах проводились занятия по русскому языку, и таким образом Гранадский университет стал пионером в области преподавания РКИ.

В 1993 году началось обучение русскому языку на филологическом факультете Гранадского университета. Через год, в 1994 году, на том же факультете появилось отделение славянской филологии. Таким образом, Гра-

надский университет стал первым университетом в Андалузии и вторым в Испании после Мадридского университета, где была открыта специальность «Славянская филология». Позже, в этом же году, начались занятия по этой специальности и в Барселонском университете.

В 1994 году появилось отделение славянской филологии. На сегодняшний день русский язык и литература преподаются здесь не только на филологическом факультете, но и на факультете переводчиков, что увеличивает целевую аудиторию изучающих русский язык.

В 1995 году в связи с изменением учебного плана на факультете переводчиков был значительно улучшен статус русского языка, который теперь стало возможным изучать как второй иностранный язык, было увеличено количество часов, появились новые предметы, связанные с русским языком.

С самого начала появления славистики в Гранадском университете была создана Научно-исследовательская группа «Славистика, кавказология и типология языков». Стоит отметить, что в испанских университетах в целом, и в Гранадском университете в том числе, исследования ведутся не только на кафедрах и на факультетах, но и в так называемых научно-исследовательских группах. Это межкафедральные и даже межфакультетские структуры, куда входят и испанские, и зарубежные исследователи. Данная группа имеет свой сайт, <http://elrusoenespana.com/>, на котором размещены основные проекты, разработанные членами научно-исследовательской группы в области преподавания РКИ, а также сборники конгрессов, конференций и семинаров. Научно-исследовательская группа Гранадского университета HUM 827 «Славистика, кавказология, типология языков и литератур» с момента ее создания в 1995 году активно занимается организацией международных конгрессов («Русский язык и литература в международном образовательном пространстве: современное состояние и перспективы развития», 2007, 2010), научно-методических семинаров со-

вместно с фондом «Русский мир» (2009, 2010, 2011), выпускает единственный журнал исключительно по русистике в испаноговорящем мире “Cuadernos de Rusística Española”, который имеет импакт-фактор Thomson Reuters (Web of Science), совместно с Институтом перевода организует научно-практические семинары и форумы по русско-испанскому и испано-русскому переводу (2013, 2015, 2018, 2022, 2024), а также активно разрабатывает цифровые образовательные ресурсы инновационного типа для испаноязычных студентов, которые мы рассматриваем в данной работе¹.

¹ «Сравнительная грамматика русского и испанского языков. Исследования по функциональной грамматике», финансируемого Министерством образования и культуры Испании, сроки проекта: 01/11/1996–01/11/1999, Руководитель Р. Гусман Тирадо; «Сравнительное изучение сложного предложения в русском и испанском языках в семантико-функциональном аспекте», финансируемого Министерством образования и культуры Испании, сроки проекта: 30/12/1999–30/12/2002. Руководитель Р. Гусман Тирадо; «Новые методы преподавания испанского языка с учетом национальности и культуры учащихся», финансируемого Гранадским университетом, сроки проекта: 20/10/2005–20/12/2006. Руководитель Р. Гусман Тирадо; «Исследование особенностей преподавания испанского языка русским и украинским студентам», финансируемого Правительством Андалузии, сроки проекта: 11/04/2007–11/04/2010. Руководитель Р. Гусман Тирадо; «Использование тестов как одного из методов контроля в самостоятельной работе при изучении русского языка как иностранного», финансируемого Гранадским университетом, сроки проекта: 01/2009 – по настоящее время; «Инновационные методы организации самостоятельной работы студентов, изучающих русский язык как иностранный» (начальный уровень), финансируемого Гранадским университетом. (Код проекта 10–234), сроки проекта: 2010–2011. Руководитель Р. Гусман Тирадо; «Инновационные прикладные методы сравнительной грамматики в практике преподавания русского и испанского языков», финансируемого Гранадским университетом, (Код проекта 11–157), сроки проекта: 2011–2012; «Разработка и публикация национально-ориентированного учебного пособия по чтению и развитию навыков речи «Россия и Испания: диалог культур», Грант № 2011/I-444, финансируемого Фондом «Русский мир», (Код проекта 11–157), сроки проекта: 2012–2013. Руководитель Л.В. Соколова; «Непрерывное образование», номер проекта: ТОО – Программа: KA2- Мультиязыковые проекты: «Доступные формы для изучения языков в режиме онлайн» (Lifelong Learning project number: LLP- Transversal Programme: KA2-Language Multilateral Projects: *Accessible Design for Online Language Learning (ADOLL)* 543077-LLP-1–2013–1-ES-KA2-KA2MP. UNI–LO), финансируемого Европейским

Гранадский университет в целом, и наша исследовательская группа в особенности, в последние десятилетия сумели достаточно быстро адаптироваться к процессу модернизации преподавания РКИ. Несмотря на то что по сравнению с другими европейскими странами в Испании, как сказано выше, русистика появилась достаточно поздно, количество студентов, изучающих русский язык и литературу, здесь постоянно растет: кафедры славистики (в Испании нет кафедр русистики отдельно) есть в трех крупнейших университетах страны (в Мадриде, Барселоне и Гранаде), в большинстве испанских университетов русский язык преподается в так называемых *Centros de Lenguas extranjeras* (Центры иностранных языков) и в Официальных школах языков. К тому же необходимо учитывать обширную аудиторию испаноязычных студентов, изучающих русский язык в странах Латинской Америки.

Стоит отметить, что процесс цифровизации ускорился в условиях пандемии. Очень быстро изменился формат уроков и лекций. К одним особенностям цифровизации мы были готовы, к другим – нет. Но одно совершенно ясно: цифровизация – уже не будущее, а сегодняшняя реальность. В связи с этим надо подчеркнуть актуальность и значимость цифрового формата обучения РКИ.

Во-первых, используя интернет-ресурсы, можно, интегрируя их в учебный процесс, бо-

союзом. Сроки проекта: 2014–2016; «Организация коллективной работы студентов как инновационный метод преподавания иностранных языков (русский язык)» (Код проекта –14–51), финансируемого Гранадским университетом; «Инновационное использование интернет-ресурсов в процессе изучения и преподавания иностранных языков (русского языка)», финансируемого Гранадским университетом, (код проекта 296). 2017–2018; «Создание электронных учебных ресурсов и учебных материалов для модернизации процесса преподавания культуры, литературы и иностранных языков (русская культура, литература и русский язык)», финансируемого Гранадским университетом. 2019–2020; «Национально ориентированный мультимедийный образовательный ресурс для испаноязычных студентов «Русская литература в мировом образовательном процессе (на испанском и на русском языках)», финансируемого Фондом «Русский мир» (Грант № 1939Гр/1-335–18), сроки проекта: 2018–2020. Руководитель Л. В. Соколова.

лее эффективно решать целый ряд дидактических задач на уроке и вне урока:

- студенты лучше читают, используя аудио- и видео-интернет-материалы, аутентичные тексты, полученные в виртуальных библиотеках и других ресурсах;

- студенты расширяют словарный запас, как активный, так и пассивный;

- студентам и преподавателям доступен бесценный культурологический материал (например, русский речевой этикет, особенности русского коммуникативного поведения, особенности русской культуры и русских традиций);

- преподаватель может использовать материалы дистанционных курсов по русскому языку и русской литературе как иностранных и т.д.

Во-вторых, оптимальным является также подготовка мультимедийного проекта на русском языке, например, создание мультимедийной Power Point презентации и видеоролика на русском языке, так как реализуется принцип наглядности, а самостоятельная творческая работа студентов по созданию презентаций и видеороликов на русском языке как нельзя лучше расширяет запас активной лексики.

В-третьих, интернет применяется в процессе обучения русскому языку для организации общения (разговор в режиме реального времени – chat, переписка – e-mail), что создает естественную языковую среду. Участие испаноязычных студентов в телеконференциях, чатах, в которых принимают участие студенты (и не только) из разных стран мира, – дополнительная очень интересная и полезная возможность новых контактов и реальной речевой практики.

В-четвертых, еще один вид работы – это использование интернет-ресурсов в виде тестов для контроля лексических и грамматических навыков. Например, сайт Института русского языка им. А. С. Пушкина <https://pushkininstitute.ru/login>

Хотелось бы подчеркнуть, что в области онлайн-обучения РКИ сделано немало. Обратим внимание на те базовые интернет-ресурсы, которые мы используем в практике преподавания РКИ. Во-

первых, это учебные ресурсы по русскому языку (электронные учебники и учебные пособия, тренажеры, практикумы, тесты): Уроки русского (РУДН), Портал «Образование на русском» Института русского языка им.А.Пушкина), RUSSIAN on-line, LearnRussian, Russian Step by Step и др.²

Во-вторых, это разные цифровые ресурсы для создания учебных материалов: презентаций, аудиофайлов, интерактивных упражнений, электронных тестов, онлайн-курсов и викторин по русскому языку.

В-третьих, это электронные ресурсы, не относящиеся напрямую к учебным: интерактивные карты (Google, Яндекс и др.), голосовые помощники (Алиса от компании Яндекс, Siri от Apple и другие), Социальные сети (Facebook, Вконтакте и др), Программы машинного перевода (Google Переводчик, Яндекс Переводчик и другие).

Сразу отметим, что полный переход на онлайн-обучение имеет ряд негативных факторов, так как не позволяет получать эффективную обратную связь от студентов, а также с помощью онлайн-обучения сложно организовать практические и лабораторные занятия, направленные на отработку практических навыков студентов; для этого необходимы инновационные онлайн-тренажеры различного формата.

Постановка проблемы и методы исследования

Стоит обратить внимание на следующие трудности и проблемы, с которыми сталкивается преподаватель русского языка и русской литературы как иностранных:

1) существует огромное разнообразие ресурсов в интернете и студенту, и препода-

вателю трудно ориентироваться в этом потоке цифровых ресурсов;

2) нет систематизации цифровых образовательных ресурсов, с одной стороны, для преподавателей и, с другой стороны – для студентов (нет разграничения);

3) не хватает методических ресурсов, особенно в сфере преподавания русской литературы как иностранной и в сфере преподавания переводоведения (перевод лексики с культурным компонентом, перевод национальных концептов и др.);

4) не хватает национально ориентированных ресурсов.

В данном контексте идея создания национально ориентированных цифровых образовательных ресурсов для испаноязычных студентов по РКИ и русской культуре представлялась для нашей научно-исследовательской группы актуальной и востребованной. Разработанные нами инновационные проекты были призваны восполнить лакуны в преподавании РКИ и русской культуры в Испании и в странах Латинской Америки (испаноязычный мир насчитывает почти 500 миллионов человек) и включали не только теоретические, но и практические интерактивные модули, адресованные самой широкой аудитории. Разработка и внедрение национально ориентированных цифровых ресурсов в практику преподавания рассматривались нами не только как фактор модернизации методов преподавания РКИ, но и как метод эффективной популяризации русской культуры в испаноязычной аудитории. Целевой аудиторией наших проектов являются испаноязычные студенты Испании и стран Латинской Америки, изучающие русский язык как первый /второй/третий иностранный по программам «Современные языки и литературы» и «Устный и письменный перевод», а также студенты других специальностей, изучающие русскую литературу и культуру, магистранты и аспиранты Отделений славянской филологии, а также все интересующиеся русской литературой.

Цель исследования заключается в том, чтобы раскрыть процесс внедрения национально ориентированных цифровых обра-

² Портал «Образование на русском» Института русского языка им. А. С. Пушкина: <https://pushkininstitute.ru/login> (дата обращения: 09.05.2025)

Портал «Уроки русского»: https://pushkininstitute.ru/external_courses/267(дата обращения: 21.03.2022)

Портал RUSSIAN on-line: <http://www.rus-on-line.ru/> (дата обращения: 09.05.2025)

Портал LearnRussian: <https://learnrussian.rt.com/> (дата обращения: 09.05.2025)

Портал Russian Step by Step: <https://learnrussianstepbystep.com/es/aprender-ruso/> (дата обращения: 21.09.2024)

Портал «Русский язык в Испании»: <http://elrusoespana.com/> (дата обращения: 09.05.2025)

зовательных ресурсов в практику преподавания РКИ в Гранадском университете.

Обсуждение

Учитывая данные трудности и проблемы, наша научно-исследовательская группа Гранадского университета разработала и внедрила в практику инновационные образовательные цифровые ресурсы.

В рамках трех инновационных проектов по созданию цифровых образовательных ресурсов по РКИ, финансируемых Гранадским университетом, мы систематизировали все базовые интернет-ресурсы и создали методические модули как для преподавателей, так и для студентов.

Учет многокомпонентной структуры коммуникативной компетенции лег в основу разработки комплекса креативных заданий с использованием мультимедийных технологий для испаноязычных студентов в рамках научно-образовательного проекта «Информационные технологии в практике преподавания РКИ испаноязычным студентам (инновационные методы организации индивидуальной и групповой самостоятельной работы студентов)», финансируемого Отделом инновационных исследований Гранадского университета (подробная

информация о проекте размещена на портале: www.elrusoenespana.com).

Данный комплекс заданий ориентирован на раскрытие межпредметных связей, отработку лексических, грамматических навыков, развитие творческого мышления испаноязычных студентов, их умения работать с мультимедийными технологиями. Интерактивный национально ориентированный комплекс заданий позволяет совершенствовать умения студентов-инофонов в трех видах речевой деятельности: 1) в области *говoreния* – обучать аргументированно выражать свое мнение, вступать в дискуссии, корректно ставить вопросы и отвечать по содержанию прочитанного; выступать с проектом; 2) в области *письма* – обучать писать эссе на заданную тему, выполнять письменные творческие задания; 3) в области *аудирования* – совершенствовать умение слушать аутентичные тексты по предложенной тематике с пониманием общей идеи, с извлечением информации и с детальным пониманием. Комплекс креативных заданий с использованием мультимедийных технологий для испаноязычных студентов, разработанный членами научно-исследовательской группы Гранадского университета «Славистика,

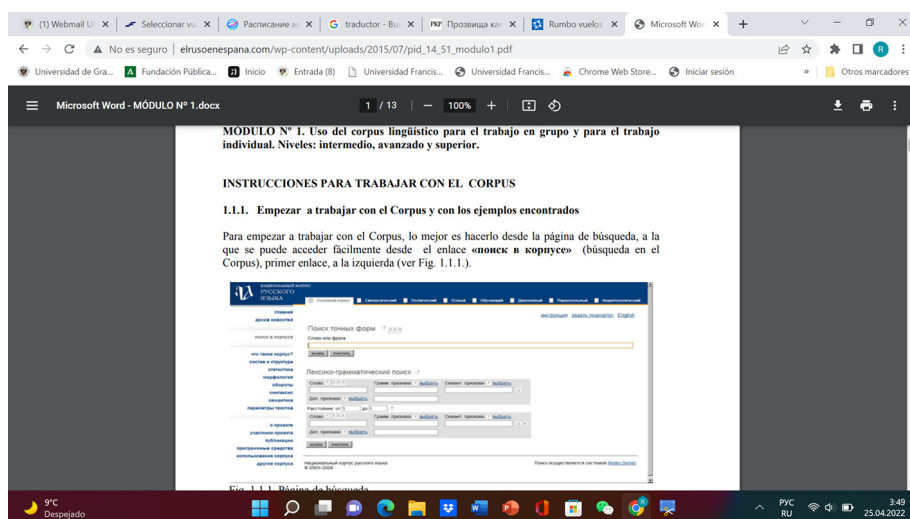

Рис. 1. I Модуль: «Использование НКРЯ в практике преподавания РКИ испаноязычным студентам»

Fig. 1. I Module: "Using the National Corpus of Russian Language as a Foreign Language to Spanish-speaking Students"

кавказология, типология языков» состоит из четырех модулей³:

I Модуль: «Использование НКРЯ в практике преподавания РКИ испаноязычным студентам (начальный, базовый и продвинутый уровни)» включает подробную инструкцию на испанском языке по работе с НКРЯ и разные типы заданий с использованием НКРЯ для испаноязычных студентов как под руководством преподавателя на уроке, так и для самостоятельной домашней работы.

Как известно, основной целью обучения иностранному языку в вузе является формирование иноязычной коммуникативной компетенции во всем многообразии ее компонентов. Предполагается, что по мере постепенного перехода с одного уровня владения языком на более высокий (от A1 до C2) каждый студент-инофон способен понимать и вербально или письменно выстраивать свое речевое высказывание в соответствии с языковыми и культурными традициями страны изучаемого языка на более высоком уровне. Именно использование НКРЯ позволяет активизировать речемыслительную деятельность студентов-инофонов в процессе формирования языковых навыков и развития речевых умений. Важно, что при обучении грамматике или лексике на основе НКРЯ вместо готовых распечаток с ситуациями использования конкретного слова или грамматического времени испаноязычные студенты сами обращаются к интернет-версии лингвистического корпуса, осуществляют поиск и обработку данных. Это позволяет сформировать у студентов-инофонов необходимые стратегии языкового образования и самообразования.

Приведем некоторые примеры заданий для испаноязычных студентов на основе использования НКРЯ, которые предлагаются в данном модуле и которые студенты выполняют на уроке. Студенты делятся на две группы, и каждая группа получает определенное задание, выполняет его и представ-

ляет результаты работы на русском языке в формате PowerPoint.

1. Использование НКРЯ для определения значения слов

Группа № 1. *Задание:* изучите данные конкорданса и определите значение прилагательного «родной» (natal) в русском языке. Найдите примеры с данным прилагательным в литературном, газетно-публицистическом, поэтическом и других дискурсах и проанализируйте значения, которые приобретает данное прилагательное в разных контекстах. Охарактеризуйте варианты перевода данного прилагательного на испанский и другие иностранные языки. Представьте результаты работы на русском языке в формате PowerPoint.

Группа № 2. *Задание:* изучите данные конкорданса и определите значение прилагательного «творческий» в русском языке. Найдите примеры с данным прилагательным в литературном, газетно-публицистическом, поэтическом и других дискурсах и проанализируйте значения, которые приобретает данное прилагательное в разных контекстах. Охарактеризуйте варианты перевода данного прилагательного на испанский и другие иностранные языки. Представьте результаты работы на русском языке в формате PowerPoint.

2. Использование НКРЯ для изучения полисемии слова

Группа № 1. *Задание:* пользуясь результатами поиска в НКРЯ, определите наиболее широко используемые значения слова «рука» (mano). Представьте результаты работы на русском языке в формате PowerPoint.

Группа № 2. *Задание:* пользуясь результатами поиска в НКРЯ, определите наиболее широко используемые значения слова «голова» (cabeza). Представьте результаты работы на русском языке в формате PowerPoint.

3. Использование НКРЯ для изучения управления глаголов

Группа № 1. *Задание:* изучите данные конкорданса и объясните управление глаголов «говорить» и «сказать» (hablar y decir). Представьте результаты работы на русском языке в формате PowerPoint.

³ (Подробнее можно ознакомиться на портале elrusoenespana). <http://elrusoenespana.com/ru/proyecto-de-innovacion-codigo-297/>

Группа № 2. *Задание:* изучите данные конкорданса и объясните управление глаголов «обижаться» и «обидеть» (ofenderse у ofender). Представьте результаты работы на русском языке в формате PowerPoint.

Второй модуль «Комплекс лексико-грамматических игр для испаноязычных студентов»

Второй модуль «Комплекс лексико-грамматических игр для испаноязычных студентов» включает разные игры и задания с элементами игры, которые связаны с основными изучаемыми темами («Страны», «Национальность», «Продукты», «Покупки», «Цвета», «Числа», «Время» и др.) и которые могут быть использованы как при объяснении и закреплении нового учебного материала, так и при опросе и контроле знаний и умений испаноязычных студентов. Хорошо известно, что атмосфера соревнования активизирует память студентов-инофонов, лексико-грамматические игры дают возможность не только усвоить изученное, но и приобрести новые знания, так как стремление выиграть заставляет думать, вспоминать пройденное и запоминать все то новое, что встречается в игре. С данным комплексом лексико-грамматических игр подробнее можно ознакомиться на сайте www.elrusoenespaña.

Лексико-грамматические игры на уроках РКИ способствуют выполнению важных методических задач: во-первых, создают психологическую готовность испаноязычных студентов к речевому общению; во-вторых, обеспечивают естественную необходимость многократного повторения ими языкового материала; в-третьих, тренируют студентов в выборе нужного речевого варианта, что является подготовкой к ситуативной спонтанности речи вообще.

Третий модуль «Комплекс интерактивных заданий для индивидуальной и групповой самостоятельной работы студентов (подготовка презентаций и видеосюжетов на русском языке)»

Третий модуль «Комплекс интерактивных заданий для индивидуальной и групповой самостоятельной работы студентов (подготовка презентаций и видеосюжетов на русском языке)» включает списки тем для создания презентаций и видеосюжетов на русском языке на основе изученного лексико-грамматического материала, методические рекомендации для испаноязычных студентов. Для начального и базового уровня предлагаются следующие темы:

1. *Мой родной город* (лексико-грамматический материал: количественные

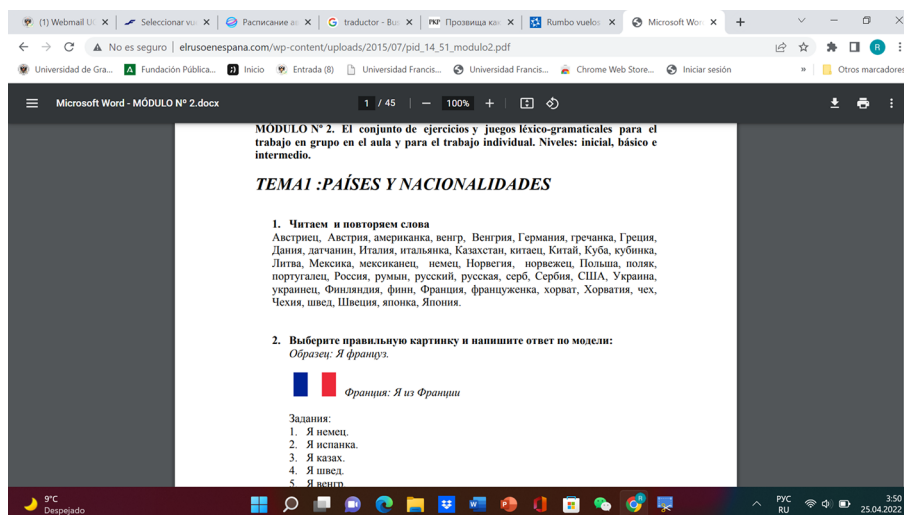

Рис. 2. II Модуль «Комплекс лексико-грамматических игр для испаноязычных студентов»

Fig. 2. II Module "Complex of Lexical and Grammatical Games for Spanish-speaking Students"

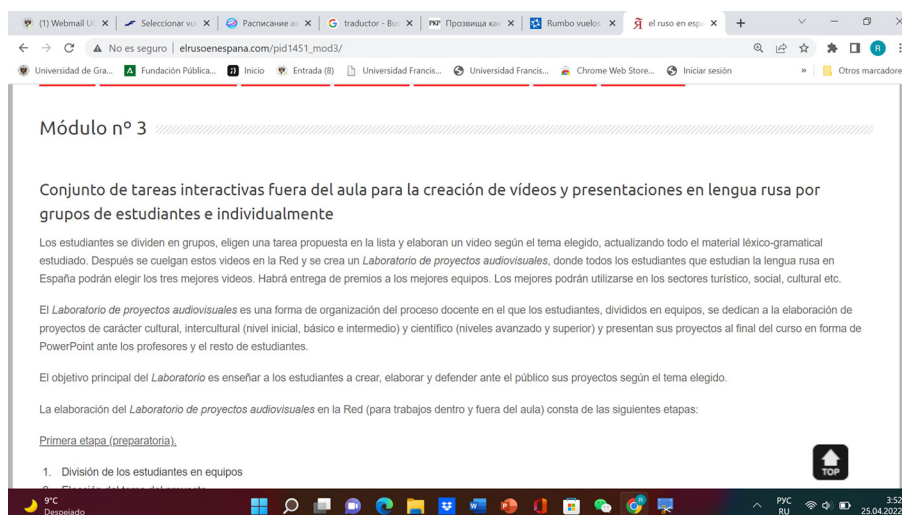

Рис. 3. III Модуль «Комплекс интерактивных заданий для индивидуальной и групповой самостоятельной работы студентов (подготовка презентаций и видеосюжетов на русском языке)»

Fig. 3. III Module "A set of interactive tasks for individual and group independent work of students (preparation of presentations and video clips in Russian)"

и качественные прилагательные, личные местоимения и др.).

2. *Мой университет* (лексико-грамматический материал: ключевые глаголы "учиться", "учить", "изучать", "овладеть", "заниматься", "увлекаться" и др.).

3. *Мои увлечения* (лексико-грамматический материал: ключевые глаголы "любить", "нравиться", "увлекаться", "восхищаться" и др.).

4. *Обычный день гранадского студента* (лексико-грамматический материал: ключевые глаголы "идти", "ехать", "ходить", "выходить", "приходить" и др.) и др.

Студенты продвинутого уровня снимают видеосюжеты на русском языке на основе изученного лексико-грамматического материала по следующим темам:

1. «Маршруты русских путешественников в Андалузии» (лексико-грамматический материал: числительные, глаголы движения с приставками и без приставок).

2. «История Гранады» (лексико-грамматический материал: числительные, качественные прилагательные, простые и сложные предложения).

3. «Образ Альгамбры в русской культуре» (лексико-грамматический материал:

числительные, качественные прилагательные, простые и сложные предложения).

3. «Дорогами Дон-Жуана» (лексико-грамматический материал: числительные, качественные прилагательные, простые и сложные предложения).

4. «Дорогами Кармен» (лексико-грамматический материал: числительные, качественные прилагательные, простые и сложные предложения) и др.

Следует выделить несколько этапов подготовки мультимедийного проекта студентом-инофоном по изучаемой тематике: *подготовительный* (консультация студентов с преподавателем, выбор темы проекта, постановка проблемы исследования, поиск текстового материала: подбор иллюстраций, аудио- и видеофрагментов, анимированных изображений), *репродуктивный* (создание компьютерных презентаций (программа PowerPoint) и видеосюжетов на русском языке); подготовка студентов к защите проекта, составление программы выступления, формирование экспертной комиссии), *заключительный* (защита проектов, обсуждение проектов членами экспертной комиссии, подведение итогов, размещение мультимедийных про-

ектов на веб-сайте (www.elrusoenespana.com). В результате работы над мультимедийным проектом испаноязычные студенты:

- научатся работать в образовательной ИКТ-среде;
- научатся разрабатывать и выступать с учебными мультимедийными проектами;
- овладеют лексическими единицами и структурами, связанными с тематикой курса;
- повторяют грамматические правила русского языка;
- научатся писать эссе, выполнять различные творческие задания;
- улучшат навыки в разных видах речевой деятельности;
- научатся находить коллективные решения поставленных задач;
- расширят творческий потенциал и кругозор.

Четвертый модуль «Лаборатория мультимедийных проектов»

В четвертом модуле размещены студенческие презентации и видеосюжеты на русском языке, признанные лучшими экспертной комиссией.

Особенность интерактивного комплекса заданий состоит в том, что он является тематической основой для создания учебных мультимедийных проектов по РКИ.

Для организации деятельности по созданию проектов предлагается концепция *лаборатории мультимедийных проектов (ЛМП)*. ЛМП – это форма организации учебного процесса, при которой студенты, используя возможности мультимедийных технологий, занимаются разработкой учебных мультимедийных проектов. Основная *цель лаборатории* – обучить студентов создавать и защищать учебные мультимедийные проекты по изучаемой тематике. *Образовательные задачи ЛМП*: развитие умений учащихся ориентироваться в информационном пространстве, самостоятельно конструировать знания; развитие познавательных и творческих навыков учащихся; совершенствование навыков чтения, письма, говорения, аудирования, навыков работы с аутентичными видеофрагментами и т.д.; составление индивидуальной образовательной траектории для каждого учащегося. *Воспитательные задачи ЛМП*: формирование личностных качеств студентов, например, уверенности при ответе, умения ставить проблему, отстаивать свою точку зрения, представлять и защищать проект, анализировать и подводить итоги; повышение интереса учащихся к учебному процессу; развитие навыков коллективной деятельности учащихся (Sokolova, Gusman Tirado, 2017: 37–41).

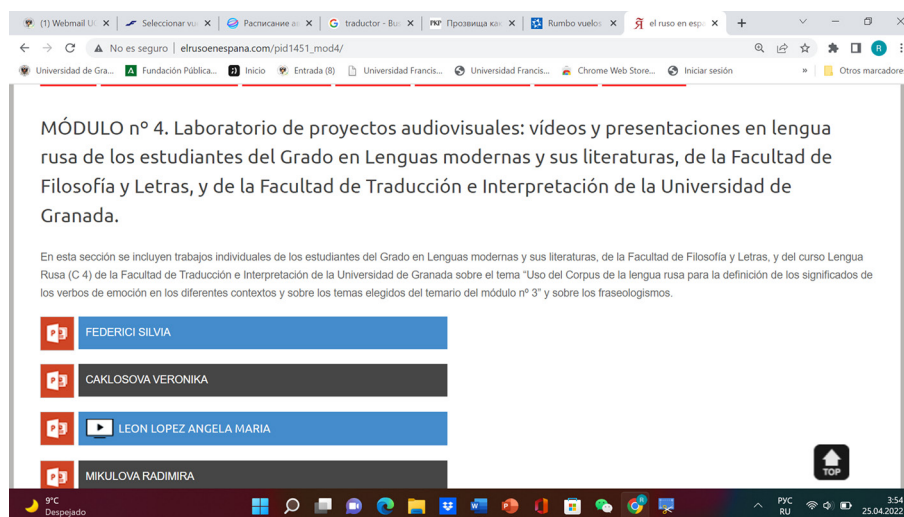

Рис. 4. IV Модуль «Лаборатория мультимедийных проектов»

Fig. 4. IV Module "Multimedia Projects Laboratory"

Рис. 5. Презентация на русском языке студентки Сильвии Федеречи по глаголу эмоций «скучать»
Fig. 5. Presentation in Russian by student Silvia Federici on the emotion verb “to miss”

Наша научно-исследовательская группа «Славистика, кавказология, типология языков» завершила и другой проект, который тесно связан с предыдущим проектом, который был только что описан. Он также размещен на сайте www.elrusoenespana.com, чтобы данный интернет-ресурс был доступен самой широкой испаноязычной аудитории. Проект называется «**Иновационные интернет-технологии**

в практике изучения и преподавания РКИ (методические модули для студентов и преподавателей)». В рамках проекта разработано 10 методических модулей как для студентов-инофонов, так и для преподавателей РКИ.

Модуль 1. Использование интернет-ресурсов в процессе изучения русского языка как иностранного на уроке и вне урока. Методические рекомендации для испа-

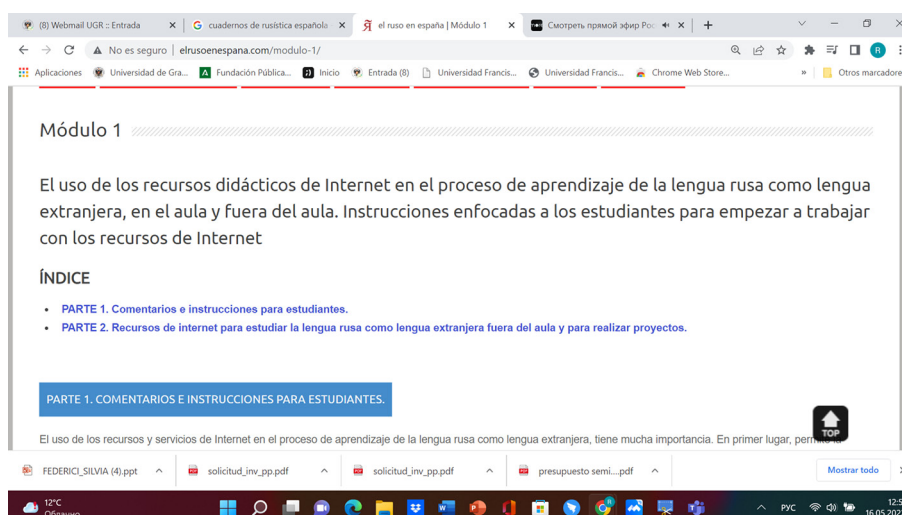

Рис. 6. Модуль 1
Fig. 6. Module 1

ноязычных студентов: как начать работать с интернет-ресурсами по РКИ.

Модуль 2. Применение электронных учебников для обучения иностранному языку

Стоит отметить, что электронный учебник – это синтез учебной книги, видеоклипа, изобразительного искусства, актерского мастерства, режиссуры, педагогического и методического опыта, преобразованный в конечный продукт – виртуальную обу-

чающую среду. Преподаватель РКИ может использовать фрагмент программы на уроке при введении нового лексического или грамматического материала, отработке произношения, при формировании навыков диалогической речи, чтения и письма, а также при тестировании.

Модуль 3. Использование интернет-ресурсов в практике преподавания РКИ в испаноязычной аудитории

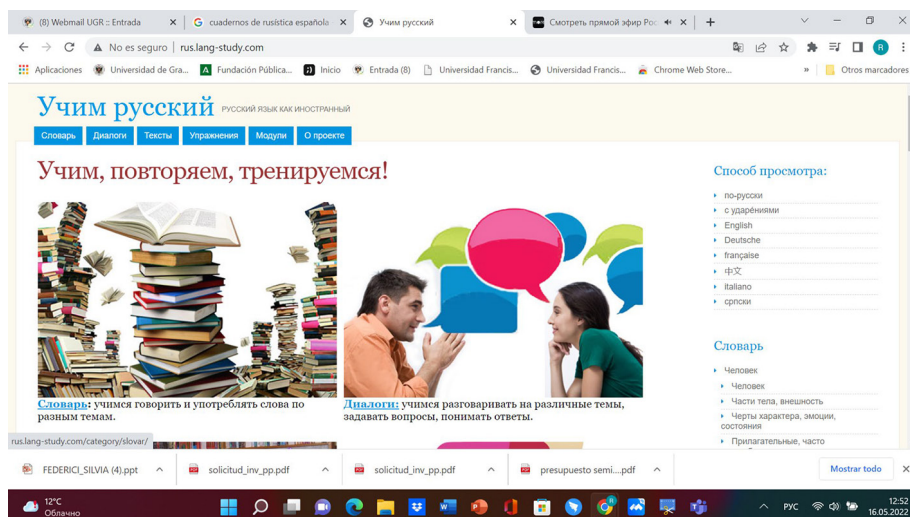

Рис. 7. Модуль 2

Fig. 7. Module 2

Рис. 8. Модуль 3

Fig. 8. Module 3

Модуль 4. Преподавание иностранных языков с использованием цифровых образовательных ресурсов (видеоконференции, блоги и др.) (методические рекомендации для преподавателей РКИ)

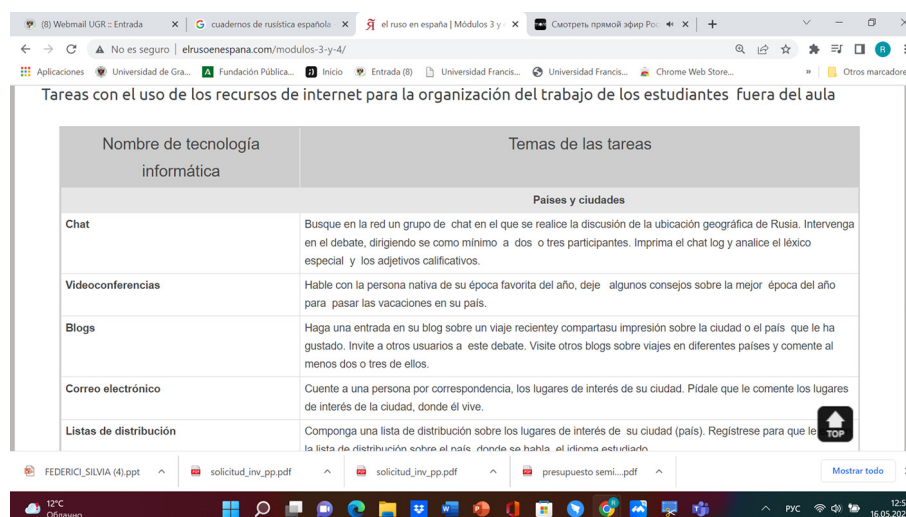
Модуль 5. Виртуальное объединение преподавателей иностранных языков (опыт работы с блогом)

Модуль 6. Сравнительный анализ методов обучения русскому языку

Модуль 7. Сайты для учителей русского языка. ИКТ-ресурсы в помощь учителям русского языка.

Модуль 8. Создание PowerPoint-презентаций и видеосюжетов на русском языке (методические рекомендации для испаноязычных студентов).

Модуль 9. Список обучающих компьютерных программ по русскому языку

Nombre de tecnología informática	Temas de las tareas
Países y ciudades	
Chat	Busque en la red un grupo de chat en el que se realice la discusión de la ubicación geográfica de Rusia. Intervenga en el debate, dirigiendo se como mínimo a dos o tres participantes. Imprima el chat log y analice el léxico especial y los adjetivos calificativos.
Videoconferencias	Hable con la persona nativa de su época favorita del año, deje algunos consejos sobre la mejor época del año para pasar las vacaciones en su país.
Blogs	Haga una entrada en su blog sobre un viaje reciente y comparta su impresión sobre la ciudad o el país que le ha gustado. Invite a otros usuarios a este debate. Visite otros blogs sobre viajes en diferentes países y comente al menos dos o tres de ellos.
Correo electrónico	Cuente a una persona por correspondencia, los lugares de interés de su ciudad. Pídale que le comente los lugares de interés de la ciudad, donde él vive.
Listas de distribución	Componga una lista de distribución sobre los lugares de interés de su ciudad (país). Regístrese para que le llegue la lista de distribución sobre el país, donde se habla el idioma estudiado.

Рис. 9. Модуль 4

Fig. 9. Module 4

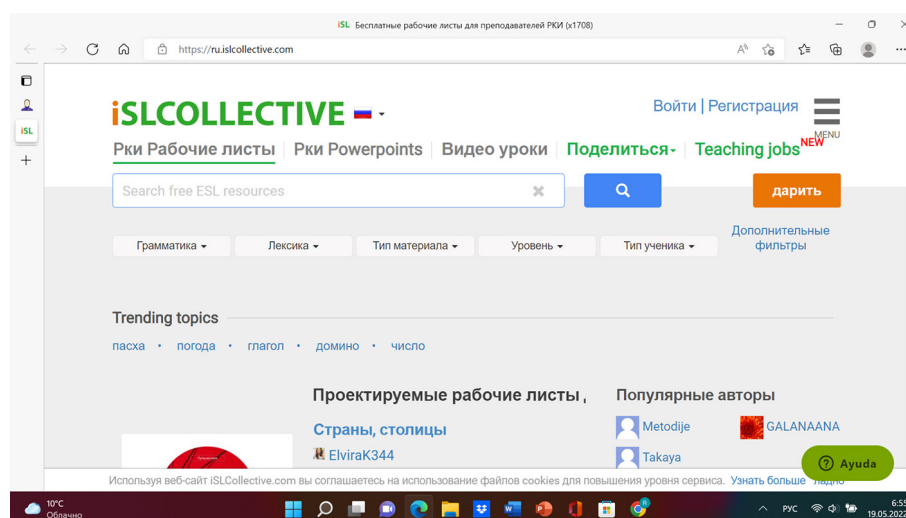

Рис. 10. Модуль 5

Fig. 10. Module 5

Модуль 10. Модели уроков по РКИ с использованием информационно-коммуникативных технологий (методический модуль для преподавателей РКИ в испаноязычной аудитории).

При финансовой поддержке Фонда «Русский мир» мы реализовали два крупных национально ориентированных инновационных проекта, основанных на новом подходе – диалоге культур:

1. Интерактивный национально ориентированный учебный комплекс по чтению и развитию речи для испаноязычных студентов **«Россия и Испания: диалог культур»**, созданный российско-испанским коллективом, представлен диалогом культур на текстовом материале, отражающем разнообразные русско-испанские контакты. Это первый национально ориентированный учебный комплекс для испаноязыч-

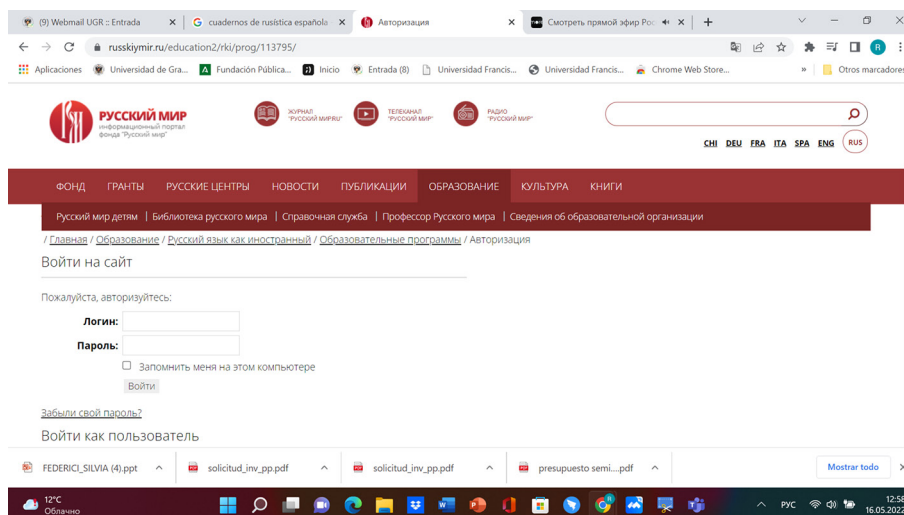

Рис. 11. Модуль 6

Fig. 11. Module 6

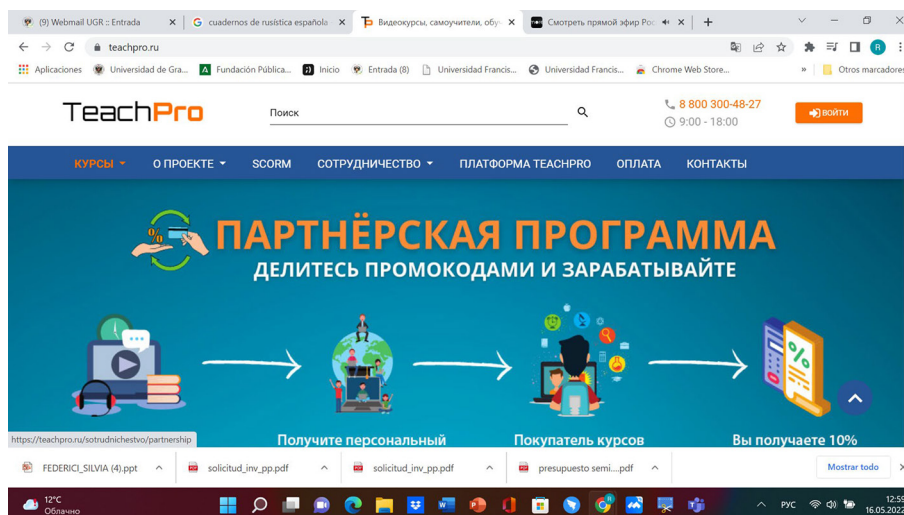

Рис. 12. Модуль 7

Fig. 12. Module 7

ных студентов, ориентированный на поиск и выделение межкультурных соответствий и различий на концептуальном уровне и позволяющий эффективно использовать русский язык как иностранный в реальных условиях межкультурной коммуникации. Особую эмоциональную реакцию испаноязычных студентов вызвал тематический раздел учебника, посвященный рецепции образов Кармен, Дон Жуана и Дон Кихота

в русской литературе и музыке. Каждый раздел учебника посвящен конкретной теме, представляющей одну главу из долгой и богатой истории взаимоотношений двух культур: русской и испанской. Речь идет о наиболее значимых явлениях русской и испанской культур, оставивших след в текстах данных культур, о которых, как показывает практика, испанским студентам мало что известно. Так, например, в учебни-

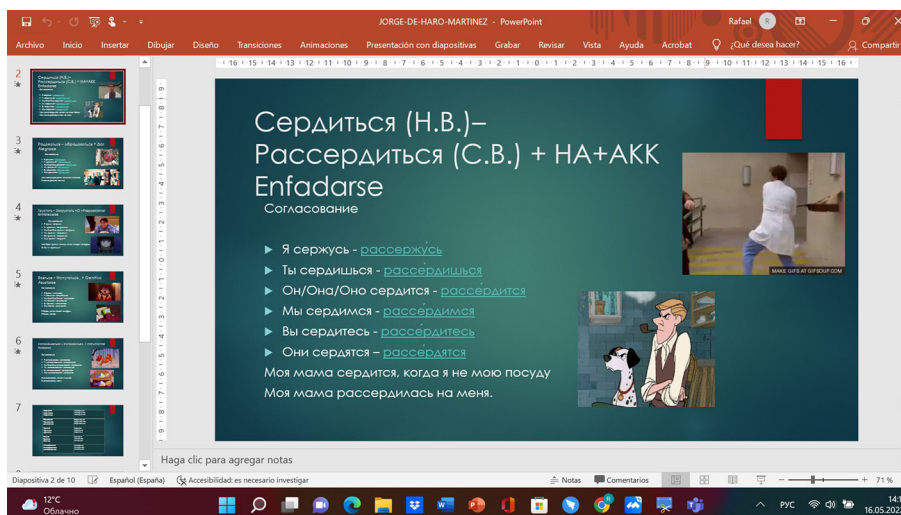

Рис. 13. Модуль 8

Fig. 13. Module 8

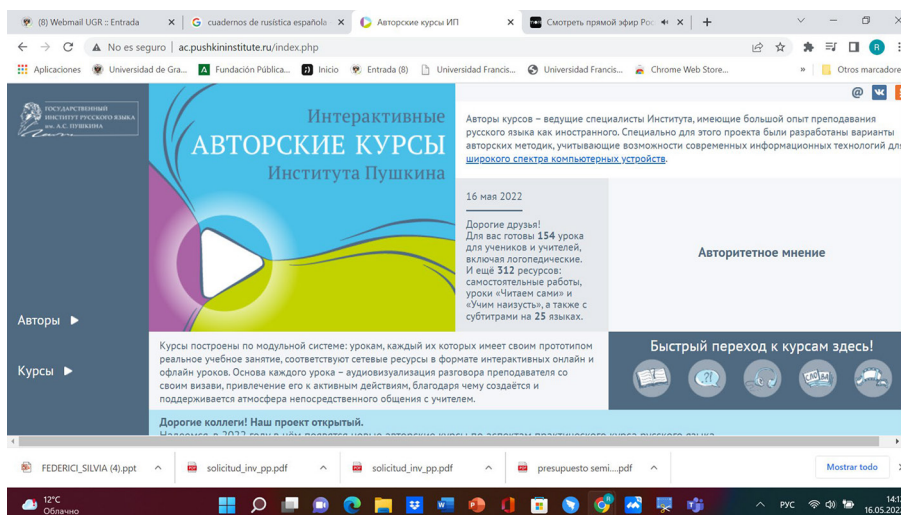

Рис. 14. Модуль 9

Fig. 14. Module 9

есть главы, рассказывающие о культурно-историческом диалоге Испании и России, о русско-испанских литературных связях (испанские мотивы в творчестве А. Пушкина, И. Тургенева и Ф. Достоевского, образы Дон-Жуана, Кармен в творчестве А. Блока, М. Цветаевой, К. Бальмонта, образ Дон-Кихота в творчестве М. Булгакова и др.), о контактах в области искусства («Испанские мотивы в русской музыке»).

Каждый урок состоит из нескольких частей: «Готовимся читать», «Читаем», «Проверяем», «Учимся говорить», «Пишем». В первой части урока содержатся предтекстовые задания, готовые к чтению текста, направленные на снятие возможных языковых трудностей. Сами тексты сопровождаются лингвострановедческим и культурно-историческим комментариями, а также глоссариями, содержащими перевод слов и выражений (выделенных в тексте). Далее даются послетекстовые упражнения, направленные на проверку понимания прочитанного и отработку лексико-грамматических конструкций, необходимых для разговора на предложенную тему. В раздел «Учимся говорить» включаются задания на комментирование, на выражение своего мнения, согласия/несогласия. Раздел «Проверяем», включающий тесты

и грамматические задания к тексту, снабжен ключами. В качестве итоговых даются письменные задания творческого характера для самостоятельной работы. В каждом тематическом разделе представлены рубрики: «Знаете ли вы, что...» (содержащая интересные данные и факты); «Для тех, кто хочет знать больше» (здесь даются отсылки к интернет-сайтам, на которых студенты могут найти информацию, расширяющую их представление о предмете). Во второй части учебного пособия «Испанские мотивы в русской литературе (читаем поэзию и прозу русских писателей)» и в Приложении «Испанские мотивы в литературе русского постмодерна» – (уровни B1-C1) – представлены оригинальные и адаптированные художественные тексты. Все художественные тексты снабжены информацией о писателях биографического характера, лексическим комментарием (глоссарием), вопросами и заданиями. Система заданий в данной части направлена на внимательное прочтение произведений русской классики, на овладение принципами анализа художественного текста и обеспечивает ведение беседы на определенную тему и воспроизведение самостоятельных высказываний оценочного характера. Использование на уроке художественных текстов вводит учащихся в ре-

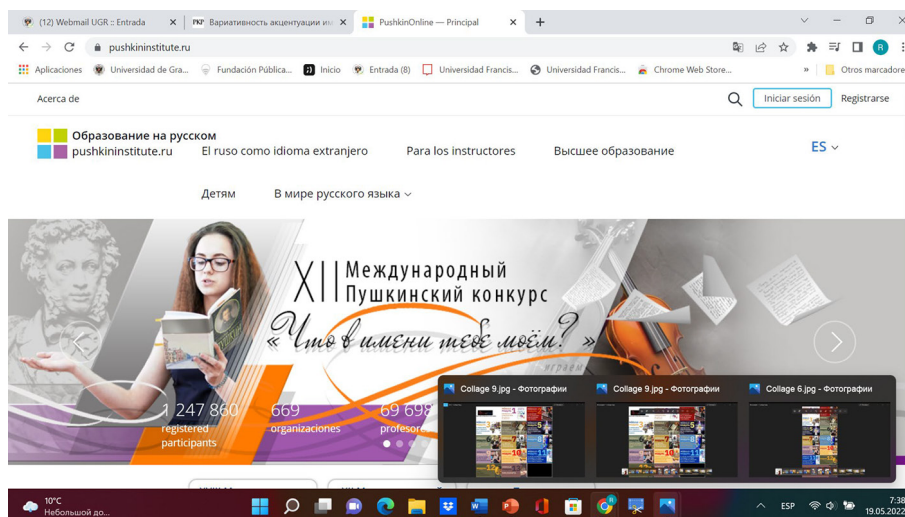

Рис. 15. Модуль 10

Fig. 15. Module 10

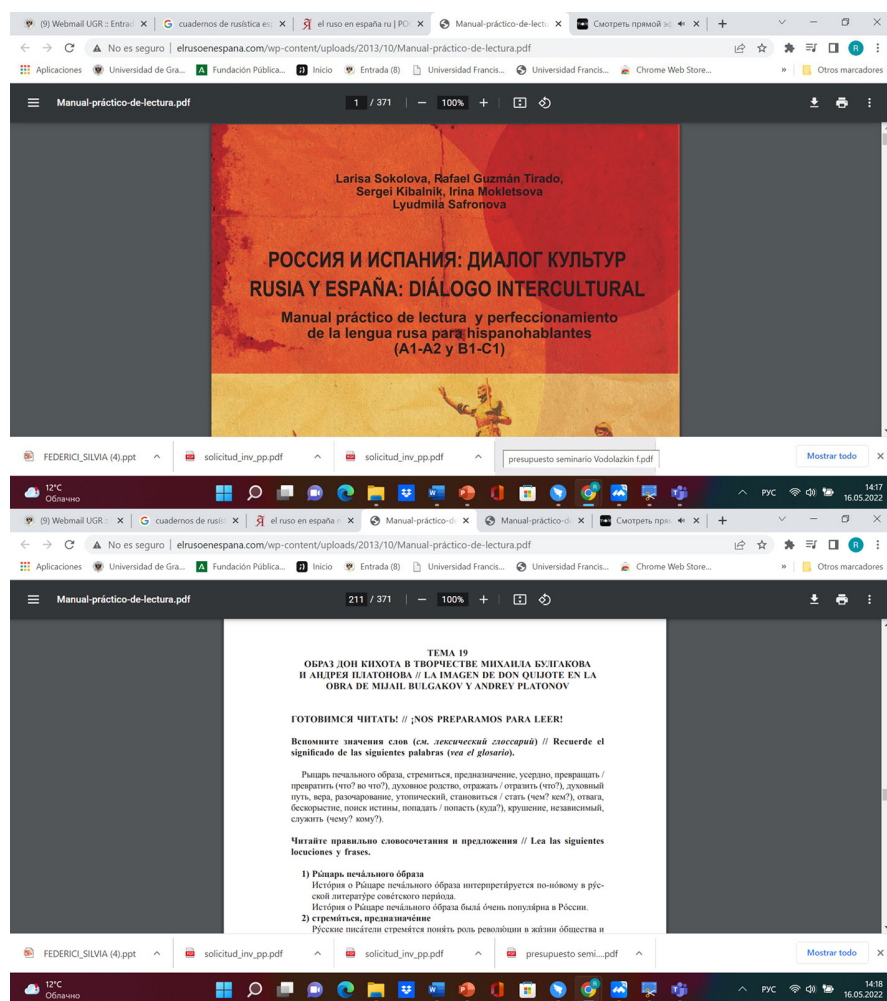

Рис. 16. Интерактивный национально ориентированный учебный комплекс по чтению и развитию речи для испаноязычных студентов «Россия и Испания: диалог культур»

Fig. 16. Interactive national-oriented reading and speech development course for Spanish-speaking students "Russia and Spain: Dialogue of Cultures"

альную жизнь языка, его действительное функционирование, требует от них творческого (а не механического) использования приобретенных знаний – как языковых, так и страноведческих.

Содержание CD, мультимедийного комплекса – приложения, полностью соответствует тематическим разделам учебно-методического пособия. Материал CD структурирован следующим образом:

1) учебно-методическое пособие «Россия и Испания: диалог культур» в электронном формате;

2) красочные слайд-презентации по каждому тематическому разделу, иллюстрирующие иллюстрациями и фотографиями и побуждающие к активному коллективному общению и индивидуальным высказываниям.

3) музыкальные аудиофайлы;

4) обширная библиография по каждому тематическому разделу;

5) раздел «Для тех, кто хочет знать больше...», включающий научные статьи о русско-испанских историко-культурных и литературных контактах на испан-

ском и русском языках авторов учебно-методического пособия.

2. Мультимедийный ресурс по русской литературе и культуре, единственный в испаноязычном мире, который насчитывает более полумиллиарда носителей языка, который необходим не только для преподавания курсов по истории русской литературы как иностранной, но также и для ключевого курса «Русская литература и перевод» на факультете переводчиков: «Русская литература в мировом образовательном пространстве. Инновационные методы преподавания русской литературы как иностранной», реализованный также при финансовой поддержке Фонда «Русский мир» (руководитель проекта – д.ф.н. Л. Соколова, участники проекта – д.ф.н. Р. Гусман Тирадо, д.ф.н. Салустио Альварадо Сокастро). Актуальность данного проекта была обусловлена тем, что ни в Испании, ни в странах Латинской Америки не существовало ни одного учебника и ни одного мультимедийного ресурса по русской литературе, хотя курс по истории русской литературы читается на факультетах гуманитарных наук (180 часов) и на факультетах переводчиков (180 часов) как для студентов, изучающих русский язык как иностранный, так и для студентов других специальностей, и собирает многочисленную аудиторию. Курс по истории русской литературы в испанских университетах в настоящее время читается на испанском языке в связи с трансформацией специальности «Славянская филология» в специальность «Современные языки и литературы» в рамках Болонского процесса. В большинстве испанских университетов специальные курсы по русской литературе на испанском языке читаются также в так называемых *Aula Permanente Formación Continua* (Центры непрерывного образования для взрослых). К тому же необходимо учитывать обширную аудиторию испаноязычных студентов, изучающих русский язык и литературу в странах Латинской Америки. Единственный учебник по русской литературе на испанском языке был написан в первой половине XX века (A. Portnov. «Historia de la

literatura rusa». Madrid. 1936) и в настоящее время недоступен для студентов, так как находится в книгохранилище Мадридского университета Комплутенсе. В такой ситуации студенты, магистранты и аспиранты при изучении русской литературы и при написании курсовых, магистерских и кандидатских исследований обращаются в основном к англоязычным и франкоязычным источникам, которые фигурируют в списке основной литературы практически во всех программах испанских университетов (*The Cambridge History of Russian literature*, Cambridge University Press, 1992 (Moser, Charles A., editor), *Reference Guide to the Russian Literature*, Fitzroy Dearborn, London [etc.], cop. 1998, Waegemans E. *Histoire de la littérature russe de 1700 à nos jours*. Amphi 7. Langues, Presses universitaires du Mirail, Toulouse, 2003). В данных учебных пособиях, на наш взгляд, история русской литературы представлена недостаточно полно и объективно: преобладают психоаналитические трактовки творчества русских писателей, история русской литературы интерпретируется схематически, не отражена концептосфера русской литературы и культуры, не представлены литература русского зарубежья и новейшая русская литература. В некоторых учебниках по славянским литературам не только не раскрывается, но и игнорируется мировое значение русской литературы. Так, в учебнике «История славянских литератур», изданном в Мадридском университете Комплутенсе под редакцией Фернандо Преса (*Historia de las literaturas eslavas*. Coordinador: Fernando Presa González, Ediciones Catedra, S.A. Madrid. 1997), из 1400 страниц только 280 отведено русской литературе, тогда как история польской литературы занимает 80 % всего учебного пособия.

Наш инновационный мультимедийный ресурс включает **13 модулей**, каждый модуль структурирован в соответствии с тематическими и методическими блоками. В мультимедийный ресурс включен *национально ориентированный учебник по русской литературе для испаноязычных студентов*. Новизна данного учебника за-

Рис. 17. Мультимедийный ресурс по русской литературе Aprenda la literatura rusa online

Fig. 17. Multimedia resource on Russian literature Aprenda la literatura rusa online

ключается в том, что русская литература рассматривается в компаративном ракурсе и в аспекте активного взаимодействия с испанской культурой.

Первым модулем проекта стала монография по истории русской литературы, опубликованная издательством Гранадско-

го университета в 2020 году. Уникальность этой книги заключается в том, что в настоящее время это единственное в испаноязычном мире издание по истории русской литературы, написанное на испанском языке. Кроме того, русская литература рассматривается в этой монографии не только в кон-

тексте европейской традиции, но и в рамках историко-культурного диалога с испанской литературой: каждая глава содержит материал об испанских мотивах в русской литературе. Другие модули в составе ресурса реализуют практико-ориентированный подход и позволяют существенно модернизировать процесс преподавания русской литературы в испаноязычных странах.

Обсуждение

Отметим, что возможности использования национально ориентированных интернет-ресурсов огромны. Еще раз подчеркнем уникальные возможности национально ориентированных интернет-ресурсов. Например, обратимся к тематическому блоку «Августин Бетанкур и Россия // Agustín de Betancourt у Rusia» вышеописанного ресурса «Россия и Испания: диалог культур» в электронном формате. Преподаватель может не только использовать данный электронный ресурс на уроке или вне урока, но также и приложение CD – презентацию с иллюстрациями и музыкальными файлами по изучаемой теме.

Особенностью данного урока является то, что в нем представлен диалог культур на текстовом материале, отражающем русско-испанские контакты. Этот урок ориентирован на поиск и выделение межкультурных соответствий и различий на концептуальном уровне и позволяет эффективно использовать русский язык как иностранный в реальных условиях межкультурной коммуникации. Сам текст о выдающемся испанском ученом и архитекторе, который долго жил в России и оставил свой «след» в архитектуре Москвы, Санкт-Петербурга и Нижнего Новгорода, предполагает эмоциональную вовлеченность испаноязычных студентов в изучаемый материал, так как речь идет об «испанском Леонардо да Винчи», как называли Августина Бетанкура его современники. Поэтому основная задача преподавателя – не просто познакомить испаноязычных студентов, изучающих русский язык, с фактами уникальной биографии, но и помочь им понять,

осмыслить свою культуру через отражение ее в русской культуре; не только выявить различия, но и продемонстрировать сходства, близость двух культур.

Опишем структуру данного тематического блока. Так, в разделе ЗНАЕТЕ ЛИ ВЫ..... // SABÍA USTED QUE студенты знакомятся с наиболее важными и интересными фактами биографии испанского архитектора и ученого Августина Бетанкура. Далее вниманию студентов предлагается текст о жизни и деятельности Августина Бетанкура в Испании, Франции и России. В процессе чтения студенты могут обращаться к историко-культурному комментарию (Comentario histórico-cultural) и лексическому глоссарию (Glosario), которые представлены в каждом тематическом блоке.

После комментированного чтения текста, которое включает объяснение наиболее трудной лексики для испаноязычных студентов (например, «градостроитель», «возглавить» и т.д.), учащимся предлагается сделать следующий тест:

ПРОВЕРЯЕМ // COMPROBAMOS NUESTRO CONOCIMIENTO.

Тест // Test. Выберите вариант правильного (в соответствии с содержанием текста) продолжения предложения // Elija la respuesta correcta según el contenido del texto.

1. Августин Бетанкур родился:
 - А) на острове Пальма де Майорка
 - Б) на острове Тенерифе
 - В) на острове Ибица
2. Августин Бетанкур учился в Академии изящных искусств:
 - А) в Лондоне
 - Б) в Петербурге
 - В) в Мадриде
3. В 1787 году испанский инженер окончил:
 - А) Академию изящных искусств в Мадриде
 - Б) Парижскую школу мостов и дорог
4. В 1808 году испанский инженер приехал:
 - А) в Англию

- Б) во Францию
В) в Россию
5. В 1810 году Августин Бетанкур по своей инициативе открыл в Петербурге:
- А) Академию изящных искусств
Б) Институт путей сообщения
В) Кабинет машин и механизмов
6. В Санкт-Петербурге испанский инженер построил:
- А) Манеж
Б) Гостиный двор
В) Исаакиевский собор
7. В Москве Августин Бетанкур построил:
- А) фонтан
Б) Манеж
В) собор
8. Августин Бетанкур умер:
- А) в Испании
Б) во Франции
В) в России
- Далее для закрепления грамматического материала предлагаются грамматические задания к тексту, например:

Грамматические задания к тексту
// **Tareas gramaticales.**

1. Дополните предложения прилагательными из скобок в нужной форме
// **Ponga en la forma correcta los adjetivos que aparecen entre paréntesis.**

о 1. Жизнь (замечательный, испанский) ученого, инженера, архитектора Августина Бетанкура была (удивительная). 2. Он родился в (аристократическая) семье. 3. Домашние учителя занимались с ребенком (точные, гуманитарные) науками, музыкой, (иностраннне) языками. 4. В Мадриде он проявил (необычайные) способности в (разные) науках. 5. Августин Бетанкур был (талантливый, образованный) человеком. 6. Он собрал (богатая) коллекцию (оригинальные) машин и механизмов. 7. В этот период он занимался (любимое) делом – изобретением (различные) механизмов. 8. Он построил (первая, большая, шоссейная) дорогу в России. 9. Августин Бетанкур построил немало (чудесные) зданий в Санкт-Петербурге, Москве и Нижнем Новгороде. 10. Он участвовал в строительстве (знаменитый, Иса-

акиевский) собора в Санкт-Петербурге. 11. В России построили памятник (удивительный) испанцу с острова Тенерифе.

После того как учащиеся справятся с грамматическими заданиями, преподаватель может разделить их на две группы и предложить творческое задание: отвечая на предложенные вопросы (см. ниже), составить краткий текст на русском языке о биографии Августина Бетанкура, максимально используя новую изученную лексику, и представить его в формате PowerPoint.

УЧИМСЯ ГОВОРИТЬ
// **APRENDEMOS A HABLAR.**

Вопросы и задания к тексту
// **Preguntas y tareas sobre el texto.**

1. Ответьте на вопросы // Responda a las preguntas siguientes:

- 1) Где родился Августин Бетанкур?
- 2) Когда он уехал учиться в Мадрид?
- 3) Чем занимался Августин Бетанкур в Мадриде?
- 4) Что делал испанский инженер во Франции?
- 5) Когда Августин Бетанкур приехал в Россию?
- 6) Сколько лет прожил испанский инженер в России?
- 7) Какие проекты реализовал Августин Бетанкур в Санкт-Петербурге?
- 8) Что построил Августин Бетанкур в Москве?
- 9) Что построил испанский инженер в Нижнем Новгороде?
- 10) Почему Августина Бетанкура можно назвать испанским Леонардо да Винчи?

Заключение

Стоит отметить, что в Испании ранее не существовало национально ориентированных образовательных ресурсов подобного инновационного типа, в большинстве учебников и учебных пособий, в том числе электронных, как правило, представляется только одна культура, а именно культура страны изучаемого языка, то есть России.

В наших национально ориентированных образовательных ресурсах представлены именно русско-испанские контакты

в истории, литературе, музыке, театральном искусстве. Все цифровые ресурсы были апробированы в разных по уровню владения русским языком испаноязычных группах на факультете гуманитарных наук и на факультете переводчиков Гранадского университета. Результаты апробации превзошли ожидания авторов данных ресурсов, практически на каждом уроке обнаруживалась эмоциональная вовлеченность студентов в изучаемый материал, возможно, потому, что явления русской культуры, отражающие непосредственные, прямые контакты между двумя странами, оставившие след в родной культуре студентов, вызывают больше чувств и эмоций, чем те, которые не имеют непосредственного отношения к родной культуре. И, в свою очередь, “испанский след” в русской культуре, несомненно, обладает притягательной силой для учащихся. Таким образом, как показала апробация, отобранный культурологический материал, отражающий раз-

нообразные *русско-испанские контакты*, система его презентации и разработки в наших инновационных цифровых ресурсах, представление традиционных компонентов учебного процесса методически по-новому, на основе диалога взаимодействующих культур, побуждают обучаемых к активной коммуникации, желанию высказать свою точку зрения, свое мнение, что и является главной целью обучения общению испаноязычных студентов на русском языке.

В заключение хотелось бы отметить, что, несмотря на уникальные возможности интернет-ресурсов в учебном процессе, не стоит их абсолютизировать. На наш взгляд, перспективным будет подход, в котором гармонично сочетаются традиционные методы обучения (основанные на живом контакте преподавателя и студента и эффективной обратной связи от студентов) и инновационные цифровые технологии, которые открывают уникальные возможности как для преподавателя, так и для студентов.

Список литературы / References

- Gusman Tirado R., Sokolova L. V. Obuchenie jazyku, kul'ture, kommunikacii: Interaktivnyj uchebnyj kompleks po chteniju i razvitiyu rechi dlja ispanojazychnyh studentov «Rossija i Ispanija: dialog kul'tur». In: *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Serija: Lingvistika*. 2014, 2, 96–107.
- Gusman Tirado R. O roli MAPRJaL v razvitiu ispanskoy rusistiki (2000–2020). In: *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Vyp. 4. Jazyk i literatura*. 2020, 17, 709–719.
- Gusman Tirado R. O russkom jazyke v Ispanii i v Granadskom universitete. In: *Russkij jazyk za rubezhom (special'nyj vypusk: Rusistika v Ispanii)*. 2017, 1, 6–10.
- Gusman Tirado R., Sokolova L. V. Rusistika v Ispanii. In: *Russkij jazyk za rubezhom*. 2014, 3, 3–8.
- Gusman Tirado R., Sokolova L. V. Internet-resursy v praktike prepodavanija russkoj literatury kak inostrannoj. *Jazyk i rech' v Internet: lichnost', obshhestvo, kommunikacija, kul'tura: sbornik statej IV Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. [Language and speech on the Internet: personality, society, communication, culture: emerging state of the IV International scientific and practical conference]*. Moskva, RUDN, 2020 pod obshh. red. A. V. Dolzhikovej, V. V. Barabasha, M., 1, 71–81.
- Gusman Tirado, R., Sokolova, L. V. Proektirovanie i razrabotka nacional'no-orientirovannyh obrazovatel'nyh resursov po RKI i russkoj kul'ture dlja ispanojazychnyh studentov. *Gorizonty sovremennoj rusistiki. Sbornik statej mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvjashhennoj 90-letnemu jubileju akademika V.G. Kostomarov. [Horizons of Modern Science. Proceedings of the International Scientific Conference dedicated to the 90th anniversary of Academician V.G. Kostomarov.] Institut russkogo jazyka im. A. S. Pushkina. Moskva, 2020, 859–866.*
- Marchenko T. V. U istokov ispanskoy rusistiki: materialy Rjurika Pavlovicha Kocebu v arhive Doma russkogo zarubezh'ja im. A. Solzhenicyna. In: *Cuadernos de Rusística Española*, 2019, 15, 267–279.
- Sokolova L. V. Strategii ovladeniya jazykom pri interpretacii hudozhestvennogo teksta v uslovijah mezhkul'turnoj kommunikacii. *Russkij jazyk i literatura v mezhdunarodnom obrazovatel'nom prostranstve*. T. 1. Universidad de Granada. SPB. MIRS, 2007. S. 461–469

Sokolova L., Guzmán Tirado, R. Russian-Spanish intercultural dialogue (theoretical principals and structure of the nationally orientated textbook for reading and perfection of spoken habits for Spanish students "Russia and Spain: dialogu of cultures"). In: *Mir russkogo slova*, 2014, 2, 56–68.

Sokolova L., Guzmán Tirado, R., Mokletsova, I., Kibalnik, S., Safronova, L. *Rusia y España: diálogo intercultural. Manual práctico de lectura y perfeccionamiento de la lengua rusa para hispanohablantes. (A1-A2 y B 1-C 1)*. Granada: Jizo Ediciones, 2013. 370.

Sokolova L. V. Hudozhestvennyj tekst kak sredstvo osvoenija inojazychnoj kul'tury v praktike prepodavanija RKI. «Sociokul'turnye i filologicheskie aspekty v obrazovatel'nom i nauchnom kontekste». Pervyj Mezhdunarodnyj virtual'nyj forum po rusistike, kul'ture, pedagogike v Japonii/ stat'i, doklady Mezhdunarodnogo foruma v Japonii: Materialy mezhdunarodnogo foruma «Sociokul'turnye i filologicheskie aspekty v obrazovatel'nom i nauchnom kontekste». [*The First International Virtual Forum on Russian Studies, Culture, and Pedagogy in Japan / articles, reports of the International Forum in Japan: Proceedings of the International Forum "Sociocultural and Philological Aspects in the Educational and Scientific Context"*]. Kiotskij universitet. Kioto: Universitet Kioto Sangjo, «Tanaka Print», 2014.

Sokolova L. V., Gusman Tirado, R. Laboratorija mul'timedijnyh proektov kak faktor modernizacii processa obuchenija rki v ispanojazychnoj auditorii «Laboratorija mul'timedijnyh proektov kak faktor modernizacii processa obuchenija RKI v ispanojazychnoj auditorii». In: *Russkij jazyk za rubezhom (special'nyj vypusk: Rusistika v Ispanii)* 2017, 1, 37–41.

Vaaleva D.R. Interferentsionnyye oshibki v rechi ispanogovoryashchikh studentov pri obuchenii angliyskomu yazyku kak inostrannomu. In: *Cuadernos de Rusística Española*, 2019, 15, 207–221.

EDN: RPPWCL
УДК 378

The Analysis of the Ability to Mediate Highly Specialized Texts in Master's Degree Students of a Multidisciplinary University

Anastasia S. Gerasimova* and Oksana A. Sheredekina

*Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University
Saint Petersburg, Russian Federation*

Received 20.01.2024, received in revised form 08.09.2025, accepted 02.10.2025

Abstract. The present study analyses the formation of the concept of “mediative competence”. It also discovers that language mediation goes beyond the bounds of interlinguistic mediation and, as a result, integrates with intralinguistic mediation. **The aim** of the research is to determine the level of the mediative competence formation in master's degree students of a multidisciplinary university studying in such training programs as “Economics”, “Mechanical Engineering”, “Civil Construction” basing on their work with English and Russian texts in their specialty. To measure the level of the mediative competence formation **a testing material** was developed which included highly specialized texts in the relevant areas of training. The test consisted of 11 tasks relevant to two aspects of the mediative competence mentioned above in their full scope of indicators. **The results** of the study showed that a high level of mediative competence formation was registered only in 19 % of master's degree students, i.e. in 20 people (out of a total of 103). The average level was recorded in 35 students, which amounted to 34 %. A low level of mediative competence formation was shown by 48 master's degree students (47 %). It means that the mediative competence of the majority of the students is poorly formed, which does not allow them to carry out effective interlinguistic and intralinguistic mediation. The study is unique due to the fact that it measures not only the general level of mediative competence formation, but also the level of formation of each competence indicator.

Keywords: mediation, mediative activity, mediative competence, highly specialized texts.

The Reported Study Was Funded by RSF, Project no 23–78–01058 “Interactive-discursive technology for the formation of mediative competence in foreign language teaching in a multidisciplinary university”.

Research area: Social Structure, Social Institutions and Processes; Theory and Methods of Teaching and Upbringing (by Areas and Levels of Education).

© Siberian Federal University. All rights reserved

* Corresponding author E-mail address: Nastasi_09@mail.ru

ORCID: 0000-0002-0857-4151 (Gerasimova); 0000-0001-5198-815X (Sheredekina)

Citation: Gerasimova A. S., Sheredekina O. A. The Analysis of the Ability to Mediate Highly Specialized Texts in Master's Degree Students of a Multidisciplinary University. In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2025, 18(10), 2083–2097. EDN: RPPWCL

Анализ способности магистрантов многопрофильного вуза к медиации узкоспециальных текстов

А.С. Герасимова, О.А. Шередекина

*Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого
Российская Федерация, Санкт-Петербург*

Аннотация. В настоящем исследовании проводится анализ становления понятия «медиативная компетенция». Устанавливается, что языковая медиация преимущественно выходит за рамки межлингвистической медиации и, как следствие, интегрируется с внутрилингвистической. **Цель** исследования – определить уровень сформированности медиативной компетенции у магистрантов многопрофильного вуза, обучающихся по направлениям подготовки «Экономика», «Машиностроение», «Строительство» на основе работы с англоязычными и русскоязычными текстами по специальности. Для измерения уровня сформированности медиативной компетенции магистрантов был разработан **тестовый материал**, базирующийся на узкоспециальных текстах по соответствующим направлениям подготовки. Тест состоял из 11 заданий, релевантных двум вышеуказанным аспектам медиативной компетенции во всей совокупности их показателей. **Результаты** исследования показали, что высокий уровень сформированности медиативной компетенции зарегистрирован только лишь у 19 % магистрантов, т.е. у 20 испытуемых (из общего количества 103). Средний уровень зафиксирован у 35 студентов, что составило 34 %. Низкий уровень сформированности медиативной компетенции показали 48 магистрантов (47 %). Из этого следует, что медиативная компетенция у большинства магистрантов сформирована на низком уровне, не позволяющем им осуществлять эффективную межлингвистическую и внутрилингвистическую медиацию. Исследование носит уникальный характер в связи с тем, что в нем измеряется не только общий уровень сформированности медиативной компетенции, но и каждый из ее показателей.

Ключевые слова: медиация, медиативная деятельность, медиативная компетенция, узкоспециальные тексты.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, в рамках научного проекта № 23–78–01058 «Интерактивно-дискурсивная технология формирования медиативной компетенции в условиях иноязычного образования в многопрофильном вузе».

Научная специальность: 5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы; 5.8.2. Теория и методика обучения и воспитания (по областям и уровням образования).

Цитирование: Герасимова А. С., Шередекина О. А. Анализ способности магистрантов многопрофильного вуза к медиации узкоспециальных текстов. *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2025, 18(10), 2083–2097. EDN: RPPWCL

Введение

Ни для кого не секрет, что обмен научными знаниями и последними достижениями в области национальной науки расширяет потенциал проводимых исследований, служит катализатором для формирования нового научного знания и, как следствие, определяет вектор развития научной мысли. Тем не менее в настоящее время наука приобрела статус глобального явления, стирающего границы национальной науки.

Средством, обеспечивающим диалог глобальных и национальных научных сообществ, является английский язык, не теряющий своей актуальности уже на протяжении 70 лет. Закрепление за английским языком статуса *lingua franca*, а также международного языка науки нашло свое отражение в нормативных актах, регламентирующих уровень владения иностранным языком на разных ступенях образования.

Целью обучения английскому в высшей школе является формирование иноязычной коммуникативной компетенции профессионально ориентированного плана, обеспечивающей способность осуществлять продуктивную профессиональную коммуникацию в межкультурном пространстве. Вместе с тем уровень магистратуры и аспирантуры предполагает владение английским языком на академическом уровне, что связано с подготовкой выпускной квалификационной работы, в которой изучается один из аспектов отраслевого научного знания. При анализе и систематизации научно-методической литературы студенты неизбежно обращаются к общенаучным или узкоспециальным текстам, что требует формирования медиативной компетенции, обеспечивающей умение работать с текстом, в том числе и на иностранном языке. Документально требование к формированию медиативной компетенции на академическом уровне у магистров закреплено в образовательном стандарте высшего образования в качестве формулировки к универсальной компетенции «Коммуникация», определяемой как «способность применять современные коммуникативные технологии, в том числе на иностранном(ых) язы-

ке(ах), для академического и профессионального взаимодействия».

Документально требование к формированию медиативной компетенции на академическом уровне у магистров закреплено в образовательном стандарте высшего образования в качестве идентификатора достижения универсальной компетенции «Коммуникация» (ИД-3) как способность «осуществлять коммуникацию на иностранном языке в ситуациях академического и профессионального общения в интернациональной среде...» (*Obrazovatel'nyi standart...*, 2017). В данной формулировке медиативная компетенция представлена косвенно через практику языковой медиации.

Концептологические основания исследования

Понятие «языковая медиация» было заимствовано в лингводидактику из языкознания в качестве унифицирующего термина, пришедшего на смену понятию «языковое посредничество» (Komissarov, 1990; Latyshev, 2005). При этом содержание понятия «языковая медиация» представлено неоднозначно в работах ряда исследователей. Так, например, интерпретация медиации как исключительно умений выполнять качественный перевод узкоспециальных текстов основана на межкультурном подходе к коммуникации. В фокусе внимания при этом оказываются исключительно проблемы межлингвистического порядка, требующие введения в коммуникацию посредника, способного донести содержание текста до читателя, не владеющего иностранным языком. В рамках данной трактовки понятия «языковая медиация» в лингводидактике осуществляется поиск эффективных путей обучения переводу (Atabekova, 2011; Stateeva, 2014; Kinderknekht, 2018 и др.). Другой подход к пониманию языковой медиации предполагает выход за рамки межлингвистической медиации и, как следствие, ее интеграцию с внутрилингвистической медиацией как посредничества между узкоспециальным текстом и аудиторией непрофессионалов (Dendrinis, 2006;

Kolesnikov, Denisov, 2012; Strekalova, 2015). При этом медиатор реализует не только лингвистические, но предметные знания. В своей статье мы придерживаемся второго подхода, в полной мере отражающего многоаспектную деятельность магистранта при работе с текстом на иностранном языке с целью поиска и обработки информации для своего исследования.

Установив объем понятия «языковая медиация», следует определить содержание понятия «медиативная компетенция». В методической литературе медиативная компетенция рассматривается через понятие медиативной деятельности, определяемой как вид коммуникативной деятельности. Основанием для актуализации понятия «медиативная деятельность» послужил кризис традиционной классификации, базирующейся на психолингвистическом подходе и выделяющей такие виды речевой деятельности, как аудирование, говорение, чтение и письмо. Утверждается, что прежняя модель не в полной мере отражает коммуникативные реалии, где в центре внимания оказывается межличностное взаимодействие, ориентированное на решение конкретных задач производственного, исследовательского и житейского уровней (Pavlov, 2021). При этом целью иноязычного обучения выступает не язык как знаковая система, а обучение коммуникации посредством языка. На передний план выходит коммуникативная компетенция, идентифицируемая как единство субкомпетенций, одной из которых является медиативная компетенция.

Содержание медиативной компетенции в рамках проводимого исследования определяется дидактическим материалом. Рассмотрение медиативной компетенции магистрантов исключительно в контексте работы с узкоспециальными текстами привело к необходимости ограничить содержание понятия медиативной деятельности медиацией текста в сравнении с моделью, предложенной Советом Европы в документе «Общеввропейские компетенции владения иностранным языком: изучение, обучение, оценка», где также представлены

такие виды деятельности, как «медиация понятий» и «медиативная коммуникация» (Common European Framework..., 2020). Тем самым в медиативную компетенцию вошли умения, связанные с медиацией текста как разновидности медиативной деятельности, и медиативными стратегиями, определяющими эффективность действий магистрантов по работе с фрагментами текста (рис. 1).

Медиация текста представлена шестью видами деятельности и соответствующими им умениями, из которых четыре предполагают медиацию межлингвистического уровня. В медиативную компетенцию включены два типа конспектирования межязыкового порядка: конспектирование устного (лекции, семинары, научные доклады на конференции) и письменного текста (статьи, монографии, тезисы, рецензии, дипломные и диссертационные работы и др.). Данный процесс обработки текста является многоплановым и направлен на выявление смысловых частей узкоспециального текста, фиксацию ключевых идей, установление закономерностей и систематизацию информации. Важным при этом являются знания особенностей каждого вида текста в целом и их отдельных элементов в частности как структура абзаца, включающего тему фразы, ее объяснение и завершение. Интерпретация статистических данных, представленных в виде диаграммы, гистограммы, графика и т.п., предполагает знание алгоритма представления информации от названия и выходных данных графического рисунка, общей тенденции, детализации данных и выводов с возможным прогнозом развития событий. Письменный перевод узкоспециального текста на современном этапе требует не столько умения перевести текст в автономном режиме, сколько умения выполнять перевод с применением автоматизированных средств через процедуры с пред- и постредактирования. Это предполагает знание специфики академического языка: правил грамматического, лексического и стилистического оформления текста.

Медиация текста на внутрилингвистическом уровне включает два вида деятельно-

Рис. 1. Структура медиативной компетенции
Fig. 1. The structure of the mediative competence

сти: конспектирование, или реферирование текста и его личностно ориентированная оценка. Следует отметить, что нередко преподаватели фиксируют структурные и содержательные недочеты при реферировании узкоспециальных текстов и указывают на отсутствие конструктивной оценки содержания текста (Nagornaia, 2015). Тем самым, несмотря на видимую простоту подобного рода заданий по работе с иноязычным текстом, они заслуживают внимания при обучении иностранным языкам.

Формирование медиативной компетенции сопряжено с изучением медиативных стратегий, реализуемых в контексте внутрилингвистической медиации. Под медиативными стратегиями мы понимаем модели действий, техники, ориентированные на разъяснение содержания узкоспециального текста и его симплификацию.

На основании этого можно выделить две группы медиативных стратегий, направленных на экспликацию отдельных терминов («Стратегии разъяснения понятия») и адаптацию текста («Упрощение текста»). Посредством стратегий первой группы реализуется функция пояснения узкоспециального текста как на уровне понятия, когда раскрывается содержание термина через его связь с другим предметом или предметным знанием, так и на уровне текста в целом. Расширенная пояснительная функция, реализуемая в рамках медиативной стратегии «Адаптация», направлена на межрегистровый перевод текста (с формального на нейтральный). Умение переработать текст и выявить категориально однородные элементы, представить описание процесса в виде схемы или списка действий или продемонстрировать взаимосвязь компонентов

единого понятия, позволяет визуализировать сложное отраслевое понятие и в доступной форме донести его содержание до непрофессионала.

Вторая группа стратегий ориентирована на работу с крупным фрагментом текста. При реализации стратегий «Упрощение текста» на передний план выходит умение симплифицировать текст посредством доступных примеров, аргументации и поясняющих комментариев (стратегия «Усиление содержательной стороны текста»). Вместе с тем значимым является умение упростить исходный текст, исключив из него нерелевантную или повторяющуюся информацию (стратегия «Рационализация текста»). Очевидный коммуникативный потенциал медиативных стратегий, которые могут быть использованы в ходе работы с узкоспециальным текстом, позволяет сделать вывод о том, что условие эффективного оперирования ими следует считать обязательным критерием обучения медиативной компетенции.

Как видно из рис. 1, медиативная компетенция – это сложная структура, интегрирующая множество умений, определяющих возможность эффективно работать с узкоспециальным текстом. Однако в большом количестве методических исследований фокус внимания смещен на коммуникативную компетенцию, а медиативная рассматривается только лишь как ее компонент (Van Ek, 1986; Khomiakova, 2008; Strekalova, 2015). Таким образом, в данных исследованиях формирование медиативной компетенции не является приоритетным, и ее потенциал размывается на фоне более глобального понятия «коммуникативная компетенция».

Вопросами формирования непосредственно медиативной компетенции занимаются Вавилина Т.Ю. и Привалова Е.В., Горчакова А.В., Колесников А.А., Денисов М.К. и др. (Kolesnikov, Denisov, 2013; Vavilina, Privalova, 2019; Gorchakova, 2021). Вместе с тем количество исследований в области медиативной деятельности академического текста, выходящей за рамки исключительно переводческой деятельности,

ограничено (Strekalova, 2015; Kucherenko et al., 2023). Вопрос целесообразности изучения проблем медиации академического текста изучался с позиции педагогического опыта преподавателей иностранного языка (Demir, Çekici, 2023), тогда как для практики преподавания первостепенны фактические медиативные способности магистрантов многопрофильного вуза. Из этого следует, что проводимое нами исследование, **целью** которого является определение уровня сформированности медиативной компетенции у магистрантов на основе работы с англоязычными и русскоязычными текстами по специальности, приобретает особенно *актуальный* характер. В пул **задач** статьи входит анализ научно-методической литературы, посвященной вопросам структуры и содержания понятия «медиативная компетенция» в контексте профессионально ориентированного иноязычного обучения, определение содержания медиативной компетенции, разработка тестового и измерительного материала для определения уровня сформированности медиативной компетенции, проведение тестирования и обработка полученных данных и их интерпретация. **Гипотеза** исследования заключается в предположении о том, что формированию медиативной компетенции на академическом уровне посредством узкоспециальных текстов в рамках профессионального иноязычного обучения в многопрофильном вузе уделяется мало внимания, что находит свое выражение в уровне ее сформированности, недостаточном для проведения полноценного исследования в области специального знания.

Методология

Выборка. В исследовании приняло участие 103 студента магистратуры, обучающиеся в Санкт-Петербургском политехническом университете Петра Великого по направлениям подготовки 38.03.01 «Экономика» (Институт промышленного менеджмента, экономики и торговли), 15.03.01 «Машиностроение» (Институт машиностроения, материалов и транспорта) и 08.03.01 «Строительство» (Инженерно-

строительный институт). Все студенты обучались на 1 курсе магистратуры и изучали дисциплину «Иностранный язык в профессиональной коммуникации».

Методы. Для измерения уровня сформированности медиативной компетенции магистрантов был разработан тестовый материал, базирующийся на узкоспециальных текстах по соответствующим направлениям подготовки. Тест состоял из 11 заданий, релевантных двум аспектам медиативной компетенции, то есть медиативной деятельности и медиативным стратегиям, во всей совокупности их показателей. Каждый показатель был представлен одним упражнением, отражающим актуальные медиативные умения. Так, например, задание на умение конспектировать устное высказывание на межлингвистическом уровне было сформулировано

следующим образом: «Watch the part of the introduction lecture and outline the main ideas in English» (табл. 1). Возможность оценить каждый показатель медиативной компетенции по отдельности позволила произвести анализ общего уровня сформированности медиативной компетенции и выявить аспекты, требующие особого внимания методистов при организации обучения иностранным языкам.

Качество теста как инструмента, обеспечивающего стандартизованную процедуру проведения тестирования, обработки и интерпретации данных, было определено на основании таких критериев, как валидность и надежность. Валидность теста верифицировалась посредством метода экспертной оценки, с привлечением специалистов в области преподавания иностран-

Таблица 1. Аспекты медиативной компетенции и тестовые задания на установление уровня их сформированности

Table 1. Aspects of meditative competence and test tasks to determine their formation level

Аспекты медиативной компетенции		Показатели медиативной компетенции	Формулировка тестового задания
I. Медиативная деятельность		1) конспектирование устного текста	Watch the part of the introduction lecture and outline the main ideas in English. You will watch the video once.
		2) интерпретация данных	Describe the diagram from the article in English.
		3) конспектирование письменного текста	Read the text about ... and outline the main ideas.
		4) перевод письменного текста	Translate the paragraph below into English.
		5) конспектирование устного текста	Watch the part of the introduction lecture and outline the main ideas in English. You will watch the video twice.
		6) личностно-профессиональная оценка содержания текста	Read the text about ... and introduce your position on its content. Argue your position.
II. Медиативные стратегии	Стратегии разъяснения понятия	1) экспликация нового знания через общеизвестное	Explain the concept ... to a non-professional using the terms people definitely know and comparing it with everyday phenomena (5–7 sentences).
		2) адаптация текста	Adapt the term ... defined as ... to a non-professional.
		3) категоризация и разбиение на этапы	Read the text and make (I) the list of data sources and (II) the list of stages involved in the process of data collection. You may draw the scheme.
	Упрощение текста	1) усиление содержательной стороны текста	Adapt the text below to non-professionals and provide it with examples and arguments/comments.
		2) рационализация текста	Edit the text below crossing out irrelevant information (for a non-professional) and repetitions.

ных языков и переводчиков. В процедуре приняло участие 5 экспертов, которые дали оценку каждому из разработанных заданий теста. Все замечания и пожелания экспертов были учтены и реализованы в тестовом материале. Надежность теста была проверена посредством ретестового метода. Одна и та же группа магистрантов прошла тестирование в два этапа в сентябре и ноябре 2023–2024 учебного года. Индивидуальные баллы студентов за каждый из этапов были подсчитаны, и установлен коэффициент корреляции между результатами, который составил 0,88, что является хорошим показателем надежности теста.

При сборе и статистической обработке данных использовались методы количественного и качественного анализа. Оценка ответов студентов основывалась на их качественном анализе, так как абсолютное число вопросов носило открытый характер и предполагало некоторое количество

вариаций ответов. Для идентификации уровня сформированности медиативной компетенции были разработаны критерии оценки каждого показателя медиативной компетенции, базирующиеся на дескрипторах, представленных в директиве «Общеввропейские компетенции владения иностранным языком: изучение, преподавание, оценка» (Common European Framework..., 2020) (табл. 2). С учетом трехуровневой системы оценивания указанные критерии были адаптированы и представлены количественно в диапазоне от 2 баллов (высокий уровень) до 0 баллов (низкий уровень). Уровень сформированности медиативной компетенции в целом определяется суммой полученных баллов за каждое задание. Исходя из того, что максимальное количество баллов за все задания в тесте составляет 22, высокий уровень сформированности медиативной компетенции находится в интервале 19–22 балла (85–100 %), средний – 15–18

Таблица 2. Критерии оценки сформированности показателей медиативной компетенции
Table 2. Evaluation criteria of mediative competence indicators

№	Показатели медиативной компетенции	Уровни сформированности медиативной компетенции		
		Высокий (2 балла)	Средний (1 балл)	Низкий (0 баллов)
1	Конспектирование устного текста (межлингвистическая медиация)	Информация устных высказываний академического уровня на РЯ передана на ИЯ в полном объеме	Информация устного выступления на РЯ передана на ИЯ неполно, что тем не менее не влияет на восприятие общего содержания текста на РЯ	Отсутствует значительный объем информации исходного текста, что влияет на понимание содержания текста в целом
2	Интерпретация данных	Данные графического источника описаны полно, логика повествования соблюдена	При описании данных на ИЯ допущены незначительные недочеты в структуре написания или связности текста, не влияющие на восприятие информации	Имеются значительные нарушения когерентности текста-описания, не дающие полного представления о первоисточнике
3	Конспектирование письменного текста	Содержание текста на РЯ передано полно в тексте на ИЯ	В итоговом тексте имеются незначительные недочеты содержания плана, не искажающие смысл исходного текста	В тексте на ИЯ отсутствует значимая информация текста-оригинала, не дающая полного представления о содержании первоисточника

Таблица 2. Продолжение
Table 2. Continued

№	Показатели медиативной компетенции	Уровни сформированности медиативной компетенции		
		Высокий (2 балла)	Средний (1 балл)	Низкий (0 баллов)
4	Перевод письменного текста	Осуществлен качественный перевод с точки зрения содержания, семантики и стилистики	В переводе имеются незначительные недочеты семантического и стилистического планов, не искажающие оригинал	Перевод содержит значительные нарушения стилистики, семантики и содержания текста-оригинала
5	Конспектирование устного текста (внутрилингвистическая медиация)	Записи полностью передают суть высказывания	В записях имеются незначительные информационные пропуски, не влияющие на общее содержание высказывания	Записи не отражают в должной мере содержание высказывания, что сказывается на восприятии информации
6	Личностно-профессиональная оценка содержания текста	Личная позиция в отношении академического теста четко сформулирована и аргументирована	Имеются незначительные недочеты в формулировке и аргументации собственной позиции, не искажающие смысл высказывания	Личная позиция сформулирована нечетко, аргументация отсутствует или нерелевантна
7	Экспликация нового знания через общеизвестное	Новое профессиональное знание представлено с опорой на уже имеющееся у людей непрофессиональное знание	Новая информация представлена в контексте имеющихся у людей знаний, однако в объяснении присутствуют незначительные недочеты содержательного плана, не искажающиеся описываемой концепции или процедуры	Представление нового профессионального знания не связано с имеющимися у реципиентов знаниями, что препятствует восприятию описываемого концепта или процедуры
8	Адаптация текста	Адаптированный текст в полной мере передает смысл оригинала на доступном непрофессионалу языке	Адаптированный текст содержит некоторые недочеты в передаче информации на доступном непрофессионалу языке, что тем не менее не искажает содержание оригинала	В адаптированном тексте присутствует значительное количество недочетов в передаче содержания оригинала на профессиональном языке, что осложняет процесс восприятия информации непрофессионалом
9	Категоризация и разбиение на этапы	Переработанная информация представлена в систематизированном виде и полностью передает смысл первоисточника	Переработанный текст представлен в систематизированном виде, отсутствует 1–2 информационных единицы текста-оригинала, что не искажает содержание первоисточника	Конечный текст систематизирован, отсутствует более 2 информационных единиц текста-оригинала, что искажает общий смысл первоисточника

Таблица 2. Продолжение
Table 2. Continued

№	Показатели медиативной компетенции	Уровни сформированности медиативной компетенции		
		Высокий (2 балла)	Средний (1 балл)	Низкий (0 баллов)
10	Усиление содержательной стороны текста	Переработанный профессиональный текст доступен непрофессионалу и содержит примеры, аргументацию и/или поясняющие комментарии	Переработанный оригинал достаточно доступно изложен для непрофессионала, отсутствуют примеры или аргументация/пояснения	Переработанный текст содержит ряд понятий, непонятных для непрофессионала, что осложняет восприятие им содержания текста, отсутствуют примеры или аргументация/пояснения
11	Рационализация текста	Из текста-оригинала исключена вся нерелевантная и повторяющаяся информация, не имеющая значения для целевой аудитории	В процессе адаптации текста присутствует 1 повтор или пример нерелевантной информации, что не влияет на восприятие текста непрофессионалом	Адаптированный текст содержит более 1 повтора или пример нерелевантной информации; восприятие текста осложнено

баллов (66–85 %) и низкий – 0–14 баллов (≤65 %).

Результаты

Для установления уровня сформированности медиативной компетенции у магистрантов за основу были взяты результаты первого тестирования, являющегося начальной стадией экспериментального исследования. Перед качественным анализом результатов тестирования была высчитана средняя выборочная величина уровня сформированности медиативной компетенции $\bar{x}$ по формуле Е.В. Сидоренко (Sidorenko, 2003):

$$\bar{x} = \frac{1}{n} \sum_{i=1}^k x_i n_i = \frac{x_1 n_1 + x_2 n_2 + \dots + x_k n_k}{n},$$

где i – номер специальности подготовки (1 – «Экономика», «Машиностроение» и 3 – «Строительство»), n – общее число студентов, k – количество специальностей подготовки. Количественные показатели в процентном соотношении представлены на рис. 2. Из круговой диаграммы видно, что высокий уровень сформированности медиативной компетенции зарегистрирован

только лишь у 19 % магистрантов, то есть 20 испытуемых, причем на 100 % выполнили тест 5 человек, тогда как остальные 15 допустили недочеты и потеряли от 1 до 3 баллов. Средний уровень зафиксирован у 35 студентов, что составило 34 %. Низкий уровень сформированности медиативной компетенции показали 48 магистрантов (47 %), из которых 4 испытуемых набрали 4–5 баллов из 22 возможных. Из вышеизложенного следует, что медиативная компетенция у большинства магистрантов сформирована на низком уровне, не позволяющем им осуществлять эффективную межлингвистическую и внутрилингвистическую медиацию.

Для разработки методической модели обучения по формированию медиативной компетенции необходимо выявить виды медиативной деятельности, вызывающие трудности у студентов. Детальный анализ результатов тестирования в рамках аспекта «медиативная деятельность» на рис. 3 демонстрирует, что наиболее удачным заданием, с которым студенты справились на 72 %, является конспектирование устного высказывания внутрилингвистического уровня (ВЛ). При этом наиболее низкие результаты

студенты продемонстрировали в области умений осуществлять письменный перевод текста (44 %), что связано с отсутствием опыта редактирования текста до и после исполь-

зования онлайн-переводчика. Недостаточно хорошо сформировано умение конспектировать узкоспециальный текст на межлингвистическом уровне (48 %), которое реализу-

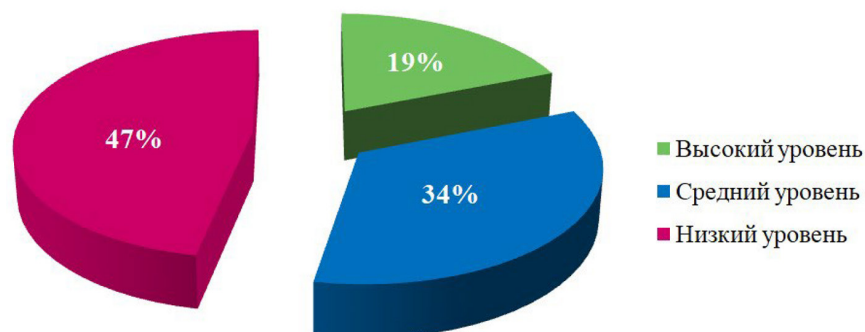

Рис. 2. Уровень сформированности медиативной компетенции
Fig. 2. The level of mediative competence formation

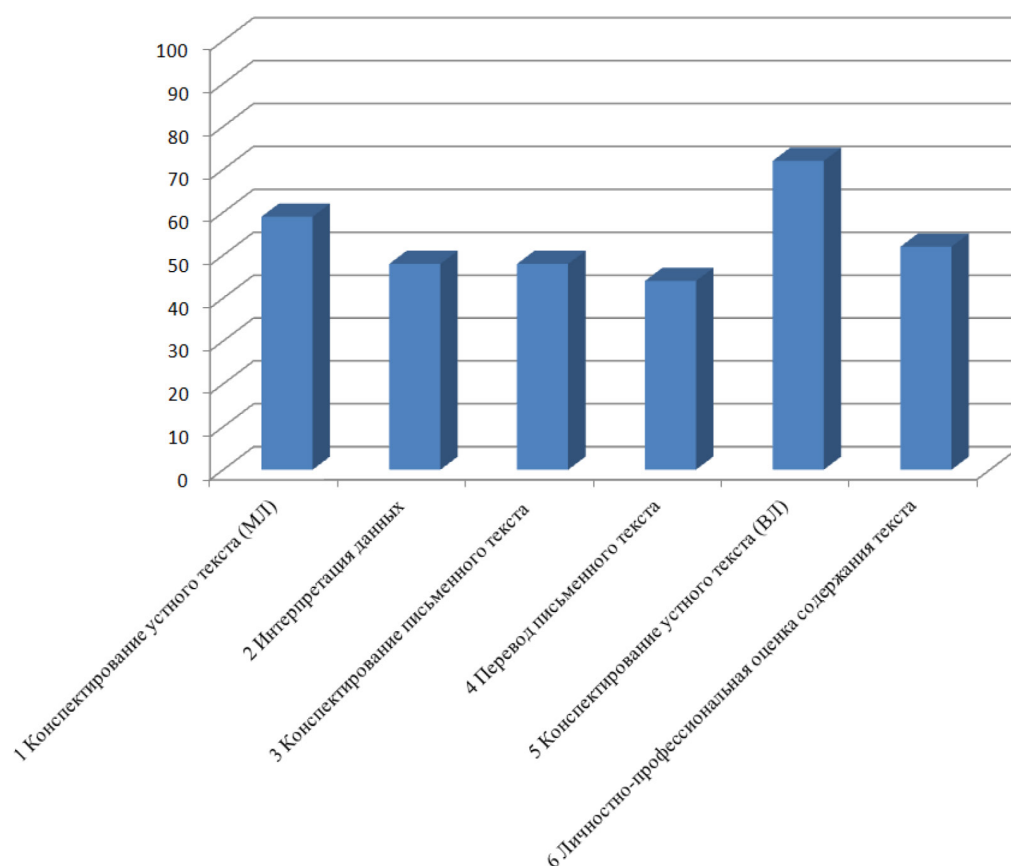

Рис. 3. Уровень сформированности медиативной компетенции (аспект «Медиативная деятельность»)
Fig. 3. The level of mediative competence formation (aspect "Mediative activity")

ется в достаточно детальном представлении информации текста-оригинала в конспекте. Значительные недочеты допущены студентами при выполнении задания на интерпретацию данных графика, что в основном связано с отсутствием знания структуры подобного формата текста. Сложности выражения личностно-профессиональной оценки содержания текста объясняются недостатком практического опыта выполнения идентичных заданий на академическом уровне.

Детальный анализ результатов тестирования уровня владения медиативными стратегиями свидетельствует о значительных проблемах в области оперирования вспомогательными средствами адаптации и симплификации узкоспециального текста (рис. 4). Из пяти заявленных показателей лишь умение адаптировать узкоспециальный текст сформировано на 73 %, тогда как умение оперировать остальными стратегиями находится на низком уровне. Бо-

лее 60 % магистрантов не справились или частично справились с заданием на категоризацию и структуризацию текста. Менее 40 % составил уровень умения сделать доступным для непрофессионала термин, проиллюстрировать сложное явление и обработать текст, выявив и устранив из него нерелевантную информацию и повторы.

Анализ данных результатов тестирования показал низкий уровень сформированности медиативной компетенции в рамках аспекта «Медиативная деятельность» (пять показателей из шести) и отсутствие знаний и практики реализации четырех из пяти медиативных стратегий.

Обсуждение результатов

Проведенное исследование ориентировано на установление уровня сформированности медиативной компетенции у магистрантов в контексте работы с узкоспециальными текстами. В настоящее

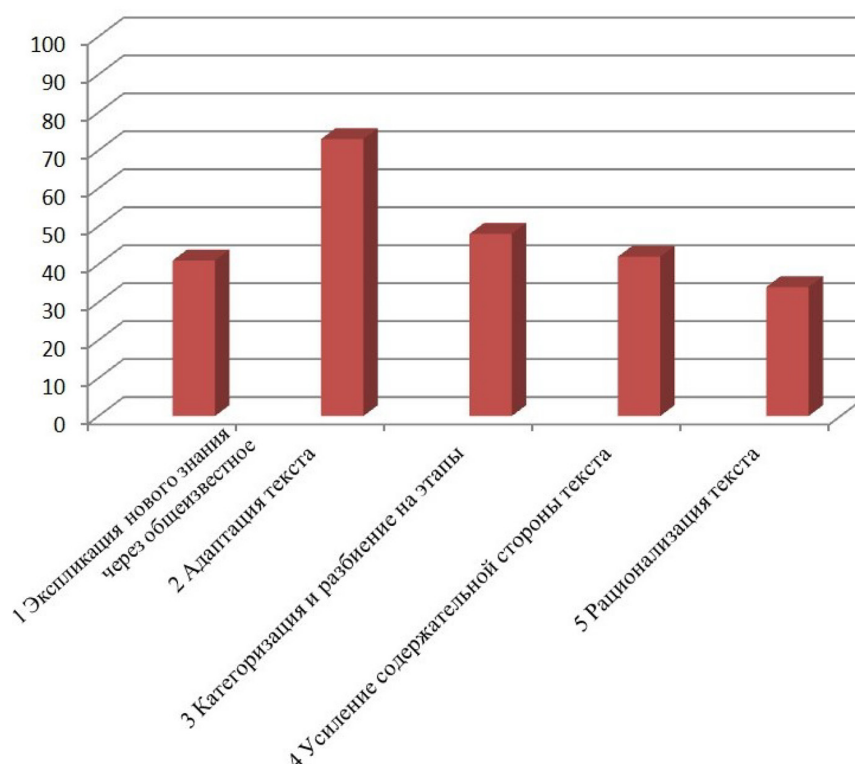

Рис. 4. Уровень сформированности медиативной компетенции (аспект «Медиативные стратегии»)

Fig. 4. The level of mediative competence formation (aspect "Mediative strategies")

время в методической практике вопрос необходимости формирования медиативной компетенции на академическом уровне только начал ставиться (Kinderknekht, 2018; Pavlov, 2021). При этом в фокусе внимания оказывается медиативная компетенция во всех своих проявлениях, тогда как отдельные ее компоненты остаются за пределами конструктивного анализа исследователей (Maier, Selezneva, 2022). Отсутствие исследований, ориентированных на оценку качественного проявления отдельных умений медиативной компетенции, приводит к разработке модели ее формирования, не отражающей реальных проблем медиативной деятельности.

Вместе с тем в ряде исследований значение медиативной компетенции в значительной мере недооценивается, так как приоритетом иноязычного обучения является иноязычная коммуникативная компетенция (Van Ek, 1986; Khomiakova, 2008; Strekalova, 2015). Определяя медиативную компетенцию как один из элементов многокомпонентной коммуникативной компетенции, исследователи проектируют обучение, ориентируясь на способности осуществлять коммуникацию в целом, тогда как медиативная деятельность представлена в методической модели фрагментарно. Это не дает возможности сформировать медиативную компетенцию во всем ее объеме.

Однако узконаправленное обучение также не является верным решением про-

блемы. В ходе тестирования было установлено, что даже исключение грамматического аспекта оформления текста из оценки уровня сформированности медиативной компетенции не повлияло на результаты. Тем самым одной из причин низкого уровня ее сформированности является недостаточный уровень владения иностранным языком магистрантами. Это позволяет сделать вывод о том, что обучение медиативной компетенции должно происходить параллельно с формированием иноязычной коммуникативной компетенции.

Заключение

Проведенное исследование подтвердило предположение о необходимости целенаправленного формирования медиативной компетенции на основе узкоспециальных текстов у магистрантов многопрофильного вуза. Вместе с тем выявлены умения медиативной компетенции, являющиеся приоритетными в ходе разработки методической модели обучения медиации текста.

Полученные в ходе исследования данные могут быть актуальными для преподавателей иностранных языков, работающих с контингентом магистратуры, для самих студентов, планирующих собственное исследование, а также для исследователей, изучающих психологические, культурологические и социокультурные аспекты межлингвистической и внутрилингвистической медиации узкоспециальных тестов.

Список литературы / References

- Atabekova A. A. Iuridicheskii perevod: interpretatsiia, adaptatsiia, mediatsiia [Legal Translation: Interpretation, Adaptation, Mediation]. In: *Nauka i biznes: puti razvitiia* [Science and business: ways of development], 2011, 6, 85–88.
- Common European Framework of Reference for Languages: learning, teaching, assessment. Strasbourg: Council of Europe Publishing, 2020, 275.
- Demir E., Çekici Y. E. Mediation Skills in Teaching Turkish as a Foreign Language. *International Journal of Psychology and Educational Studies*, 2023, 10(4), 884–895. DOI: <http://doi.org/10.52380/ijpes.2023.10.4.1259>
- Dendrinos B. Mediation in communication, language teaching and testing. *National and Kapodastian University of Athens*, 2006, 9–35.
- Gorchakova A. V. Razvitie mediativnykh umenii uchashchikhsia starshikh klassov na urokakh angliiskogo iazyka [Development of Mediation Skills of High School Students in English Lessons]. In: *Molodoi uchenyi* [Young scientist], 2021, 13(355), 247–250.

Khomiakova N. P. *Formirovanie spetsial'noi inoiazychnoi kommunikativnoi kompetentnosti iuristov-mezhdunarodnikov v usloviakh kontekstnogo obucheniia* [Formation of special foreign language communicative competence of international lawyers in the context of contextual learning]. M., 2008, 280.

Kinderknekht A. S. O mediatsii v praktike perevodcheskoi deiatelnosti [Mediation in the Practice of Translation Activities]. *Industriia perevoda: trudy X internatsional'noi nauchnoi konferentsii* [The translation industry: proceedings of the X International Scientific Conference]. Perm, 2018, 1, 20–24.

Kolesnikov A. A., Denisov M. K. Obuchenie formam iazykovogo posrednichestva (mediatsii) [Language Mediation as a Special Type of Speech Activity]. In: *Inostrannye iazyki v skole* [Foreign languages at school], 2013, 1, 19–27.

Kolesnikov A. A., Denisov M. K. Iazykovoe posrednichestvo kak osobyi vid rechevoi deiatel'nosti [Teaching Forms of Linguistic Mediation]. In: *Inostrannye iazyki v skole* [Foreign languages at school], 2012, 9, 16–25.

Komissarov V. N. *Teoriia perevoda (lingvisticheskie aspekty)* [Theory of translation (linguistic aspects)]. M., 1990, 253.

Kucherenko N. L., Iung A. V., Riazanova E. V., Zhrebina E. A. Mediativnaia kompetentsiia v obuchenii inostrannomu iazyku v tekhnicheskoi vuzze [Mediation Competence in Teaching a Foreign Language at a Technical University]. In *Proceedings of the LXXVI Herzen readings. Foreign languages*. Saint-Petersburg, 2023, 449–454. Available at: https://rep.herzen.spb.ru/file_viewer/1678

Latyshev L. K. *Tekhnologiya perevoda* [Translation technology]. M., 2005, 320.

Maier I. A., Selezneva I. P. Razvitie mediativnoi kompetentsii obuchaiushchikhsia magistratury pedagogicheskogo napravleniia podgotovki: lingvodidakticheskii podkhod [Development of the Mediation Competence in Master's Degree Students of Pedagogical specialization: Linguo-Didactic Approach]. In: *Vestnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V. P. Astaf'eva* [Bulletin of the Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V. P. Astafiev], 2022, 3(61), 5–14. DOI: <https://doi.org/10.25146/1995-0861-2022-61-3-346>

Nagornaia A. V. Obuchenie osnovam redaktirovaniia nauchnogo teksta kak chast' professional'noi podgotovki lingvista [Developing Scientific Paper Editing Skills as a Part of Professional Training for Language Students]. In: *Profil'noe i professional'noe obrazovanie v usloviakh sovremennogo polikul'turnogo prostranstva: Materialy III Mezhdunarodnoi zaochnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Profile and Vocational Education in Conditions of Modern Polycultural Space: Materials of the 3rd International Extramural Research and Practice Conference] (December 2015), 2015, 41–47.

Pavlov A. V. Struktura mediativnykh umenii studentov-bakalavrov, spetsializiruiushchikhsia v sfere lingvodidaktiki [Mediation skills structure of bachelor students belonging to linguodidactics field]. In: *Mir nauki. Pedagogika i psikhologiya* [World of Science. Pedagogy and psychology], 2021, 2(9), 43. Available at: <https://mir-nauki.com/PDF/28PSMN221.pdf>

Sidorenko E. V. *Metody matematicheskoi obrabotki v psikhologii* [Methods of mathematical processing in psychology]. SPb., 2003, 350.

Stateeva E. V. Perevod i kommunikativnaia iazykovaia mediatsiia kak navyki ustnogo obscheniia [Translation and Communicative Language Mediation as Speaking Skills]. In: *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological sciences. Questions of theory and practice], 2014, 9(39), 121–126.

Strekalova K. Struktura i sodержanie modeli professional'noi inoiazychnoi kompetentsii iuristov, spetsializiruiashchikhsia v mezhdunarodnom prave [Structure and Content of Professional Foreign Language Competence of Lawyers Specializing in International Law]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Pedagogika* [Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Pedagogy], 2015, 3, 113–121. DOI: <https://doi.org/10.18384/2310-7219-2015-3-113-121>

Obrazovatel'nyi standart vysshego obrazovaniia. Kvalifikatsiia: magistr [The educational standard of higher education. Qualification: Master]. In: *Polozhenie o razrabotke i utverzhdenii obrazovatel'nykh standartov vysshego obrazovaniia Spbgpu i vnesenii v nikh izmenenii* [Regulations on the development and approval of educational standards of higher education of SPbPU and amendments to them]. SPb., 2017, 111–160.

Van Ek J.A. *Objectives for Foreign Language Learning*. Volume II: Levels. Strasbourg: Council of Europe, 1986, 71.

Vavilina T. Iu., Privalova E. V. Formirovanie mediativnoi kompetentsii na urokakh inostrannogo iazyka u uchashchikhsia osnovnoi obshchei shkoly [Developing of Mediative Competence at Foreign Language lessons among Students in the Secondary School]. In: *Evraziiskii gumanitarnyi zhurnal [Eurasian Humanitarian Journal]*, 2019, 3, 89–96.

**Anthropology
of Education**
**Педагогическая
антропология**

EDN: PRVEXP
УДК 378.1

Digital Intercultural Competence of the Would-Be Lecturers: Experience of Formation in the Ural-Siberian Region

Nelly Kh. Savelyeva* and Natalya V. Sazonova

Ural Federal University

*named after the first President of Russia B. N. Eltsin
Ekaterinburg, Russian Federation*

Received 18.03.2024, received in revised form 08.09.2025, accepted 02.10.2025

Abstract. The article is devoted to the study of the digital intercultural competence of the would-be lecturers. The article presents empirical results of the researched problem. The process of formation of digital intercultural competence is carried out within the pedagogical model, which is based on intercultural trainings, intercultural mediation, digital or partially digital training activities in the course of studying foreign languages, which have a direct connection with the implementation of intercultural dialogue. The practice-oriented tool of the model is the technology of formation of digital intercultural competence of the would-be lecturers. Pedagogical conditions ensure effective implementation of the model. The experimental work was conducted at the Ural Federal University (Ekaterinburg); Russian State Vocational Pedagogical University (Yekaterinburg); Chelyabinsk State University (Chelyabinsk); Tumen State University (Tumen) from 2021 to 2023. In the experiment were observed students of the training direction PEDAGOGICAL EDUCATION (44.04.01), profile “Foreign language”. Totally 250 students and 10 foreign language teachers participated in the study. The data obtained during the diagnostic activities in all experimental groups at the initial and final stages recorded an increase in the level of formation of digital intercultural competence by all criteria. In addition, the results, obtained in the group 5 testify to the effectiveness of the application of a set of selected organizational and pedagogical conditions. All identified organizational pedagogical conditions ensure the effectiveness of the implementation of the presented pedagogical model, providing the implementation of the process of formation of digital intercultural competence of the would-be lecturers.

Keywords: competence, digital competence, culture, intercultural competence, digital intercultural competence, the would-be lecturer.

Research area: Social Structure, Social Institutions and Processes; Methodology and Technology of Vocational Education.

© Siberian Federal University. All rights reserved

* Corresponding author E-mail address: nellik1983@mail.ru

ORCID: 0000-0002-0311-1430 (Savelyeva); 0009-0004-4919-7681 (Sazonova)

Citation: Savelyeva N. Kh., Sazonova N. V. Digital Intercultural Competence of the Would-Be Lecturers: Experience of Formation in the Ural-Siberian Region. In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2025, 18(10), 2100–2110. EDN: PRVEXP

Цифровая межкультурная компетентность будущих преподавателей: опыт формирования в Урало-Сибирском регионе

Н.Х. Савельева, Н.В. Сазонова

*Уральский федеральный университет
Российская Федерация, Екатеринбург*

Аннотация. Статья посвящена исследованию цифровых межкультурных компетенций будущих преподавателей. Основная цель статьи – теоретическая разработка и обоснование педагогической модели, обеспечивающей формирование цифровых межкультурных компетенций будущих преподавателей. В статье представлены эмпирические результаты по исследуемой проблеме. Процесс формирования цифровых межкультурных компетенций осуществляется в рамках педагогической модели, основу которой составляют межкультурные тренинги, межкультурная медиация, цифровая или частично цифровая учебная деятельность. Практико-ориентированным инструментом модели является технология формирования цифровых межкультурных компетенций будущих преподавателей.

Экспериментальная работа проводилась на базе Уральского федерального университета (Екатеринбург); Российского государственного профессионально-педагогического университета (Екатеринбург); Челябинского государственного университета (Челябинск); Тюменского государственного университета (Тюмень) с 2021 по 2023 год. В экспериментальной работе принимали участие студенты направления подготовки «Педагогическое образование» (44.04.01), профиль «Иностранный язык» с 1 по 2 курс. Всего в исследовании приняли участие 250 студентов и 10 преподавателей иностранного языка. Технологический процесс реализации модели осуществлялся в соответствии с обоснованным комплексом педагогических условий.

Данные, полученные в ходе диагностической деятельности во всех экспериментальных группах на начальном и заключительном этапах, зафиксировали повышение уровня сформированности цифровых межкультурных компетенций по всем критериям. Кроме того, результаты, полученные в группе 5, свидетельствуют об эффективности применения комплекса выделенных организационно-педагогических условий. Все выявленные организационно-педагогические условия обеспечивают эффективность реализации представленной педагогической модели формирования цифровых межкультурных компетенций будущих преподавателей.

Ключевые слова: компетенция, цифровая компетенция, культура, межкультурная компетенция, цифровая межкультурная компетенция, будущий преподаватель.

Научная специальность: 5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы. 5.8.7. Методология и технология профессионального образования.

Цитирование: Савельева Н. Х., Сазонова Н. В. Цифровая межкультурная компетентность будущих преподавателей: опыт формирования в урало-сибирском регионе. *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2025, 18(10), 2100–2110. EDN: PRVEXP

Introduction

The realities of the 21st century are characterized by the active integration of digital technologies and mass media into all spheres of human life, which play a key role in creating the image of any state at the global level. Digital communication technologies determine the process of ensuring and maintaining the dialogue between cultures, erasing geographical and temporal boundaries between recipients, opening new opportunities for communication to low-mobility and low-income segments of the population. In the conditions of globalization changes, digital communicative tools can help to organize dialogue and achieve mutual understanding between representatives of different cultures, increase the interest by the foreigners in Russian history and culture, in the high level of scientific and cultural achievements of the Russian Federation.

Modern Russian society is united by a unique cultural code, which is based on the preservation and development of Russian culture and language, historical and cultural heritage of the entire multinational people of the Russian Federation. “A careful attitude to the Motherland, care for it, loyalty to sincere friendship and rejection of any pressure from the outside – these are the supporting structures of the Russian statehood, our genetic and cultural code” (V. V. Putin). The long history of the Russian state has repeatedly confirmed our country’s aspiration to ensure peace and stability in the global space, to multifaceted intercultural and interreligious dialog.

The system of formation of key competencies of employees has become one of the priority conditions for the creation and effective functioning of the innovative economy of the Russian state. The active and widespread introduction of modern technologies leads to an increase in the requirements of the state and society for the qualifications of university graduates, their level of intercultural competence. These factors explain the close attention

of scientists and specialists from pedagogical, psychological, sociological, computer science to the problems of intercultural training of the would-be specialists in the context of globalization.

Theoretical framework

From the beginning of the 2000s the world sociocultural experience led to significant changes in the field of development of the problem of digital intercultural competence. It is a period of conceptualization and methodological understanding. On the territory of the Russian Federation were actively developing market relations, IT-technologies in the field of economics, science, the education system, culture, politics. The global information society is becoming sharply commercialized, information is moving into the status of a commodity unit (Booch, 2006; Varakin, 2001; Sergeeva, 2001; Aimaletdinov, 2019).

It is obvious that since 2010 the key competencies have acquired in the Russian Federation the status of a necessary feature of a contemporary specialist. In this regard the process of development of appropriate profesiograms is underway, the Russian educational paradigm is actively updating, causing the separating of cultural and academic competencies into different groups.

In the UNESCO materials there is a list of key competencies as an integral final component of the educational process, which is the main condition for successful professional activity and education throughout life. Russian scientist I. A. Zimnyaya (Zimnyaya, 2009), speaking about the concept of “competence”, differentiates the cognitive, motivational, relational and regulatory components in its structure. According to this differentiation academic competence ensures the ability to solve various kinds of tasks in the professional field on the basis of the formed skills.

A. M. Kondakov (Kondakov, 2021) understands competence as “a systemic set of

competencies that make it possible to solve problems in the everyday or professional life effectively". In addition, the scientist considers such a phenomenon as basic competencies "that are necessary throughout the whole life in all types of human activity, and form the basis for professional competencies, concerned with critical and creative thinking, continuous self-development and responsibility."

Statement of the problem

Under digital intercultural competence of the would-be lecturers, we understand a set of digital competences, that are manifested in the readiness and ability to intercultural interaction in the digital environment, based on the knowledge of cultural differences, cultural values, and tolerant attitude to manifestations of otherness and the mandatory preservation of their own cultural identity.

The process of formation of digital intercultural competence is carried out within the pedagogical model, which based on intercultural trainings, intercultural mediation, digital or partially digital training activities in the course of learning the academic discipline "Foreign Language", which has a direct connection with the implementation of intercultural dialogue. The practice-oriented tool of the model is the technology of formation of digital intercultural competence of the would-be lecturers, which is implemented from the first to the fourth year of training in higher education and consists of a cognitive block, representing directly the process of teaching a foreign language in higher education, and a spiritual block, characterizing the upbringing aspect of the process of formation of digital intercultural competence.

The study used diagnostic tools based on the theoretical developments of M. Rokich (direct ranking of the list of values: terminal (beliefs that the ultimate goal of individual existence is worth striving for) and instrumental (beliefs that some way of acting or property of a person is preferable in any situation).), M.I. Lukyanova, N.I. Kalinina (identification of one or more motives in a student: external, game, evaluative, positional, social, educational), L. Michelson (determination of the level and the quality of communicative competence

and basic communicative skills) and K. Thomas (investigation of the personal predisposition to conflict behavior and to identify certain styles of conflict resolution).

Discussion

The content of the cognitive block of technology is based on the principles of integration of traditional and online learning; interactivity and collaboration; personalization and self-learning with feedback.

The integration of traditional and online learning in foreign language' educational process is a generic form of blended or hybrid learning based on the combination and mutual complementation of offline and online elements (Table 1). The blended learning format allowed us to supplement or diversify some aspects of the traditional format, such as the preparation of learning projects, participation in online discussion forums, surveys, and quizzes, as well as in the organization of the learning process (keeping a list of students, personal data, archiving information, etc.). In addition, the chosen format has influenced the development of students' ability for effective time management and self-discipline. On the part of the instructor regarding the hybrid learning process, it should be noted the possibility to integrate traditional forms and methods of interaction and conventional interpersonal communication into a digital format with a parallel improvement of contact with students. For this purpose, during the pedagogical experiment were used cloud-based tools for creating audio (VoiceThread) and video content (iMovie, Dropcam), which allow recording gestures and facial expressions of all participants in the educational process (Table 1).

The principle of interactivity and collaborativity (Table 2) also implies a combination of traditional and digital learning formats with the involvement of social media resources and online services for processing and structuring documents, podcasts, blogs, chat rooms, messengers. Interactive elements have shown themselves to be a natural component of any digital learning method, creating and actively developing various kinds of digital project collaborations. In the context of vocational ed-

Table 1. Blended learning within the technology of formation of digital intercultural competence

Indicators	Features
Participants of the educational process	The functions of the lecturer differ significantly from the traditional ones, transforming from the role of an instructor into the role of a moderator between the learning material and students; an online tutor accompanying students at different digital learning stages. Students develop a high level of independence and self-organization
Digital learning environment	The content of the learning process becomes digitalized, transformed into e-learning materials (training videos, audio podcasts, etc.) based on social networks or other communication or collaboration software
Digital flexibility	All participants in the educational process are given full freedom to choose the place, time and frequency of classes
Digital advantages	Relevance to the interests of today's youth regarding the ubiquitous use of digital means of communication. Increased learning motivation, readiness for continuous self-education, independent and conscious acquisition of knowledge. Increased efficiency of tests and examinations due to the availability of a "bank" of online assignments, which helps to save time and resources of students in preparation for certification
Digital challenges	The need to align traditional teaching methods to digital ones, increased time and energy consumption. Mandatory high level of students' readiness for digital self-learning (not always available). Not recommended at the initial stage of learning, especially in relation to foreign language learning

ucation, the use of social media took place in the format of support of students by teachers (tutoring) when necessary. Within the project work, students practiced skills of storing, distributing, commenting, and discussing visual content on platforms of photo and video communities, online pinboards and mem-boards.

At the same time, the possibilities of audio commenting tools also imply the possibility of oral discussion of uploaded media objects with subsequent saving of the object and corresponding comments. The use of collaborative software allowed several students to process texts, tables, slides in a foreign language at the same time synchronously. PeerAssessment and CrowdLearning technologies, applied mainly on the MOODLE platform, opened new opportunities for collaborative and problem-based learning, increasing the degree of scalability of the learning process. The peer-to-peer resources of Telegram, involving free exchange of information or independent choice of educational material on the proposed topics within the seminars, significantly increased the effectiveness

of the process of formation of digital intercultural competence of the would-be lecturers.

The principle of personalization and self-learning with feedback is aimed at selecting learning content and learning tasks taking into account individual interests and needs of students, who get the opportunity to rank learning content by the degree of importance and attractiveness (Table 3). In this regard, the processes of diagnostics, collection and analysis of learning outcomes become important in order to identify learners' learning successes, more comprehensive understanding of their strengths and weaknesses, determination of perspectives and identification of learning barriers. Adaptability of digital learning materials for our study acts as a long-term perspective that provides an individual approach to the consideration of learning outcomes within the "adaptive" learning (personalization) and online support (E-Assessment). Diagnosis and interpretation of the obtained empirical data of the learning and education process contributed to preventing aimless acquisition of

Table 2. Organization of interactive and collaborative learning within the technology of formation of digital intercultural competence

Indicators	Features
Participants of the educational process	The role of the lecturer is transformed from a translator of knowledge in the instructional sense to a moderator of the learning process, whose tasks are to prepare the teaching material and to provide outside observation and necessary support to the learners
Digital learning environment	A high degree of interactivity and collaborativity implies setting and solving multiple cognitive learning objectives using methods of transferring existing knowledge (practical implementation of acquired skills, analysis of information) and solving problem situations (synthesis, analysis and evaluation of information)
Digital flexibility	Students are given unlimited opportunities to interact with course material, instructors, and classmates
Digital advantages	The learning process acquires more effective characteristics, the widespread use of mobile learning tools integrates the resources of social networks into the process of professional learning. In the center of the educational process is a student, who can influence the process of continuous knowledge acquisition, including through peer-to-peer learning methods Group teaching methods allow organizing mutual learning of students in the process of discussing incomprehensible moments from the passed educational material, as well as correction of erroneous assessments
Digital challenges	The use of social media is often strictly regulated or even limited by internal university documents, which can create certain difficulties for the educational process in the digital space. Collaborative and interactive learning requires a high level of self-discipline from students, as very often it can take a significant amount of time to process a small amount of learning material. Peer-to-peer revision methods are based on constructive feedback and constant support from the instructor

knowledge by learners and explaining the reasons for students' interruption of the learning process. At the same time, the comprehensibility of the diagnostic apparatus for all participants of the educational process, as well as their awareness of the studied parameters and their impact on learning outcomes, becomes crucial in the process of selecting adaptive teaching material.

The process of self-study was organized mainly through mobile communication means (smartphones, tablets, netbooks) outside the educational process (e.g., in public transport on the way to/from the university) and consisted primarily in online support of the cognitive process in the form of learning tests within the simulation exercises that contribute to the diagnosis of learning achievements and more effective management of the educational process. Electronic portfolios, which are a bank of learning materials, documents and obtained

results, made it possible to make the learning process transparent, diagnosable, and predictable.

Since the basis of the spiritual block of the technology were general cultural and specific cultural trainings, we consider it necessary to describe the peculiarities of their organization.

Traditionally, intercultural trainings are designed to help the researcher solve the following issues:

1) realization of interaction with representatives of other cultures (inside or outside the home country), which can often be problematic and carries risks of conflicts;

2) defining a set of necessary competencies for adequate understanding and effective communication with representatives of other cultures;

3) substantiation of didactic and methodological tools aimed at the formation of the necessary intercultural competencies and its

Table 3. Organization of personalized learning and self-learning within the framework of the technology of formation of digital intercultural competence

Indicators	Features
Participants of the educational process	Students have the opportunity to choose independently the parameters of the learning process, partially determining its content, which can be individually selected and adapted to the personal needs of each participant. It is also allowed to solve learning tasks in a group format, to record the course of the learning process and its results independently. Teachers take the role of a facilitator, formulating individual recommendations for each learner on further training and choice of training material in accordance with the empirical data obtained
Digital learning environment	The digital learning environment is flexible, adapting to the individual needs of learners, regardless of the number of group members. The collection and analysis of empirical (personal) data requires mandatory compliance with legislation in the field of personal data protection. The possibility of independent management of the learning process (frequency, duration, change of theoretical and practical stages, etc.) by means of mobile communication tools determines the temporal and spatial adaptability, accessibility and efficiency of asynchronous learning format
Digital flexibility	The learning process in the digital environment can be adapted to the individual needs of learners according to their level and depth of knowledge. Learners assign their own learning tasks on the basis of their needs
Digital advantages	Personalized learning contributes to the reduction of energy expenditures on preparation for classes, improvement of learning performance, prevention of students' decreasing motivation and interest in learning. Diagnostic measures allow benchmarking of statistical learning data in comparison with other units of the university / other universities. Mobile learning tools contribute to the formation and development of information and media literacy, virtually "bring together" teachers and students, shaping the traditional learning hierarchy through inclusion in intensive learning processes
Digital challenges	The importance of adequate interpretation of empirical data, compliance with legislation in the field of protection and ethical use of personal data. The need to constantly update the pool of training tasks within the framework of E-Assessment. Unrestricted students' access to the Internet entails the risk of distraction from academic content, decreased ability to identify and analyze complex subject matter connections and find new ways of problem solving

harmonious integration into the educational process of the university.

It should be noted that trainings in general involve the development of a limited set of skills in contrast to general education and professional training methods aimed at the overall development of personality and the formation of universal complex competencies. In turn, intercultural trainings in the digital environment provide a more practice-oriented, multivariate and interactive form of learning, which positively differs from the traditional academic educational process. Our study considers trainings as a comprehensively adapted to the

requirements and complexities of intercultural learning activities in the digital environment as a method of building digital intercultural competence, facilitating not only the adaptation of the type of behavior to the relevant intercultural features, but also the integration of a variety of learning modalities. Thus, within the pedagogical experiment on the formation of digital intercultural competence of the would-be lecturers we came to the conclusion about the effectiveness of intercultural trainings regarding the development of competencies of cognitive, affective and behavioral spheres of personality, as a basis of effective and mutually beneficial

social interaction with representatives of other cultures. In this case, the generalized goal of digital intercultural training was to form a general idea of cultural differences that cause the development of different dynamics in cultural interaction. We consider the formation of awareness of cultural inconsistencies, the expansion of behavioral patterns and, as a consequence, the repertoire of intercultural strategies in communication with cultural differences as subgoals of the spiritual block of the technology of formation of digital intercultural competence of the would-be lecturers.

Content characteristics of intercultural trainings are represented by:

1) basic concepts of intercultural training (explanation of the phenomenon “culture”, processes of enculturation and acculturation, culturally specific perception and stereotyping, problems of intercultural acquaintance and further communication, prerequisites of intercultural learning and formation of intercultural competence, etc.);

2) professionally oriented situations (critical situations and aspects of intercultural interaction, as well as stereotypes that may occur in an educational institution);

3) specific cultural features that may be incomprehensible or unfamiliar (certain patterns and indicators of behavior, scripts and rituals);

4) specific methods of intercultural learning.

Considering the methods of intercultural learning, we note that in their structure there are general methods that involve overcoming barriers to learning, confrontation with one's own cultural identity and further application of the formed skills in the learning process, and specific methods that provide for the organization of role-playing games, simulation exercises, self-assessment, perception and interaction tasks, visual and video support, biographical self-reflection, analysis of experimental data and critical analysis of the data. It is assumed that the process of acquiring knowledge is based not just on students receiving ready-made information, but on asking questions, discovering problems and gaps, comprehending meanings, identifying trends, and formulating rules. In turn, the instructor is called upon to organize

this process in a creative form, combining elements of problem-based learning, preparation and design of information content, provision of digital media, and advising students.

Results

The experimental work was conducted at the South Ural State Humanitarian and Pedagogical University (Chelyabinsk); Russian State Vocational Pedagogical University (Yekaterinburg); Shadrinsk State Pedagogical University (Shadrinsk); Surgut State Pedagogical University (Surgut) from 2015 to 2023. In the experimental work were observed students of the training direction PEDAGOGICAL EDUCATION (44.03.01), profile “Foreign language” from the 1st to the 4th year. Totally 250 students and 10 foreign language teachers participated in the study.

The technological process of realization of the model of formation of digital intercultural competence of the would-be lecturers was carried out in compliance with the following set of pedagogical conditions:

1. The implementation of socio-economic conditions (students' involvement in international cultural and scientific processes through the implementation of digital exchange programs; internationalization of the educational process of the university) was carried out in the experimental groups 1 and 2.

Involvement of students in international cultural and scientific processes through the implementation of digital exchange programs occurred at each stage of formation of digital intercultural competence. The realization of this condition contributed to the acquisition of intercultural knowledge and skills; increasing the value of fluency in foreign languages; strengthening personal and professional international contacts, stimulation of students' interest in studying the peculiarities of another country, its culture, traditions, etc. At the same time, the active participation of the university in the processes of international cooperation (international educational and scientific programs) was a means of improving the quality of educational and scientific work at the university. The introduction of contemporary programs,

interactive teaching technologies, and research in those areas of knowledge, which are provided by agreements with foreign universities, also acted as a powerful stimulus for the growth of the effectiveness of work on the formation of digital intercultural competence of the would-be lecturers. Internationalization of the learning process contributed to the improvement of the quality of scientific research, educational results of students, qualification of teaching staff. It is based on a dynamic combination of political, economic, socio-cultural and academic determinants of the region, the educational institution and the educational programs implemented in it. The realization of this pedagogical condition was ensured by the availability of modern technologies, readiness of the teaching staff for long-term and harmonious joint work, orientation to quality indicators, stimulation of public-private initiatives, integration of science and education. In the control group the factors of realization of this condition were not used.

2. Organizational and methodological conditions (application of digital tools to promote integration and dialogue of cultures in the educational process; digital activity of the lecturer)

were also applied at each technological stage in the experimental groups 3 and 4.

The application of digital tools to promote integration and dialog of cultures in the educational process made it possible to diversify the learning process and increase its effectiveness in accordance with the educational goals, the level of the group and their pedagogical style. We had at our disposal a wide range of possibilities from partial digital modernization of the face-to-face format of education to widespread digitalization and organization of the educational process exclusively in the form of online seminars, courses, curricula. We actively used such learning forms as the “flipped classroom”, collaborative forms of learning (“Peer-to-Peer” methods), new concepts and formats designed to expand the possibilities of learning tools (adaptive learning environments, free-access learning resources, mobile learning platforms, etc.), as well as methods of reflective learning (e-portfolios) and digital visualization of perception (augmented reality).

The digital involvement of the lecturer in the learning process is primarily based on the ability to communicate in the digital environment with students, their representatives and other stakeholders; the ability to online collaboration with colleagues to share knowledge, ex-

Table 4. Distribution by levels of formation of digital intercultural competence at the initial and final stage

Group	No. of people	Levels of formation of digital intercultural competence of the would-be lecturers								
		Minimal level			Optimal level			Maximal level		
		initial stage	final stage	changes	initial stage	final stage	changes	initial stage	final stage	changes
Gr-1	56	26 (46,4 %)	15 (26,8 %)	-11 (19,8 %)	20 (35,7 %)	26 (46,4 %)	+5 (10,7 %)	10 (17,9 %)	15 (26,8 %)	+5 (10,7 %)
Gr-2	52	23 (44,2 %)	10 (19,2 %)	-13 (25 %)	20 (38,5 %)	28 (53,8 %)	+8 (15,3 %)	9 (17,3 %)	14 (27 %)	+5 (9,7 %)
Gr-3	48	16 (33,3 %)	10 (20,8 %)	-6 (12,5 %)	26 (54,2 %)	26 (54,2 %)	0	6 (12,5 %)	12 (25 %)	+6 (12,5 %)
Gr-4	60	31 (51,7 %)	20 (33,3 %)	-11 (15,9 %)	21 (35 %)	26 (43,3 %)	+5 (8,3 %)	8 (13,3 %)	14 (23,3 %)	+6 (10 %)
Gr-5	63	31 (49,2 %)	8 (12,7 %)	-23 (36,5 %)	25 (39,7 %)	37 (58,7 %)	+12 (19 %)	7 (11,1 %)	18 (28,6 %)	+11 (17,5 %)
Control Group	53	26 (49,1 %)	21 (39,6 %)	-5 (9,5 %)	15 (28,3 %)	20 (37,7 %)	+5 (9,4 %)	12 (22,6 %)	12 (22,6 %)	0
Total	332	153 (46,1 %)	71 (21,4 %)		127 (38,3 %)	176 (53 %)		52 (15,6 %)	85 (25,6 %)	

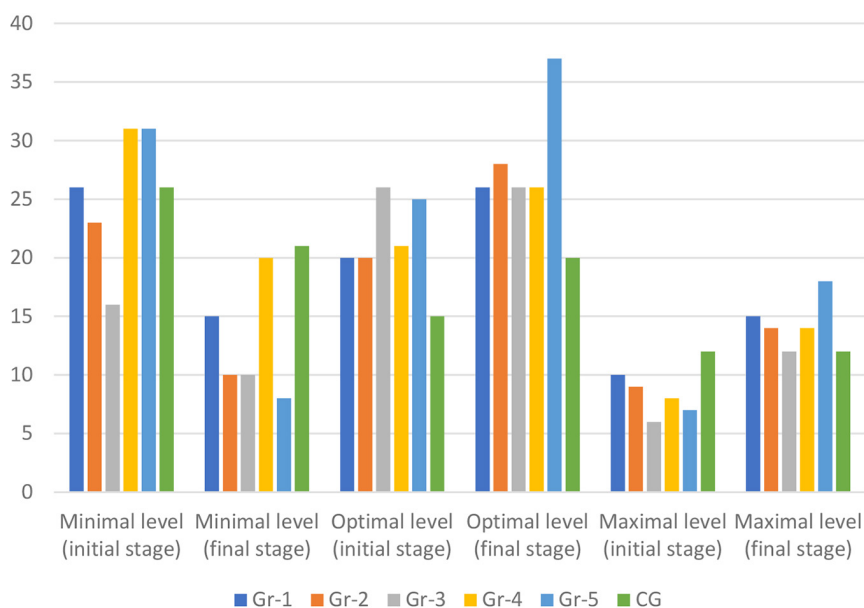

Fig. 1. Distribution by levels of digital intercultural competence at the initial and final stage

perience and update existing knowledge; readiness for critical self-assessment of their own pedagogical activities with subsequent correction and improvement of digital qualifications. Within the framework of online collaboration, digital technologies played the role of an effective tool for joint activities in organizing certain projects, events, development of training materials; sharing experience and pedagogical resources; search, discussion, and reflection of new digital learning tools and as a consequence of professional “digital” development of the lecturer. In the control group the factors of realization of this condition were not used.

Conclusion

To summarize and analyze the quantitative results of the whole study, we summarize the following:

1. The pedagogical model of formation of digital intercultural competence of the would-

be lecturers was implemented with the help of appropriate technology, proved its effectiveness in the process of training a teacher with a high level of digital intercultural competence, capable of creative and productive pedagogical activity in the information society.

2. The data obtained during the diagnostic activities in all experimental groups at the initial and final stages recorded an increase in the level of formation of digital intercultural competence by all criteria. In addition, the results we obtained in the Gr-5 testify to the effectiveness of the application of a set of selected organizational and pedagogical conditions.

3. All identified organizational pedagogical conditions ensure the effectiveness of the implementation of the presented pedagogical model, providing the implementation of the process of formation of digital intercultural competence of the would-be lecturers.

References

- Aimaletdinov M.A. *Digital literacy of Russian teachers. Readiness to use digital technologies in the teaching process*. M., 2019
- Booch O.V. *Process approach to the management of the system of innovation activity of an industrial enterprise*: Sci.D Thesis in Pedagogical Sciences. Murmansk: Murmansk State Technical University. 2006

Ershova T. V. Key competencies for the digital economy. *Information Society*, 2018, 3, 4–20.

Kondakov A. M. *Development of a basic model of competencies for the digital economy*: presentation. 2021. Access mode: URL: <https://profstandart.rosmintrud.ru/upload/medialibrary/908/-O%20разработке%20базовой%20модели.pdf> (date of access: 12.01.2024).

Narolina V. I. Intercultural communicative competence as an integrative ability of intercultural communication of a specialist. *Psychological science and education*, 2010, 2(2), 1–13.

Sergeeva T. B. () *Axiological problems of education and upbringing in the context of the theory of sociocultural dynamics*: Sci.D Thesis in Philosophical Sciences. Stavropol': North Caucasus State Technical University. 2001.

Varakin L. E. *Global Information Society: Development Criteria and Socio-Economic Aspects*. Moscow: Mezhdunarodnye akad. svyazi. 2001.

Yakovlev E. V. *Pedagogical research: content and presentation of results*. Chelyabinsk. 2010.

Zagvyazinskiy V. I. *Methodology and methodology of didactic research*. M., 1982

Zimnyaya I. A. Key competencies – a new paradigm of educational outcome. *Experimentation and innovation at school*, 2009, 2, 7–14.

EDN: OWYDUP
УДК 378.14.015.62

Students' Soft Competences Development and Language Learning

Irina G. Kondrateva and Nailya F. Plotnikova*

Kazan Federal University
Kazan, Russian Federation

Received 10.06.2025, received in revised form 08.09.2025, accepted 03.10.2025

Abstract. The article describes organizational issues and technology for the development of soft competencies of students in the process of studying at the university. The purpose of the study is to build technology for the development of soft competencies of students in the process of studying foreign languages at the university. Research objectives: to clarify the list of soft competencies relevant for students of the selected direction; determine the organizational and pedagogical conditions of the technology for the development of soft competencies in the process of studying at the university; conduct an experimental check of the implementation of the developed technology in the unity of educational, research and creative activities. During the study, the list of soft competencies for successful professional activities based on the goals and expectations of the students themselves was clarified for students of the Pedagogical Education 44.03.05 (with two training profiles) (History and foreign (European and Eastern) languages). The list of soft competencies includes the following skills: interpersonal and intercultural interaction, stress resistance, teamwork, decision-making and responsibility, initiative. As a result of the study, a technology was advanced for the development of soft competencies of students in the process of studying at the university.

Keywords: soft competencies, university studies, technology for the development of soft competencies.

Research area: Social Structure, Social Institutions and Processes; General Pedagogy, History of Pedagogy and Education. Theory and Methods of Teaching Foreign Languages and Cultures.

Citation: Kondrateva I. G., Plotnikova N. F. Students' Soft Competences Development and Language Learning. In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2025, 18(10), 2111–2119. EDN: OWYDUP

Развитие гибких компетенций студентов в процессе обучения иностранным языкам

И.Г. Кондратьева, Н.Ф. Плотникова

Казанский федеральный университет
Российская Федерация, Казань

Аннотация. Статья описывает организационные вопросы и технологию развития гибких компетенций студентов в процессе обучения в вузе. Цель исследования – разработать технологию развития гибких компетенций студентов в процессе обучения иностранному языку в вузе. Задачи исследования: уточнить список гибких компетенций студентов, необходимый для будущей профессиональной деятельности, определить организационно-педагогические условия реализации технологии, провести экспериментальную проверку разработанной технологии в единстве образовательной, научно-исследовательской, воспитательной и творческой деятельности. В ходе исследования был уточнен актуальный для студентов направления 44.03.05 «Педагогическое образование» (с двумя профилями подготовки) (История и иностранные (европейский и восточный) языки) список необходимых гибких компетенций, который будет способствовать успешной профессиональной деятельности. Под гибкими компетенциями подразумевается межличностное и межкультурное взаимодействие, стрессоустойчивость, работа в команде, принятие решений и ответственность, инициативность. В результате исследования разработана и внедрена технология развития гибких компетенций студентов в процессе обучения иностранному языку в вузе.

Ключевые слова: гибкие компетенции, обучение в вузе, технология развития гибких компетенций.

Научная специальность: 5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы; 13.00.01. Общая педагогика, история педагогики и образования; 03.12.01. Теория и методика преподавания иностранных языков и культур.

Цитирование: Кондратьева И. Г., Плотникова Н. Ф. Развитие гибких компетенций студентов в процессе обучения иностранным языкам. *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2025, 18(10), 2111–2119. EDN: OWYDUP

Введение

При исследовании передового опыта по вопросам развития гибких компетенций студентов вузов авторы обнаружили, что данной проблеме уделяется внимание не только со стороны ученых, но и со стороны работодателей. Данная проблема находит отражение в работах И. Кичевой и др. (Kicheva, 2023), В. Рудакова (Rudakov, 2016), А. Хуторского (Хуторской, 2003), Л. Лафортюна (Lafortune, 2004), Д. Магуйро (Maguire, 2003), С. Ма-

кЛестера (McLester, 2006), Дж. Стивенсона (Stevenson, 1994) и др. исследователей. В первой четверти XXI века в помощь работодателю появляются многочисленные российские и зарубежные проекты. Среди них: Федеральный центр компетенций в сфере производительности труда (Federal'nyj centr kompetencij), Центр оценки и развития управленческих компетенций студентов (Centr ocenki), Форсайт-компетенций 2030 (Forsajt Kompetencij), Технологический

Форсайт-компетенций (Technologischeski Forsajt kompetencij) и др., что свидетельствует об актуальности проблемы, однако в практическом и научном поле остаются нерешенными вопросы оценки мониторинга сформированности данных компетенций в процессе обучения в вузе. Формально в образовательных программах присутствуют универсальные компетенции как результаты обучения, но список данных компетенций, на наш взгляд, не охватывает всего спектра требований к подготовке выпускника для будущей успешной профессиональной деятельности (Faxrutdinova, 2021). Более того, часто оценка компетенций или степень готовности студента к будущей профессиональной деятельности подразумевает сдачу государственного экзамена и защиту выпускной квалификационной работы и, на наш взгляд, не определяет уровень развития той или иной компетенции. Об этом говорит и Г. И. Ибрагимов в своей статье «Оценивание компетенций: проблемы и решения» (Ibragimov, 2016), опираясь на социологические исследования: «большинство преподавателей выделяют в качестве значимой именно проблему отсутствия надежных и удобных методик оценивания компетенций». Г. И. Ибрагимов выделяет три подхода оценки компетенций в трудах ученых:

- опора на интегративное единство знаний, умений и владений (фонды оценочных средств, прилагаемые к каждой рабочей дисциплине, включают способы оценки каждого элемента, но чаще всего преподаватели соотносят это не с компетенциями, формируемыми в процессе обучения дисциплине, а со знаниями, умениями и навыками);
- опора на таксономию Б. С. Блума с измерением знаний, когнитивных процессов и интеллектуальных навыков параллельно с мотивационной составляющей (данный подход предполагает помимо оценки уровня знания иностранного языка в нашем случае основательное изучение способов измерения когнитивных процессов);
- опора на условия, в которых проявляется компетенция (за каждой дисциплиной ОПОП закреплены 2–3 компетенции, соответственно, условия проявления определен-

ной компетенции в процессе обучения разным дисциплинам будут отличаться).

Таким образом, существующий научный опыт решения проблемы оценки компетенций не имеет единого подхода к этой проблеме. Потенциал дисциплин языкового цикла имеет коммуникативный характер обучения, построен на речевой деятельности, что дает возможность наблюдать за поведением, межличностным и межкультурным взаимодействием с другими участниками учебного процесса; работать в команде (Plotnikova, 2022), проводить дискуссии; анализировать личностные достижения на иностранном языке, самооценки и самооценки в ходе занятий. Разработка теоретической и методологической основы технологии развития гибких компетенций студентов в процессе обучения иностранным языкам на основе потенциальных возможностей дисциплин языкового цикла и характера деятельности на занятиях по иностранным языкам – одна из задач данного исследования. Использование онлайн-экспресс-тестов и существующих опросников на иностранном языке на занятиях не только дает возможность мониторинга уровней развития гибких компетенций, но и позволяет оценить знания языка и виды речевой и рецептивной деятельности обучаемых. Построение технологии развития гибких компетенций студентов в процессе обучения иностранным языкам требует научного обоснования, апробации и анализа ее эффективности.

Наряду с выбором научных подходов к решению проблемы оценки гибких компетенций немаловажными остаются и организационно-методические вопросы. Подразумевается, что результаты обучения в Основной профессиональной образовательной программе (далее – ОПОП) формируются в процессе обучения всем учебным дисциплинам образовательной программы, что еще более затрудняет выбор методик оценки и диагностики. Следующим вопросом, усложняющим задачу преподавателей, реализующих образовательную программу, является разное количество часов, выделенных на учебные дисциплины.

После анализа литературы по теме исследования, потенциальных возможностей дисциплин языкового цикла был уточнен перечень гибких компетенций студентов, который можно развивать в процессе обучения иностранным языкам:

- межличностное и межкультурное взаимодействие – способность сотрудничать с людьми разных культур и взглядов (контингент студентов разнообразен в контексте национальных культур);

- стрессоустойчивость – способность противостоять непредсказуемым обстоятельствам и непредвиденным задачам (техники обучения, такие как имитация реальных ситуаций социального характера, ролевые игры с проецированием профессиональных задач);

- работа в команде – способность работать в сотрудничестве с другими, распределять обязанности и координировать с другими (индивидуальные, групповые и командные проекты);

- принятие решений – способность прогнозировать риски, разрабатывать стратегию и планировать действия (работа в мини-группах, командах, проектная работа);

- ответственность – способность выполнять обязательства (распределение функционала в проектных и командных работах);

- инициативность – способность находить решения, проявлять усердие в достижении целей (проработка всех возможных решений социальных и профессиональных ситуаций за ограниченное время).

Для того чтобы обеспечить развитие вышеперечисленных гибких компетенций студентов в процессе обучения иностранным языкам и дисциплинам языкового цикла, необходимо создать целенаправленную технологию по коррекции педагогического процесса для его реализации и гарантированному и прогнозируемому результату.

Методы и материалы

В ходе исследования использовались теоретические и эмпирические методы: анализ научной, методической, нормативной литературы, обобщение отечественно-

го и зарубежного опыта, синтез, наблюдение, беседы, тестирование, анкетирование, опытно-экспериментальная работа, обработка полученных результатов.

Теоретическую основу исследования составили работы по теории деятельности (Zimnyaya, 2016 и др.); теории коммуникации (Baryshnikov, 2007) и др.; исследования в области диалога культур (Dzhurinskij, 2022; Gal'skova, 2006; Kondrateva, 2021 и др.).

Методологической основой разработанной технологии развития гибких компетенций студентов в процессе обучения иностранным языкам и механизмом совершенствования процесса обучения стали:

- ✓ Компетентностный подход, обеспечивающий результаты обучения в форме компетенций.

- ✓ Коммуникативный подход, обеспечивающий эффективную коммуникацию всех участников образовательного процесса.

- ✓ Деятельностный подход как основа формирования и развития компетенций.

- ✓ Личностно-ориентированный подход, главной ценностью которого становится развитие личности студента, мотивации и реализация его целей и ожиданий от вузовского образования.

- ✓ Системный подход, отражающий целостность процесса развития гибких компетенций студентов в единстве образовательной, научно-исследовательской, социальной, творческой и воспитательной деятельности.

Основной идеей разработанной технологии стало управление и трансформация педагогического процесса, ведущего к результату – развитию гибких компетенций (Plotnikova, Kondrateva, 2017) студентов наряду с профессиональными.

Содержательная основа технологии развития гибких компетенций студентов представлена характеристикой гибких компетенций, описанием этапов их развития в пролонгированном процессе обучения (на протяжении 5 лет), учебно-методическим комплексом Ж.Н. Масловой «A New Highway to English. Быстрый путь

к английскому», Л. А. Ерофеевой «Modern English in Conversation» и сопроводительными учебно-методическими материалами, в том числе цифровыми образовательными ресурсами, онлайн-курсами, созданными авторами «Enhanced English Reading Skills: B 1 Level, «English Grammar Improvement: B 1 Level».

Технологическая основа представляет комплекс форм, технологий, методов и средств обучения: дискуссионные платформы, ролевые и деловые игры, проектные задания, мини-конференции, брейн-ринги, ситуативные задания, тренинги, проекты.

Диагностическая основа технологии представляет определение начального и стартового уровня развития гибких компетенций, диагностические срезы, динамику прогресса студентов и оценочные инструменты: портфолио личных достижений студентов, анкеты, опросники, самопрезентации студентов, наблюдение экспертов, преподавателей и кураторов академических групп, работающих со студентами.

Результативная основа технологии обеспечивает обработку результатов и достижений студентов, используя отобранные диагностические срезы, онлайн-экспресс-тесты, анкетирование, опросники, наблюдение, метод экспертов и т.д.

Эффективность реализации технологии обосновывалась обеспечением организационно-педагогических условий, которые в процессе экспериментальной проверки подтвердили свою эффективность:

- Активное участие студентов в единстве образовательного, научно-исследовательского, воспитательного и творческого процессов.

- Обеспечение обратной связи, сбор и обработка информации о достижениях и результатах деятельности студентов.

- Мотивация студентов и создание доброжелательной среды обучения в вузе.

- Обеспечение последовательного обучения с прогнозированием результатов.

- Определение содержания гибких компетенций для успешной профессиональной деятельности.

- Применение эффективных методов обучения иностранным языкам для развития гибких компетенций студентов.

- Мониторинг индивидуальных достижений студентов.

- Менеджмент процесса развития гибких компетенций в процессе обучения иностранным языкам в вузе.

- Методическое сопровождение учебного процесса по иностранным языкам в вузе.

Для обеспечения качества обучения и развития гибких компетенций студентов были определены принципы обучения: интегративности (обобщение знаний и формирование целостной картины мира); единства обучения и воспитания (формирование личности студента); вариативности содержания обучения иностранным языкам; преемственности обучения, систематичности и последовательности.

Результаты

В опытно-экспериментальной работе приняли участие – 59 студентов, 5 преподавателей иностранных языков, 4 преподавателя профильных дисциплин, 2 куратора академических групп направления подготовки 44.03.05 «Педагогическое образование» (с двумя профилями подготовки) (История и иностранные (европейский и восточный) языки) Института международных отношений (далее ИМО) Казанского федерального университета (далее КФУ), в общей сложности 70 человек.

Организация и сопровождение опытно-экспериментальной работы.

1. Тренинг профессорско-преподавательского состава, кураторов, участвующих в опытно-экспериментальной работе по теме «Определение и характеристика каждой компетенции, включая рекомендации по использованию методов обучения для развития каждой компетенции».

2. Анализ Основной образовательной программы направления 44.03.05 «Педагогическое образование» (с двумя профилями подготовки) (История и иностранные (европейский и восточный) языки) для

определения возможностей и реализации технологии развития гибких компетенций студентов.

3. Пролонгированное развитие гибких компетенций обучающихся с помощью инкорпорирования дополнительного курса в Образовательную программу: «Компетенции: 21 век».

4. Мониторинг и сопровождение опытно-экспериментальной работы в целях коррекции процесса обучения и критического осмысления достижений студентов.

5. Обмен перспективными практиками и опытом, тренинги, анализ и коррекция учебного процесса с целью прогресса студентов.

6. Изучение опыта оценки уровней развития компетенций, отбор методов оценки компетенций, сбор и обработка эмпирического материала исследования.

7. Качественная и детальная обработка результатов исследования.

На первом этапе организации процесса развития гибких компетенций студентов происходит углубленное знакомство с профессией и профессиональной деятельностью. В данном процессе приняли участие преподаватели профильных дисциплин и на первых занятиях проводится ознакомительно-смысловой, мотивационный экскурс в профессию и профессиональную деятельность, обозначаются перспективы и результаты обучения и намечаются маяки достижения и сформированности профессиональных компетенций в процессе обучения в вузе.

После осмысления студентами перспективы будущей профессиональной деятельности кураторы проводят групповые и персональные беседы со студентами, где определяются цели и мотивы обучения студентов на всех направлениях, при этом языковой подготовке уделяется не менее 1060 часов на протяжении 5 лет обучения. Пролонгированная экспериментальная проверка позволяет собрать эмпирические данные и выстроить индивидуальный образовательный маршрут каждого студента в соответствии с его целями и ожиданиями вузовского образования.

Третьим этапом работы над развитием гибких компетенций студентов является знакомство с понятием «гибкие компетенции», уточнение списка топ-6 компетенций для успешной профессиональной деятельности будущих учителей. Для этого проводятся тестирование и диагностические срезы уровней развития гибких компетенций студентов на начальном этапе эксперимента.

Четвертый этап требует от обучающихся осмысления персональных возможностей и перспективы достижений в дальнейшей профессиональной деятельности, корректировки индивидуального образовательного маршрута для достижения своих целей обучения. Студенты на этом этапе определяют для себя механизмы дополнительной, выходящей за рамки учебного процесса самообразовательной деятельности, которые будут способствовать развитию гибких компетенций, а преподаватели иностранного языка адаптируют учебный процесс в соответствии с потребностями каждого студента, дополняя традиционное обучение эффективными формами, методами и технологиями.

Пятый этап подразумевает мониторинг результатов и промежуточный диагностический срез достижений. В нашем случае для определения прогресса студентов используются онлайн-экспресс-тесты оценки гибких компетенций.

Проведенный в октябре 2020 года анализ отношения студентов к выбранной профессии и деятельности на начальном этапе опытно-экспериментальной работы показал низкий уровень склонности к профессиональной деятельности студентов контрольной и экспериментальной групп, можно наблюдать незначительные отличия в табл. 1.

Полученные результаты выявили необходимость целенаправленной работы по мотивации и ознакомлению студентов с возможностями и перспективами выбранной профессиональной деятельности и понятием «гибкие компетенции» для выстраивания карьеры в будущем.

Оценку значимости гибких компетенций на начальном этапе опытно-

Таблица 1. Отношение к выбранной профессии (в % от общего количества 59 человек)
Table 1. Attitude towards the chosen profession (in % of the total number of 59 people)

	КГ	ЭГ
Высокий уровень	31	32
Средний уровень	44	46
Низкий уровень	25	22

Таблица 2. Значимость развития гибких компетенций для успешной карьеры
(в % от общего количества 59 человек)

Table 2. The importance of developing flexible competencies for a successful career
(as a percentage of the total number of 59 people)

	КГ	ЭГ
Неопределенный ответ	27	18
Понимают необходимость	35	39
Считают важными	38	43

экспериментальной работы можно увидеть в табл. 2.

Результаты исследования на конечном этапе в апреле 2024 года (наблюдение, опрос, анкетирование, экспертное мнение) показали, что студенты экспериментальной группы не только демонстрируют более высокие показатели в учебе, но и испыты-

вают желание повышать уровень своих гибких компетенций. Данные представлены на рис. 1.

Обсуждения

Ранее внимание к результатам обучения сводилось к освоению профессиональной компетенции. Сегодня мы видим

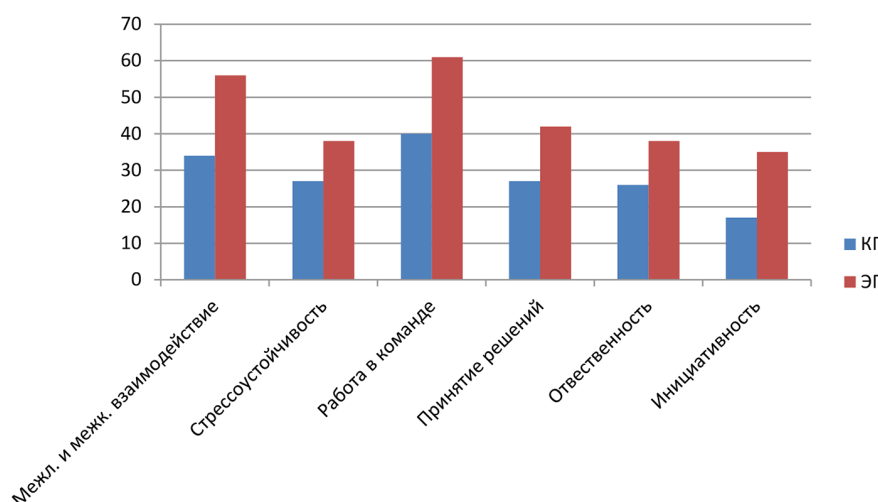

Рис. 1. Заключительный анализ уровней развития гибких компетенций студентов КГ и ЭГ
(в % от общего количества 59 человек)

Fig. 1. Final analysis of the levels of development of flexible competencies among students in the control and experimental groups (as a percentage of the total number of 59 students)

необходимость в развитии гибких компетенций выпускников для их успешного вхождения в профессиональный социум и построение карьеры. Часто студенты гуманитарной направленности образования не представляют для себя вид будущей профессиональной деятельности и, соответственно, не могут предположить, какие компетенции им будут необходимы. Несмотря на огромное количество созданных компаний по оценке и развитию гибких компетенций, авторы статьи считают необходимым проектировать будущую профессиональную деятельность на этапе обучения в вузе, используя потенциал учебных дисциплин Основной образовательной программы и эффективные методы обучения с целью развития компетенций. Для проектирования будущей профессиональной деятельности нужна мотивация студентов, но не всегда молодые люди делают выбор в пользу того или иного направления подготовки в вузе мотивированно. Чаще это происходит по рекомендациям друзей, родителей и знакомых, а иногда и по финансовому признаку. Таким образом, для развития гибких компетенций студентов в процессе обучения в вузе нужна соответствующая модель обучения, где наряду с формированием профессиональных компетенций будут развиваться и гибкие. Немаловажный фактор в этом процессе – мотивация студента и выстраивание им профессионально-ориентированной траектории обучения в вузе. Здесь необходимо внимание профессорско-преподавательского состава для помощи и сопровождения данного процесса.

Выводы

Разработанная технология развития гибких компетенций студентов в процес-

се обучения иностранным языкам показала положительную динамику результатов диагностических срезов уровней развития гибких компетенций студентов. Более того, в ходе исследования установлено, что успеваемость студентов экспериментальной группы повысилась не только по иностранному языку, но и по другим дисциплинам образовательной программы. Повышение уровня мотивации студентов экспериментальной группы и желание развивать гибкие компетенции позволяет утверждать эффективность предлагаемой технологии развития гибких компетенций студентов в процессе обучения в вузе и может быть расширена с учетом обучения другим дисциплинам. Наблюдения преподавателей и кураторов академических групп студентов показали, что процент активно работающих студентов на занятиях по иностранному языку стал намного выше. Авторы считают, что основным показателем эффективности разработанной технологии является переход участников эксперимента на более высокий уровень развития гибких компетенций. Проведенное исследование стало дискуссионной площадкой и возможностью мониторинга полученных результатов и передачи опыта преподавателям других дисциплин и студентам выпускающих курсов и способствовало обмену теоретическими и практическими знаниями по проблеме исследования, и, соответственно, вселяет определенную надежду внедрения полученного опыта в процесс обучения другим дисциплинам данной образовательной программы ИМО КФУ.

Безусловно, результаты опытно-экспериментальной работы требуют подтверждения и обработки результатов методами математической статистики, что не завершает проведенное исследование.

Список литературы / References

- Bary'shnikov N. V., Badon'i M. A. Anglijskij yazy'k kak dominantny'j v obuchenii mnogoyazy'chiyu. In: *Inostranny'e yazy'ki v shkole*, 2007, 5, 29–33.
- Bondarevskaya E. V. Konceptii lichnostno-orientirovannogo obrazovaniya i celostnaya pedagogicheskaya teoriya. In: *Shkola duxovnosti*, 1999, 5, 41–66.

Centr ocenki i razvitiya upravlencheskix kompetencij studentov (Ministerstvo obrazovaniya i nauki Rossii). Available at: https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/novosti-ministerstva/41366/?sphrase_id=7795270 (accessed 20 February 2025).

Dzhurinskij A. N. In: *Sravnitel'naya pedagogika: uchebnik dlya vuzov*. 3-e izd., pererab. i dop. Moskva: Izdatel'stvo Yurajt, 2022, 353.

Faxrutdinova A. V., Getmanskaya M. Yu., Novgorodova E. E. Intellektual'no -tvorcheskij potencial raboty s videomaterialami v processe prepodavaniya inostranny'x yazy'kov. In: *Vestnik NC BZhD*, 2021, 3(49), 48–53.

Federal'nyj centr kompetencij v sfere proizvoditel'nosti truda (RF). Available at: <https://vk.com/pptrf> (accessed 20 April 2025).

Forsajt Kompetencij – 2030. Forsajt Kompetencij: integratory', translyatory' i adaptatory'. Skolkovo. Available at: <https://www.hse.ru/news/science/74798508.html> (accessed 20 April 2025).

Gal'skova N. D., Gez N. I. Teoriya obucheniya inostranny'm yazy'kam. Lingvodidaktika i metodika: ucheb. posobie dlya stud. lingv., un-tov i fak. in. yaz. vy'ssh. ped. ucheb. Zavedenij, N. D. Gal'skova, N. I. Gez. 3-e izd., ster. – M.: Izdatel'skij centr «Akademiya», 2006, 37–40.

Ibragimov G. I., Ibragimova E. M. Ocenivanie kompetencij: problemy' i resheniya. In: *Vy'sshee obrazovanie v Rossii*, 2016, 1(197), 43–52.

Kicheva I. V., Babayan A. V., Akopyans A. M., Bobrishov S. V., Vorobev G. A., Ermakova L. I., Svin-torjiskaya I. A., Fedotova I. B., Ivanova O. E., Karakozov S. D., Rijova N. I., Ayrapetova V. V., Bodneva N. A., Kazaryans K. E., Parsegyan N. M., Timoshenko T. A. In: *Sovremennye problemy obrazovaniya v Rossii i puti ix resheniya*, Pyatigorsk, 2023, 176.

Kondrateva I. G., Faxrutdinova A. V. Rabota studentov s inoyazy'chny'mi tekstami v kontekste formirovaniya navy'kov mezhkul'turnoj kommunikacii. In: *Kazanskij pedagogicheskij zhurnal*, 2021, 5, 164–169.

Lafortune L., Pallascio R., Daniel M. Pensée et Réflexivité. In: *American et Pratiques*. Saint-Foie: Presses de l'Université du Québec, 2004. 238.

Maguire P., Pitceathly C. Key communication skills and how to acquire them. In: *BMJ: British Medical Journal*, 2002, 325(7366), 697.

McLester S., McIntire T. The Workforce Readiness Crisis: We're Not Turning out Employable Graduates nor Maintaining Our Position as a Global Competitor – Why? In: *Technology & Learning*, 2006, 27(4), 22.

Plotnikova N. F., Kondrateva I. G. Development of Integrative Skills in Higher Education Students. In: *Helix*, 2018, 8(1), 2877–2883. DOI: 10.29042/2018–2877–2883

Plotnikova N. F., Kondrat'eva I. G. Kriticheskoe my'shlenie i komandnaya deyatel'nost' studentov. In: *Inostranny'e yazy'ki v sovremennom mire. sbornik materialov XV Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii (19 maya 2022) pod red. D. R. Sabirovoj, I. G. Kondrat'evoj.* – Kazan': Izdatel'stvo Kazanskogo universiteta, 2022, 182–192. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=49268527> (accessed 20 April 2025).

Rudakov V. N. Uchis, student? Vliyanie uspevaemosti v vuze na zarabotnuyu platu vipusnikov. In: *Nas. Issled. Un-t «Visshaya shkola ekonomiki».* – M.: Izd. Dom Visshey shkoli ekonomiki, 2016, 36.

Seryakova S. B., Krasinskaya L. F. Reforma vy'sshego obrazovaniya glazami prepodavatelej: rezul'taty issledovaniya. In: *Vy'sshee obrazovanie v Rossii*, 2013, 11, 22–29.

Stevenson J., Brown I. Australian TAFE Assessment Practices: Confusing Relevance and Responsiveness. In: *Australian Journal of Education*, 1994, 38, 118–138.

Texnologicheskij Forsajt kompetencij. Rukovodstvo po primeneniyu texnologicheskogo forsajta dlya opredeleniya budushhix potrebnostej v kompetenciayah. Available at: https://www.skolkovo.ru/public/media/documents/research/sedec/SEDeC_STF_Guidebook_Rus.pdf (accessed 25 April 2025).

Xutorskoj A. V. Klyuchevy'e kompetencii kak komponent lichnostno-orientirovannoj paradigmy' obrazovaniya. In: *Narodnoe obrazovanie*, 2003, 2, 58–64.

Zimnyaya I. A. Klyuchevy'e kompetentnosti kak rezul'tativno-celevaya osnova kompetentnostnogo podxoda v obrazovanii. Avtorskaya versiya. In: *Issledovatel'skij centr problem kachestva podgotovki specialistov*, 2004, 10–13.

EDN: BFUKTP
УДК 81'373.45

Turkic Loanwords as a Linguistic Marker of China's Historical and Cultural Interactions

Shynaray D. Burkitbayeva, Zhanseit K. Tuimebayev
and Anar Y. Shargynova*

*Al-Farabi Kazakh National University
Almaty, Republic of Kazakhstan*

Received 22.09.2025, received in revised form 29.09.2025, accepted 04.10.2025

Abstract. The article presents a comprehensive analysis of the lexicon and titlature of the Xiongnu to identify their cultural and institutional continuity with those of early Turkic states. The study employs source-based analysis of Chinese chronicles (Han Shu, Shiji, Sui Shu), phonetic reconstruction of transcriptions according to the Baxter–Sagart system, and comparative-historical examination of Old Turkic sources, including the Orkhon inscriptions and the dictionaries edited by Clauson and Kashgari. Particular attention is given to the terms *chēnglí* 撐犁 (*tānri*) and *gūtú* 孤塗 (*kut*), as well as the titles 單于 (*chányú*), 屠耆 (*tuqi*), and *kagan*, which reflect notions of celestial authority, sacred life force, and political succession. The analysis demonstrates that the Xiongnu people developed a system of sacred and political concepts that remained significant over time and influenced the formation of Turkic identity. The results confirm the importance of Xiongnu traditions for early steppe societies and their contribution to the lexical, institutional, and spiritual structures of later Turkic peoples.

Keywords: Xiongnu, Turks, Turkic identity, sacred lexicon, titlature.

Research area: Social Structure, Social Institutions and Processes; Languages of Foreign Nations (Turkic Languages); Theoretical, Applied and Comparative Linguistics.

Citation: Burkitbayeva Sh. D., Tuimebayev Zh. K., Shargynova A. Y. Turkic Loanwords as a Linguistic Marker of China's Historical and Cultural Interactions. In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2025, 18(10), 2120–2126. EDN: BFUKTP

Тюркизмы как лингвистический маркер историко-культурных взаимодействий Китая

Ш.Д. Буркитбаева, Ж.К. Туймебаев, А.Е. Шаргынова

Казахский национальный университет имени аль-Фараби
Республика Казахстан, Алматы

Аннотация. В статье проводится комплексный анализ лексики и титулатуры хунну с целью выявления их культурной и институциональной преемственности с ранними тюркскими государствами. Используются источниковедческий анализ китайских хроник (Han Shu, Shiji, Sui Shu), фонетическая реконструкция транскрипций по системам Baxter–Sagart и сравнительно-историческое сопоставление с древнетюркскими памятниками, включая орхонские надписи и словари Clauson и Kashgari. Особое внимание уделено словам *chēnglǐ* 撐犁 (*tāngri*) и *gūtu* 孤塗 (*kut*), а также титулам 單于 (*chányú*), 屠耆 (*tuqi*) и *kagan*, отражающим представления о небесной власти, сакральной жизненной силе и политическом преемстве. Анализ в статье указывает, что хунну выработали систему сакральных и политических представлений, сохранявшую актуальность на протяжении истории и влияющую на развитие тюркской идентичности. Результаты исследования подтверждают значимость хуннской традиции для ранних степных обществ и демонстрируют её вклад в развитие лексической, институциональной и духовной структуры поздних тюркских народов.

Ключевые слова: хунну, тюрки, тюркская идентичность, сакральная лексика, титулатура.

Научная специальность: 5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы; 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (тюркские языки); 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика.

Цитирование: Буркитбаева Ш.Д., Туймебаев Ж.К., Шаргынова А.Е. Тюркизмы как лингвистический маркер историко-культурных взаимодействий Китая. *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2025, 18(10), 2120–2126. EDN: BFUKTP

Introduction

The ethnic and linguistic affiliation of the Xiongnu remains one of the most controversial issues in early Eurasian history. Since the 18th century, researchers have put forward various hypotheses: from Turkic (Déguignes, Hirth, Shiratori) to Iranian, Yeniseian (Pulleyblank) and “mixed” (Doerfer). Chinese chronicles, in particular *Shiji* and subsequent ones, regarded the Xiongnu as the heirs of the Huns, Juns, Di and other northern tribes. In Marxist historiography, the process of the formation of the Xiongnu confederation was explained as the “natural development” of northern communi-

ties (Di Cosmo, 2002). Contemporary sources suggest that the language of the Xiongnu “royal house” cannot yet be clearly identified, although individual lexical units recorded in Chinese chronicles demonstrate significant continuity with the Turkic cultural and religious tradition. The problematics of this research is that, despite the existence of individual Xiongnu words and titles confirming cultural and religious parallels with the Turkic tradition, there is still no agreed view on their linguistic affiliation and the degree of influence of Xiongnu sacred vocabulary on the formation of Turkic identity. This necessitates a systematic analysis

of both phonetic data from Chinese sources and the historical and cultural context, including religious ideas about Heaven (*chēnglǐ* – *tǎŋri*) and sacred power (*gǔtú* – *kut*).

A review of the literature reveals a wide range of approaches. Proponents of the Turkic hypothesis (Déguignes, Hirth, Shiratori, Clauson) emphasise linguistic and religious parallels, in particular the terminology of heavenly dominion and sacred life force. Alternative points of view, such as the Yeniseian hypothesis (Pulleyblank) and critical analysis of phonological features (Vovin, 2001), attest to the complex, multi-ethnic origin of the Xiongnu and note that similarities in sound may be typological rather than genetic. Researchers also draw attention to titulature: a comparison of the Xiongnu titles 單于 (*chányú*) and 屠耆 (*tuqí*) with the Old Turkic *yabgu*, *tarxan*, and *kagan* demonstrates both linguistic and institutional continuity. At the same time, some scholars (Vovin) stress that Chinese chronicles could adapt and interpret foreign deities and titles through their own cultural concepts. The purpose of this article is to systematically analyse the sacred vocabulary and titles of the Xiongnu, comparing them with their ancient Turkic counterparts in order to assess the degree of influence of the Xiongnu tradition on the formation of Turkic identity. Particular attention is paid to Chinese sources as phonetic and cultural evidence, which allows us to trace not only linguistic connections, but also the deep spiritual and political continuity linking the Xiongnu with later Turkic peoples.

Research methods

Research methods include source analysis of Chinese chronicles (*Han Shu*, *Shiji*, *Sui Shu*) to identify lexical and title units of the Xiongnu, phonetic reconstruction of transcriptions according to the Baxter–Sagart systems (2014) to reconstruct the pronunciation of borrowed words. The methods used provide comparative historical analysis of the sacred vocabulary and titles of the Xiongnu with ancient Turkic monuments (Orkhon inscriptions, Clauson and Kashgari dictionaries, Old Turkic dictionary) to identify continuity and evolution of meanings. In addition, a cultural and religious

analysis of the concepts of *tǎŋri* and *kut* was carried out, linking these words with ideas of power and sacred grace. In conclusion we made a comparative analysis of titles (單于 – *yabgu*, 屠耆 – *tegin*, *tarxan*, *kagan*) to assess institutional continuity. This set of methods allowed us to integrate linguistic, historical and cultural approaches and trace the role of Xiongnu vocabulary and titles in the formation of Turkic identity.

Sacred vocabulary of the Xiongnu and its parallels in Turkic

Pulleyblank wrote about at least 190 words of Xiongnu origin.

Among them, *chēnglǐ* 撐犁 – “sky” is of particular importance; this word, according to researchers, goes back to the Turkic *tǎŋri*. This lexical pair serves as evidence that the Xiongnu were the predecessors of the Turks: the connection between the Xiongnu word *chēnglǐ* and the Turkic *tǎŋri* underlines the continuity of sacred ideas about Heaven as the supreme deity.

The word *tǎŋri* is also mentioned in the dictionary of Mahmud Kashgari. At the same time, Kashgari saw no contradiction between the ancient cult of the Turks and Islam, so he freely translated all the idioms and expressions encountered among the Turks with the element *tǎŋri* as “Allah” (Kashgari, 2005: 29).

According to J. Clauson’s etymological dictionary, *tǎŋri* is a very ancient word, probably pre-Turkic, which dates back to the Xiongnu language, if not earlier. Initially, it apparently meant “physical sky”, but very early on it acquired a religious connotation and came to mean “Heaven” as a kind of impersonal deity in early texts. It was the usual word for denoting “God” in Man (Clauson, 1972: 523).

Alongside the “Turkic” hypothesis of the origin of the Xiongnu language, there is an alternative point of view linking it to the Yeniseian language family. A. Vovin, analysing the arguments of E. Pulleyblank, notes that the phonological features on which the researcher relied cannot serve as reliable evidence: similarities or differences in the sound system reflect typological features rather than the genetic affiliation of the language (Vovin, 2001: 91–93).

Thus, the combinations 撐犁 (*chēnglǐ*) and 孤塗 (*gūtú*), attested in the *Han Shu*, acquire meaning precisely in the light of the Turkic concepts *täŋri* (“sky, deity”) and *kut* (“sacred life force”, “heavenly grace”). This allows us to consider these expressions as a reflection of the deep spiritual continuity linking the Xiongnu with subsequent Turkic peoples.

The idea of continuity and the favour of Tengri (Heaven) is also seen in the sacred vocabulary preserved in Chinese sources. For example, one of the words of Xiongnu origin is 孤塗 *gūtú* – “son”. The *Han Shu* (汉书) states: “Shaniui bore the surname Liuandi, and in his country he was called Chengli Gutu Shaniui”. In the Xiongnu language, the word “Chengli” meant “sky”, and “Gutu” meant “son”. “Shaniui” meant “greatness and vastness”, indicating that he was likened to the heavenly ruler, and this term was used to refer to the ruler in general. (Ban, 1962 94A, 3751), so the words were often used in combination 撐犁 孤塗 單于 (*chēnglǐ gūtú chányú* – son of heaven shaniui).

In the context of Tengrian beliefs, *gūtú* refers not simply to a descendant, but to an heir, a bearer of sacred grace bestowed by Heaven. In turn, in order to become a ruler, an emperor in ancient China had to possess virtue. If for any reason he became a greedy tyrant, Heaven could punish him by depriving him of power (Vasilyev, 2004: 14–115). In this regard, the emperor is often associated with another important concept, *kut*, which means “life force”, “divine grace”, and “good luck”. This word is also closely related to the Turks’ ideas about the heavenly mandate: a ruler possessing *kut* was considered to be chosen by Heaven. This is confirmed by primary sources: the term *kut* is found in the 8th century Orkhon inscriptions, for example, in the inscriptions of Kültigin and Bilge Khan, where it denotes the heavenly grace of the ruler: “Since Tengri is merciful and I have kut, I ascended the throne as (khan)” (Tekin, 1998: 37). Later, “Iduk kut”, the sacred mercy of heaven, was adopted by some tribes as a royal title (Clauson, 1972: 46). In addition, *kut* means “happiness”, “prosperity”, “good fortune”, as well as “soul” and “life force”; a person who lost his *kut* could die (Baskakov, 1973, p. 109). According to the Turkic belief

system, *kut* is defined as a divine power bestowed by the creator. It is given only to those chosen by the creator and subsequently helps the possessor of this power throughout their life (Çeribaş, 2021: 1187). Thus, a person is under the protection of Tengri. It was for this reason that the rulers of the Turkic states were believed to possess *kut*. For the same reason, it was forbidden to shed the blood of the ruler and his family, as it was considered sacred.

Yusuf Balasaguni’s poem “Kutadgu Bilig” shows that the Turkic concept of *kut* underwent changes under the influence of Muslim Sufi teachings. Here, *kut* was considered to be closely connected with faith (*iman*) and reason. The goal was not only to use the power of *kut* for enrichment, but also to transform it into pure spiritual energy. In the traditional worldview and customs of the Kazakh people, ancient mythological, Tengrian and religious-Sufi concepts associated with *Kut* are closely intertwined. In folk customs, the influence and manifestations of *kut* are reflected, for example, in the growth of the family, prosperity, and increased prestige and authority. All this was considered a sign that a person possessed *kut*. That is, *Kut* is “a bird of happiness that has landed on a person’s head”; in this sense, the expression *kıyt konu* is often used (Syzydykova, 2014: 32).

All alternative hypotheses demonstrate that the Xiongnu may have had a complex, multi-ethnic origin. Nevertheless, an analysis of sacred vocabulary and its further influence on Turkic identity points to the significant role of the Turkic tradition. In particular, the phonetic similarity between *chēnglǐ* – *täŋri* and *gūtú* – *kut* seems more justified in the context of the historical, linguistic and cultural development of later Turkic peoples.

The titulature of the Xiongnu and its development among the Turks

In both cases, the two-character combinations 撐犁 (*chēnglǐ*) and 孤塗 (*gūtú*) do not form meaningful phrases in classical Chinese. In the *Han Shu*, their literal meanings (“to prop up/plough” and “orphan / to plaster; road”) do not correspond to the context describing the titles and concepts of the political and religious

Table 1. Comparison of Xiongnu and Turkic sacred terms

Hieroglyph and pinyin	Meaning	First mention	MC (Baxter–Sagart 2014)	OC (Baxter–Sagart 2014)	Turkic equivalent	First mention
撐犁 – chēnglí	‘sky’ – Xiongnu loan (Ban, 1962, p. 3751);	Han Shu (Book of Han)	撐: - 犁: <i>lij</i>	撐: - 犁: <i>[r]/[i]</i> <i>j</i> ‘plow’	Tägri – ‘physical sky’, ‘Heaven’ world for ‘God’ (Clauson, (1972: 523)	Turkic runic monuments
孤塗 – gūtú	‘son’ – Xiongnu title		孤: <i>ku</i>	孤: <i>kwʃa</i> ‘orphan’;		
			塗: <i>du</i>	塗: <i>ʃa</i> ‘to plaster; road’		

Notes: 1. 撐犁 и 孤塗 – **sinographic transcriptions of foreign words from Xiongnu**. First mentioned in *Han Shu [Book of Han]*, juan 94 (Ban, 1962: 3751). OC/MC are given only for the Chinese characters themselves; they **do not reflect the exact phonetics of the borrowed ethnonym**.

2. First attested instances of Turkic terms:

tägri – The Kul Tigin Inscription South (1) (Tekin, 1968: 231)

kut – The Kul Tigin Inscription South (10) (Tekin, 1968: 232);

2. Все фонетические реконструкции OC/MC даны строго по Baxter–Sagart 2014. All phonetic reconstructions of OC/MC are given strictly according to Baxter–Sagart 2014.

culture of the Xiongnu. Reconstructions of Middle Chinese (MC) forms by Baxter–Sagart (Baxter, Sagart, 2014: 349) show that their pronunciation is close to the transmission of non-Sinitic words. In 撐犁, the phonetics of the second character 犁 (*lij*, OC *[r]/[i]*) are close to the final *[ri]* or *[riə]* of foreign origin; in 孤塗, the combination of MC *ku* and *du* reproduces the structure *[ku-] + [du]* (Baxter–Sagart version 1.1, 2014, p. 111). All this suggests that these combinations are phonetic transcriptions of Xiongnu words, while retaining their original meaning (“sky/deity” and “a crown prince/son”) rather than the Chinese meaning.

As for the word (*chányú*) 單于, Talat Tekin writes in his book “Hunların dili” that 單于 was usually considered to be the same as the Old Turkic title *yabgu*, and in Chinese sources it is mentioned as 翕侯 – *hiep-ho* (Tekin, 2023: 17). In the Old Turkic dictionary, *jabyu* is the title of the supreme ruler of the Western Turks, and the same dictionary quotes lines from the monument to Bilge Khan (line 28): “I killed their khan, *yabgu* and *shada* there” (Nadelaev et al., 1969, 222). For comparison, the variants *jafyu* (Ibid: 223) and *javyu* (Ibid: 249) are also given

with the same meaning. According to Dörfer, *yabgu* is a Turkic title often found among the rulers of various Turkic tribes (Kimeks, Karluks, Oguzes, Seljuks). The title denoted the khan’s deputy, the commander of the left wing of the army, or the khan’s heir. In earlier sources (7th–8th centuries), *yabgu* is mentioned in the context of the rulers of Tokharistan and other regions of Central Asia. The chain of power among the Turks is also given, which looked as follows: *kayan-tegin-yabyu-kül cor* (khan – crown prince-deputy khan, commander of the left wing – senior military leader) (Dörfer, TMEN IV: 128–132). In Chinese sources, 翕侯 is used to refer to leaders or high-ranking governors of the Xiongnu, i.e. those who were in power immediately after the supreme ruler, which makes it possible to compare this dyad: 翕侯 ≈ *yabgu* (Ban, 1962, juan 17: 640). At the same time, the difference in the forms of the word *yabgu* is explained by the peculiarities of sound transmission through different languages.

According to Pulleyblank, the title 單于 (*chányú*) could later serve as the basis for the Turkic title *tarxan*, which among the Xiongnu

originally denoted the supreme ruler (Nadeliaev et al., 1969: 539), and later came to be used to denote a high military or administrative rank (Pulleyblank, 1962: 57). In Chinese sources, the borrowed form is recorded as 达干 (*dá-gān*) (Hànyǔ Wàiláicí Cídiǎn, 1984: 69), where it is explicitly explained as an official Turkic title. Thus, this is not a genuine Chinese etymology, but a phonetic transcription which, like many similar records, was used to convey lexemes of non-Chinese origin.

Developing the theme of Turkic titles, Clauson points out that the word *tegin* in its plural form *tegit* has a parallel only with the title *tarxan*, which also forms a plural with the suffix *-t*. He suggests that both terms, like the suffix itself, were probably borrowed from an earlier language, and their similarity to the Mongolian plural suffix *-d* is coincidental and does not indicate a genetic connection. At the same time, *tegin* originally meant “slave”, but later became an official title and had to be interpreted as “senior commoners and junior princes” (Clauson, 1972: 479). Pulleyblank, in turn, links this title to the Xiongnu word 屠耆 (*tuqi*), referring to the *Han Shu* 94 A: “Among the Xiongnu, the word 屠耆 meant ‘wise/worthy’, so the crown prince was usually appointed as the left king-*tuqi* (左屠耆王)”.

Finally, we cannot ignore the opinion of Vovin, who believes that the titles and terms used by the Xiongnu are calques or transcriptions, most likely of Yeniseian forms, adapted to Chinese script. According to his observation, Chinese chronicles tended to interpret and describe foreign deities and titles of authority through their own concepts, which often created the illusion of their proximity to Chinese categories.

Another word of Turkic origin is *kha-gan* (or *kagan*). It was first mentioned in Turkic written monuments (Tekin, 1968: 232). In Clauson’s dictionary, it is presented in the form *xağan*, which denotes an ancient title adopted by the Turks in the specific sense of “independent ruler of a tribe or people”. It is remarkable that in Uyghur texts it can be found in the form *kağan*, but since in these texts the symbols ‘h’ and ‘k’ were rendered by the same letter, it was almost certainly *hagan*.

According to Pulleyblank, the earlier Xiongnu title *hu-yü*, found in descriptions of events at the end of the 1st century BC, is a Chinese transcription of the same word. During the Tang dynasty, this title was supreme among the Turks and probably denoted the leader of all Turkic tribes, analogous to the imperial title. There is also an excerpt from *Tongdian* (通典), a part of a Chinese encyclopaedia compiled by Du Yu in the early 8th century (around 801) during the Tang dynasty, which mentions Fu-lin (Old Turkic *böri[n]*) Khagan. In this case, Fu-lin symbolises power. The author also notes that the title of khagan did not always mean supreme power and that there were local or “junior” khagans. (Pulleyblank, 1962: 261).

The official Chinese chronicle 《隋书》 (*Sui Shu / Book of Sui*), describing the events of the Sui dynasty (581–618), also mentions khagans: “At that time, the Turkic Khaganate (突厥) was strong. Dulan Khan was married to Princess Dai...” (Pei, 1985, Juan 67: 1578). This passage clearly refers to the Turks, since Chinese chronicles use the term 突厥 (*Tūjué*) specifically to refer to the Turks, and the title 可汗 (*Kèhán*) appears in Chinese texts only in connection with them, and later with other nomadic powers.

Conclusion

To sum up, analysis of the sacred vocabulary and titles of the Xiongnu confirms the existence of their significant continuity with ancient Turkic culture and political systems. Lexical units such as *chēngli* 撐犁 (*täŋri*) and *gūtu* 孤塗 (*kuɪ*) reflect early ideas about heavenly power and sacred life force, while the titles 單于 (*chányú*), 屠耆 (*tuqi*) and *khagan* demonstrate institutional continuity, linking the Xiongnu system of power with later Turkic states. Although the Xiongnu may have had a complex, multi-ethnic origin, phonetic, lexical and cultural parallels imply that Xiongnu traditions played a significant role in the formation of Turkic identity. Overall, the Xiongnu act as a bridge between early steppe cultures and later Turkic peoples, showing that sacred and political concepts of heavenly power and grace retained their significance throughout several historical eras.

References

- Ban Gu 班固. *Hanshu* 漢書 [Book of Han]. Juan 17, “Jing Wu Zhao Xuan Yuan cheng gongchen biao” 景武昭宣元成功臣表第五. Ed. Wang Xianqian 王先謙, *Hanshu buzhu* 漢書補注. Taipei: Zhonghua Shuju, 1962 (facsimile ed.). *Scripta Sinica* 漢籍電子文獻資料庫 (Academia Sinica), 段1065.
- Ban Gu 班固. *Han shu* 漢書 [Book of Han]. Juan 94A, “Xiongnu Zhuan” 匈奴傳. Ed. Wang Xianqian 王先謙, *Han shu buzhu* 漢書補注. Taipei: Zhonghua Shuju, 1962 (facsimile ed.). Accessed via Scripta Sinica (Academia Sinica), 段4482.
- Baskakov N. A. “Dusha v drevnikh verovaniyakh tyurkov Altaya (terminy, ikh znachenie i etimologiya)” [The soul in the ancient beliefs of the Turks of Altai (terms, their meaning and etymology)]. In: *Soviet Ethnography*, 1973, 5, 108–113.
- Baxter W.H. and L. Sagart. *Old Chinese: A New Reconstruction*. New York: Oxford University Press, 2014. 432.
- Baxter W.H. and L. Sagart. *Old Chinese: A New Reconstruction*. Version 1.1, New York: Oxford University Press, 2014. 449.
- Clauson G. *An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish*. Oxford: Clarendon Press, 1972. 1034.
- Çeribaş M. Türk kültüründe “kut inancı” ve “kut aktarma yolları”. In: *Motif Akademi Halkbilimi Dergisi*, 2021, (36), 1185–1206. DOI: 10.12981/mahder.1017943
- Di Cosmo N. *Ancient China and Its Enemies: The Rise of Nomadic Power in East Asian History*. Cambridge University Press, 2002. 369. DOI: 10.1017/CBO9780511511967
- Doerfer G. *Türkische Elemente im Neupersischen (Schluss) und Register zur Gesamtarbeit*. Band IV. Vienna: Franz Steiner Verlag, 1975. 639.
- Hànyǔ Wàiláicí Cídiǎn* [Dictionary of Loanwords in Chinese]. Ed. by Ruan Zhifu. Shanghai: Shanghai Lexicographical Publishing House, 1984. 422.
- Kashgari M. *Divan Lugat at-Turk*, Almaty, 2005. 1288.
- Nadeliaev V.M., Nasilov D.M., Tenishev E.R. and Shcherbak A.M. (eds.) *Drevnetiurkskij slovar'* [Ancient Turkic Dictionary]. Leningrad: Nauka, 1969. 715.
- Pei Ju 裴矩. *Sui Shu* 隋書 [Book of Sui]. Juan 67, Lie Zhuan 32. Song edition, revised copy, 1985 (facsimile edition). Accessed via Scripta Sinica, (Academia Sinica), 段 3598
- Pulleyblank, E. G. The Consonantal System of Old Chinese: Part II. In: *Asia Major*, 1962, 16, 207–265.
- Syzdykova R. *Sözder söileidi*. Almaty, 2014. 412.
- Tekin T. A Grammar of Orkhon Turkic. In: *Uralic and Altaic Series*, 69. Indiana University Publications / Mouton & Co., 1968. 419.
- Tekin T. *Orhun Yazıtları*. Istanbul: Simurg, 1998. 129.
- Tekin T. *Hunların Dili*. Ankara: Türk Dil Kurumu, 2023. 53.
- Vasilyev L. S. *Istoriia Religii Vostoka* [History of the Religions of the East]. Moscow: JIBG, 2004. 266.
- Vovin A. Did the Xiong-nu Speak a Yeniseian Language? In: *Central Asiatic Journal*, 2000, 44(1), 87–104.

EDN: VYQDFT
УДК 81'23: 39

Situational Analysis of the Image of the Cities Brest and Hefei in the Consciousness of People of Various Linguocultures

Hua Erzhi^a, Ina A. Shved^{b, c},

Tatyana V. Poplavskaia^d and Ina L. Ilyicheva^{*d}

^a*School of Foreign Studies, Anhui University
People's Republic of China, Hefei*

^b*Center for Belarusian Studies, Anhui University
People's Republic of China, Hefei*

^c*A.S. Pushkin Brest State University
Republic of Belarus, Brest*

^d*Minsk State Linguistic University
Republic of Belarus, Minsk*

Received 01.06.2025, received in revised form 21.08.2025, accepted 22.09.2025

Abstract. The article is devoted to the problem of perception of the image of the territory. An important tool of the research is a contrastive analysis of the images of two cities as important world-modeling and axiological mentalities in the linguistic consciousness of the native speakers of Chinese and Belarusian linguocultures. The material of the research is the data of a free associative experiment conducted in the People's Republic of China and the Republic of Belarus with two groups of respondents: students and master's students of Anhui University and Brest State University named after A. S. The general theoretical basis of the research is the concept of linguistic consciousness accepted in modern psycholinguistics. The scientific novelty of the study lies in the fact that with the help of the anthropometric approach to the semantization of language the features of the perception of the territory by its residents were revealed. It was established that the associative material is largely parameterized and thematically heterogeneous. The specificity of the nuclear-peripheral zoning of associates was revealed. Based on the semantic interpretation, cognitive layers in the structures of the images of the cities of Hefei and Brest were identified. The work contributes to the development of associative linguistics, linguacultural studies, and intercultural communication.

Keywords: intercultural communication, linguistic consciousness, core of the associative field, associative reactions, peripheral associative reactions, cognitive layers.

Research area: Social Structure, Social Institutions and Processes; Russian Language; Languages of the Peoples of Russia.

The research was carried out within the framework of the research “Narrative women’s discourse in the context of the folklore tradition of Brest region” (State registration number 20211451) of the State Scientific and Technical Research Institute for 2021–2025) with the financial support of the Ministry of Education of the Republic of Belarus.

Citation: Hua Erzhi, Shved I. A., Poplavskaja T. V., Ilyicheva I. L. Situational Analysis of the Image of the Cities Brest and Hefei in the Consciousness of People of Various Linguocultures. In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2025, 18(10), 2127–2141. EDN: VYQDFT

Ситуативный анализ имиджа городов Брест и Хэфэй в сознании носителей различных лингвокультур

Хуа Эрчжи^а, И.А. Швед^{б, в},
Т.В. Поплавская^г, И.Л. Ильичева^г

^аИнститут иностранных языков Аньхойского университета
Китайская Народная Республика, Хэфэй

^бЦентр изучения Беларуси в Аньхойском университете
Китайская Народная Республика, Хэфэй

^вБрестский государственный университет имени А. С. Пушкина
Республика Беларусь, Брест

^гМинский государственный лингвистический университет
Республика Беларусь, Минск

Аннотация. Статья посвящена проблеме восприятия образа территории. Важным инструментом исследования становится контрастивный анализ образов двух городов как важных миромоделирующих и аксиологических ментефактов в языковом сознании носителей китайской и белорусской лингвокультур. Материал исследования составляют данные свободного ассоциативного эксперимента, проведенного в Китайской Народной Республике и Республике Беларусь с двумя группами респондентов: студенты и магистранты Аньхойского университета и Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина. Общей теоретической основой исследования является принятая в современной психолингвистике концепция языкового сознания. Научная новизна исследования состоит в том, что с помощью антропометрического подхода к семантизации языка выявлены особенности восприятия территории ее жителями. Установлено, что ассоциативный материал в значительной степени параметризован и тематически разнороден. Выявлена специфика ядерно-периферийного зонирования ассоциатов. На основе семантической интерпретации выделены когнитивные слои в структурах образов городов Хэфэй и Брест. Работа вносит вклад в развитие ассоциативной лингвистики, лингвокультурологии, межкультурной коммуникации.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, языковое сознание, ядро ассоциативного поля, ассоциативные реакции, периферийные ассоциативные реакции, когнитивные слои.

Научная специальность: 5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы; 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика

Исследование выполнено в рамках НИР «Повествовательный женский дискурс в контексте фольклорной традиции Брестчины» (№ госрегистрации 20211451) ГПНИ на 2021–2025 гг.) при финансовой поддержке Министерства образования РБ.

Цитирование: Хуа Эрчжи, Швед И. А., Поплавская Т. В., Ильичева И. Л. Ситуативный анализ имиджа городов Брест и Хэфэй в сознании носителей различных лингвокультур. *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2025, 18(10), 2127–2141. EDN: VYQDFT

Введение

в проблему исследования

В социально-гуманитарном осмыслении мира время и пространство всегда выступали «координатами человеческого бытия, его важнейшими атрибутами» (Povalko, 2016: 106). Находясь во времени и пространстве, человек постоянно связывает пространство вокруг себя со значимыми явлениями и событиями, конструирует его и наполняет определенным смыслом.

Время и пространство «как когнитивно-чувственные категории организуют мышление индивидов, выстраивая первичную рамку восприятия внешнего мира» (Shaverdo, 2020: 279), которое «опосредовано сознанием и душой человека, сформированных природой на генетическом и социальном уровнях развития человека в мире» (Zabrodina, Voloshinov, 2016: 11). Для современного человека пространство многомерно и полифункционально: «это и территория, ареал, это и пространство другого мира, социальное пространство отдельного человека, и социальное пространство во времени» (Ermolina, 2015: 20).

Векторы глобализационных перемен и стремительное развитие средств массовой коммуникации модифицируют привычную онтологическую триаду «человек – пространство – время», превращая ее в «тетраду “человек, язык, социум и пространство”» (Golomidova, 2024: 58). Как справедливо указывает в этой связи М. В. Голомидова, «одной из значимых проблем освоения этой тетрады в эпоху глобализующегося мира, в условиях глобализации и регионализа-

ции, выступает проблема территориальной идентичности» (Golomodova, 2024: 58).

Коммуникация «является способом существования индивида в социуме, все аспекты его деятельности носят знаковый характер. Знаковость бытия отражает семиотика культуры» (Poplavskaja, 2021: 42). Каждая нация, «создавая свою собственную культуру, формулирует и свои собственные представления об устройстве мироздания. Именно культура, понимаемая как всеобщая технология человеческой деятельности, детерминирует соответствующую данной цивилизации картину мира, в том числе концепцию пространства и времени» (Pankova, 2012: 8) и особенности семиотизации их элементов (Shved, 2020: 200–205).

По словам Н. В. Уфимцевой, «константность восприятия на уровне культуры как системы сознания, связанной с определенным этносом, обеспечивается именно культурными стереотипами сознания, т.е. парадигмами образов сознания, которые понимаются как способы восприятия и которые накапливаются в виде репертуара структурированных контекстов (схем, фреймов)» (Ufimtseva, 2011: 99). Из этого следует, что «репрезентация пространства – «это объективированный пространственный порядок, закрепившийся в ходе социальных практик человека в виде пространственных номинаций, композиций, отдельных объектов или их частей; потенциальная площадка социального взаимодействия. Данный порядок тесно связан с системой культурных символов и кодов» (Piicheva, 2024: 29).

В данной статье речь пойдет об образах двух городов в восприятии их жителей. Города как фиксированные территориальные локусы «аккумулируют большую часть населения и выступают двигателями современного общества» (Golomodova, 2024: 59). По словам Кевина Линча, «подобно произведению архитектуры, город представляет собой конструкцию в пространстве, но гигантского масштаба, нечто такое, что можно воспринять только за продолжительное время <...> подвижные элементы в городе и особенно люди и их деятельность столь же существенны, как и неподвижные материальные части» (Lynch, 1964: 15). Городское пространство «можно рассматривать в категории текстов, которые строятся по-новому в каждую эпоху их жителями и гостями» (Poplavskaja, 2019: 217).

Китайские исследователи, опираясь на концепции М. Хайдеггера, А. Лефевра и П. Бурдьё, рассматривают городское культурное пространство как «агломерацию, высокоинтегрированную и сложную, с тенденцией к виртуализации» (王长松, 2023), как «носителя городского духа и городского содержания» (郭丽红, 荣鑫, & 郭鑫, 2024: 143).

Многие исследователи говорят о том, что «освоение мира предполагает его одновременное осмысление» (Ufimtseva, 2029: 8): «человек не только дает имена наполняющим его предметам, но и включает их в личную сферу – наделяет смыслом. Названия предметов, явлений и ситуаций превращаются в символы, образы и знаки» (Arutiunova, 2000: 108).

С течением времени имена собственные наполняются определенными ассоциациями. Как справедливо отмечает по этому поводу В. А. Колосов, «скромный поселок Ясная Поляна и довольно крупный по западноевропейским масштабам город Зальцбург сразу вызывают в памяти имена великих людей, жизнь которых была тесно связана с этими местами – Толстого и Моцарта...<...>... Пространство и его образы создаются культурой, которая их осознает, живет ими и в них» (Kolosov, 2008: 76).

Научное представление об образе города в сознании его жителей может быть получено путем экспериментальных методик, поскольку «содержание этих знаний отражено в обыденном сознании носителя языка/культуры и в определенной степени поддается изучению (и рефлексии) через свои вербальные репрезентации» (Baliasnikova, Ufimtseva, Cherkasova, Chulkina, 2018: 231). По словам Н. В. Уфимцевой, «как и какие формы та или иная культура накладывает на восприятие окружающей действительности, помогают понять результаты массовых ассоциативных экспериментов» (Ufimtseva, 2011: 208).

Целью данной статьи является сравнительно-сопоставительный анализ образов городов ХЭФЭЙ / БРЕСТ как фрагментов языкового сознания носителей китайской и белорусской лингвокультур.

Задачи исследования: 1) смоделировать ассоциативно-вербальную сеть 合肥 (ХЭФЭЙ) / БРЕСТ по результатам ассоциативного эксперимента; 2) описать объем и структуру ассоциативно-вербальной сети с выделением ядерной и периферийной зон; 3) провести тематическое зонирование полученных ассоциатов; 4) на основе тематического зонирования выделить и описать когнитивные слои в образах городов Хэфэй и Брест.

Методология и материал исследования

Эмпирический этап исследования осуществлялся в сентябре 2024 года, респондентами выступили студенты и магистранты Аньхойского университета и Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина. Общее количество респондентов составило 200 человек (по 100 носителей каждой лингвокультуры). Средний возраст участников эксперимента – около 20 лет, опрос проводился в городах Хэфэй и Брест на базе двух университетских площадок.

Анкетирование участников эксперимента проводилось в письменной форме в ограниченном временном режиме. Ассоциативные поля сформированы по резуль-

татам свободного ассоциативного эксперимента, реализованного одновременно в Китайской Народной Республике и Республике Беларусь, и представляют достаточно объемный и достоверный материал для работы.

Методология сбора данных предполагала использование как количественных, так и качественных методов. Обработка и интерпретация данных проводилась посредством моделирования ассоциативных полей с выделением ядра и периферии, выявления ассоциативно-тематических групп в ответах респондентов, на основании ранжирования которых были выделены когнитивные слои в образах двух городов.

Выбор городов Хэфэй и Брест обусловлен рядом факторов. Во-первых, данное исследование проводится на основе разработанной методики по изучению ассоциативного профиля Брестского региона (в рамках выполнения диссертационного исследования «Коммуникативное пространство Брестчины» на кафедре речеведения и теории коммуникации Минского государственного лингвистического университета). Разработанный алгоритм анализа и результаты серии проведенных ассоциативных экспериментов среди представителей разных возрастных групп и сфер деятельности представлены в цикле публикаций¹.

С целью верификации эффективности разработанного метода и применения его на материале другой лингвокультуры выбрана провинция Аньхой как побратим Брестской области. Кроме того, в ноябре 2023 г. председатель Брестского горисполкома Сергей Лободинский и мэр Хэфэя Ло Юньфэн подписали соглашение об установлении побратимских отношений меж-

ду городами Брест и Хэфэй. Современный мегаполис Хэфэй, расположенный между реками Янцзы и Хуайхэ на берегу озера Чаоху в центре провинции Аньхой, – это ее административный, научно-технический и образовательный центр. Брест имеет такое же значение для Брестской области. Во-вторых, психолингвистические исследования образов городов, принадлежащих к разным лингвокультурам, имеют немаловажное значение для разработки проблем региональной идентичности.

Обсуждение

Теоретической базой исследования послужили работы российских, белорусских и китайских ученых в области ассоциативной лингвистики и языкового сознания (Л. О. Бутаковой, А. А. Залевской, А. П. Клименко, Н. И. Кургановой, И. А. Стернина, Е. Ф. Тарасова, Н. В. Уфимцевой, Вэнь Сюя, Вэй Сяо, Лю Лифэнь и др.). В определении исходных теоретических понятий исследования мы следуем за Тверской психолингвистической научной школой, Московской психолингвистической школой, Воронежской психолингвистической школой.

Обращение к методам ассоциативной лингвистики, безусловно, «открывает новые горизонты, расширяет возможности внутриязыкового и сопоставительного анализа языков, обогащает методы контрастивных исследований, предметом которых становятся определенные национальные особенности восприятия близких, непосредственных факторов, как окружающая среда, социум, в которых индивидуум существует, так и абстрагирующих факторов общей картины мира и позиции, занимаемой в нем как личностно, так и коллективно» (Sanches Puig, 2021: 3030).

Как справедливо указывает Н. И. Курганова, «признание слова в качестве главного средства доступа к информационной базе человека выводит ассоциативный эксперимент в ранг ведущего и надежного способа объективации содержания ментальных репрезентаций» (Kurganova, 2019:26). По мнению китайских исследователей, «ассоциативное значение, представляющее собой

¹ Ильичева И.Л. К вопросу об ассоциативном образе региона // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2024. Т. 39. Вып. 1. С. 78–86; Ильичева И.Л. Образ Брестской области по материалам ассоциативного эксперимента (моделирование и интерпретация) // Известия СПбГУ. 2023. № 6 (144). Ч. 1. С. 12–19; Ильичева И.Л. Образ региона в общественном сознании (на примере Брестской области) // Известия СПбГУ. 2023. № 6 (144). Ч. 2. С. 199–206.

основу внутренней структуры, глубинные модели, связи и отношения которой складываются у носителя определенного языка через мышление и речь» (Vèi Siao, Liu Lifèn, 2022: 555). Получаемое в результате эксперимента ассоциативное поле – «это модель, представляющая реальное сознание в процессе коммуникации» (Burnaeva, 2011: 54).

В ходе проведения ассоциативного эксперимента респондентам было предложено письменно заполнить анкету, содержащую следующую инструкцию: Напишите любые слова, словосочетания, предложения, которые ассоциируются у вас со словами «Хэфэй» / «Брест».

После завершения обработки полученных ассоциативных реакций на словостимулы «合肥 / ХЭФЭЙ» и «Брест» была произведена процедура полевой стратификации; десять наиболее частотных реакций выделены в ядерную зону, к дальней периферии относятся ассоциативные реакции с показателем частотности 3 и 2, крайняя периферия представлена единичными случаями. Следует отметить, что «полевая стратификация содержания семантики языковых единиц отражает качественные характеристики семантических компонентов – их важность, яркость, существенность для языкового сознания носителя языка» (Pорова, Sternin, 2007: 127). Ассоциативные поля приобрели следующий вид.

АССОЦИАТИВНОЕ ПОЛЕ «合肥 / ХЭФЭЙ» – 691 реакция

1. Ядро (304 ассоциата): 中国科学技术大学 / Китайский университет науки и технологий (58); 安徽大学 / Аньхойский университет (53); 科技 / технологии (38); 省会 / столица провинции Аньхой (37); 创新 / инновации (35); 大蜀山(蜀山) / Гора Дашушань (Шушань) (32); 卡旺卡 / Каванка (21); 天鹅湖 / Озеро Тяньэху (15); 合肥南站 / Южный железнодорожный вокзал Хэфэй (15).

2. Ближняя периферия (207 ассоциатов) 老母鸡 / старая курица (14), 繁荣 / процветание (14), 新一线城市 / новый город первого уровня (14), 发展 / развитие (14), 翡翠湖 / озеро Фэйцуйху (13), 美丽 / красота (13), 大湖名城 / знаменитый город

на Великом озере (11), 交通便捷 / удобная транспортная развязка (11), 詹记 / Чжаньцзи (10), 科技新城 / новый город науки и технологий (10), 老乡鸡 / Лаосянцзи (10), 大城市 / большой город (9), 庐州 / Лучжоу (9), 旅游 / туризм (8), 便捷的地铁 / удобное метро (8), 《男生女生向前冲》 / парни и девушки рвутся вперед! (5), 湖 / озера (5), 文明 / цивилизация (5) 淮河路 / улица Хуайхэлу (4), 公园 / парк (4), “两个胖子” / «Два толстяка» (4), 臭鳊鱼 / вонючий окунь (4), 无聊 / скучно (4), 逍遥津 / Сяояоцзинь (4).

3. Дальняя периферия (105 ассоциатов) 风险投资 / венчурный капитал (3), 高房价 / высокие цены на жилье (3), 食物 / еда (3), 美丽的 / красивый (3), 新能源 / новая энергия (3), 便捷 / удобство (3), 大学 / университеты (3), 肥东 / Фэйдун (3), 上学 / ходить на учебу (3), 包公祠/ храм Баогунцы (3), 合肥话 / Хэфэйский диалект (3), 人文关怀 / забота о горожанах (3), 离家很远 / далеко от дома (3), 就业 / занятость (3), 年轻、活力、开放 / молодые и энергичные, открытые (3), 非旅游城市 / нетуристический город (3), 昂贵的出租车 / дорогое такси (3), 官亭路 / улица Гуаньтинлу (3), 本科 / бакалавриат (3), 巴莉甜甜 / Балитянтянь (3), 大剧院 / Театр Дацзюйюань (3), 家电 / бытовая техника (3), 第二故乡 / второй родной город (3), 铁路 / железная дорога (3), 演唱会 / концерты (3), 墨街 / торговый комплекс Лэйцзе (2), 非常热 / очень жарко (2), 产业 / промышленность (2), 工作 / работа (2), 合肥一中 / средняя школа № 1 города Хэфэй (2), 许嵩 / Сюй Сун (певец) (2), 商场 / торговые центры (2), 马路 / улицы (2), 肥西 / Фэйси (2), 购物 / шопинг (2), 经济 / экономика (2), 贫瘠之地 / бесплодная земля (2), 未来 / будущее (2), “五岳归来不看山, 黄山归来不看岳” / когда возвращаешься с горы Хуаншань, то пять священных гор уже не представляют из себя ничего особенного (2), 尾气 / выхлопные газы (2).

4. Крайняя периферия (75 ассоциатов) 科技产业打工人 / работники науки и техники (1), 国购广场 / Торговый центр Гогоугуанчжан (1), 宜居的 / пригодный для жизни (1), 整齐 / аккуратность (1), 气候异常 / аномальный климат (1), 徽菜 / Аньхойская кухня (1), 安徽博物馆 / Музей Аньхой (1), 安徽农业大学 / Аньхойский сельскохозяй-

зяйственный университет (1), 机场 / аэропорт (1), 包拯 / Бао Чжэн (1), 包子 / манты (по-китайски) (1), 富裕的 / богатый (1), 文化博大精深 / богатая культура (1), 人流量大 / большой поток людей (1), 文化教育迅速发展 / быстрое развитие культуры и образования (1), 经济近年来快速发展 / быстрое экономическое развитие в последние годы (1), 万达 / Ванда (1), 法治 / управление на основе законов (1), 晚高峰堵车 / вечерние пробки в час пик (1), 别墅 / дома (1), 湿润 / влажно (1), 记忆 / воспоминание (1), 巢湖 / озеро Чаоху (1), 回不到的过去 / время, которое невозможно вернуть (1), 高层建筑 / высотные здания (1), 和谐友善 / гармоничный и дружелюбный (1), 和谐 / гармония (1), 城市建设 / городское строительство (1), 小摊 / выездные лавки (1), 良好的城市规划 / грамотное городское планирование (1), 脏的 / грязный (1), 两所211大学 / два университета "проекта 211" (1), 无所事事 / нечего делать (1), 悠久的历史 / длинная история (1), 雨 / дождь (1), 家 / дом (1), 食物不好吃 / еда невкусная (1), 房地产 / недвижимость (1), 小吃街 / улица закусочных (1), 西七里塘 / Сицилитан (название места) (1), 很多有钱人 / здесь много богатых людей (1), 绿色 / зеленый (1), 南京 / Нанкин (1), 人造太阳 / искусственное солнце (1), 历史 / история (1), 量子科技 / квантовая наука и технологии (1), 量子通信 / квантовая связь (1), 环境优美 / красивая окружающая среда (1), 风景优美 / красивые пейзажи (1), 安徽省的大城市 / крупнейший город Аньхоя (1), 鸡汤 / куриный суп (1), 家乡的老母鸡 / курица из родного города (1), 李鸿章 / Ли Хунчжан (1), 骆岗公园 / парк Луоган (1), 美食很少 / мало вкусной еды (1), 年轻有活力 / молодые и энергичные (1), 万象城 / Торговый центр Ваньсянчжэн (1), 包公祠 / Храм Бао Гун (1), 希望 / надежда (1), 自信的 / напористый (1), 交通拥堵 / с пробками (1), 科技人才聚集 / сбор талантов в области науки и техники (1), 服务 / сервис (1), 之心城 / Торговый центр Чжисиньчэн (1), 科大讯飞 / компания iFlytek (1), 硅谷 / силиконовая долина (1), 室友 / сосед по комнате (1), 开福寺 / храм Кайфу (1), 十里庙 / Шилимяо (1), 火社 / ресторан Хуошэ (1), 电商 / электронная коммерция (1), 南方 / юг (1), 我还不成熟 / я еще недостаточно взрослый (1), 我爱饭米粒 / я люблю рис

(1), 我在这里度过了大学生生活 / я провел здесь свою студенческую жизнь (1).

АССОЦИАТИВНОЕ ПОЛЕ «БРЕСТ» – 703 реакции

1. Ядро (245 ассоциатов) Брестская крепость (53); университет (39); улица Советская (37); фонарщик (19); родина (18); город-герой (18); красота (18); чистота (16); уют (15); природа (12);

2. Ближняя периферия (320 ассоциатов): будущее (11), памятник Тысячелетия Бреста (11), колесо обозрения (11), семья (11), дом (11), множество кафе (11), туристы (11), Набережная (10), чистые улицы (10), красивые места (10), историческое прошлое (10), река Мухавец (10), достопримечательности (10), интересные мероприятия (10), зеленый (9), ОАО «Савушкин продукт» (7), граница (7), парк 1 Мая (7), детство (7), ВОВ (7), брестский ж/д вокзал (7), безопасность (7), веселье (7), возможности (7), театр (7), тепло (7), счастье (7) приветливые люди (7), доброта людей (6), общительные люди (6), отзывчивые люди (6), молодежный (6), цветы (6), березы (6), музыка (6) общежитие (6), жизнь (5), радость (5), эмоции (5), комфорт (5), комфортный (5)

3. Дальняя периферия (88 ассоциатов) река Буг (3), гандбол (3), любимый (3), яркий (3), любовь (3), дружелюбие (3), гостеприимство (3), ЦУМ (3), ОАО «Брестский мясокомбинат» (3), Беловежская пуша (3), автовокзал (3), гордость (3), друзья (3), кинотеатр «Беларусь» (3), кинотеатр «Мир» (3), хорошо (3), уникальность (3), умиротворенность (3), тишина (3), спокойный (3), спокойно (3), удивительный (3), солнечный (3), спокойствие (3), Польша рядом (3), западная часть Беларуси (3), Европа (3), Белое озеро (3); Брестский театр (2), фестиваль «Белая Вежа» (2);

4. Крайняя периферия (50 ассоциатов) ухоженность (1), доброжелательность (1), Лучше Бреста нету места! (1), превосходная атмосфера (1); Зимний сад (1), музей железной дороги в г. Бресте (1), Парк воинов-интернационалистов (1); мясомолочное производство (1), ОАО «Гефест» (1), брестский трикотаж (1); пробки (1), поезда (1); мо-

лодежь (1), изменчивость (1), близкие люди (1); Брестский кукольный театр (1), лучшее место на свете (1), лук и стрелы (1), позитив (1), поразительно (1), потрясающе (1), почетность (1), прогресс (1), процветающий (1), развитая инфраструктура (1), разнообразие (1), разноцветный (1), результативность (1), движение (1), стиль (1), смех (1), спорт (1), совершенствование (1), 9-мая (1), Беларусь (1), бесподобно (1), веселиться (1), вкусная еда (1), голуби на Набережной (1), гонщики на Московской (1), грациозный (1), густонаселенный (1), переполненные троллейбусы (1), качество (1), красочный (1), мы (1), монумент «Жажда» (1), победа (1), ощущение счастья (1), фонтан (1).

На втором этапе исследования произведен анализ на основе формализованных индексов, разработанных представителями Воронежской психолингвистической школы. По словам М. А. Стерниной, «сопоставительно-параметрический метод изначально был предназначен для формализации выявления национальной специфики семантики. По мере развития сопоставительно-параметрического метода определились его возможности как для выявления национальной специфики в сопоставительных и контрастивных исследованиях» (Sternina, 2014: 9).

По аналогии в данном исследовании мы предлагаем ввести еще один формализованный индекс: индекс вариативности периферийных элементов – отношение коли-

чества единичных ассоциативных реакций, образующих крайнюю периферию, к общему количеству полученных ассоциативных реакций. Полученные результаты представлены в табл. 1.

Как мы видим, при равном количестве участников ассоциативного эксперимента общее число реакций значительно отличается, как и число разных реакций и реакций единичных. Проведенное сравнение отдельных зон двух ассоциативных полей с учетом различных индексов показало следующее. Индекс плотности ядра китайского ассоциативного поля составляет 43,9 %, что существенно превышает индекс плотности ядра белорусского ассоциативного поля (34,8 %). Индекс вариативности периферийных элементов китайского ассоциативного поля (0,11 %) также выше, чем в белорусском ассоциативном поле (0,07 %). Оба индекса демонстрируют когнитивную яркость стереотипности и вариативности восприятия территории; более высокий показатель индекса плотности ядра свидетельствует о наличии более устойчивых ассоциативных связей с описываемым территориальным локусом.

Далее перейдем непосредственно к анализу ядерных зон двух ассоциативных полей. Образы сознания – результат воздействия объективного мира на сознание человека, который объективируется при помощи языковых средств. Поэтому все полученные ассоциативные реакции

Таблица 1. Сопоставительно-параметрические данные ассоциативных полей «合肥/ХЭФЭЙ» и «БРЕСТ»

Table 1. Comparative and Parametric Data of Associative Fields «合肥/ХЭФЭЙ» и «БРЕСТ»

	Ассоциативное поле «合肥 / ХЭФЭЙ»	Ассоциативное поле «БРЕСТ»
Число анкет	100	100
Общее количество реакций	691	703
Количество ядерных реакций	304	245
Количество повторяющихся реакций	616	653
Количество единичных реакций	75	50
Индекс плотности ядра	43,9	34,8
Индекс вариативности крайней периферии	0,11	0,07

мы рассматривали как языковые проекции когнитивных признаков, формирующих целостный образ города в сознании студенческой молодежи.

Первое, что фиксируется при поверхностном взгляде для двух ядерных зон, – тематическая вариативность.

Образ города для китайской студенческой молодежи связан прежде всего с образовательными площадками: ассоциативные реакции *Китайский университет науки и технологий* и *Аньхойский университет* составляют более одной трети всех ядерных элементов (111 ассоциата, 36 %). Вторую позицию по критерию частотности занимают ассоциативные реакции *технологии* и *инновации* (73 ассоциата, 24 %). Такие высокие показатели вполне очевидны. Современная китайская молодежь – это поколение, которое выросло в эпоху стремительных глобализационных перемен. Быстрые экономические темпы развития Китая обуславливают конкуренцию не только на рынке труда, но и в области получения образования в престижных университетах. Поэтому для многих молодых китайцев вопросы получения престижного образования и места работы в технологических компаниях входят в число приоритетных.

Следующие по частотности ассоциативные реакции – *Гора Дашу*, *Озеро Тяньэху*, *Шушань* (более 10 % ядерных ассоциатов) – не менее интересные. Все они связаны с природно-ландшафтным пространством города Хэфэй. Гора Дашу известна своими густыми лесами, богатой флорой и фауной, а также живописными природными пейзажами. На горе проложено несколько туристических троп, с которых открывается красивый вид на горные пейзажи и панораму города Хэфэй. Озеро Тяньэху (рис. 1) является одним из самых популярных мест для отдыха и туризма, отличается красивой формой и живописными окрестностями, окружено большими зелёными зонами и современными городскими постройками.

Часто упоминаемая китайскими респондентами *Come Wonka /卡旺卡* (рис. 2) представляет собой известный бренд молочного чая (бабл-ти) из провинции Аньхой, основанный в 2008 году. Бренд завоевал популярность среди молодежи благодаря разнообразию напитков, высокому качеству ингредиентов и уникальному вкусу.

Список ядерных китайских реакций закрывает ассоциат *Южный железнодорожный вокзал Хэфэй*, который, вероятно,

Рис. 1. Озеро Тяньэху

Fig. 1. Lake Tianehu

Рис. 2. Бренд Come Wonka /卡旺卡

Fig. 2. Come Wonka brand /卡旺卡

ассоциируется как с новыми технологиями, так и личным опытом передвижения респондентов, в частности из родительских домов (расположенных в различных городах провинции Аньхой и других провинций) в кампус Аньхойского университета.

В белорусской выборке первое место по количественному показателю занимает ассоциативная реакция *Брестская крепость* (53 ядерных элемента, 22 %). Данная реакция (рис. 3) является вполне ожидаемой, поскольку не только для жителей Брестчины, но и для всех белорусов Брестская

крепость – символ героизма и мужества. 22 июня 1941 года здесь началась Великая Отечественная война советского народа против немецко-фашистских захватчиков. Эта реакция свидетельствует о том, что Брест в сознании молодежи предстает в историческом контексте, в связи с героическим прошлым Брестчины. Элемент ядерной зоны *город-герой* (18 реакций) маркирует мужество и отвагу защитников Брестской крепости.

Практически одинаковое количество получают ассоциативные реакции *университет* (39, 15,9 %) и *улица Советская* (37,

Рис. 3. Брестская крепость

Fig. 3. Brest Fortress

15,1 %). Улица Советская является главной пешеходной улицей города Бреста, которую неофициально называют «Брестский Арбат». Для студенческой молодежи это популярное место для встреч и прогулок, музыкальных вечеров и тусовок.

Достаточно частотные реакции *родина* (18); *красота* (18); *чистота* (16); *уют* (15); *природа* (12) показывают, что в сознании белорусских респондентов Брест воспринимается как благоустроенный и ухоженный, обладающий природной уникальностью, родной город. Следует отметить, что в современных устных рассказах о роде, «родительском доме», зафиксированных на Брестчине, пространство (в частности, дома) трактуется как социальная категория, дом воспринимается и в пространственно-временных измерениях, и в его символическом значении, и имеет личностный смысл для нарраторов (Shved, 2023).

Яркой реакцией в содержании белорусского ядра является ассоциативная реакция *фонаричик* (19, 7,7 %). По этой реакции, как и по китайской реакции *Каванка*, можно судить, как меняется с течением времени восприятие города в сознании его жителей, наполняясь новыми ассоциативными параллелями. Традицию зажигать фонари (рис. 4) на одной из центральных улиц города Бреста возродили относительно недавно, накануне празднования 990-летия города в 2009 году. За столь непродолжительный период старинный ритуал петровских времен превратился в визитную карточку Бреста, а образ фонарщика укоренился в сознании жителей региона.

Таким образом, становится вполне очевидным, что в сознании белорусской и китайской студенческой молодежи образы городов являются тематически разноречивыми.

Картина мира респондентов – это не только рациональность, но и яркая палитра эмоций, выраженных вербально или поведенчески относительно происходящего. Анализ показывает, что между ядром и периферийными слоями просле-

живается тесная связь, при которой значительное количество периферических элементов продолжают «ассоциативные линии», заложенные в ядерном слое. Приведем ряд примеров. Так, ядерная реакция *природа* получает дополнительные характеристики посредством периферийных элементов. Данные реакции в значительной степени детализируют указанный элемент ядерной зоны: *красивые места, цветы, березы, река Буг, Беловежская пуща, Белое озеро, река Мухавец*. Зрительные впечатления студенческой молодежи объективируются посредством прилагательных: *разноцветный, зеленый, красочный*. На эмоционально-оценочном уровне ядерные ассоциаты подтверждаются периферийными единицами: *лучшее место на свете, ощущение счастья, радость, солнечный, удивительный, уникальность, умиротворенность, спокойствие*.

В китайской выборке ассоциативные реакции *быстрое экономическое развитие в последние годы, парни и девушки рвутся вперед!* также способствуют семантической детализации ядерных ассоциатов: *технологии, инновации*. Упоминаемая респондентами реакция *парни и девушки рвутся вперед!* отсылает к одноименной телепередаче 《男生女生向前冲/ «Парни

Рис. 4. Брестский фонарщик
Fig. 4. The Brest Lantern-Bearer

и девушки, вперёд!» – это популярное развлекательное шоу на китайском телеканале Anhui TV (安徽卫视). Формат шоу представляет собой полосу препятствий, где соревнуются обычные люди разных возрастов и профессий. Основная цель программы – не только развлечение, но и демонстрация духа упорства, настойчивости и командной работы. Шоу заряжает позитивом, учит не сдаваться перед трудностями и продолжать двигаться вперёд. Анализ свидетельствует о том, что «жизненный мир» респондентов – это мир не только рациональности, но и мир чувственных и эмоциональных оценок, выраженных в вербальном и/или поведенческом отношении к происходящей действительности.

Общим для представителей белорусской и китайской лингвокультур является своего рода символическое восприятие города. В белорусской выборке фиксируется ассоциативная реакция *лук и стрелы*, которая явно отсылает нас к изображению герба города Бреста (рис. 5).

Ассоциативная реакция *два толстяка* является неофициальным названием города Хэфэй. По всей видимости, появление неофициального (речевого) топонима в сознании китайских респондентов обусловлено специфической графической репрезентацией написания названия города Хэфэй 合肥. Если рассматривать сепаративную семантику каждого знака (иероглифа), то первый знак обозначает 合 вместе / совместно, а второй – 肥 толстый.

Рис. 5. Герб Бреста
Fig. 5. Coat of Arms of Brest

На заключительном этапе исследования все полученные ассоциативные реакции, включая единичные, были разделены на 9 (китайская выборка) и 10 (белорусская выборка) с учетом тематической направленности. Результаты представлены на рис. 6 и 7.

Количественный анализ эмпирического материала эксплицирует наличие девяти совпадающих тематических групп: 1) природно-географические особенности; 2) экономика; 3) население; 4) туризм; 5) отдых и развлечения; 6) история и культура; 7) образование; 8) личное отношение; 9) транспорт. Мы полагаем, что перечисленные тематические группы можно трактовать как когнитивные слои, формирующие целостный образ территории (городов Брест и Хэфэй).

Выводы

На основе результатов осуществленного нами ассоциативного эксперимента с заданными словами-стимулами мы пришли к следующим выводам.

В сознании студенческой молодежи двух стран образы городов Хэфэй и Брест, несомненно, сформированы как позитивные и четко ассоциируются сквозь призму личностного восприятия респондентов. Количество и тематическая вариативность ядерных реакций в двух выборках свидетельствует о достаточно плотной ядерной зоне. Выделенные тематические векторы можно трактовать как когнитивные слои, образующие каркас моделей восприятия городов. В сознании китайских студентов присутствует ориентир на будущее, в то время как белорусские студенты рассматривают локус с позиции «здесь и сейчас». Для китайских респондентов город Хэфэй – экономически развитый с уникальным по биоразнообразию мегаполис. Для опрошенных белорусских студентов Брест – это город с историко-культурным потенциалом.

Ассоциативные реакции периферийной зоны, органично дополняя ядреную часть ассоциативных полей, привносят детализированные элементы к общему образу. Представленный в статье анализ двух вербально-

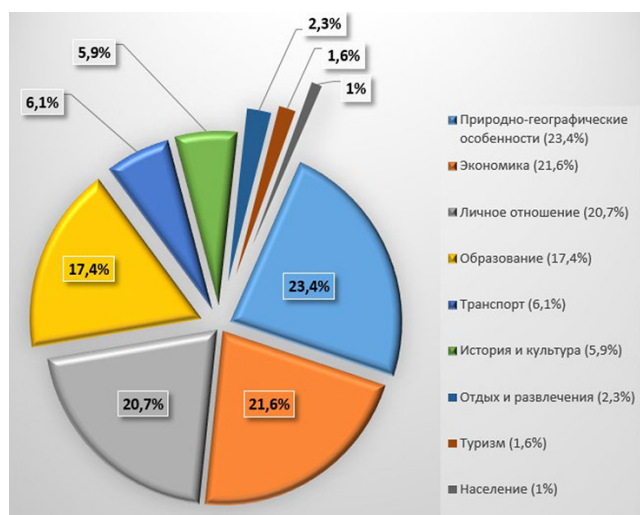

Рис. 6. Тематическое ранжирование ассоциативного поля «合肥 / ХЭФЭЙ»
Fig. 6. Thematic Ranking of the Associative Field «合肥 / ХЭФЭЙ»

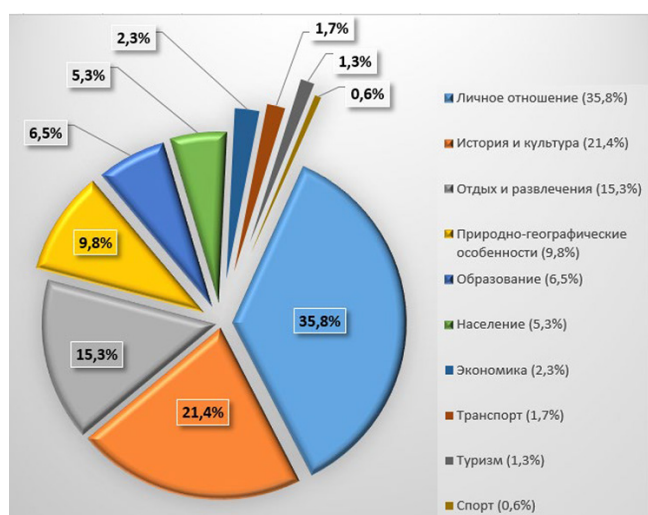

Рис. 7. Тематическое ранжирование ассоциативного поля «БРЕСТ»
Fig. 7. Thematic Ranking of the Associative Field «БРЕСТ»

ассоциативных сетей может послужить в области ассоциативной лингвистики, так основой для дальнейших изысканий, как и в области межкультурной коммуникации.

Список литературы / References

- Arutiunova N. D. *Logicheskiĭ analiz iazyka: Iazyki prostranstva [Logical analysis of language: Languages of space]*. Moscow, Iazyki russkoj kul'tury, 2000, 448.
- Baliasnikova O. V., Ufimtseva N. V., Cherkasova G. A., Chulkina N. L. Iazykovoe soznanie: regional'nyi aspekt [Language consciousness: regional aspect]. In: *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Lingvistika [Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Linguistics]*, 2018, 22 (2), 232–250.

- Burnaeva K. A., Assotsiativnoe pole kak sposob modelirovaniia fragmenta iazykovogo soznaniia [Associative field as a way of modeling a fragment of linguistic consciousness]. In: *Lingua mobilis [Lingua mobilis]*, 2011, 6 (32), S.51–58
- Ermolina L. A. Chelovek v prostranstve i vremeni kak v kul'turno-smyslovom pole [Man in space and time as in a cultural and semantic field]. In: *Vestnik Viatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta [Bulletin of the Vyatka State Humanitarian University]*, 2015. 12. 19–22.
- Golomidova M. V. Severnaia «mozaika»: territorial'naia identichnost' v toponimii severnykh gorodov Ural'skogo federal'nogo okruga [Northern «Mosaic»: Territorial Identity in Toponyms of Northern Cities in Ural Federal District]. In: *Nauchnyi dialog [Scientific dialogue]*, 2024, 13 (9), 56–71.-
- Il'icheva I. L. Prostranstvo kak kliuchevaia kategoriiia v sovremennom sotsial'no-gumanitarnom znanii [Space as a key category in modern social and humanitarian knowledge]. In: *Vestnik Brestskogo universiteta [Bulletin of Brest University]*, 2024, 3 (1), 24–32.
7. Kolosov V. A. Geograficheskie obrazy i geopoliticheskie predstavleniia: puti formirovaniia i podkhody k izucheniiu [Geographical images and geopolitical ideas: ways of formation and approaches to study]. In: *Vestnik Dal'nevostochnoi gosudarstvennoi sotsial'no-gumanitarnoi akademii [Bulletin of the Far Eastern State Social and Humanitarian Academy]*, 2008. 1 (1). 72–91.
- Kurganova N. I. Assotsiativnyi eksperiment kak metod issledovaniia zhivogo slova [Associative experiment as a method of studying the living word]. In: *Voprosy psikholingvistiki [Journal of Psycholinguistics]*, 2019, 3 (41), 24–37
- Lynch K. *The Image of the City*, MIT. Press, 1964, 202.
- Pankova, S. I. U. Prostranstvo i vremia v etnicheskoï kartine mira [Space and time in the ethnic picture of the world]. Iuzhno-Sakhalinsk, Izdatel'stvo SakhGU, 2012. 236.
- Poplavskaia T. V. Kommunikativnoe prostranstvo Belarusi [Communicative space of Belarus]. Minsk, 2021. 148.
- Poplavskaia T. V. Polikul'turnaia identichnost' v kontekste gorodskogo peizazha [Multicultural identity in the context of the urban landscape]. In: *Rusistika [Russian Language Studies]*, 2019, 17 (2), 213–228.
- Povalko P. I. U. Prostranstvo i vremia kak kategoriii khudozhestvennogo teksta [Space and time as categories of artistic text]. In: *Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Serii: Teoriia iazyka. Semiotika. Semantika [RUDN journal of language studies, semiotics and semantics]*, 2016, 3, 106–112.
- Sanches Sanches Puig M. RODINA-PATRIA v sisteme assotsiativnykh setei russkogo i ispanskogo iazykov [РОДИНА-PATRIA in Russian and Spanish Verbal Associative Networks]. In: *Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Serii: Teoriia iazyka. Semiotika. Semantika [RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics]*, 2021. 12 (2). 302–315.
- Popova Z. D., Sternin I. A. *Semantiko-kognitivnyi analiz iazyka [Semantic-cognitive analysis of language]*, Voronezh, Istoki, 2007, 250.
- Shaverdo T. M. Prostranstvenno-vremennye koordinaty sotsiuma: vremia «dostupnoe» i «nedostupnoe» [Spatio-temporal coordinates of society: «accessible» and «inaccessible» time]. In: *Izvestiia Natsional'noi akademii nauk Belarusi. Seriiia gumanitarnykh nauk [News of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Sciences Series]*, 2020, 65 (3). 278–285
- Shved I. A. Da pytannia paetyki prastory: semantizatsiia vostoika v belorusskom fol'klore [To the question of poetics of space: semantization of the East in Belarusian folklore]. In: *Naukovii visnik Skhidnoevropeiskogo natsional'nogo universitetu im. Lesi Ukraïni [Scientific Newsletter of the Similar European National University. Forests of Ukraine]*, 2015, 9(310), 200–205.
- Shved I. A. «Kazhdy po sobi? – ne!»: o rodstvennykh svyaziakh, dome, prostranstvennom mire v sovremennykh semeïnykh rasskazakh zhitel'nits Brestchiny [«Each according to his own? – no!»: about family ties, home, spatial world in modern family stories of Brest region residents]. In: *Brestchina skvoz' veka k sovremennosti [Brest region through the centuries to the present]*, Brest, BrGTU, 2023, 1, 212–227.
- Sternina M. A. Sopostavitel'no-parametricheskii metod lingvisticheskikh issledovaniï [Comparative-parametric method of linguistic research]. Voronezh, Istoki, 2014. 114.

Ufimtseva N. V., Baliasnikova O. V. Iazykovaia kartina mira i assotsiativnaia leksikografia [Language picture of the world and associative lexicography]. In: *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Serii 2, Iazykoznanie* [Bulletin of Volgograd State University. Series 2, Linguistics], 2019, 18 (1), 6–22.

Ufimtseva N. V. Iazykovoe soznanie: dinamika i variativnost' [Linguistic consciousness: dynamics and variability]. Moscow, Institut iazykoznanii RAN, 2011. 252.

Ufimtseva N. V. Obraz mira russkikh: sistemnost' i sodержanie [The image of the Russian world: systematicity and content]. In: *Iazyk i kul'tura* [Language and Culture]. 2009, 4 (8), 98–111.

Věi Siao, Liu Lifēn, U Pěikhua Psikholingvisticheskoe opisanie assotsiativnogo polia MEDITSINA v iazykovom soznanii nositelei russkogo i kitaiskogo iazykov [Psycholinguistic description of the associative field MEDICINE in the linguistic consciousness of native speakers of Russian and Chinese]. In: *Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Serii: Teoriia iazyka. Semiotika. Semantika* [RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics], 2022, 13 (2), 554–566. 6

Zabrodina G. D., Voloshinov F. V. Prostranstvennaia simvolika kak arkhетipicheskoe osnovanie kul'turnogo landshafta [Spatial symbolism as an archetypal basis of the cultural landscape]. In: *Obshchestvo-sreda-razvitie* [Society-Environment-Development], 2016, 1, 111–115.

Van Chansun, Koncepciya, issledovatel'skaya paradigma i praktika gorodskogo kul'turnogo prostranstva [Concept, Research Paradigm and Practice of Urban Cultural Space]. In *Ocenka social'nykh nauk Kitaya* [China Social Science Assessment], 2023, 2, 85–94.

Yue Cyuj Prostranstvennyj obraz kak nositel' geokul'turnoj i lingvokul'turnoj informacii (na materiale obuchayushchej toponimicheskoi bazy dannykh «Moskovskaya toponimika»). [Spatial Image as a Carrier of Geocultural and Linguocultural Information (A Case Study of The Training Toponymic Database “Moscow Toponymy”). In: *Voprosy psikholingvistiki* [Journal of Psycholinguistics], 2021, 1(47), 148–159.